

А . Б Е Р Н Ш Т А М

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ
ТЮРОК
VI-VIII
ВЕКОВ

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. БЕРНШТАМ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ОРХОНО-ЕНИСЕНСКИХ ТЮРОК
VI—VIII ВЕКОВ

ВОСТОЧНО-ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И КЫРГЫЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: директор Института Востоковедения
акад. В. В. Струве

Редактор член-корр. АН СССР, проф. С. Е. Малов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа была представлена в качестве диссертации на ученую степень кандидата исторических наук.¹

Несмотря на кажущуюся ограниченность поставленной проблемы, при ее разрешении пришлось столкнуться с рядом вопросов, которые серьезно осложнили ход исследования.

Автору хотелось взять проблему, которую можно было бы разрешить в основном до конца, не ограничивая себя кругом письменных источников, ибо критика источника может быть успешней проведена при пользовании источниками не одной только группы (письменные), а различных групп, если, конечно, представляется возможность сличить показания письменных источников с данными вещественных источников и т. д.

Самое же главное затруднение представила неразработанность материала по затрагиваемой проблеме.

В самом деле, в распоряжении автора были:

1. Группа древнетюркских рунических текстов — наш основной материал, который мы исследовали и которому подчиняли все остальные группы источников.

2. Данные китайских летописей в переводах синологов, особенно И. Бичурина и St. Julien'a, давших наиболее полные переводы выдержек из китайской официальной истории «восточного дома» тюрков. Для большей достоверности мы сличали переводы, расхождение отмечая в сносках.

Вещественный материал скуден, а главное — большая часть его не опубликована. Изучение коллекций, хранящихся в Этнографическом музее в Ленинграде, полностью, по не зависящим от автора обстоятельствам, закончено быть не могло. Думается все же, что основную группу вещественных памятников исследовать удалось.

Автору представилось также необходимым предпослать исследованию довольно значительную главу, посвященную истории вопроса, где суммируются работы, связанные с исследованием древнетюркских текстов, и дается разбор исторических концепций о древнетюркском обществе. Насколько нам известно, такого рода работа выполнена впервые.

За главами «История вопроса» и «Источники» следуют главы, посвященные рассмотрению трех основных проблем, возникших в связи с поставленной темой. Характер этих проблем отражен в названиях глав: «Происхождение орхоно-енисейских тюрков», «Родовой строй», «Классы и классовая борьба».

Анализ социально-экономического строя потребовал последовательного сведения воедино по хронологической канве тех явлений, которые обнаруживаются в обществе орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. Этой

¹ А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй древнетюркского общества VI—VIII вв. н. э. Тюрки в Монголии. Тезисы кандидатской диссертации. Лгр., 1935

задаче посвящена глава «Тюркская и уйгурская династии». Глава эта имеет лишь вспомогательное значение и не представляет собой самостоятельного и оригинального исследования. Развитие проблем чисто исторического порядка читатель найдет в других работах автора.¹

В процессе работы над данной монографией автору довелось напечатать ряд статей, в которых развивались те или иные выводы настоящей работы.²

Исследование привело автора к убеждению, что сложение народа древних тюрков в районах рек Орхона и Енисея — это проблема возникновения классовых отношений у кочевников-варваров. С этой точки зрения мы и разбираем древнетюркское общество VI—VIII вв. Только на основании анализа социально-экономического строя мы можем установить и понять процессы, происходившие в среде орхон-енисейских тюрков и при сношениях последних с другими обществами. Изучение орхон-енисейского тюркского общества показывает нам, что процесс образования орхон-енисейского тюркского общества — это этап в истории кочевых народов.

В нашей постановке проблема давности и извечности тюркских народов снимается, и споры о том, упоминались ли тюрки в Авесте или нет, правдив ли Фердоуси в Шах-намэ, когда изображает борьбу Турана с Ираном как борьбу исторически верную, и т. д. и т. д., отпадают. Если имя «тюрк» существовало раньше VI—VIII вв., если тотем «волк» древнее, чем орхон-енисейские тюрки, то это не значит, что тюркская народность древнее упомянутых веков и времен.

Нашей постановкой проблемы мы попытались, не устраняя вопроса о миграциях и влияниях, снять также идеалистическую и механистическую буржуазную теорию, политически приводящую к идеологии великодержавного шовинизма, теорию Н. Толля и П. Савицкого. Механистическая теория «кочевниковедения» Н. Толля и П. Савицкого теряет под собой почву при показе действительной истории кочевников.³ «Самобытная история евразийского мира» с ярко выраженным механистическим подходом, «этнографической бифуркацией»⁴ и «теорией повторяемости событий»⁵ на общем фоне всеобъясняющего фактора географической среды стремилась создать особую науку «исследования степей»,⁶ в которой борьбой против «степелюбивой трактовки»⁷ должно было бы доказать, что весь кочевой мир с издавних времен до сегодняшнего дня имеет общую историческую судьбу с Евразией.⁸

Общность исторической судьбы Евразии подводит П. Савицкого к попытке утверждать для указанного мира «самостоятельную политико-

¹ См. наши главы в *Истории Народов СССР* (макет), ч. III—IV. Л. 1939 г.

² Таковы статьи: *Родовая структура Тугю VIII в.* ИГАИМК, № 100; *Возникновение классов и государства у тюрков VI—VIII вв. н. э.* Сборн. Ф. Энгельсу, 1936; *Разложение родового строя у кочевников Средней Азии.* Сов. этногр., № 6, 1934; *Происхождение тюрков.* Прб. ИДО, 1935, № 5—6.

В развитие отдельных проблем, выдвинутых в настоящей работе, см. статью: «Наследственность и выборность у кочевников Центральной Азии». Прб. ИДО, 1935, № 7—8.

³ Н. Толль. *Скифы и гунны.* Прага, 1928. См. там же статью П. Савицкого «О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского)».

⁴ П. Савицкий, ук. соч., стр. 97.

⁵ Там же, стр. 98.

⁶ Там же, стр. 106.

⁷ Там же, стр. 102.

⁸ Там же, стр. 101.

милитарную» роль, находить в истории кочевого мира звучание «мотивов» XIX и XX вв.¹

В работах классиков марксизма-ленинизма дан огромный материал — конкретно-исторические выводы и методические указания, которые уже дали основание иначе и по-новому подойти к изучению народов Востока. На основании теории диалектического материализма советские историки начали, с большим или меньшим успехом, заново ставить проблемы, связанные с историей кочевников. Нельзя не отметить в связи с нашей темой работы акад. Б. Владимирцова,² Н. Козьмина,³ С. Толстова,⁴ С. Киселева,⁵ Л. Потапова,⁶ С. Токарева⁷ и др.

В указанных работах ставится вопрос о существовании особой формы феодальных отношений, когда скот подобно земле становится главным условием, благодаря которому создаются формы зависимости. Это положение еще подлежит дальнейшему обсуждению и включает в себе несколько однобокую трактовку строя кочевников, ибо уже сейчас можно отметить, что, во-первых, в условиях чистого кочевничества уже фигурирует владение земельными наделами, что, в частности, неплохо доказал Н. Козьмин, а во-вторых, с ростом классового расслоения часть кочевников оседает, и создается слой полукочевого и даже оседлого населения, экономически связанного с кочующей байской верхушкой. Можно утверждать, что чистого кочевничества нет, и мы всегда найдем те или иные формы связи кочевников с оседлым миром.⁸

Заслугой советских историков является то, что они опровергают буржуазное представление о кочевниках, столь долго и настойчиво насаждавшееся буржуазной наукой. В советской исторической науке изучение кочевников — это совершенно новая проблема, которая во многом далеко еще не разрешена.

Предлагаемая работа, по существу, разбирает историю орхоно-енисейских тюрок, по времени очень небольшой этап, но имеющий огромное значение для истории наших тюркоязычных народов Средней Азии.

Период, нами изучаемый, — это период исторически прогрессивный по своему характеру, период, когда со всей остротой появляются противоречия исторической действительности. Исследовательская работа над такого рода материалом представляет большие трудности. Только после специального исследования отдельных кочевых, варварских, рабовладельческих и полуфеодальных народов: гуннов, жужаней, орхоно-енисейских тюрок, печенегов, половцев, монголов и т. д., можно будет осветить конкретно исторические причины таких вопросов мировой истории, как великое переселение народов, «татарское» нашествие и т. д.

¹ П. Савицкий, ук. соч., стр. 102.

² Общественный строй монголов (Монгольский кочевой феодализм). Изд. Акад. Наук, Лгр., 1934.

³ Ср. его статью в сб. С. Ф. Ольденбургу «Классовое лицо атысы Йоллыг Тегина, автора орхонских памятников» (Лгр., 1934) и работу «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (Москва—Иркутск, 1934).

⁴ Родовые деления туркмен (печ.); Турецкие расы и турецкие языки (печ.); Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, № 103.

⁵ Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, № 76, 1933, а также ряд его замечаний в публикациях археологического материала (см. ниже, гл. VII).

⁶ Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; его же. Очерки по истории Шории. М. — Л., 1936.

⁷ Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936.

⁸ Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XXI, стр. 488. Ср. указанное сочинение С. Толстова и наше выступление по его докладу (ИГАИМК, № 103, стр. 335—344).

Наша работа — одна из попыток исследования частных в этих больших проблемах на истории орхоно-енисейских тюрок.

Надо особо отметить, что в данной работе мы почти не останавливаемся на истории «западного дома» тюрок, имеющего огромное значение в истории тюркских народов Средней Азии. Это — тема специальной работы.

Автор считает себя обязанным с благодарностью отметить товарищескую помощь, которую ему в процессе работы оказывал чл.-корр. АН С. Е. Малов, прочитавший работу в рукописи, и тем товарищам, которые либо участвовали в обсуждении диссертации во время защиты, либо при чистке рукописи своими критическими замечаниями содействовали всяческому ее улучшению. Работа была написана в 1934—1935 г. и закончена в 1937 г. За это время вышел ряд исследований, связанных с темой настоящей работы. Особенное значение имеет добытый новый археологический материал. По мере возможности эти новые данные включались в текст. Основным же содержанием работы автор считает исследование рунических текстов.

Необходимо подчеркнуть, что марксистских монографических исследований по данной теме нет, и настоящая работа является первой попыткой решения вопроса. Как первая попытка, она, естественно, не лишена многих погрешностей, недостатков и недоговоренностей. Вместе с тем автор надеется, что, вызвав этой работой деловую критику и обсуждение данного конкретного исторического вопроса, он оправдает решение об издании своей кандидатской диссертации.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

МЕСТО ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Предпринятое нами исследование касается фактически одной, правда весьма существенной, стороны древнетюркского общества — изучения социально-экономического строя. Анализ источников показывает определенную ступень развития общественных отношений, показывает, как новое классовое общество с тенденцией к становлению феодальных институтов взрывает старые родоплеменные формы и еще не способно преодолеть в полной форме рабовладения. Такое положение создалось в результате крайне сложных переплетений исторического процесса как на территории Центральной Азии, так, с одной стороны, в Китае, с другой — в Средней Азии. Сложность общественных отношений в самой Центральной Азии была вызвана в свою очередь многочисленностью общественных образований, быстрым крахом одних и не менее быстрым появлением других. Общественные отношения приобрели весьма пестрый и разнообразный характер. В ряде наших работ мы пытались проследить характер этих отношений, что позволяет нам подойти к постановке вопроса о месте древнетюркского общества в этом сложном историческом процессе.¹ Не разворачивая здесь всей доступной нам аргументации, попытаемся дать хотя бы в общих чертах ход исторического процесса в Центральной Азии в связи с окружающими племенами и странами, для того, чтобы были ясны, во-первых, обстановка, в которой возникло древнетюркское общество, где развивались его социально-экономические формы, во-вторых, историческое наследство, которое восприняли древние тюрки.

В конце III в. до н. э. на территории Центральной Азии по границе с Китаем возникает крупное кочевое образование, именуемое в китайских источниках гуннами. Характерно, что периоду становления гуннского племенного союза в самом Китае предшествует активная деятельность последнего императора Циньской династии Ши-хуан-ди. Наиболее крупным мероприятием Ши-хуан-ди была постройка Великой китайской стены, долженствующей оградить земледельческий Китай от набегов кочевников. Как выясняют более поздние источники, назначение стены отнюдь не ограничивалось защитой от кочевников, она в той же мере была средством для принуждения к спокойствию жителей «Срединного государства», изолируя «беспокойные» слои Китая от их социальных союзников. Характерно, что китайские источники прямо заявляют о том, что стена

¹ См. наши работы: Наследственность и выборность у кочевников Центральной Азии. Прб. ИДО, 1935, № 7—8; Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение. ИООН, 1937, № 4; Хуханье и Чжичжи-шаньюн. Сов. востоковед. № 1.

преграждает путь для бегства в степи рабам, повстанцам и др., ищущим в степях военной поддержки и материального благополучия. Постройка Китайской стены была актом, утверждающим факт первого общественного разделения труда между кочевниками и земледельцами. Если первые тенденции мы наблюдаем еще в эпоху Чжоу, то в III в. до н. э. имеет место наиболее яркое проявление этого процесса. Характерными чертами дальнейшего взаимоотношения кочевников-гуннов и Китая являются непрерывные формы связи варварского кочевого мира и рабовладельческого Китая. В известной мере можно утверждать, что гунны и Китай — это две стороны одного и того же исторического процесса — рабовладельческого строя, причем гунны, подобно аналогичным явлениям Рима и варварского мира, сохраняют первобытно-общинный строй. История гуннов ярко показывает, как внутри их первобытно-общинных отношений нарастают отношения рабства, как это рабство служит расслоению общины и приводит к краху гуннский племенной союз. Существенное влияние в этом направлении имел Китай. Уже вскоре после шаньюя Модэ, фактического основателя гуннского племенного союза (204—174 гг. до н. э.), начинается сползание знати гуннов в сторону китайского двора. Политика последнего в части подкупа племенной знати была чрезвычайно активна и неоднократно весьма откровенно прокламируется самими китайскими источниками. Племенная гуннская знать, разбогатевшая на грабительских походах, получавшая большие подарки из Китая, рвет со славными традициями военно-демократического строя. «Первобытная естественная демократия превратилась в ненавистную аристократию».¹ На базе узурпированных богатств племенная знать распространяет свои щупальцы и на свободную массу кочевников. В результате, в середине I в. гуннский племенной союз переживает весьма своеобразный кризис. Ему предшествовали крупные экономические и политические потрясения, пережитые гуннами. В царствование китайского императора Ву-ди (140—87 гг. до н. э.) Китай ведет активную борьбу с кочевниками, пытаясь, во-первых, расширить свою экспансию в сторону Восточного Туркестана, во-вторых, обеспечить бесперебойные торговые связи с Западом («Великий шелковый путь»). В этих целях организуются одна за другой военные экспедиции против гуннов: Хо-цуй-бина (121 г.), Хо-цуй-бина и Вэй-цина (119 г.), Ли-гуан-ли (101 г.) и Ли-лина (99 г.). Этими походами, несмотря на неудачный исход последнего, была сильно подорвана военная мощь гуннов, а кроме того гунны потеряли Восточный Туркестан, города и оазисы которого были, пожалуй, единственной и прочной земледельческой базой гуннов. В восьмидесятые годы соседи гуннов — усунь, сяньби и динлины — громят гуннов, что дополняется голодом семидесятых годов, когда основная масса кочевников лишается минимума жизненных средств. Все вместе взятое приводит к разброду гуннов, к делению их на две части в связи с разными политическими ориентациями. Племенная знать, подкрепленная Китаем, держится китайской ориентации, масса кочевников, достаточно осведомленная в «прелестях» рабовладельческого строя Китая, склонна бороться за независимость. В результате в 55 г. до н. э. гунны разбиваются на две части. Одна, меньшая, часть с Ху-хань-е шаньюем пытается перейти под суверенитет Китая, другая под предводительством некоего Чжи-чжи шаньюя, ставленника «простого народа», продолжает активную борьбу за свою незави-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 144.

симость. Первые известны как южные гунны, вторые как северные. Южные гунны были преданы Китаю, расселены в провинциях Северного Китая и еще долгое время являлись инициаторами восстаний в качестве зависимого населения. Северные гунны под давлением китайского оружия и особенно после разгрома их сяньбийцами в 87—90 гг. н. э. вливаются в массу племен Средней Азии. Еще раньше Чжи-чжи шаньюй, в 49 г. до н. э., вступает в союз с племенами Средней Азии для совместной борьбы против Китая. Активность Чжи-чжи вызывает специальную военную экспедицию против него из Китая, возглавленную двумя китайскими полководцами — Гань-янь-шоу и Чэнь-тана. Экспедиция выполняет поставленную перед ней задачу. Чжи-чжи был убит в верховьях р. Талас на территории канцзюйского племенного союза в 36 г. до н. э. Кочевники не слагают оружия. Вкупе с племенами Средней Азии, аналогичного строя и положения, они являются оппозицией к рабовладельческой Согдиане, а несколько веков спустя под именем европейских гуннов, вместе с европейскими варварскими племенами, фактически осуществляют удар по рабовладельческой системе Причерноморья.

Распад гуннского племенного союза в начале III в. н. э. является фактически концом господства военно-демократического строя, и общества кочевников, за ними последующие, т. е. господство племен сяньби и тоба — переходный этап к формированию рабовладельческих отношений в среде кочевников.

В конце IV в. существенные изменения переживает Китай, завоеванный в его северной части кочевыми племенами тоба. Последняя крупная вспышка рабства в Китае подводит последний к новому этапу отношений — к феодальному строю. С другой стороны, в среде кочевников создались достаточно развитые общественные формы, которые при соответствующем благоприятном положении могли дать рабовладельческие отношения. Это и происходит в конце IV и начале V в. На территории Центральной Азии создается на базе многочисленных племен новое жуань-жуаньское или жужанское образование. Базой этого образования являлись рабы: во-первых, уйгурские племена Восточного Туркестана под названием гао-гуй, во-вторых, подневольные тюркские племена Алтая, бывшие также у жужан на положении рабов. Характерные факты о гибели жужан сообщают китайские источники. Когда разгромленные тюрками жужане, бежавшие в Китай, были по требованию кочевников выданы обратно, то знать была казнена, а «слуги и рабы пощажены». Характер зависимости подневольных жужанам племен, положение в частности тюрков, в качестве рабов, добывающих железо жужанам и производящих им оружие, средства и орудия производства, характер восстания племен и итог восстания с убийством знати и освобождением рабов дает основания предполагать, что общество жужан представляет собой примитивную форму рабовладельческих отношений у кочевников Азии.

И вот на базе предшествующего исторического процесса, основные вехи которого мы выше дали, возникает тюркский каганат. Его основу составляли тюркские племена Алтая, которые перед своим выходом на мировую арену едва ли вышли из первобытно-общинных отношений.

Тюркские племена в середине VI в. столкнулись таким образом с конгломератом общественных отношений в Центральной Азии. Разнообразные уклады — разные этапы развития первобытных общинных отношений и рабство — были восприняты и усвоены тюрками в первую очередь, поскольку территория, занятая этими племенами, стала местом пребыва-

ния основного восточно-тюркского каганата. Вместе с тем тюркский каганат на западе втягивается в систему общественных отношений. Тогда в последний век его развитого рабовладельческого уклада. На юге значительное влияние на тюрков оказывает Китай, раннефеодальная система которого (Китай Суйской и Танской эпох), особенно во время пятидесятилетнего подчинения тюрков Китаю (630—680-е годы), наложила существенный отпечаток на формирование общественных отношений тюрков. Добавим к этому большую завоевательную практику тюрков и поймем, что в этих конкретно-исторических условиях тюркские племена Алтая и образованный на их базе восточно-тюркский каганат получили возможность развития феодального типа отношений, правда весьма примитивных и своеобразных. В недрах тюркского каганата, завершающего собой рабовладельческие отношения у кочевников Центральной Азии, в системе феодализирующихся обществ Китая послезвэйского периода и Средней Азии периода арабского завоевания, получают свое первоначальное развитие новые, феодального типа отношения. Родоплеменной строй, рабство тесно переплетаются в тюркском каганате с детскими формами зависимости свободной массы кочевников от богатой части скотоводов. Анализ этих укладов и попытку объяснить эти отношения и представляет настоящая работа.¹

Мы не пытаемся в данной работе дать ответ на происхождение того или иного института, это потребовало бы совершенно иного профиля исследования. Ставя вопрос о происхождении того или иного института из предшествующих родоплеменных отношений, минуя рабовладельческую формацию, мы имеем в виду не исключительность исторического развития тюркских племен, а лишь ту конкретную историческую обстановку, которая способствовала более быстрому прохождению тюркских племен от первобытно-общинного строя к ранне-феодальным формам отношений. Как это следует из работы, эти отношения в тюркском обществе не получили естественного своего завершения, и последующий за ними уйгурский каганат, первый и второй, подготавливают в условиях Центральной Азии и Восточного Туркестана сложение феодализма лишь к монгольскому периоду, получившему свои классические формы. В этом смысле тюркский каганат представляет собой переходный этап дофеодального периода, чем объясняется сложность и путанность отношений этой эпохи. Выяснить структуру, составные части общества орхоно-енисейских тюрков и должна настоящая работа.

¹ См. такую трактовку процесса в работах: С. Толстов. Тирания Аброя. Исторические записки, т. III, М.—Л., 1937; наши главы и совместные с С. Толстовым в Истории Народов СССР (макет), ч. III—IV, изд. ИИМК, Л., 1939.

Глава II

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

1. НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В XVII—XVIII ВВ.

В 1692 г. амстердамский бургомистр Николай Видзен сообщил, что «недалеко от Верхотурья на утесе найдено несколько изображений и надписей из неизвестных букв. Об этих надписях, по преданию старейших людей тамошнего населения, полагают, что они находились в том месте до покорения страны москвитями (что случилось более 100 лет тому назад), так как нет никаких известий, когда и кем изображения были сделаны».¹

По этому сообщению трудно, конечно, сказать, имел ли в виду Видзен памятники с руническим текстом; однако, судя по противопоставлению изображений и надписей, речь шла не только о писаницах,² широко распространенных в Сибири, особенно в Минусинском крае, но и о надписях, скорее всего рунических, так как они больше чем какие-нибудь другие имелись в Сибири и привлекали внимание других путешественников и ученых, занимавшихся изучением Сибири.

Через пять лет появляется второе упоминание о рунических памятниках, падающее на конец XVII в. Второе упоминание, крайне оригинальное, так же, как и видзеновское, является скорее косвенным указанием на место нахождения рунических текстов.

В 1696 г. тобольский сын боярский Семен Ремезов составил, а в 1697 г. вычертил две карты, именно: «Чертеж всех сибирских градов и земель и чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи».³ На этих картах по верхнему течению реки Талас, по южную сторону Александровского хребта, недалеко от нынешнего села Дмитриевки, центра Таласского района Киргизской ССР, указан в качестве топографического пункта «Камень орхон», а немного выше показаны горы, на которых, как отметил С. Ремезов, «снег летом». Необходимо отметить, что карта не вполне соответствует действительной топографии местности; в частности, показано обратное современному течение реки Талас.

1 Noord and Oost Tartarye. Amsterdam, 1692, 2-е изд., 1705; 3-е изд., 1785 (см.: В. Радлов. Сибирские древности. МАР, № 3, СПб., 1888, прилож., стр. 5). О первом упоминании о «камях-писаницах», сделанном Н. Видзеном, сообщал Н. Веселовский. Ср. его статью «Орхонские открытия» (ЖМНП, 1894, вып. 4, стр. 61, прим. 1). Ср. также историю вопроса в Сибирском вестнике (1894, вып. 5—6, стр. 55—59).

2 Типа, например, Боярской. Ср.: М. Грязнов. Боярская писаница. Прб. ИМК, 1933, № 7—8. — Савенков. О древнейших памятниках изобразительного искусства Енисея. 1910. — С. Киселев. Значение техники нанесения писаниц. ТСА РАНИОН, т. 5.

3 Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским, Семеном Ремезовым, в 1710 г. СПб., 1882, 1-я карта, л. 23, 2-я карта, л. 22. См. также приложения к «Чертежной книге Сибири»: I — текст, II — указатель, СПб., 1882, стр. 8—13. О работах Ремезова см. статью А. Андреева «Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири» в Проблемах источниковедения, т. III, Л., 1940.

Отмеченный камень нас интересует с другой точки зрения. Известно, что в районе Дмитриевки в 1896—1897 гг. В. Каллауром¹ и Г. Гейкелем² были открыты камни с руническими надписями. По всей вероятности, эти камни были известны и С. Ремезову, который по аналогии с камнями, покрытыми подобными знаками по реке Орхону, назвал их «орхон-камень», считая их для данного района особо примечательными. Спутать какой-нибудь из притоков реки Талас с рекой Орхон он не мог, так как река Орхон помещена на карте совершенно правильно, как правый приток Селенги. На карте имеется отдельно река Орхон и «орхон-камень» по течению реки Талас.³ Карта (лист 22), судя по надписанию «степи», составлена в 7205 г., 3 марта.⁴ Вторая карта составлена в 7206 г. и вычерчена 18 сентября 7207 г. Таким образом первое упоминание об «орхон-камне» относится к 1696—1697 гг., и единственным автором этого указания надо считать С. Ремезова, «сына боярского», по указанию царя Петра Алексеевича составившего атлас «Сибири и городов, и земель» в 7209 г. «от создания света» и в 1701 г. 1 января н. э.⁵

Если Н. Видзен и С. Ремезов давали косвенные и случайные указания о месте нахождения рунических текстов, то в начале XVIII в. мы имеем о них уже научные записи исследователей Сибири. Так, сведения о рунических письменах в 1730 г. дал Филипп-Иоганн Страленберг, пленный шведский офицер, который был сослан в Сибирь, где он пробыл 13 лет. Освобожденный после Ништадтского мира, он вернулся в Швецию, где издал труд,⁶ в таблицах к которому привел впервые несколько рунических надписей: на стеле (между Беей и Ниней — притоки Уйбата), на оборотной стороне каменной бабы (между Тесью и Ербой — притоки Енисея с левой стороны) и на обломке медного зеркала.⁷

Письменные свидетельства о рунических надписях имеются также и в дневнике Д. Е. Мессершмидта.⁸ Д. Мессершмидт в своем дневнике о поездке в Сибирь отмечает рунические надписи наряду с другими⁹ и неоднократно указывает, что во время его пребывания ему приходилось слышать о разных надписях, а участники его экспедиции (например, Карл Шульман) зарисовывали камни, на которых «были изображены резные правильные четырехугольники в виде ромбов или ромбондов».¹⁰ Кроме того, в части, специально посвященной археологии Сибири, имеется прямое указание на древности Сибири, как-то: курганы, статуи, писаницы и надписи (*aliique lapides effigati idiolatrici, terminaies et sepulch-rabs monimentarii, caracteribus an runicis insigniti etc.*).¹¹

¹ ТКЛЯ, 1897—1898, прот. от 5 V 1897, стр. 2; ЗВО, т. IX, вып. 1—4; Спб., 1899.

² H. Heikel. *Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkistan*. TESFO, VII, Helsinki, 1913, Taf. XXII, XXIII, XXIV.

³ Чертежная книга, л. 20, прилож., стр. 41; слова «орхон» и «орхон-камень» помещены на картах 22 и 23 (по нумерации С. Ремезова).

⁴ Чертежная книга, прилож., стр. 8.

⁵ М. Е. Массон. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. *Матер. Узкомстариса*, вып. 6—7.

⁶ F. Y. Strahlenberg. *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm, 1730.

⁷ Ср. табл. 5, рис. А и Д; табл. 12, рис. А и Б; стр. 318, 397.

⁸ Библиотека Академии Наук, $\frac{X\lambda EB}{V}$, выдержка из «Дневника» (МАРСД, прилож.); там же см. библиографию о Мессершмидте и об его рукописях.

⁹ Запись «Дневника» от 31 XII 1721, I I и 4 VIII 1722.

¹⁰ Там же, стр. 14.

¹¹ Там же, стр. 5.

Об этих енисейских надписях, найденных Мессершмидтом, сообщал Т. Байер, предполагавший, что эти знаки являются кельтским письмом.¹

В 1793 г. Паллас снова возвращается к руническим надписям, опубликовав некоторые из них, именно надписи, найденные 1) против устья Тубы, 2) в 15 верстах от устья Уйбата, 3—4) на правом берегу Камышты — правого притока Абакана и 5) у деревни Означенной, и уделив им несколько страниц в своем «*Neue Nördliche Beyträge*».² Тихзен предполагал, что это готское письмо, и даже попытался его прочесть.³

2. XIX В. НАКОПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА ДО ДЕШИФРОВКИ РУН

В 1818 г. Г. Спасский напечатал «Записки о сибирских древностях»,⁴ которые вместе с атласом были переведены на латинский язык и перепечатаны по распоряжению графа Н. П. Румянцева акад. Ф. И. Кругом.⁵ Работа Г. Спасского привлекла внимание известного лингвиста А. Гумбольдта и крупнейшего для того времени исследователя восточных, в том числе и тюркских, языков Абеля Ремюза. Абель Ремюза написал рецензию на работу Г. Спасского,⁶ в которой указал, что прочтение этих надписей «может разлить величайший свет на весьма важные исторические и философические вопросы». ⁷ Абель Ремюза предполагал, твердо следуя канонам слагающейся индоевропейской школы, что письмо, вероятно, принадлежит племени у-сунь поколения индо-готов.⁸ По поводу рунических надписей Абель Ремюза сделал довольно верное замечание о том, что надписи, имеющие «обманчивое, может быть, сходство с рунами»,⁹ находятся в земле древнего обитания тюрков.¹⁰ Против принадлежности рунических письмен тюркам решительно запротестовал Г. Спасский, заявляя, что «нет никаких следов, чтобы турки или, вообще, народы татарского племени были древними жителями южной Сибири. Напротив, все доказывает, что они последние, новые там пришельцы».¹¹ Г. Спасский признавал, что надписи скорее монгольского или калмыцкого происхождения.¹²

Необходимо отметить, что это была первая дискуссия, посвященная научному исследованию надписей, причем в ней видно было отражение начинавших постепенно господствовать буржуазных теорий.

¹ Th. Bayer. *Vetus inscriptio prussica. Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, Petropoli, 1729.*

² Pallas. Von einer in Sibirien gefundenen unbekannten Steinschrift. *Neue Nördliche Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung. Naturgeschichte und Oekonomie, V, St. Pbg., 1793, SS. 237—245.*

³ Tychsen. Schreiben an Pallas, *ibidem, SS. 237—245.* — Ср.: Г. Спасский. Начертания. Сиб. вестн., 1818, стр. 12—13.

⁴ Сибирский Вестник, 1818, ч. I, стр. 67—85; ч. II, стр. 147—177; ч. VII, стр. 1—28.

⁵ Ph. Krieger. *Inscriptiones Sibiricae: de antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis. Scripsit Spassky, Imperialis Academiae Petropolitanae litterarum commercio junctus, Petropoli, 1828.*

⁶ Рецензия Abel Rémusat на «*Inscriptiones sibiricae*» (*Journal des Savants, octobre, 1822, pp. 595—602*) переведена Г. Спасским (*Азиат. вестн., 1825, кн. IV, Восточн. библиография, СПб., стр. 285—303*) с многочисленными примечаниями переводчика. Цитирую по переводу.

⁷ Г. Спасский, ук. соч., стр. 286.

⁸ Там же, стр. 287.

⁹ Абель Ремюза пытался их связать с северными, скандинавскими рунами. Там же, стр. 287 и 298.

¹⁰ Там же, стр. 297. О тюркском происхождении см. «*Recherches sur les langues artares*» (чар. IV, p. 306).

¹¹ Там же, примечание к стр. 297.

¹² Там же.

Так, следующую попытку формального сопоставления (в плане индоевропейской филологии) сделал Роммель, тщетно сравнивавший указанные надписи с рунами Германии.¹ Роммель выдвигал теорию скифского либо греко-готского происхождения письма. Заметкой Ю. Клапрота, сближавшего рунические памятники с греческими, окончилась первая дискуссия о рунических текстах Сибири.²

В 1857 г. Г. Спасский снова вернулся к руническим надписям.³ Осветив кратко отмеченную выше дискуссию, он специально остановился на надписях, опубликованных на табл. 6 своего труда руническую надпись, открытую еще в 1847 г. М. А. Кастреном⁴ в Шушинской волости Минусинского округа Енисейской губернии. Опровергая гуннскую теорию происхождения письма, он оставляет вопрос о принадлежности его какому-нибудь народу открытым. Г. Спасский polemизует здесь с Роммелем, который, как мы выше показали, предполагал, что рунические письмена «суть скифские или греко-готские». ⁵ Теорию славянского происхождения сибирских древностей, в том числе и надписей, созданную Г. Спасским, несмотря на ее неправильность, поддерживал в дальнейшем В. Флоринский.⁶ Через два года А. Шифнер выдвинул теорию происхождения рунического алфавита из тамг.⁷ А. Шифнер исходил из чисто формальных соображений, а именно — внешнего сходства рун с тамгами. Только уже на основе теоретических положений Н. Я. Марра удалось подойти к разрешению поставленного А. Шифнером вопроса о сходстве рун с тамгами на совершенно иных основаниях.

В 1859 г. были опубликованы присланные минусинским окружным начальником Костровым рисунки с камней, найденных Кастреном.⁸

Во второй половине XIX в. до дешифровки рунических письмен продолжается накопление сведений об их местонахождениях. В 1871 г. Падерин на берегах Орхона отмечает следы городов, валов и башен; вскоре

¹ Рецензия Роммеля на статью Г. Спасского в «Göttingische gelehrte Anzeigen» (1823, № 205). Ср. перевод Востокова рецензии Роммеля (Сиб. вестн., 1824, ч. I, стр. 1—8) «О сходстве начертаний, найденных в Сибири на камнях, с таковыми же в Германии».

² J. Klaproth. Sur quelques antiquités de la Sibirie. Mémoires relatifs à l'Asie, 1824, pp. 157—171. Idem. Supplément à la bibliothèque orientale de d'Herbelot, p. 174.

³ О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. ЗАО, 1857, кн. XII.

⁴ M. A. Castrén. Reiseberichte aus Sibirien. St. Pbg. 1848. Ср. русский перевод (М. А. Кастрен. Письма из путешествия в Сибирь, т. VI, ч. 2, стр. 385).

⁵ Роммель, ук. соч. Цит. по русскому переводу в приложениях к указанному сочинению Спасского (1857, стр. 170); там же указано об исследованиях Герена (GGA, 1819, № 143) и Гримма, а также вторично даны отрывки из сочинения Абея Ремюза (см. выше).

⁶ Ср. его заметку «О каменных бабах и сибирских письмах» (Археол. музей Томского ун-в., Томск, 1888, стр. 166, 175) о славянском происхождении рунического письма (стр. 172). Ср. также его концепцию, повторенную в работе «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» (Томск, 1894).

⁷ A. Schifner. Über verschiedene sibirische Eigenthums-Zeichen. Mélanges russes, v. IV, 1858, p. 2. — H. Vambery. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. 1885, pp. 34—36. — Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков. ЖС, 1894, вып. III—IV, стр. 410—418, 420. — Н. Маллицкий. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. Прот. ТКЛА, год III, 1897—1898. — Д. Соколов. О башкирских тамгах. ТОУАК, т. XIII, стр. 84. — Рецензия И. Пославского на статью Л. Соколова в «Протоколах ТКЛА» за 1905—1906 гг. О тамговом происхождении письма, следуя положениям яфетической теории Н. Я. Марра, см.: И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, вып. 62, 1933.

⁸ ИАО, т. I, вып. 4, 1859, стр. 169.

на месте были открыты известные всему миру орхонские памятники. В 1874 г. Н. Попов занимался исследованием рунических памятников.¹

Предпослав небольшой очерк нахождению памятников и их публикации Страленбергом, Палласом, Кастреном, Спасским и др., он, осветив теории происхождения алфавита Клапрота, Роммеля, Тихзена и Байера,² сам посвятил свою статью вопросам происхождения рунического алфавита памятников Сибири. Считая, что у вышеперечисленных ученых были основания сравнивать руны с письменами древнегреческими, готскими и древнеславянскими, Н. Попов развивает готскую теорию происхождения письма,³ якобы занесенного к древним хакасам в результате торговых сношений.⁴

В 70-е же годы нельзя не отметить представителя расовой миграционистской теории, отца археологического панфиннизма Ж. Аспелина. Ж. Аспелин проводил одну линию в изучении сибирских памятников: он доказывал общность культур Сибири и Финляндии, без каких бы то ни было оснований прозрачно оправдывая и стремление и экспансию на восток так же, как после него в наши дни эту же концепцию проводит Тальгрэн. Ж. Аспелин в 1874 г. касался рунических надписей на интернациональном конгрессе в Стокгольме.⁵ В работе «Древности севера Финно-Угрии»⁶ Ж. Аспелин доказывал, что бронзовый век Финляндии и Прибалтики, с одной стороны, и Урало-Алтая — с другой, если и имеют в результате долгого развития свои индивидуальные и локальные черты, генетически связаны с одним и тем же народом (*un peuple unique*).⁷ На этом основании получали финское происхождение каменные бабы и рунические надписи, «пока еще не дешифрованные» (*d'une écriture jusqu'ici indéchiffrée*).⁸ В дальнейшем Ж. Аспелин продолжает связывать енисейские рунические надписи с бронзовой культурой. Указывая на исследования Байера, Тихзена и Клапрота, а также Аппельгрена, скопировавшего надписи, он датирует их началом нашей эры и приписывает их гуннам и другим народам, распространившим эти надписи среди тюркских и монгольских племен.⁹ Ж. Аспелин считал, что рунические надписи надо причислить к чудским знакам и в последних искать объяснения рунам (*in der tschudischen Schrift seine Erklärung finden*).¹⁰

Ж. Аспелин произвел исследование знаков и из 847 различных знаков вывел 38—40 общих начертаний. Надписи, по его мнению, надо читать справа налево. Свои выводы он доложил на археологическом съезде в Одессе в 1884 г.¹¹ Об экспедиции 1887—1888 гг., в которой он исследовал енисейские надписи и связанные с ними культуры (по мнению Аспелина, типа «таштык»), он сообщил через два года.¹²

¹ Н. Попов. О рунических письменах в Минусинском крае. ИСОРГО, т. V, вып. 2, 1874.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ J. R. Aspelin. Sur l'âge du Bronze altai-ouralien. *Compte-rendu du Congrès International d'Archéologie à Stockholm*, 1874, I, p. 562.

⁶ J. Aspelin. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*. Перев. на франц. язык G. Blandet, Helsingfors, 1877.

⁷ Там же, глава «L'âge du Bronze altai-ouralien», p. 41.

⁸ Там же, стр. 45, ср. также фиг. 335, 338.

⁹ J. Aspelin. Fels- und Stein-Inschriften am oberen Jenissei. *ZfE*, 1887, pp. 530.

¹⁰ Там же, стр. 529—530.

¹¹ Там же, стр. 529.

¹² J. Aspelin. Die Jenissei-Inschriften. *ZfE*, 1889, pp. 744—746.

В эти же годы в связи с исследованием писаниц рядом исследователей регистрируются рунические памятники. И. С. Боголюбский¹ в 1881 г. отмечает камни у подножия хребта Итем (правый берег Енисея в 150 верстах от Минусинска у дер. Означенной), Уйский памятник (левый берег Енисея, в 25 верстах от впадения реки Уй), Шушинский (описанный Кастреном и изданный Спасским).² Кроме того, он приводит камни, найденные им впервые: два камня на правом берегу реки Абакана, в 10 верстах от деревни Юдиной и в 4 верстах от озера Алтынкуль, и камень на правом берегу Енисея, в заимке Майдашке, в 10 верстах ниже Минусинска. По верховьям Енисея отмечены надписи: 1) на правом берегу Енисея, в 100 верстах от устья Кемчика, в местности Кая-Баджа и 2) на реке Булыке. В 1881 г. А. В. Адрианов открыл к югу от Саян рунические памятники енисейского типа.³

В 1885 г. И. В. Савенков⁴ по поручению Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества совершил поездку по среднему течению Енисея, где обнаружил ряд рунических памятников; так, он отметил памятники у села Тесь (река Туба) и на камне у кургана⁵ и у Шелаболинской писаницы.⁶

В том же году появляется статья Н. М. Ядринцева,⁷ в которой он, повторяя отчасти статью П. Попова (см. выше), дает описание рунических памятников, найденных И. С. Боголюбским и А. В. Адриановым, хранящихся в Минусинском музее и отмеченных Страленбергом, Палласом, Кастреном, Спасским и др.

Н. М. Ядринцев не соглашался, между прочим, с Клапротом, который, приписывая буквам северное происхождение, предполагал, что язык этих письмен турецкий,⁸ и считал, что «едва ли нужно поэтому переносить руны от европейских готов и финнов к азиатским народам, когда мы видим происхождение этих народов из Азии». Ядринцев также считал, что, «не решая вопроса о письменах и каменных бабах в Сибири, мы можем сказать, что происхождение их коренится в глубочайшей древности, приблизительно до рождения христового. Диво, что эти памятники сохранились около 2000 лет. Далее, есть некоторые основания предполагать, что они принадлежали не столько же древним финским племенам и передвинувшимся готам и индоскифам, как и древним тюркам, жившим в соседстве с ними.

Как каменные бабы, так и рунические письмена есть след и вехи великого переселения племен из Азии в древнейшие времена в Европу, в них же находится ключ, может быть, родства европейских и азиатских народов, о котором мы доселе предполагали и едва ли могли догады-

¹ Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губ. 1881 г. ИВСОРО, т. XIII, № 3, 1882, стр. 43—46.

² Все эти камни найдены до 1881 г.

³ А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. ЗСОРО, т. VIII, вып. 2, Омск, 1888. Несколько слов об енисейских надписях. См.: W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. II, 1883, S. 131.

⁴ К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. ИВСОРО, т. XVIII, № 3—4, 1886.

⁵ Там же, стр. 41.

⁶ Там же, стр. 50.

⁷ Древние памятники и племена в Сибири. Лит. сборн., Спб., 1885, стр. 456—476, ср. таблицу, приложенную к статье.

⁸ Там же, стр. 469; см. цитаты из Клапрота о языке надписей (J. Klapproth. Journal Asiatique, 1823, v. II, pp. 10—11).

⁹ Там же, стр. 474.

ваться. Можно себе представить, какой интерес в будущем составит разгадка этих сфинксов для истории человечества».¹

Выступление Н. М. Ядринцева было направлено против паневропейских теорий Аспелина и др., но оно не имело в виду в противовес им автохтонный процесс развития общества, в том числе и его письма, а противопоставляло европейским центрам происхождения культуры — азиатские.

3. ПОЕЗДКА Н. ЯДРИНЦЕВА. ФИНЛЯНДСКАЯ И РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция Н. М. Ядринцева, организованная Восточно-Сибирским отделением Русского географического общества в 1889 г., открывает новый период в исследовании рунических текстов.

В своей первой экспедиции Н. М. Ядринцев посетил реку Толу, Орхон и предварительно исследовал развалины Кара-Корума и Хара-Балгасуна. В районе Кокшин-Орхона, близ озера Цайдам, он открыл ставшие известными впоследствии всему миру памятники Кюль-тегину и Могилян-хану. Ядринцев описывает в своем первом отчете² вереницу балбалов у памятника Кюль-тегина и самый памятник. «Необыкновенно прочный и крепкий гранит был изъеден веками и указывал на тысячелетнюю древность, — пишет Н. М. Ядринцев о памятнике, — некоторые таблицы сохранились. Они представляют загадочные рунические надписи, встречаемые и в других местах Сибири; на боках и обратной стороне таблиц обелисков находятся киндайские (или киданьские) иероглифы. Если надписи эти китайские, то очень может быть, что они дадут ключ к уразумению рун».³ В своем предположении Ядринцев оказался прав. Именно этот памятник стал предметом особого внимания исследователей, и отчасти благодаря ему (памятнику) оказалось возможно прочтение рунического письма. Открытие Ядринцева привлекло внимание всех историков, в многочисленных изданиях появились отчеты и сообщения о его открытии.⁴

Н. М. Ядринцев скопировал часть надписей, а два обломка с китайскими надписями были привезены в Петербург.⁵ Немедленно в Монголию была снаряжена финляндская экспедиция под руководством Гейкеля, ибо финнов весьма интересовали руны, в которых они думали найти подтверждение тем панфинским построениям, которые еще раньше недвусмысленно проповедывал Аспелин. Результатом этой экспедиции был

¹ Там же, стр. 476.

² Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в Монголию и вершины Орхона. ИВСОГО, т. XX, вып. 4, стр. 1—13.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Ср. напр.: ЗВО, IV, стр. VI, протокол от 16 ноября 1889 г. — ИРГО, т. XXVI, вып. 4, стр. 257—272. — Перевод статьи Н. М. Ядринцева см.: M. F. Frasers. A journey to the upper waters of the Orkhon and the ruins of Karakorum. J. China. JABRAS, N. S., XXVI, pp. 190—207. — См. сообщения Ядринцева об экспедиции в Монголию (ДВ, стр. 65—66). — Он же. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. по поручению ВСОГО. СГОЭ, стр. 51—113; Anciens caractères trouvés sur de pierres de taille et des monuments au bord de l'Orkhon dans la Mongolie orientale par l'expédition de Mr. N. Jadrintseff en 1889. СПб., изд. ИРАО, 1890, 21, литогр. стр. — G. Deveria. Inscriptions recueillies à Kara-Korum. TP, I, 1890, стр. 275—276. — Н. М. Ядринцев. Каменные могилы и каменные бабы в Монголии и Сибири. TP, VIII Археол. съезда в Москве, 1890, т. IV, стр. 158.

⁵ Э. Кох. О двух камнях с китайскими надписями. ЗВО, V, стр. 147—156. Перев. М. P. Lemesofa в TP, II, стр. 113—124: «Deux pierres avec inscriptions chinoises». — G. Schlegel, op. cit., pp. 125—126.

ряд изданий.¹ В 1891 г. была организована экспедиция Академии Наук, возглавлявшаяся В. В. Радловым. Экспедиция сняла эстампажи со всех памятников района Орхона и произвела довольно большие археологические раскопки и разведки.

В 1892 г. был издан атлас,² вышедший впоследствии в 4 выпусках, и, как необходимое текстовое дополнение к нему, 6 сборников трудов экспедиции.

Материала было собрано достаточно, чтобы приступить к его изучению, а главным образом к дешифровке рун. Первыми, конечно, оказались изученными китайские тексты (о них см. ниже в главе «Источники»).

За дешифровку взялись турколог В. В. Радлов и разносторонний лингвист, филолог и историк, скандинавист по специальности датский ученый В. Томсен.

4. ДЕШИФРОВКА РУН. ИЗДАНИЕ ИСТОЧНИКОВ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

15 декабря 1893 г. на заседании Датской королевской Академии наук и словесности В. Томсен представил свой опыт дешифровки рунических писем, найденных на берегах Орхона и опубликованных в результате трудов экспедиций Г. Гейкеля и В. В. Радлова.³ Одновременно с В. Томсеном вел дешифровку и В. В. Радлов, который, получив сообщение Томсена об алфавите, немедленно перевел первый текст, посвященный Кюль-Тегину, и прочитал его на заседании русской Академии Наук 19 января 1894 г. В том же году он издал свой первый перевод,⁴ вышедший в первом издании всего в 50 экземплярах, а затем в том же 1894 г. снова издал перевод кюль-тегиновского и могиляновского текстов из Кошо-Цайдама.⁵

¹ *Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise. 1890. SFO, Helsingfors 1892.* Еще раньше появилось издание «*Inscriptions de l'énissei recueillies et publiées par la Société finlandaise d'Archéologie (Helsingfors, 1889).* В первом издании были помещены статьи и отчеты Гейкеля и статьи Deveria «*Transcription, analyse et traduction des fragments chinoise du second et du troisième monument*». O. Donner'a «*Inscriptions en caractères de l'énissei. Système d'écriture*» (éd. Lange).

² Атлас древностей Монголии, изданный В. В. Радловым. СПб., I (1892); II (1893); III (1896); IV (1899).

³ V. Thomsen. Deciffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'énissei. Bull de l'Acad. Royale des sciences et des lettres de Dannemark, № 3, Copenhagen, 18, pp. 285—299; русский перевод В. Розена «Дешифровка орхонских и енисейских надписей» (ЗВО, т. VIII, вып. III—IV, 1894, стр. 327—331) с кратким замечанием переводчика, указывающего на неправильное сообщение В. Томсена об открытии памятников Гейкелем и Радловым. В Розен в интересах приоритета русских указывает на Н. М. Ядринцева (см. его заметку «*Sur un siquie*»). По поводу дешифровки орхонских и енисейских надписей см. там же (стр. 323—325). Открытие В. Томсена, конечно, было отмечено всеми крупнейшими журналами Западной Европы.

⁴ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. 1894.

⁵ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei (в дальнейшем АТИМ), I и II Lief., St. Pbg., 1894. К вып. II приложен немецкий перевод В. Васильева китайской надписи и имеется словарь к турецкому тексту. Ср. о первом переводе и дешифровке статью Н. Веселовского «Орхонские открытия». Ввиду того, что имеется на русском языке литература о самом ходе дешифровки, мы опускаем изложение путей, которыми дошел В. Томсен до прочтения рун. Укажем, что ему в этом помогли слова из китайской стелы, как «Кюль-тегин», «Тенгри», «Бильга», «Турк» и т. д. Сначала им были открыты гласные.

В 1895 г. В. В. Радлов издает енисейские надписи, мелкие надписи из Монголии, так наз. Онгинский памятник, публикует ряд исправлений к первому переводу кошо-цайдамовских памятников, сопровождая переводы краткими грамматическим очерком и словарем.¹

В 1896 г. В. Томсен публикует свой полный перевод кошо-цайдамовских памятников, снабдив его обстоятельным грамматическим очерком-главой, посвященной происхождению алфавита, и историческим очерком. К его работе была приложена статья Паркера — перевод китайской надписи.²

До конца XIX в. В. В. Радлов издает еще текст Тоньюкука и ряд улучшений к первым переводам кошо-цайдамовских памятников и свою грамматику древнетурецкого языка.³ Продолжают выходить и сборники «Трудов Орхонской экспедиции»⁴ и «Атлас древностей Монголии». В 1899 г. появляется опять перевод надписей Кюль-тегину П. Мелиоранского⁵ с приложением перевода статьи с примечаниями В. Томсена к его работе 1896 г.

Прочтение надписей вызвало крупное оживление в научной литературе, связанное с изучением текстов. Преобладали заметки и статьи лингвистического порядка, в которых обсуждался вопрос о происхождении алфавита, толковались отдельные части текстов и даже отдельные слова как тюркских, так и китайских надписей. Здесь нельзя не отметить, помимо работ В. Радлова и В. Томсена, работы В. Бартольда, В. Банга, Е. Блоше, Вамбери, В. Васильева, Г. Габелентца, Г. Девериа, Ф. Корша, И. Маркварта, П. Мелиоранского, Неджиб-Асима, Н. Попова, Ф. Хирта, Э. Шаванна и Г. Шлегеля. Помимо китаистов и тюркологов, в изучение текстов были втянуты иранисты, арабисты и т. д., как тот же В. Бартольд, И. Маркварт, Е. Блоше. Особенное участие в разработке древнетюркских текстов принимали китайцы, переводившие китайские тексты соответственной эпохи (Танской династии). Помимо русских изданий, необходимо отметить журнал «*Toung Pao*», уделивший много внимания орхонским текстам.⁶

В эти годы историческую концепцию о тюрках создает В. Бартольд (о ней ниже). Отдельные замечания мы находим у Блоше, Радлова, Томсена, Хирта, Банга, Шлегеля и Шаванна. Ставят исторические проблемы Л. Каен и Э. Паркер. В первые годы XX в. наступает некоторое затишье.

¹ ATIM, III, St. Pbg., 1895.

² V. Thomsen. *Inscriptions de l'Orkhon*. MSFO, Helsingfors, 1896. — М. Е. Н. Паркер. *Les inscriptions chinoises du monument (The deceased Kōl Tegin's tablet, pp. 212—216)*.

³ ATIM, Neue Folge (1897) и Zweite Folge (1899); в последнем издан текст Тоньюкука.

⁴ Д. Клеменц. *Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г.* СБОЭ, II, СПб., 1895. — В. Васильев. *Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Хара-Балгасуне*. СБОЭ, II, СПб., 1897. — Новый перевод текстов памятников см.: В. Радлов и П. Мелиоранский. *Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме*. СБОЭ, IV, 1897. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в южный Хангай в 1891 г. Н. М. Ядринцева появляются в 1901 г. в вып. V СБОЭ.

⁵ Памятник в честь Кюль-тегина. ЗВО, т. XII, вып. II, III и IV.

⁶ Библиографии мы здесь приводить не будем, так как нам придется встретиться с этой литературой по специальным разделам, напр., в главе «Источники». В основном вся литература посвящена критике источника. Статьи, имеющие своей целью постановку исторических проблем, будут разобраны ниже.

Второй подъем в деле изучения древних тюрок начинается с 1909 г., когда в связи с раскопками в Восточном Туркестане и экспедициями Леккока, Грюнведеля, Авреля Штейна и С. Ф. Ольденбурга увидели свет рунические тексты, до сих пор еще неизвестные (речь идет о рунических текстах на бумаге). Тексты были юридического и религиозного содержания (шаманско-манихейского). Изучались они В. Томсенон, Лекком, Андреасом и В. В. Радловым.¹

Необходимо отметить, что до этого времени, помимо известных орхон-енисейских памятников, была переведена В. В. Радловым надпись из района села Дмитриевки — первая руническая надпись в Средней Азии,² а П. Мелноранским были введены в обиход рунические надписи на предметах бытового назначения³ — один сосуд из Сибири, второй из Вятской губернии (Балозинская волость Глазовского уезда), третий из второго катандинского кладбища, из раскопок В. В. Радлова.

В 1912 г. В. Котвич исследовал местность Ихе-хушоту, в которой он открыл большую надгробную стелу с орхонскими надписями, подобную кошо-цайдамовской.⁴ Памятник оказался поставленным тардушскому бегу Кули-Чуру (глава «Источники»).

В 1913 г. появилось в свет издание еще двух рунических текстов: одного из Суджи и второго — Селенгинского камня первой уйгурской династии. Они найдены в 1909 г. экспедицией Рамстедта.⁵ Второй камень представлял большой интерес, так как это была одна из позднейших стел с руническими надписями, принадлежавших уже уйгурской династии. Стела была поставлена первому хану уйгурской династии Моюн-Чуру.

Для известной полноты освещения вопроса об исследовании рунических текстов необходимо указать на те археологические экспедиции, которые ставили себе задачей исследование памятников, непосредственно связанных с руническими текстами. Не упоминая вновь сочинений, отчетов и т. д. таких исследователей, как Аспелин, Гейкель, Радлов, Рамстедт, Котвич, Ядринцев, Клеменц и др.,⁶ укажу только на работы А. В. Адрианова и Гранэ. Так, например, А. В. Адрианов и его сын А. А. Адрианов в ряде своих поездок по Минусинскому краю за сбором писаниц отмечали памятники с руническими знаками («открывая» иногда уже известные ранее памятники). Так, изучая писаницы по заданию «Русского

¹ Библиографию см. ниже в главе «Источники».

² В. В. Радлов. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Айртан-ой в Кенкольской волости Аулие-Атинского уезда. ЗВО, т. XI, вып. 1—4, стр. 86—87. См. там же о находке (стр. 79—83); ср. также статью П. Мелноранского.

³ П. Мелноранский. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. ЗВО, т. XIV. — Он же. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея. ЗВО, т. XV, вып. I, стр. 34—36.

⁴ Об экспедиции Котвича см. отчет В. Котвича в «Rocznik Orientalistyczny» (т. IV, 1926, Львов, 1928). Ср. также сообщение о собственной экспедиции в Монголию и об открытии им нового памятника с орхонскими надписями в «ЗВО» (т. XXII, протоколы о поездке в Кошо-Цайдам). В «Хушо-Цайдаме» (ТТКОПОРГО, т. XV, вып. 1) дается описание памятника Кюль-тегина.

⁵ C. J. Ramstedt. Zwei Uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei JSFO Helsingki. 1931. — Он же. Как был найден Селенгинский камень. ТТКОПОРГО, т. XV, вып. I. — Он же. Перевод надписи Селенгинского камня.

⁶ Об их работах см. главу «Источники», раздел «Источник вещественный». Отмечу только работу Д. Клеменца «Отдельная экскурсия в восточную Монголию» (ИАН, 1896, т. IV), являющуюся по существу дополнением Радловской экспедиции. Ср. его же «Краткий отчет о путешествии по Монголии за 1894 г.» (ИАН, 1895, т. III, № 3).

комитета для изучения средней и восточной Азии», они попутно отметили памятники с руноподобными знаками в 1904,¹ 1905,² 1907³, 1908⁴ гг.

Гранз при своих поездках 1906, 1907, 1909 гг. отметил ряд камней с надписями на севере Монголии, которые ему встречались по маршрутам его экспедиций от Саян до Орхона,⁵ точнее — археологические пункты им отмечены от верховий реки Уйгур до местности Хангэн-даба (река Тола). С 1913—1914 гг. интерес к орхонско-енисейским текстам падает. Отдельные заметки в специальных журналах посвящены либо мелким надписям, либо отдельным комментариям к текстам. В круг изучения памятников этой письменности втягиваются и надписи юга России. Переводятся надписи из долины реки Талас, изучаются руноподобные знаки, найденные на знаменитом кладе Nagy Szent-Miklós (работы Немета) и другие на территории восточной Европы.⁶ Финские ученые Доннер и Резенен издали две небольшие надписи.⁷ Датская Академия наук и словесности готовит полное издание сочинений В. Томсена, часть которых содержит новые переводы орхонских текстов.⁸ В Польше издан был отчет экспедиции В. Котвича и перевод памятника Кули-Чуру.⁹

Журнал «Toung Pao» печатает ряд статей о рунических текстах.¹⁰

В СССР также продолжалось изучение рунических текстов. Вел работы по изучению древнетюркских текстов С. Е. Малов.¹¹ В 1931 г. археологом Массоном от геологов была получена, случайно найденная, первая в мире надпись на дереве, перевод которой также сделан С. Е. Маловым.¹² Кроме того, последним была издана небольшая хрестоматия древне-

¹ А. А. Адрианов. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае. ИРКИСВА, № 4, стр. 26, 29, 30 (о надписи у с. Новоселова, которую Адрианов намеревался вывезти).

² Из отчета А. В. Адрианова «Писаница Боярская» (ИРКИСВА, № 6, стр. 57—59) (о камне в Минусинском музее, доставленном из Сойотии, с верхнего течения Енисея за Саянами, и о памятнике из этого же района из долины Улукема).

³ А. В. Адрианов. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 года. ИРКИСВА, № 8, стр. 41 (Уйбат и на р. Сарых), стр. 42 (по правому берегу реки Тубы, у села Тесинского), стр. 42—43 (памятник между Тубой и Сыдой и второй на склоне горы Тепсея в пещере — надпись из 166 букв в 4 строки).

⁴ А. А. Адрианов. Отчет о раскопке пещеры в горе Тепсея. ИРКИСВА, № 10, стр. 39 (о рунической надписи в пещере). Там же фотографии Туранского камня и памятник из северо-западной Монголии (стр. 39—40). А. В. Адрианов в отчете по обследованию писаниц Минусинского края указывает (стр. 44) надпись по берегу Белого Уюса. В пещере надпись сделана черной краской. На стр. 47—48 отмечает надпись у с. Шелаболинского. Одну из писаниц он отослал в Минусинск.

⁵ J. G. Granb. Archäologische Beobachtungen. JSFO, XXVI, Helsingfors, 1909 продолжение см. в «JSFO», т. XXVIII, 1912.

⁶ J. Nemeth. Die kökürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkistan. ZfTFuVG KCsA, Bd. II, Lief. 12, Budapest, 1926. — Idem. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. BÖH, II, Leipzig, 1932. Там же, см. библиографию о руноподобных знаках юго-восточной Европы.

⁷ K. Donner u. M. Räsänen. Zwei neue türkische Runeninschriften. JSFO, Bd. XLV, Helsingfors, 1931.

⁸ Cp. Samlede Afhandlinger Kopenhagen, 1922. — V. Thomsen. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei. ZDMG, Bd. 78, Leipzig, 1924, Ausg. von H. Schaeder.

⁹ W. Kotwicz. Le monument turc d'Ykhe-Khochotu en Mongolie Centrale. RO, t. IV, 1926, Lwow, 1928.

¹⁰ Статьи P. Pellot, Schlegel и др.

¹¹ С. Е. Малов. Древнетюркские надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИАН, 1929. — Он же. Новые памятники с турецкими рунами. Язык и мышление, VI—VII, стр. 251—279.

¹² Таласские эпиграфические памятники. Матер. Узкомстариса, вып. 6—7. Кроме палочки с надписью, даны новые переводы изданных ранее таласских памятников. М.—Л. 1936.

тюркских текстов, где были, согласно последнему переводу В. Томсена, заново транскрибированы 29 строчек текста Тоньюкука.¹

Небольшое замечание к К. Доннеру и Резенену напечатал Г. Ксенофонтон,² считающий, что надпись на веретене на якутском языке. Нельзя не отметить работ Б. Владимирцова, посвященных анализу тюркских слов орхонских текстов в монгольском языке.³ Опубликованию одной надписи посвящена наша статья.⁴ Ряд надписей на камнях и бытовых предметах издает С. Киселев.⁵ Работы, связанные непосредственно с древнетюркскими текстами, как с историческим источником (В. Бартольд, Н. Козьмин, А. Бернштам, С. Толстов), крайне немногочисленны,⁶ и марксистская литература по данному вопросу только начинает появляться.

5. БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ О ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Таков ход исследования и изучения орхоно-енисейских текстов. Мы отметили главным образом формальную историю вопроса. Разбору теорий по существу мы посвятим внимание в дальнейших разделах работы, однако наиболее крупные исторические концепции необходимо выделить и разобрать отдельно. Такими концепциями являются, во-первых, концепции В. Бартольда и, во-вторых, националистические концепции. К разбору их мы и перейдем.

Рунические тексты послужили основанием, как мы уже частично отмечали, «широких» исторических обобщений и мало приемлемых исторических конструкций. До дешифровки рунических письмен камни с загадочными знаками толкали многих исследователей на всякие умозрительные и спекулятивные теории. Развитие капиталистического способа производства, породившее на первых порах материалистическое направление в науке, формировало постепенно идеологию «золотого мешка», открытого оправдания шовинизма и экспансии на окраины под маской культуртрегерства и «высочайшего покровительства» над народами «низкими» и «дикими», долженствующими стать предметом «заботливого воспитания» капитализма.

Так, северная теория Аспелина, Тальгрена и др., доказывавшая на основании формального сходства рун Сибири с северными скандинавскими рунами сходство культур от Великой китайской стены до Ботни-

¹ С. Е. Малов. Образцы древнетурецкой письменности, с предисловием и словарем. Издание Восточного факультета САГУ (стеклография), Ташкент, 1926.

² Расшифровка двух памятников орхонской письменности из западного Прибайкалья М. Резененом. Язык и мышление, I, Изд. АН СССР, 1933, стр. 170, 173.

³ Б. Владимирцов. Географические имена, сохранившиеся в монгольском. ДАН — В. 1929, № 10. — Он же. По поводу древне-тюркского *Ötüğin Jiš*. Там же, № 7. — Он же. Монгольское *pöküŋ*. Заметки с древнетюркским и старомонгольским текстами. Там же, № 16.

⁴ А. Н. Бернштам. Руническая надпись в уйгурской рукописи. Записки Института Востоковедения, № 7.

⁵ См. его статьи «Неизданные надписи енисейских кыргызов» ВДИ, № 3 (8); ср. Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г., ВДИ, 4 (9). См. КСТ; Сов. Археология, т. I. Ср. нашу рецензию в ВДИ, 3—4, 1940. Из мелких надписей укажу еще публикации других авторов в ИОН, 1934 и 1935.

⁶ В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927. — Он же. Томсен и история Средней Азии. Изд. АН СССР, 1926. — Н. Козьмин. Классовое лицо «атысы» Иоллыг Тегина, автора орхонских памятников. Сборн. С. Ф. Ольденбургу, Изд. АН СССР, 1934. Особо следует отметить по истории древних тюрков отдельные замечания в работах С. Толстова, указанные выше.

ческого залива, выражала заветную мечту финляндской буржуазии овладеть той территорией, которая будто бы являлась в прошлом прародиной финнов. При рассмотрении вопроса об орхоно-енисейском тюркском кочевом обществе не столь важно, конечно, рассматривать теории, связанные с первым периодом сбора и изучения рунических текстов. Подобного рода теории вряд ли нуждаются в более подробной критике, чем уже данная в наших сопроводительных замечаниях.

В буржуазной литературе, начиная со второй половины XVIII в. и почти до конца XIX в., сложился ряд более интересных по содержанию теорий, посвященных кочевым народам. В связи с интересами буржуазии и ее экспансией на Восток, в частности в Китай, и благодаря увидевшим свет неисчерпаемым по объему фактическим данным китайских летописей, с одной стороны, а также благодаря научным интересам, связанным с вопросом о происхождении гуннов, начали ставиться вопросы, связанные с проблемой происхождения не только последних, но и тюрков и монголов. Здесь нельзя не отметить труд второй половины XVIII в. французского ученого Дегиня.¹ Дегинь был еще свободен от пут расовой теории и представлял собой молодую буржуазную французскую науку, исходя из положений которой, он интересовался не вопросами чисто этнического порядка, а занимался так называемой «политической классификацией». На этом основании он находил сходство между обществами различных, хронологически, эпох и правильно предполагал, что появление того или иного этнического имени является следствием распространения одного племенного названия на ряд вошедших в объединение племен. Эту точку зрения он формулирует в следующих словах: «Турецкая орда, получив власть, дала свое имя всему остальному народу, или, скорее, другие народы знали гуннов только под именем турок, как впоследствии Чингис-хан из орды монголов был причиной того, что имя монгол сделалось именем почти всех татар».² Вывод Дегиня о том, что «Хунну было кочевое государство, из которого впоследствии вышло турецкое, а затем монгольское».³ несомненно, заслуживает внимания, так как он явился следствием того, что Дегинь нашел имеющее место единство в истории этих трех народов. Единство в социально-экономическом строе этих трех народов мы действительно наблюдаем, и указания Дегиня есть заслуга ученого, писавшего в середине XVIII в.

Удостоенный Демидовской премии монах Иакинф Бичурин высказывал позднее несколько иные взгляды. Он предполагал, что племена тюрков, монголов и тунгусов «произошли от одного корня» и за двадцать пять столетий до н. э. уже разветвились на отдельные, «самобытные народы».⁴ И. Бичурин все центрально-азиатские народы считал народами монгольского происхождения. Его больше всего интересовало этническое происхождение народов, которое он относил к таким временам, приписывать которым этнические образования вообще невозможно. В. Григорьев, разбирая вопрос о взаимоотношениях кочевых

1 J. De-Guignes. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogoles et des autres Tartares occidentaux. Paris, 1756—1758.

2 Цит. по К. Иностранцеву, «Хунну и Гунны» (ТТС ЛИЖВЯ, Лгр., 1926, стр. 8). У него же см. о Дегине.

3 Там же, стр. 12.

4 И. Бичурин. Общий взгляд на Монголию в связи с прочими средне-азиатскими странами. Собр. сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб., 1851, прилож., стр. 477.

народов и оседлых, ставил себе задачу выяснить вопрос об отношении русского самодержавия к кочевым народам Азии.¹

Говоря об отношении русского правительства к кочевым народам, В. Григорьев утверждал, что только Китаю удалось смирить кочевников силою ламаизма, а России силою оружия.² Перу В. В. Григорьева, крупнейшего для своего времени востоковеда, принадлежит ряд работ, посвященных истории кочевых народов, и очевидно, что научные результаты его исследований мало чем отличались от политической платформы проводника идеи монархии на историческом участке.

Сюда же примыкают взгляды А. Вамбери, который утверждал, что «о грядущем тюркско-национальном мире в европейском смысле этого слова уже потому с трудом может быть речь, что именно дальнейшее продолжение национальной жизни уже сильно заторможено, так что тюркский мир, теперь еще пока сохраняющий свою независимость, едва ли может воспротивиться могучему налету арийского образовательного духа, выступающего со знаменем уничтожения национальностей в Азии».⁴ Эти откровенные политические взгляды характеризуют главное течение буржуазной востоковедной мысли, верно обслуживающей интересы капиталистического строя.

В связи с дешифровкой древнетюркских рун резко изменилась трактовка кочевого общества. Было бы, однако, неверно предполагать, что появление новых исследований, в которых мы находим уже затронутыми вопросы социально-экономического строя кочевого общества тюрков, объясняется только приобретением новых исторических данных. Появление работ, связанных с изучением социально-экономического строя, в частности древних тюрков, объясняется условиями эпохи — последнего десятилетия XIX в. и первого десятилетия XX в.

В исследованиях этой эпохи мы и найдем много «материалистических» экскурсов исследователей, хотя материализм для буржуазных ученых империалистической стадии капитализма, вообще говоря, явление нехарактерное. Этим объясняется, по-моему, то положение, что В. В. Радлов дает исследования об уйгурах, в которых он много внимания уделяет социально-экономическому строю последних.⁴ Но в этих исследованиях изучение вопросов классовой борьбы идет либо больше в интересах союза буржуазии с помещиками (В. В. Радлов), либо в интересах крупной империалистической буржуазии — ее кадетствующей части, либералов (В. В. Бартольд). Поэтому в исследованиях, например, В. В. Радлова подчеркивается значение государственной власти в жизни кочевых народов. Для характеристики его точки зрения чрезвычайно важны следующие слова: «Так, надписи дают нам наглядную картину, как только через влияние определенных личностей (вождей племен — Stammführer) образуются из совсем маленьких начал (Anfänge) в кратчайшее время мощные племенные комплексы (Stammkomplexe) и как эти личности узурпируют ханскую власть (Chansgewalt). Они нам далее

¹ В. Григорьев. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. ЖМНП, 1875.

² Там же, стр. 26, 27.

³ См. введение к сочинению Вамбери «Первобытная культура тюрко-татарских народов» (перев. Стратилатова, ЗЗСОРГО, кн. 6, Омск, 1884, стр. 49).

⁴ Ср. его работу «К вопросу об уйгурах» (прилож. к т. XXII ЗАН); ср., например, о гибели уйгуров (стр. 130): «Внутренние смуты подорвали, однако, могущество токуз-уйгуров»; или его «Altürkische Studien». IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte» (ИАН, 1911, особенно стр. 310).

показывают, что только крепкая рука хана (*die feste Hand des Chan*) в состоянии держать в покое и боевой готовности государство кочевников (*Nomadenstaat*) и что хан только тогда может объединить не связанные племенные частички (*Stammtheilchen*) в одно крепкое целое, если он может всякое восстание (*Auflehnung*) против своей власти сразу подавить, но что кочевническое государство сразу распадается, когда крепкая рука хана ослабевает и становится бессильной».¹ Подчеркивая указываемое в надписях обращение кагана к тюркскому народу, где говорится, что вследствие «смут» внутри последнего произошла гибель кочевого государства, В. В. Радлов отмечает это явление в связи с характеристикой государственной власти. Эти слова В. В. Радлова появились в 1909 г., т. е. в эпоху реакции, после революции 1905 г., когда буржуазия должна была понять, к чему ведет классовая борьба в истории вообще и борьба пролетариата в частности. Столь же интересные по своей политической откровенности замечания мы найдем и у В. В. Бартольда. В 1899 г. В. В. Бартольд написал интересную рецензию на работу Н. А. Аристова.² Н. А. Аристов «по старинке» предполагал, что «при патриархально-родовом быте тюрко-кочевников роды и сочетания родов и их частей в родовые и племенные союзы, действительно, имели преобладающее во всех отношениях значение»³ и что «то же стремление родов и племен к самостоятельности играло преобладающую роль в распадении основанных монголами улусов джучиева и джагатаева и в политическом бессилии и несостоятельности киргиз-казачьего союза, возникшего на их месте».⁴ По поводу этих рассуждений Н. А. Аристова, представляющих собой гегельянскую точку зрения на развитие государства из семьи, которая превращается в род, род — в племя и племя — в государство, выступил В. В. Бартольд. В. В. Бартольд специально подчеркнул при этом, «что в двух случаях, именно: при восстановлении восточно-тюркского государства (VIII в.) и при образовании империи монголов (XIII в.), переворот в жизни кочевников находился в связи с борьбой между степной аристократией и демократическими элементами, причем борьба в первом случае кончилась победой демократии, во втором победой аристократии», и далее, что «отсутствие подобных данных об образовании других кочевых империй заставляет нас оставить открытым вопрос, происходили ли и там явления, более соответствующие понятию о классовой борьбе, чем понятию о борьбе между отдельными родами и племенами».⁵ Выступление В. В. Бартольда является чрезвычайно характерным. Выступая против гегельянских утверждений Н. А. Аристова, В. В. Бартольд высказывает правильную мысль о том, что причины общественных явлений в жизни кочевников надо искать в классовой борьбе. Он даже соглашается с Каэном, что перевороты в жизни кочевников производились «живыми нациями». Каэн, французский ученый, профессор Сорбонны, как и Дегини, принадлежал к сторонникам «политической классификации». Он рассматривал орхон-енисейских тюрков с точки зрения их политического

¹ W. Radloff. *Alltürkische Studien*, IV, S. 310.

² Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая старина, вып. 3—4. 1896, СПб., 1897. Рецензию В. Бартольда см. в ЗВО, т. XI, вып. I—IV, стр. 341—356.

³ Н. А. Аристов, ук. соч., стр. 9.

⁴ Там же, стр. 10, 11.

⁵ См. рецензию В. В. Бартольда в ЗВО (стр. 354—355). По этому поводу см. нашу статью «О роли завоеваний». (Прб. ИМК, № 3—4, стр. 49—51).

устройства, не придавая значения их этническому происхождению.¹ Определяя государственное устройство тюрков, он называет его бюрократическим, противопоставляя это устройство аристократическому и «демократическому идеалу».² Против этих рассуждений также выступил В. В. Бартольд и дал свою первую характеристику тюркскому обществу, которую он развивал затем в ряде статей. В рецензии на книгу Каэна В. В. Бартольд возражал против вышеуказанного утверждения о бюрократическом устройстве тюркского общества и настаивал на том, что в орхонских надписях беги в качестве высшего сословия противопоставляются «черному народу», причем верховная власть не всегда становится на сторону бегов.³ Эту же точку зрения В. В. Бартольд излагает и в своей другой статье.⁴ Мысль о том, что падение тюркского государства вызвано классовой борьбой внутри него, а также идею о демократическом характере тюркского кагана В. Бартольд проводит во всей статье.⁵ На эти утверждения В. Бартольда ему отвечал В. Банг, католический немецкий ученый, тюрколог, одновременно исследователь германской и английской литературы.⁶ В. Банг возразил В. В. Бартольду, что нет никаких оснований делать вывод «из надписей о демократии хана» и что «стоящие вокруг хана люди суть родственники или дворянство», которые способствовали возвышению тюркского народа.⁷ На замечание В. Банга немедленно ответил В. В. Бартольд, который в своей следующей статье подробно изложил свои политические взгляды в связи с исследованием общества орхоно-енисейских тюрков. «Где я называл хана предводителем демократии? — спрашивал В. В. Бартольд, — об этом не говорится; было бы очень трудно такое место найти в моей статье. Как доказывают слова *türk qağa qatıy budıq*, династия была обязана своим тронном низшим народным классам (*den unteren Volksklassen*). Поэтому в надписях высказываются некоторые демократические мысли, приписывается объединение племен (*Zusammenhaltung der Stammgemeinschaft*) всему народу и на простой народ (*gemeine Volk*) смотрится не с таким презрением, как позднее, в монгольское время. Мною, однако, четко подчеркивается выражение, что хан обязан своим тронном не народной воле, а божеской милости (*nicht dem Volkswillen, sondern der göttlichen Gnade*). И новый господствующий дом окружил свой трон резко выраженной аристократией. Новые ханы держали себя, следовательно, так же, как властители демократического происхождения в Европе. Оба Наполеона были обязаны своим господством демократической революции, оба были чем угодно, но только не убежденными демократами. Они окружили свой престол резко выраженной военной аристократией, и, однако, Бонапарты в своих открытых выступлениях еще сегодня придерживаются идеи демократической империи (*empire démocratique*)».⁸

¹ L. Cahun. Introduction à l'Histoire de l'Asie. Turks et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896, стр. 72—82. — К. Иностранцев, ук. соч., стр. 13—16.

² L. Cahun, op. cit., p. 82.

³ Рецензия на книгу Каэна. ЖМНП, 1896, вып. 5—6, стр. 373.

⁴ W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. ATIM, Neue Folge, 1897, SS. 4—5. О классовой борьбе вообще в обществе тюрков разбираемого периода ср. также статью Бартольда «Новые исследования об орхонских памятниках» (ЖМНП, 1899, вып. 9—10, стр. 237, 276).

⁵ Там же, стр. 6—8.

⁶ H. H. Schaefer. Zu W. Bangs sechzigstem Geburtstag. UJ, 2/3, Bd. IX, 2/3, Aug. 1929.

⁷ W. Bang. Zu den Köktürkischen Inschriften. TP, Bd. IX, Leiden. 1898, S. 121.

⁸ W. Barthold. Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. ATIM, Zweite Folge, 1899, SS. 1—2.

Делая шаг назад в оценке тюркской империи, В. Бартольд остался верен своим выводам до конца. В таком виде, как они представлены в его статьях, особенно в рецензии на книгу Аристова, они вряд ли вызовут особые возражения.¹ Казалось бы, что эти высказывания связаны с молодым В. Бартольдом, когда он в своих исследованиях ближе подходил к истинному положению вещей, чем другие ученые. Однако свою концепцию он заканчивает гораздо позднее. Мы имеем в виду его замечания в сборнике памяти Томсена (1926 г.), где В. В. Бартольд ссылается на то обстоятельство, что факт сословной борьбы между бегами, т. е. аристократией, и «черной народной массой» среди орхонских тюрков не был отмечен ни Радловым, наблюдавшим жизнь кочевников в то время, когда среди них уже будто бы не было резкой социальной дифференциации, ни Томсеном, который в предисловии к своему последнему переводу «говорит о резкой противоположности (*scharfe Trennung*) между дворянством и простым народом, но не отмечает значения этого факта для рассказываемых в надписях событий».² В. В. Бартольд, таким образом, признавал, что возможна была ликвидация классовых противоречий и возникновение родового строя в результате примирения классовых противоположностей. Его положительная оценка каганов тюркской империи тесно связана с представлением, что герои империи и выразители «национального единства» и «государственной идеи» способны превратить общество, раздираемое внутренними противоречиями, в цельную гармонию родового строя. Если это так, то замечания, направленные против Томсена, неверны, так как последний, отмечая резкие противоположности между дворянством и всем народом (*scharfe Trennung zwischen Adel (Bägen, bäg, osmanisch bej) und gemeinem Volk*),³ учитывал роль вождей тюркского общества, способных возродить тюркский народ и восстановить его силу и могущество, т. е. восстановить родовую строй.

В. Томсен в свое время дал характеристику одного такого вождя, советника трех ханов, Тоньюкука: «Этот старый делатель королей» (*kingmaker*) и министр трех каганов занимается здесь [в памятнике. — А. Б.] исключительно маленьким количеством фактов, особо замечательных, которые совершались со времени реставрации тюркской империи Ильтерес-каганом. До преклонных лет он сумел выделяться своим дипломатическим и тактическим гением и своей непреклонной волей. Факты, которые он представляет со справедливой гордостью, являются образцами, с которыми надо считаться и в будущем».⁴

¹ После Октябрьской социалистической революции В. В. Бартольд отчетливой формулировал свои положительные установки, заслуживающие несомненного внимания. Ср. его статью «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монгол» (ИОИАИЗ, т. XXXIV, вып. 3—4, Казань, 1929, стр. 3), где подчеркиваются имущественное неравенство и классовая борьба в эпоху кочевого быта и то обстоятельство, что «без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти; кочевой народ может жить дольше всех без хана, а когда является хан, то его борьба за власть со своим собственным народом сопровождается иногда большим кровопролитием, чем последующие завоевания кочевников в культурных землях».

² В. В. Бартольд. Томсен и история Средней Азии. Изд. АН СССР, Лгр., 1926, стр. 11—12.

³ V. Thomsen. *Altürkische Inschriften aus der Mongolei*. ZDMG, Bd. 78, S. 13.

⁴ V. Thomsen. *Turcica*. MSFO, XXXVII, Helsingfors, 1916, S. 99. Точка зрения Эд. Шаванна подобна таковой Томсена. Ср. его «Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux» (СБТОЭ, VI, 1903). Ср. рецензия В. Бартольда в ЗВО (т. XV, стр. 172 и 184).

В этой характеристике Тоньюкука, равно как и у Ф. Хирта, называющего Тоньюкука своеобразным Бисмарком (*eines Bismark in seiner Art*),¹ в неслучайных отождествлениях Г. Шлегеля, сравнивающего термины «тегинь» (Кюль-тегин надписей) с принцем Бисмарком (*Prince Bismark*), а титул «торе» с принцессой Орлеанской во Франции (*Princesse d'Orléans en France*),² все это в связи с утверждениями В. Бартольда о том, что сначала была классовая борьба в обществе кочевников, а затем наступила эпоха родового строя, теснейшим образом связано с попытками показать единство монарха и государственной власти с простым «черным» народом, с попытками доказать возможность примирения классовых противоречий «волею сильного монарха». В. И. Ленин блестяще разоблачил это стремление «внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п.»³ Это относится и к исторической концепции о примирении классовых противоречий, которую развивал В. В. Бартольд.⁴

Из сказанного о политических взглядах В. Радлова и В. Бартольда не следует, что труды этих ученых не могут быть приняты советской наукой. Их вклад в науку настолько велик, что ни одна тюркологическая работа историка-марксиста, равно как и исследование по истории Средней Азии не могут обойти их наследства, представляющего ценность мирового значения. Приведенный нами критический разбор их политических концепций, сформулированных в определенную эпоху и вращенных средой, к которой они примыкали, имеет единственной своей целью сознательное и критическое восприятие их наследства без всякого умаления их научных заслуг. Их работы были и остаются гордостью русской науки.

Позднейшая литература не представляет такого интереса, как только что нами разобранная. Отмечу только лекцию М. Чаплички, прочитанную 24 октября 1917 г. в Лондонской востоковедной школе и напечатанную в 1918 г.⁵ М. Чапличка попыталась дать общую историю тюрков, разделив ее на четыре периода: «1) От первого смутного (*vague*) упоминания в китайских летописях танской и чжоуской династий (2356—2200 до н. э.) и не менее смутных упоминаний в Авесте (если правильно отождествлять *Tuga* с *Turc*) до середины VI столетия н. э., когда впервые появляется имя *Tu-kiue* (*Turks*). 2) От появления названия «турок» через период быстрого развития независимости до монгольского нашествия XIII века. 3) От XIII столетия через период великих передвижений, начавшихся с завоевания Чингис-хана и все еще независимого турецкого государства под монгольской династией, до начала русской династии XVII века. 4) От XVII столетия через периоды войны с Россией и с последующим русским управлением до русской революции 1917 г.»⁶

¹ F. Hirth. *Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq*. ATIM, Zweite Folge, S. 1. «Die Inschrift des Tonjuquq schildert uns die militärische und politische Laufbahn eines türkischen Nationalhelden, eines Bismark in seiner Art, der unter drei Khanen gedient und mehr als irgend einer seiner Landsleute dazu beigetragen hat, das im 7. Jahrhundert zeitweilig von den Chinesen unterjochte Türkenvolk wieder unabhängig und gross zu machen».

² G. Schlegel. *Tagin et Töre*. TP, Bd. VIII, 1897, S. 159.

³ В. И. Ленин. Ценное признание. Соч., т. IV, изд. 3-е, стр. 158—159.

⁴ Характеристику этой концепции мы уже дали в нашей статье «Ленин и история народов Сов. Востока», Прб. ИДО, 1934, № 2.

⁵ M. Czapliska. *The Turks of Central Asia in History and at the Present Day*. Oxford, 1918. Ср. рецензию В. В. Бартольда в «ЗКВ» (т. I, стр. 506—511).

⁶ M. Czapliska, *op. cit.*, p. 61.

Со схемой М. Чаплички нам еще придется встретиться далее. Автор проводит последовательную политику английского империализма, и книжка ее — очень откровенная борьба против национально-освободительного движения зависимых и полувисимых стран Востока.

В интересах национализма, оборотной стороной которого является попытка укрепления позиций «мулл и ханов», тюркскими учеными велась пропаганда извечности существования тюркского народа, его былой самостоятельности и его былого владычества. Политическим выражением этого в пределах СССР являлись разоблаченные ныне многочисленные националистические группировки, как ибрагимовщина, султангалиевщина, алашордынцы, иногамовщина и т. д. Небезызвестно течение пантюркизма и в Азербайджане. В турецкой литературе мы имеем такие яркие проявления пантюркизма, как, например, работы Риза-Нура.¹

Риза-Нур доказывает, например, что любовь древних тюрков к голубому цвету говорит об осознании последними своего национального цвета, делая обратный вывод о принадлежности к тюркам народов, приемлющих голубой цвет как цвет национального знамени («On peut en conclure, que chez ces Turks la couleur nationale était le bleu»).² Тот же Риза-Нур использует данные орхонских памятников для проведения националистических теорий. Такого же типа и замечания Неджиб-Асима в его компиляции об орхонских текстах.³

Работа Неджиб-Асима не является оригинальным исследованием и поэтому не представляет интереса для самостоятельного разбора. Мелкие замечания о древних тюрках имеются и у крупнейшего буржуазного идеолога пантюркизма Кёпрюлю-заде. Теперь, в связи с ростом анатолийско-турецкой науки и культуры и с ростом молодых ученых, мы будем, вероятно, иметь исследования и по той области истории, которой посвящена настоящая работа.⁴

¹ Riza Nour. Oughouz-Namé, épopée turque. Alexandrie, 1928.

² Там же, стр. 10.

³ نجمب عاسم اورخون آبهلوی استانبول

⁴ О пантюркистских теориях последнего времени см. ниже в главе «Происхождение орхонско-енисейских тюрков». Уже когда настоящая работа была закончена, нам удалось ознакомиться с новой работой по орхонским надписям: «Huseyin Namik Orkun, Eski Türk Jazitlari» (I. Istanbul 1936). См. рецензию С. Малова: Язык и мышление, IX, М. — Л., 1940, стр. 186. В этой работе изданы наиболее крупные рунические тексты и их переводы с использованием словаря Махмуда Кашгарского. Работа не представляет собой ничего особо нового. Историческое введение написано в стиле китайской хроники, вопросы классовой борьбы, столь ярко отраженные текстами, конечно, смазаны.

Глава III

ИСТОЧНИКИ

1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Основным источником нашей работы являются рунические тексты, написанные на древнетюркском языке разнообразных племен тюрков VI—VIII вв. н. э. Тексты эти изучены далеко неполно и неравномерно. В то время как некоторые переводились и изучались неоднократно, например памятник в честь Кюль-тегина, другие (Онгинский, мелкие надписи из Монголии, енисейские, в известной степени текст Кули-Чура и Селенгинский) были только изданы и переведены и очень мало подвергались научной обработке. Поэтому мы отказались от мысли рассматривать эти памятники хронологически и вначале разбираем наиболее изученный текст Кюль-тегина и Могилян-хана, для того чтобы на основании этих текстов перейти к наименее изученным. Этим самым нарушается хронологическое рассмотрение текстов, но облегчается выполнение основной нашей задачи — критики текста по существу.

Всего рунических текстов, подлежащих нашему рассмотрению, восемь, а именно: 1) надпись на стеле, поставленной в честь Кюль-тегина, 2) Бильге или Могилян-хана, 3) Онгинский памятник, или памятник Гудулу-хана (наиболее ранняя надпись), 4) надпись Тоньюкука, 5) мелкие надписи из Монголии, 6) группа южносибирских надписей, 7) текст Кули-Чура, 8) два текста уйгурской династии — из Суджи и «Селенгинский камень». Документы, писанные руническим шрифтом, из Восточного Туркестана, мы разбирать особо не будем. Датируются они началом IX в. и фактически не входят в круг источников, непосредственно относящихся к нашему периоду. Естественно, что они будут привлекаться там, где они могут осветить ряд интересующих нас проблем, и постольку, поскольку затронутые там вопросы, несомненно, относятся к VI—VIII вв. н. э. В такой же степени будут использованы: 1) текст «книги предсказаний» (*Yŋq biŋig*), найденной А. Штейном и переведенной В. Томсеном, и 2) надгробные надписи, написанные руническим шрифтом, из долины Талас. Подробные отчеты экспедиций Г. Гейкеля и В. В. Радлова, изданные атласы и наличие на всех языках и почти во всех крупных русских и западноевропейских журналах отчетов и сообщений об открытии Н. М. Ядринцева, финляндской и русской экспедиций, рецензий на первые переводы текста В. В. Радлова и В. Томсена освобождают нас от необходимости подробно повторять в нашей работе условия находки двух наиболее крупных текстов — памятников Кюль-тегина и Могилян-хана.¹ Отмечу, что оба памятника, как сообщает В. В. Радлов, найденные в районе Кошо-Цайдама, были окружены разными скульптурными обломками китайской работы [олени (?), каменные бабы, черепаха — подставка для памятника]. Оба памятника находились на

¹ Тем более, что литературу мы привели выше в главе «История вопроса».

расстоянии одного километра друг от друга. Возле памятника Кюль-тегина были найдены два каменные саркофага, идентичные саркофагам, найденным на Онгите, в Хойнту и Улан-хате, на Онгине, в Асхете, Ханьене и в Ихе-хушоту. Как полагает В. В. Радлов, «северные каменные сооружения образуют одно целое с более южными могильными памятниками Кюль-тегина и Бильге-хана и указывают место, где похоронены эти тюркские князья».¹ Место, где были поставлены памятники, является, как это предполагает В. В. Радлов, местом не самого погребения, а помина.² Надписи на стелах являются не только надгробными эпитафиями — в них описывается прошлое тюркского народа, подтверждаемое данными китайских летописей. Затем идет рассказ о том, как возвысился тюркский народ, и подчеркиваются заслуги погребенного в «возвышении» тюркского народа. Могущество тюркского народа, как гласят об этом надписи, явилось следствием завоеваний и покорений окружающих народов. На перечислении этих походов и заканчиваются надписи, вернее главный текст. Сила и могущество покойного подчеркиваются перечислением тех народов, которые пришли на поминки (юу). Подписями составителя текста и указанием на время, когда был воздвигнут памятник, оканчивается содержание надписи. Таким образом тексты этих памятников, особенно крупных, являются своеобразными летописями, — каждый из памятников отдельной главой по истории тюрков. Естественно, что они освещают период не только жизни погребенного, но затрагивают и предшествующий ему период; правда, эти части надписей несут несколько легендарный, былинный характер, но, поскольку мы находим подтверждение перечисляемым там событиям в китайской истории, постольку мы не можем не считаться с ними, как с историческими фактами. Рассматриваемые нами ниже два текста посвящены: один Кюль-тегину, младшему брату Могилян- или Бильге-хана, предводителю войск последнего; другой Могилян-хану, одному из последних ханов тюрков. Кюль-тегин возвел на престол своего старшего брата Могиляна после смерти своего дяди Мочжо (716 г.) и убийства своего двоюродного брата Ёгу-кагана. Кюль-тегин и Могилян были сыновьями Гудулу-хана, который вместе со своим советником (аҗуиу) Тоньюкуком вывел в 682 г. тюрков из-под власти Китая. В Китае тюрки пребывали в течение свыше 50 лет (с 630 до 682 г.). После смерти Гудулу, упоминаемого в рунических текстах как Ильтерес-каган (а его жена — Ильбильге-катун), в 693 г. (или 692?), ввиду малолетства его сыновей (Могилян у него семь лет, а Кюль-тегину пять),³ престол занял брат Гудулу Мочжо (по руническим текстам Капаган-каган). Во время владычества Мочжо советник Ильтерес-кагана Тоньюкук попал в опалу, чем вызвана поставленная, вероятно, еще при жизни Тоньюкука, стела, известная как «надпись Тоньюкука». В этой надписи Тоньюкук в резко полемическом тоне указывает Мочжо и всему тюркскому народу на свои заслуги, благодаря которым «возможно было существование тюркского народа Капаган-кагана». В свою очередь своеобразным ответом Тоньюкуку был, по нашему мнению, памятник, известный под названием Онгинский, в котором Мочжо, ставя его, как надгробную стелу, своему брату Гудулу-кагану, отвечает

¹ С6ТОЭ, вып. 4, стр. 13.

² Ук. сборн., стр. 7.

³ О хронологии см.: W. Radloff, ATIM, III, SS. 423—424. — F. Hirth, ATIM, Zweite Folge, SS. 96—101. — I. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften Leipzig, 1898, SS. 52—55. Хронологическая таблица повторена у П. Мелиоранского (ЗВО, XII, стр. 140).

Тоньюкуку.¹ Точные даты этих двух памятников неизвестны, но оба, по нашему мнению, были поставлены при жизни Капаган-кагана, в первые годы его царствования, т. е. в последнее десятилетие VII в. или в первое десятилетие VIII в. н. э. С именем Ильтереса и Тоньюкука связан текст Кули-Чура, предводителя тардушей. Как мы покажем ниже, последний текст был написан в период, связанный с последними годами деятельности Мочжо и главным образом с жизнью Кюль-тегина и Могилян-хана, т. е. датируется первыми тремя десятилетиями VIII в.

Все крупные тексты, равно как и мелкие, принадлежат, таким образом, господствовавшему в тюркском обществе классу и очень ярко отражают идеологию, внутренние распри и разные политические группировки внутри господствующего класса. Сведения, сообщаемые текстом надписей, дают богатейший материал по истории тюрков. Необходимо сделать только одну оговорку: тенденциозность и ярко выраженная классовая сущность текста, сравнительно небольшие размеры и лапидарность в изложении без привлечения другого вида исторических источников вообще, по нашему мнению, не дали бы возможности пользоваться ими для марксистско-ленинского изложения истории. По интересующей нас проблеме материала меньше всего. Только начинающие складываться классовые отношения еще в сильной степени скрыты родовым строем. Узурпируя родовую власть, богатая часть кочевников отнюдь не уничтожает родовой организации, наоборот, она всячески ее поддерживает и развивает. Родовой строй, когда органы его уже становятся проводниками интересов кочевой нарождающейся рабовладельческой и феодальной знати, не смог не сказаться и на содержании надписей. Очень мало мы здесь найдем материала по социально-экономическим вопросам, например о непосредственном производителе. И только некоторые места, бесспорно свидетельствующие о классовой борьбе, позволяют говорить, что общество орхоно-енисейских тюрков знало классовое расслоение внутри рода, внутри родовой общины. Однако в текстах совершенно ясно в качестве эксплуатируемого выступает раб, о чем можно судить хотя бы по обильной терминологии. Объясняется это тем, что только рабы могли фигурировать в таком состоянии, эксплуатация же богачами своих сообщников всячески замалчивается в интересах сохранения родового строя. В связи с этими интересами понятно, почему мы не найдем терминологии, по которой можно было бы судить, что речь идет о зависимом. Этой терминологии здесь быть не может. И только отдельные места текста о классовой борьбе, о раздорах внутри рода и внутри всего тюркского народа свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело с обществом, непосредственным производителем которого был закабаляемый общинник и «родич». Это обстоятельство говорит о необходимости тщательного критического подхода к тексту и, учитывая классовую его сущность и идеологию класса, еще связанного со всеми атрибутами патриархально-семейных отношений, вскрывать за обилием терминологии рабства и эксплуатацией «иноземцев», «инородичей» закрепощение своего собственного сородича.

Все надписи являются политическим документом той или иной правящей группировки. В них ярко выражена вражда внутри господствующего класса и между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Это также «отдаляет» текст надписей от действительных событий, происходивших

¹ Об этом см. ниже в разделе «Онгинский памятник», где мы пытаемся обосновать наше предположение.

внутри тюркского общества. Особенно замазывается классовая борьба внутри тюркских племен и родов. Стелы служили, как мы отмечали, интересам господствующего класса. В них подчеркивалось, что своим возвышением тюркский народ обязан его героям и возвышение это возможно только при сохранении единства внутри народа. Подчеркивая роль отдельных героев тюркского общества и указывая «программу действий», стелы являлись своего рода «агитационной печатью» тюркской знати. Надписи ставились на видных местах, у перекрестков дорог и т. п. В некоторых чувствуется стиль былины, наподобие легенд и преданий, имеющих место среди тюркских народов, особенно у якутов, кыркызов и т. д. Наиболее ярким примером былинного рассказа является как раз надпись Кюль-тегина и Могилян-хана, к разбору которых мы и приступаем.

2. ПАМЯТНИКИ КЮЛЬ-ТЕГИНУ И МОГИЛЯН-ХАНУ

Надгробная надпись Кюль-тегина представляет собой текст, построенный в форме стихотворного повествования. Особенно это ярко сказывается в отдельных местах:

Tabyač budunqa bāglik ury oŷlyn qul boldy
 Silik qyz oŷlyn kün boldy.
 Türk bāglār Türk atyn yty
 Tabyačqy bāglār Tabyač atyn tutypan
 Tabyač qaŷanqa körmiš
 Älig jyl iŷig küčig bärmiš
 Ilgärü kün toŷusyq-da
 Bökli qaŷan-qa tägi sülājü bärmiš

(Китайскому народу мужественные сыновья твои рабами стали.

[Китайскому народу] чистые девушки твои рабынями стали.

Турецкие беги турецкие имена свои сняли.

[И] Китайским бегам и китайскому кагану, китайские имена
 взяв, в глаза смотрели [подчинились].

Пятьдесят лет свой труд и свою силу давали,

Вперед [до] солнечного восхода вплоть до кагана боклийского
 войной ходили.)

В аналогичном размере построен весь текст памятника. Это оформление повествования уже отмечено В. В. Радловым на материалах кыркызского эпоса и является характерным вообще для всего эпоса тюркских народов.¹

Заключительная строфа малого памятника Кюль-тегина Коршем была разобрана как четверостишие.² Отмечал такое построение фраз и В. Банг.³

¹ W. Radloff. Proben der Volksliteratur der nördlichen türkischen Stämme. Theil V. Der Dialect der Kara-Kirgisen. St. Pbg., 1885. — С. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Труды Комиссии по изучению Якутской автономной ССР, Изд. АН СССР, Лгр. 1929. — Эд. Пекарский. Якутская сказка. Сборн. С. Ф. Олденбургу, Изд. АН СССР, Лгр., 1934.

² Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен, ЗВО, XIX (1909)

³ Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен, ЗВО, XIX (1909),

³ Der Parallelismus in der Construction.

1. Älsirämiš, qaγansyramyš budunyγ
2. Künđämiš quldamyš budunyγ
3. Türk törüsün yčγynmyš budunyγ äcüm-apam törüsin-ča
jaratmyš

- (1. Das Volk, welches ohne Ale und Khane war.
2. Das Volk, welches Knechte und Mägde geworden war.
3. Das Volk, welches seine türkische Törü aufgelöst hatte.)¹

Представляет, конечно, интерес, кто являлся составителем текста Кюль-тегина. По этому вопросу почти не производилось исследований, ибо довольствовались последней фразой малой надписи: *Bi bitig biügma atusy Jollyγ Tägin*. (эту надпись писавший есть племянник его Йоллыг-тегин).² Выяснению вопроса об авторе и исполнителе китайской надписи на стеле Кюль-тегина посвятил статью Ф. Хирт, считавший, что составителем и исполнителем (*Verfasser und Abschreiber*) надписи был Сюань-Цзун, китайский император.³ Надпись, вероятно, составлялась на бумаге, с которой уже переносил на камень резчик. Вопрос об авторе тюркской надписи Кюль-тегина поднял Н. Козьмин.⁴ В своей статье он остановился на двух вопросах: 1) кто является автором орхонских текстов и 2) кто такой Йоллыг-тегин.

Н. Козьмин дает сводку тех мест текстов памятников Кюль-тегина и Могиляна, где упоминается автор. Судя по этим указаниям, автором является некто *Jollyγ Tägin* (Йоллыг-тегин), которого Н. Козьмин считает своеобразным «аталыком», известным в истории и этнографии тюркских племен, т. е. опекуном. Это предположение основано на соображении о том, что Могилян и Кюль-тегин были очень малы после смерти Гудулу-кагана. Однако мы считаем вряд ли возможным наличие опекуна при детях Гудулу после его смерти, еще при жизни их дяди Мочжо, при котором в частности Могилян был шадом тардушей. Предположение же о том, что Йоллыг должен был опекать Могиляна и Кюль-тегина против Тоньюкука, представителя иного оппозиционного течения, по-моему, мало вероятно, так как в эпоху Мочжо Тоньюкук сам был в опале и Мочжо был достаточно опекуном малолетних племянников, к которому, кстати сказать, Могилян и Кюль-тегин относились достаточно хорошо.⁵ Неверным у Н. Козьмина является также утверждение о том, что Йоллыг-тегин олицетворял собой феодальное течение против Тоньюкука. Тоньюкук был как раз возвращен к «престолу» в эпоху Могиляна, и резкость Тоньюкука в его памятнике, им же составленном и документированном его подписью,⁶ направлена не против Могиляна, а против Мочжо.

Не могу согласиться и с другим положением Н. Козьмина о том, что представителем консерватизма был не Тоньюкук, а Йоллыг.⁷ И Тонью-

¹ О работах В. Банга см. ниже.

² КТ, 13.

³ F. Hirth. Ueber den Verfasser und Abschreiber der Chinesischen Inschrift am Denkmal des Köl Tägin. TP, Bd. V, 1897, SS. 151—157.

⁴ Классовое лицо «атысы» Йоллыг Тегина, автора орхонских памятников. Сборн. С. Ф. Ольденбургу, Изд. АН СССР, Лгр., 1934. См. рецензию А. Бернштама на указанную работу Н. Козьмина в «Проблемах истории докапиталистических обществ» (№ 1—2, 1935).

⁵ О чем свидетельствуют соответствующие места КТ, II.

⁶ Ср. ниже главу «Тюркская и уйгурская династии». Подпись к строке 59.

⁷ Н. Козьмин, ук. соч., стр. 276.

кук и все каганство по сравнению с бегством были консервативней последнего, но как раз Могилян, как мы увидим ниже, при обзоре тюркской истории, пошедший на союз с бегством, был прогрессивней Тоньюкука и во всяком случае не наоборот. Кто же был автор текста? Несомненно, представитель родовой аристократии каганства, а не бегства. Ниже мы детальней познакомимся с установками тех и других, и тогда нам многое станет ясней.¹ За то, что Йоллыг был представителем каганства, говорит, во-первых, присутствие в его имени прозвища² — титула *tägin* (принц), титула молодых наследников ханов. Могилян был ханом Йоллыга, Кюль был тегинем, Йоллыг также тегинем. Нам представляется более вероятным утверждать, что Йоллыг непосредственно член, притом младший член ханского рода, что отражено в термине, стоящем перед именем в малой надписи Кюль-тегина, *ату* (*Bu bitig bitigmä atysu Jolyu tägin*).³ Термин *atysu* есть *ату* (племянник либо внучатые племянники) с окончанием притяжательного местоимения третьего лица *су* (его).⁴ Этот племянник и выступает в конце той же надписи против бегства со словами: «Теперь, покорные бег, вы склонны впадать в ошибку» (*Bödkä körgmä bäglär ägü janyldačysyz*).⁵

Из сказанного следует, что Йоллыг-тегин, автор больших и малых надписей Могилян-хану и Кюль-тегину, был один из младших членов ханского рода, возможно наследник, который в интересах своей популярности и защиты платформы каганства эпохи Могиляна, написал соответствующие стелы с восторженным панегириком о предшествующих ханах. Неупоминание в текстах о Тоньюкуке и абсолютное замалчивание его является, по-моему, следствием того положения, что эпоха Могиляна — это попытка установить союз каганства с бегством, вызывающий в лице Тоньюкука ярого противника. Тоньюкук, возвращенный при Могиляне из изгнания, остался верен своим консервативным убеждениям и сохранил известную оппозиционность к каганствующему роду, почему его личность и не запечатлена Йоллыг-тегинем в соответствующих текстах.

Текст Кюль-тегина и Могилян-хана издавался и изучался неоднократно. Кроме отмеченных выше работ, укажем на работу В. Банга,⁶ не упоминая снова работ В. Томсена, В. Бартольда и П. Мелиоранского. В последней работе П. Мелиоранского («Записки Восточного отделения») в примечаниях к текстам дана сводка всем замечаниям, связанным

¹ Ниже в главе «Тюркская и уйгурская династии» мы приводим данные китайских летописей, по которым видно, что позиции Могиляна были относительно прогрессивней позиций Тоньюкука; так, напр., Могилян вел вслед за Мочжо политику оседания.

² Собственно, *Jollyu* может значить «счастливым» от *Jol* (счастье + притяжательный суффикс *lyu*). Не есть ли здесь словообразование в значении «наследный», обладающий тем же, что и Могилян? Ср., напр., *Qullyu*.

³ КТ, I, 13.

⁴ Ср. нашу статью «Родовая структура Тугю VIII в.» (ИГАИМК, № 100, стр. 572—573).

⁵ КТ, I, 11.

⁶ Так, например, W. Bang выпустил ряд статей почти под одним и тем же названием: «Ueber die Köktürkische Inschrift auf der Südseite des Kül Tegin-Denkmal» (Leipzig, 1896). В заметке «Köktürkisches» (WZKM, XI, 1897 г.) W. Bang приводил параллели ряду тюркских слов из монгольского и манчжурского языков (напр., слова *tsü-ara*, *jär-sub*, *balbal*). В статьях «Zu den kö. türk-Inschriften der Mongolei» (TP, VIII, 1897) W. Bang частично повторяет свою заметку (в WZKM, XI), и главным образом разбирает надпись Кюль-тегина. Фактическим продолжением этой статьи; являются следующие его работы «Zu den köktürkischen Inschriften» (TP, IX, 1898), «Zur Erklärung der köktürkischen Inschriften» (WZKM, XII, 1898), в которых он дает перевод главных мест надписи Кюль-тегина.

с вышеназванными работами. Сверку фактов с показаниями арабских источников сделали В. В. Бартольд и И. Маркварт, с китайскими — Ф. Хирт и др. В результате этих работ установлена историческая достоверность сообщаемых текстами фактов, хронология событий, более или менее объяснены наиболее темные и неясные места текста, установлены топографические и этнографические названия и отождествлены с современной этно- и топонимикой.¹

Естественно, что дальнейшему изучению подлежит главным образом социальная терминология, не получившая должного освещения в указанных выше работах.

После этих предварительных замечаний перейдем к характеристике памятника как исторического источника.

Памятники в честь Кюль-тегина и Могилян-хана в первых своих частях, за мелкими исключениями, идентичны. Отличие составляют последние части текстов, ибо к концу своей жизни Кюль-тегин и Могилян действовали в разных районах, а кроме того последний жил дольше. Тексты состоят из двух частей, малых надписей и больших.

Начинается текст малой надписи Кюль-тегина с обращения от имени кагана к родовой аристократии и народу. Титул кагана *Täqritäg tägrido-bolmyš Türk Bilgä Qaγan* по своей структуре напоминает нам образец эпистолярного стиля китайского образца, который известен еще из переписки гунских шаньюев с китайскими императорами.²

Вслед за этим обращением, в котором особый интерес представляет социальная терминология, идет описание, несколько преувеличенное, походов и действий кагана с тюркскими племенами. Преувеличение состоит в том, что надпись отмечает покорение всех народов непосредственно тюркам, в то время как перечисляемые в источнике страны (Китай, Тибет, Восточный Мавераннахр) были лишь конечными пунктами походов, и то не всегда удачных.

Далее текст вспоминает о том периоде, когда тюрки были под властью Китая (630—689 гг.), объясняя это падение политического могущества тюрков тем, что Китаю удалось прельстить тюрков продуктами роскоши. В этом упреке о продаже интересов своего народа за дары из Китая состоит основное содержание текста. Текст противопоставляет дарам Китая необходимость самостоятельности тюркских племен, причем акцентируется роль кагана в восстановлении автономности тюрков. Разбираемый текст кончается наставлением, особо обращенным к бегам, и данными об авторе текста и исполнении памятника и надписи.

Рассмотренный текст имеет огромное историческое значение, ибо он дает определенную оценку целого пятидесятилетия в истории тюрков, заключает ряд сведений по социальной терминологии, предметам тор-

¹ Здесь надо отметить две работы J. Marquart'a. Совместно с W. Bang'om «Die Chronologie der Altürkischen Inschriften» (Leipzig, 1898), и «Historische Glossen zu den altürkischen Inschriften» (WZKM, 1898, XII). О работах J. Marquart'a см. указанную работу В. В. Бартольда (ЖМНП, 1899) и статью «Памяти Иосифа Маркварта» (ИАН 1931, № 4, стр. 387—402). Конкретно о работах см. ниже раздел «Арабские источники». Помимо ранних переводов текстов Кюль-тегина, Могилян-хана и Тоньюкука необходимо указать на исследования В. Томсена (примечание к его последнему переводу в ZDMG, 1924, стр. 171, 176) и его работу 1916 г. «Turcica—Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie» (XXXVII, Helsingfors, 1916), в которой он разбирает тексты не только Кюль-тегина, но Тоньюкука и ряд мелких надписей.

² См. нашу статью «Уйгурские юридические документы», Проблемы источниковедения, Л., 1940.

говли с Китаем, о странах, где воевали тюрки, и, наконец, ярко отражает внутренние противоречия между каганским родом и бегами.

Вторая, или большая, надпись Кюль-тегина значительно богаче своим историческим содержанием. Построение надписи более историческое, т. е. дается суммарный перечень событий из ранней истории тюрков и более точный за время деятельности погребенного.

Как показывает сличение тюркского текста с китайскими источниками, упоминаемые им факты абсолютно верны. «Легендарные» предки *Bumun* и *Istāmi qaγan* находят свое подтверждение в китайской литературе в качестве достоверных исторических лиц. Далее перечисляются те племена и народы, с которыми тюрки имели связи.

Более детально, чем в первой, малой, надписи, указываются причины подчинения тюрков Китаю, текст не скрывает того факта, что перед подчинением тюрков Китаю в их среде имели место социальные противоречия, приведшие к распаду племенной союз тюрков.

Здесь особо следует отметить ценность указания текста на причины политического кризиса, заключающиеся в том, что имела место борьба между народом и бегами и каганом. Эта часть текста особо важна нам как документ, разбивающий всякие националистические измышления Неджиб Асима и др., тем более, что текст написан от имени кагана.

После изложения событий о покорении тюрков Китаем следуют строки текста, посвященные истории освобождения тюрков из-под власти Китая, переданной текстом в несколько легендарном плане. Однако и в нем имеются места, имеющие определенную историческую ценность. Это, во-первых, упоминание собственного имени Ильтерес-кагана или Гудулу-кагана (правил с 682 по 693 г.) и его жены Ильбильгекатун и, во-вторых, указание на то, что освобождение из-под власти Китая произвел «весь тюркский черный народ» (*türk qaγa qaγuγ budun*).

С конца 11-й строчки текста и до конца идет перечисление всех основных походов тюрков, начиная с Ильтерес-кагана, Мочжо и самого Могилян-хана с Кюль-тегином. Здесь перечислены войны с кыргызами, тюргешами, согдийцами, огузами и другими племенами. Эти походы, подтвержденные данными других тюркских текстов и китайских летописей, точно датируются и являются достаточно точными историческими фактами.

Описания походов чередуются с двумя типами сентенций: во-первых, с многочисленными указаниями на заслуги кагана в поднятии политической самостоятельности тюрков и их экономическом обогащении, во-вторых, на причины, якобы затруднявшие этот процесс консолидации племен — неподчинение племен каганской власти, расщепление племен и восстание одной части против другой. Последнее является не чем иным, как выражением социально-экономической дифференциации тюркских родов. Заканчивается текст описаниями похорон и прибытия послов с преподношениями на могилу. Текст, как выше было указано, составлен сыном Могиляна — Йоллыг-тегином. Из заключительных надписей следует, что Кюль-тегин умер в 731 г., а освящение памятника состоялось в 732 г.

Тексты Кюль-тегина и Могилян-хана представляет собой в части стилистической довольно живой и увлекательный рассказ, носящий, однако, черты некоторого стандарта в отдельных выражениях. Своеобразным стандартом являются описания сражений, подчеркивание заслуг кагана, эпитеты, вступление текста и его окончание. Все это говорит об известной выработке стиля официального повествования, равно как

и стиля эпитафий. Последнее, как мы увидим ниже, особенно отразится в енисейских надписях.

Памятник Кюль-тегина исследован со стороны лингвистической; даты основных событий лучше всего установлены П. Мелиоранским.¹ В дальнейшем мы будем неоднократно касаться этого текста как исторического источника.

Как выше было указано, текст в память Могилян-хана несколько отличается от текста Кюль-тегина. В большой надписи имеется, во-первых, введение, в котором отмечается, что при восшествии на престол кагана была принята «присяга» со стороны бегов и народа. Это вступление к каганскому тексту вполне понятно, ибо, напомнив о церемонии присяги, автор текста тем более может укорять далее в неподчинении ему бегов и народа. Нам кажется, что этот текст позволяет усмотреть здесь и следы выборности кагана, хотя выборность была для этого времени явлением пережиточным и вряд ли по своей значимости была юридически сильнее, чем курултай Чингиса.

Начиная с 30-й строчки текста (по тексту Кюль-тегина), идет особый текст Могилян-хана с указанием на походы тюрок, в которых в ряде случаев не участвовал Кюль-тегин; таковы походы против тангутов, согда, чиков, кыркызов, тюргешей, города Беш-балыка, карлуков, огузов, татар, уйгур, татабийцев, китайцев и т. д. Заканчивается текст описанием похорон, в которых приняли участие многочисленные посольства тех народов, с которыми воевал Могилян, равно как и весь синклит родовой и имущественной знати.

Малая надпись имеет также некоторые отличия в заключительной части, связанной с описанием как тех «благ», которые приобрел Могилян для тюрок, так и самих похорон.²

Многочисленные факты исторического порядка, приводимые текстом, будут нами подробнее рассмотрены в последующих главах.

3. ОНГИНСКИЙ ПАМЯТНИК, ИЛИ ПАМЯТНИК ГУДУЛУ-ХАНУ

Наиболее старым датированным памятником тюркского языка является так наз. Онгинский памятник.³ Судя по надписи на памятнике, смерть погребенного относится к году дракона (lū jylqa) году, который, по вычислению В. В. Радлова, падает на VII в. — 692 г.⁴ По предположению В. В. Радлова, памятник поставлен в честь родителей Кюль-тегина и Могилян-хана — Ильтерс-кагана и Ильбильге-Катун. Радлов сообщает, что «... von den früheren Türk-Chanen wird das Todesjahr des Vaters des Mekilien, den die Chinesen Kutulu-Chan (Kutlug quyan) nennen, im ersten Jahre der Regierung Tssahan-Schen, also im Jahre 693 angegeben».⁵

Онгинский памятник очень мало изучался. Самостоятельных исследований этого текста, кроме радловского, нет. Отдельные замечания мы

¹ Памятник в честь Кюль-тегина. ЗВО, XII, вып. II—III.

² Параллельное издание текстов см.: В. В. Радлова и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кото-Цайдаме. Сборн. трудов Орхонской экспед., вып. IV, СПб., 1897.

³ ATJM. III, 1895, S. 247 (Das Denkmal im Ongin ist das älteste datierte Denkmal türkischer Sprache).

⁴ Там же. Хотя год смерти Гудулу устанавливается вообще 693.

⁵ Там же, стр. 247.

встречаем в работах перечисленных выше исследователей. Замечание по поводу одного глагола памятника сделал Коттон,¹ считавший, что глагол *ötünlämäk* должен выражать понятие «взмолиться». Об упоминаемом в тексте Ямы-кагане (*Jamy qaγaγ* и отождествлении его с Бумыном и Тумыном писал И. Маркварт.² Ввиду неразработанности Онгинского памятника крайне трудно его использование как исторического источника. Несмотря на то, что он является, по замечанию В. В. Радлова, самым древним датированным памятником тюркского языка, он не привлекал внимания исследователей. Текст настолько испорчен, что чтение по изданному эстампажу дает меньше, чем напечатанный В. В. Радловым текст, так как последний пользовался подлинником. Трудность заключается также и в том, что, во-первых, в тексте нет почти ни одной законченной строчки и поэтому трудно связать весь текст в один логический рассказ, во-вторых, вследствие первого обстоятельства трудно выделить слова собственно автора текста и слова, повидимому, относящиеся к Гудулу-кагану и «небу». Последнее обстоятельство усугубляется тем, что текст писан, вероятно, преемником Гудулу-кагана Мочжо (см. ниже), который излагает краткую биографию своего старшего брата.

Мы предполагаем, что автором Онгинского текста являлся Мочжо, младший брат Гудулу-кагана, поставивший текст последнему после его смерти (692 г.). Утверждение это мы выводим из следующих соображений. В строчке четвертой передней стороны стелы имеются слова (в переводе В. Радлова) следующего содержания: *Kar-g-n(?) Altäräs kaγan deinem Volke bin ich geworden.*³ Если принять наше предположение о том, что *Altäräs* не собственное имя, а титул,⁴ то тогда можно снять вопросительный знак, которым В. В. Радлов снабдил текст и перевод. Мочжо говорит о том, что он родился в эле *Altäräs qaγan*, т. е. стал носителем этого титула. Но тогда следующие слова текста: «по отношению к Ильтерес-кагану мы не отделялись и не погрешали», «да не отделимся мы от Тенгри Бильга-каган» и т. д. являются словами Мочжо по отношению к умершему Гудулу, которого он похоронил и могилу которого он снабдил памятником. Мочжо указывает на свою верность по отношению к кагану в назидание своему народу, а кроме того, как мы предполагаем, «оправдывается» перед Тоньюкуком. Как мы увидим ниже, Тоньюкук упрекает Мочжо в якобы неправильных деяниях. Текст Тоньюкука, вероятно, был написан после смерти Гудулу.⁵ Онгинский памятник поставлен после стелы Тоньюкука, т. е. через несколько лет после смерти Гудулу. Мочжо, которому было известно обвинение Тоньюкука, по-моему, и отвечает в Онгинском памятнике, на могиле своего старшего брата, своему врагу Тоньюкуку. Таким образом мы предполагаем, что автором Онгинского текста являлся Мочжо. Год дракона, отмеченный в тексте, возможно, падает не на 692 г., как это предполагает В. В. Радлов, а на двенадцатилетие позже,

¹ KCsA, v. I, 414.

² Marquart. UJ., № 3/4, p. 83.

³ ATIM, III, стр. 248. Ср. ниже аналогичное выражение в тексте Тоньюкука.

⁴ ATIM, III, стр. 247 и 254. Ср. нашу статью «Родовая структура Тугю VIII в.», (стр. 563).

⁵ Хотя некоторые походы, отмеченные в тексте Тоньюкука, возможно, и дадут датировку после смерти Гудулу, но конкретно смерть Гудулу в нем не отмечена. В. Томсен предполагает, что текст Тоньюкука составлен после смерти Гудулу. Ср. «Turcica» (стр. 98).

т. е. на 704 г. Гудулу умер в 693 г., а памятник поставлен после его смерти, т. е. никак не может быть датирован 692 г.

4. ТЕКСТ ТОНЬЮКУКА

Памятник Тоньюкука найден Е. Клеменц в 1897 г. во время поездки в северную Монголию. Об этом открытии было немедленно сообщено В. В. Радловым на страницах «Известий Академии Наук».¹ Первый перевод текста памятника также принадлежит В. В. Радлову, который перевел и издал текст в 1899 г.² Исследованию памятника была посвящена статья Ф. Хирта,³ который сделал выборку из китайских летописей о главном лице, упоминаемом в памятнике, — Тоньюкуке. Наконец, последний перевод принадлежит В. Томсену.⁴

Памятник был найден вместе с саркофагом и находился внутри могильного комплекса. Памятник был в урочище Bain Tsokto между почтовой станцией Nalaicha и правым берегом верховья Толы.⁵

Как предполагают исследователи, в том числе и В. В. Радлов, текст не является надгробной эпитафией: «Sicher kann diese kurze Uebersicht des Inhaltes der Inschrift schon als genügender Beweis angesehen werden, dass die Inschrift des weisen Tonjukuk keine Grabinschrift ist, sondern die Inschrift eines von ihm selbst im hohen Alter errichteten Denkmals, welches tendentlós aufgestellt wurde, um die nach der 24-jährigen Regierung des Kapagan-Chagans im Volke in Vergessenheit gerathenen Thaten des Elteres-Chagan und seines weisen Berathers und Feldherrn Tonjukuk der Nachwelt zu überliefern».⁶

Стела, возможно, была поставлена после его смерти его родом. По этому поводу В. Радлов заметил: «Da weder die Nachrichten der Chinesen, noch die uns vorliegenden türkischen Inschriften in der Folge den Tonjukuk erwähnen, so können wir mit Recht annehmen, dass der Greis im hohen Alter, vielleicht durch die Anstrengung der weiten Reise geschwächt, zu seinem Stamme zurückkehrte und dort starb, und dass seine Familie ihn an der Stelle, wo die von ihm errichteten Denksteine standen und seinen Ruhm verkündeten, zur ewigen Ruhe brachte und diese Steine in die Grabzurüstungen (Sarkophag, Tempel, Grabfiguren und Balbale) einreichte».⁷

Пolemический текст памятника, резкие упреки по поводу нового хана Мочжо, подчеркивание своих заслуг перед тюркским народом и его ханом Ильтерес-каганом, — все это говорит о том, что текст написан самим Тоньюкуком в момент каких-то обостренных отношений внутри господствующего класса. «Советник» родовой аристократии недоволен новыми порядками в тюркском обществе и в резко polemическом тоне обвиняет хана Мочжо в его деяниях. Текст наряду с этим рисует нам историю тюркского народа от Гудулу-кагана до восшествия на престол его младшего брата Мочжо, т. е. за десятилетие с 683 по 693 г.

¹ Eine neue aufgefundenen alttürkische Inschrift. Vorläufiger Bericht, ИАН, т. VIII, в. 4, 1898.

² Die Inschrift des Tonjukuk. ATIM, Zweite Folge.

³ F. Hirth. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Ibidem.

⁴ V. Thomsen, Altürkische Inschriften aus der Mongolei. ZDMG. Bd. 78, 192, Übersetzung der Tonjukuk-Inschrift, SS. 162—170. Ср. также «Turcica» (стр. 92 сл.): «Note sur la chronologie dans l'inscription de Tonjoukouk».

⁵ W. Radloff, op. cit. p. I. Могила Тоньюкука впоследствии была обследована В. Б. Я. Владимирцовым. Ср. его отчет в сборнике отчетов Монгольской экспедиции 1926 г.; в этом же районе найдена еще небольшая надпись.

⁶ Там же, стр. IV.

⁷ Там же, стр. VII—VIII.

В отличие от текстов типа Кюль-тегина и Могиляна текст Тоньюкука очень своеобразен и по стилю и по языку, а особенно по построению. Здесь автор выступает от собственного имени с ярко выраженной платформой консервативной части родовой аристократии тюркских племен. Тоньюкук дает свою предельно сжатую биографию, указывая, что он был воспитан в Китае, что дало возможность Ф. Хирту восстановить его более полную биографию по китайским источникам. Тоньюкук — защитник родовой аристократии, защитник ее ставленника кагана и его деятельности. Для этого Тоньюкук, по примеру других авторов текстов, излагает историю тюрков в определенном и очень своеобразном аспекте — он защищает деятельность кагана в той части, в которой каган действовал по указаниям Тоньюкука. В тексте много стандартных для этого типа текстов, выражений, например идентичное во всех памятниках количество тюрков, участвовавших в войнах (700 человек).

Содержание текста, как было сказано, — историческое. Вначале идет указание на преступную, с точки зрения Тоньюкука, измену племен кагану и подчинение Китаю и на заслугу Гудулу-кагана в собирании тюркских племен. Здесь же отмечена и личная роль Тоньюкука как советника Гудулу, который якобы принудил Ильтереса к каганству: Bilgä Tonjuquq qağanumı qısajın. . . . qağan qıstym.¹

Здесь Тоньюкук приводит пословицу в отношении Ильтерес-кагана: «если последний издала знает, какие тощие и жирные быки [вместе], то какой жирный и какой тощий [в отдельности] он не знает» (turuq).² buqaly sämiz buqaly aqqada bilsär, sämiz buqa turuq buqa täjin bilmäz ärmışuq. Нельзя не отметить, что эта пословица до некоторой степени свидетельствует и о составе стада хозяйства тюрков. Тоньюкук указывает в этой пословице на наличие крупного рогатого скота. С другой стороны, интересно, что Тоньюкук, как представитель господствующего класса, указывает на свою «близость» к народу, обещая Ильтересу информировать его о состоянии скота у народа. Другими словами, мудрость Тоньюкука заключается в советах Ильтересу по осведомлению последнего о благосостоянии тюркского народа. Мудрый Тоньюкук поэтому берет на себя титул «Бойла-Бага-таркан» (Bojla Bağa taqan).³ Этот титул неслучайно. Как мы увидим ниже, титул баға таqan, особенно таqan, носил тот представитель господствующего класса, который теснейшим образом был связан с взиманием дани и податей и находился в теснейшей связи с непосредственной эксплуатацией населения.

Поэтому мы склонны вышеприведенную пословицу трактовать таким образом, что в ней заключена вся мудрость эксплуататора: у кого какие быки, тощие или жирные, т. е. знать благосостояние своих подчиненных.

Таким образом Тоньюкук является представителем той группы, которая наиболее тесно связана с эксплуатацией непосредственно производителя. Тоньюкук далее описывает положение тюрков, когда они были в окружении врагов — китайцев, киданей и огузов. Занятием тюрков была охота, а собственной территорией — Чугай-куз и Кара-кумы (Cıçajquz Qara-qum).⁴

¹ Строка 5—6.

² В. В. Бартольд. Новые исследования об орхонских надписях, ЖМНП, 1899, стр. 235. — Н. Козьмин. Классовое лицо «атысы». — W. Radloff, op. cit., p. 34.

³ 𐰽𐰺𐰍𐰠𐰶𐰚𐰍𐰏 W. Radloff, op. cit., p. 35.

⁴ По В. Томсену — Хангай (ср. «Türccica» стр. 80). Ср. В. В. Бартольд. ЖМНП, стр. 235; он помещает Кара-кумы между Инь-шанем и Хангаем. Радлов (ук. соч., стр. 36—37) предполагает, что этот район был основным местом пребывания огузов в момент восстановления тюркского государства.

По свидетельству лазутчика, пришедшего от огузов,¹ китайцы, кидане и огузы собрались в поход на тюрок, причем организаторами этого похода являются огузы, вернее токуз-огузы,² пославшие китайцам некоего Куны-Сенгуна, а к киданям Тенгра-Сема (qunū sāñün u Toŋra Sām). По данным памятника, токуз-огузы собирались нападать с севера. Военный поход и его задачи выражены в следующем тексте: «Китайцы, с юга нападайте,³ кидане, с востока нападайте,⁴ я⁵ с севера⁶ да нападу. В земле турецко-сырского народа хозяин⁷ пусть не ходит; если возможно, хозяина да уничтожим мы».

Тюркам пришлось воевать с китайцами, киданями и курданами⁸ и огузами. В этой борьбе против врагов Тоньюкук обращается к тюркскому народу с образным выражением, что если все тонкое соединить вместе, то соединяющий сильным героем будет (alp).⁹ Во время похода тюрки пользовались волами и вьючным скотом (Ingäk-kölüg).¹⁰

Путь тюрок лежал в Утукенскую чернь. Здесь были разбиты огузы, и на их месте поселились тюрки. Таким образом можно предположить, что местом пребывания огузов была Утукенская чернь (верховье р. Орхона).¹¹

Дальнейшая история (восточная сторона памятника) тюрок связана с походами на Китай (Шандуньская провинция), и Тоньюкук приписывает себе, что он разрушил двадцать три города. Упоминание в тексте *Usyn bundatu jurtta* (т. е. в юрте усуней?) о временном оседании тюрок (*jatu qalır ärti*)¹² дает, во-первых, указание на наличие еще усуней, племен, отмеченных китайскими летописями для II в. до н. э.,¹³ и, во-вторых, на временное оседание тюрок, т. е. свидетельствует не о сплошном, а о регулярном кочевании, связанном с интенсивной эксплуатацией пастбищ. Далее следует указание на то, что врагами тюрок были китайский каган, каган «десятистрельных» тюрок и кыркызы.¹⁴

Эти три кагана решили пойти в Алтунскую чернь (Алтай) против

¹ Ср. строки 8 и 9. Радлов отмечает, что *Sañün* — китайский титул, а *Toŋra* — название одного из огузских племен (ук. соч., стр. 38—39).

² Строка 9, по АДМ:

Не могу не отметить того положения, что тюрки, племена которых, как предполагают, были огузы, вступают с последними в борьбу. Очевидно, что связать «тюрок» с определенным одним племенем нельзя — это «народный» термин. Повидимому, в данном случае название относится к господствующей верхушке, которая узурпировала его в качестве самоназвания только «благородных».

³ Букв.: справа.

⁴ Букв.: спереди.

⁵ Вероятно, токуз-огузы.

⁶ Букв.: слева. — О подобных значениях ср.: W. Radloff, *op. cit.*, p. 40.

⁷ Этим термином передается хозяйственная функция, в то время как для общеродовой — каган, и для военной — ябгу и шады.

⁸ W. Radloff, *op. cit.*, p. 43. На эстампаже по Томсену «Westtürken» вероятно от *quryja* (?), т. е. «живущие на западе» (?).

⁹ Строка 13.

¹⁰ W. Radloff, *op. cit.*, p. 45.

¹¹ Строка 15. По Бартольд, огузы были разбиты на реке Толе (ЖМНП, стр. 235). Ср. W. Radloff, *op. cit.*, p. 47.

¹² Ср. джатак — бедняк, букв. лежачий, в современных наречиях. Об *Usyn bundatu* ср.: W. Radloff, *op. cit.*, pp. 48—49.

¹³ K. Shiratori. Über den Wu-Sun Stamm in Centralasien. *Revue Orientale*, 1902, SS. 103 u. ff.

¹⁴ По Томсену — «Westtürken» («Turcica», p. 9). Ср. В. В. Бартольд, ЖМНП, стр. 236: *on oq budun* — это пять племен дулу и пять нушиби.

ЧДУЧД. По Радлову — северо-западная часть Тарбагатая (ср. ук. соч., стр. 66). Здесь речь идет о десяти племенах Дулу и Нушиби, живших в бассейне рр. Или, Чу и Таласа.

конного набега».¹ Приказание было передано с помощью Бōгу кагана,² к Апа-таркану же было послано тайное приказание³ не слушаться советов Тоньюкука. Несмотря на это, Тоньюкук повел войска через реку Иртыш⁴ и до зари дошел до Болчу.⁵ Перед сражением произошло совещание, на котором беги высказались против сражения, так как врагов было около ста тысяч человек. Тоньюкук же склонил к сражению, говоря, что «стыд чистых хорош» (arγu obutu jāg),⁶ и, как гласит источник, благодаря небу, Умай и священной «воде—земле» тюрки победили **ᠰᠲᠠᠩᠭᠤᠨ ᠤᠮᠠᠢ ᠤᠯᠤᠰᠤᠨ** — Tānḡ Umai yduq järsub basa bārtiärinē.⁷ Вскоре наступило второе сражение, описание которого мы приведем полностью:

- (42) Söqüşümiz, Tarduš šad ara bady, jajdymyz, qaγa-
anyn tutdymyz jabγusin šadyn
(43) anda ölürti, älig-ča är tytdymyz ol oq tün
budunin saju ytymyz ol sabyγ äšidip onoq
bägläri buduny qor
(44) kälti jükünti käligmä bäglärin budunin ätip...
(42)... Мы сразились. Тардушский шад в середину [войска]
врезался [связался].⁸ Мы победили. Кагана его мы
схватили. Ябгу и шада его
(43) там умертвили. До пятидесяти героев [мужей] мы схва-
тили. В ту же ночь к народу мы послали. Эти слова
услышавши беги и народ «десятистрельного» много [их]
(44) пришло, поклонились, пришедших бегов и народов
устраивая...]⁹

Вскоре часть подчиненных из «десятистрельного» народа убежала, что вызвало новое сражение, в котором, преследуя их, тюрки перешли реку Иенчу¹⁰ и следовали до Железных ворот.¹¹ Далее по тексту идут два термина: täzik и toqrasin¹² и, судя по слову taγqa,¹³ эти народы,

¹ Строка 35.

² Строка 35. **ᠰᠲᠠᠩ ᠭᠤᠨ**, сын Капаган-кагана (Мочжо). W. Radloff, op. cit., pp. 68—69.

³ По Томсену — den Oberfeldherrn. Возможно, что титул Апа-Тарпан носил впоследствии Тоньюкук.

⁴ Строка 36. **ᠬᠡᠨᠢᠬᠡᠲᠤ**

⁵ Строка 36. **ᠪᠣᠯᠴᠢ**

⁶ Строка 38. Ср. по Томсену — „für den Reinen ist Bescheidenheit das Beste“.

⁷ Строка 39. Возможно, что это неповиновение Тоньюкука решениям кагана Мочжо и бегов послужило причиной той опалы, в которую попал Тоньюкук после смерти Ильтерес-кагана. Характерно, что Тоньюкук не слушался бегов, т. е. представителей имущественной аристократии. Мочжо же в своем царствовании в основном опирался на бегство. Ср.: W. Radloff, op. cit., p. 71.

⁸ По Томсену «und indem wir dem Tarduš šad folgten». W. Radloff, op. cit., p. 76.

⁹ W. Radloff, op. cit., p. 77.

¹⁰ Строка 45. **ᠬᠡᠨᠡᠵᠤ**. По Маркварту — Сыр-дарья. Ср.: В. Бартольд, ЖМНП, стр. 232.

¹¹ Строка 46. **ᠭᠤᠪᠤᠭᠠᠯᠠ** **ᠲᠠᠭᠤᠰᠤᠨ** проход Бузгала в горах Байсун-тау.

¹² По Радлову в тексте **ᠲᠠᠵᠢᠴᠠᠨ** : **ᠲᠠᠵᠢᠴᠠᠨ**. Томсен эти слова выпустил. W. Radloff, op. cit., стр. 79.

¹³ Строка 46. **ᠲᠠᠵᠢᠴᠠᠨ**

к которым дошли тюрки, перевалив через какую-то гору (или дойдя до горы?), жили на территории Согдианы. Tāzik — вероятно, таджики (арабы), а toqrasin — тохары.¹ Там же тюрки столкнулись с согдийцами.² Из этого района, по свидетельству текста, Бильга-Тоньюкук привез много добычи, в том числе золото, серебро, рабынь и т. д.³

Упоминанием о том, что Ильтерес-каган сделал семнадцать походов к китайцам, семь раз сразился с киданями и пять раз с огузами,⁴ заканчивается читаемый текст южной стороны памятника. Особо важно здесь подчеркнуть борьбу с огузами, из племен которых происходил каган. Это свидетельствует о внутренней дифференциации племени, опрокидывающей всякие попытки националистических концепций, пытающихся из огузов сделать своеобразный слой — «Führerschicht». Вероятно, этим и оканчивается биография Ильтерес-кагана, умершего, как известно, между 690 и 693 гг.⁵ На восточной стороне текст также крайне испорчен. В северной части текста дается оправдание политики Тоньюкука, благодаря которой «поднялся» тюркский народ.

(60) Если бы Ильтерес-каган не приобретал, если бы его не было и если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не приобретал и если бы меня не было,

(61) то в земле турецко-сирского народа Капаган-кагана, организации также народа, также и людей; также и хозяина не было бы.

(62) Из-за приобретений Ильтерес-кагана и мудрого Тоньюкука [возможно] существование турецко-сирского народа Капагана-кагана. Этот (Капаган-каган. — А. Б.)

(63) турецкий мудрый каган сидит,⁶ возвышая турецко-сирский народ и огузский народ.⁷

Этими словами заканчивается текст. Они более всего свидетельствуют о том, что стела была поставлена при жизни Тоньюкука, и всего вероятней, в тот период, когда Тоньюкук, пережив Мочжо (Капаган-кагана), стал советником Могилян-хана. В общем текст не противоречит интересам каганства, его общей политике. Расхождения — главным образом с каганом Мочжо. Как исторический источник он нам особенно важен потому, что, во-первых, подтверждает факты, изложенные в текстах Могилян-хана и Кюль-тегина, причем их несколько дополняет, и, во-вторых, представляет собой платформу определенной части знати тюркских племен, которая была сторонницей консервативного государственного строя, находясь в оппозиции со стремлениями другой богатой части тюркских племен — бегами, для той эпохи занимавшими более прогрессивные позиции.

¹ W. Radloff, ATIM. Zweite Folge, p. 121. — В. В. Бартольд. Таджики. ДАН, № 8, 1927, стр. 155. W. Henning считает, что тохары у Бешбалыка (с которыми вели войну тюрки) и тохары в верховьях Аму-дарьи два разных явления. См. его статью «Argi and the „Tokharians“». BSOS, т. IX, ч. 3, 1938.

² Строка 47. 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚 По Томсену «Sogdisches Volk».

³ Строка 49. По Томсену — «Jungfrauen und Mädchen» Ср.: W. Radloff, op. cit, p. 80.

⁴ Строка 50. Tabγačqa jati iğirmi sönüšti, qytanqa jati sönüšti, Oγuzqa baş sönüšti.

⁵ В. В. Бартольд, ЖМНП, стр. 239.

⁶ Т. е. благодаря трудам Тоньюкука и Ильтерес-кагана.

⁷ Ср. по В. Томсену (стр. 62 и 63): «(62) Weil Elteris qayan und der weise Tonjuqu gewirkt haben — haben Qar(a)γan qayan und das vereinte (?) Türken-Volk geblüht und dieser (jetzige) (63) türkische Bilgä qayan herrscht zum Besten des vereinten Türken-Volkes und des Oγuzen-Volkes». Ср.: В. В. Бартольд, ЖМНП, стр. 239.

5. ТЕКСТ КУЛИ-ЧУРА

Наконец, последним из крупных монументов является текст Кули-Чура, который во многом напоминает особенно вторую часть надписи Кюль-тегина (перечисление походов). Этот памятник был открыт 19 июля 1912 г. В. Котвичем в Монголии, на юг от Урги, в урочище Ихе-Хушоту.¹ По описанию В. Котвича, недалеко от памятника был найден саркофаг, составленный из четырех плит, покрытых растительным и животным орнаментом.² В семнадцати метрах от саркофага и в восьми метрах от восточного холма (по отношению к главному кургану) находился памятник с руническими письменами. Рядом с саркофагом находились статуи животных и каменные изваяния мужчин. От кургана, как бы пересекая его по центру, через центр саркофага и памятника шел ряд камней наподобие тех, которые были найдены у могил Могилян-хана и Кюль-тегина. Камни эти служили «памятью» об убитых врагах погребенного героя. Текст Кули-Чура был издан.

Разберем интересующие нас отрывки текста, оставляя нумерацию строчек, как она дана в издании текста. Необходимо указать, что текст памятника крайне лаконичен, а весь памятник настолько испорчен, что в редких случаях удается составить связную фразу.

В строчках 2, 3, 5, 6, 8, 10, 11, 14, 15, 17, 18, 24, 26 фигурирует имя Küli-Čur (Küüli-Čur) — имя героя, в честь которого и был воздвигнут памятник. Существуют три формы этого слова: Küli-Čur, Küüli-Čur и Küllüg-Čur. Форма, встреченная в памятнике, является характерной для северо- и южновосточных диалектов. Имя Küli-Čur попадает еще с приставкой-титлом ышбара (Yšbara) (строка 2). Слово Išbara Ф. Хирт отождествляет с китайским И-ши-по³ (I-schi-po)⁴ именем одного из каганов тардушей. Упоминание о том, что Кули-Чур является тардушским каганом, имеется в строчке 14-й: Küli Čur tarduś budunyū iti aju lurt; Кули-Чур управлял и царствовал над народом тардушей).

Кули-Чур во главе тардушских бегов является к Могилян-хану принимать подданство. Так, в соответствующем месте текста мы читаем: qanyū türk bilgä qayan olurtuqynda Türk amty b'igläŕ... k(i)srä Tarduś bāgläŕ Küli-Čur başlaju ulyju Šadaput bāgläŕ (при восшествии моего отца, турецкого мудрого кагана, столько турецких бегов [пришло]. Сзади [на западе] тардушские беги с Кули-Чуром во главе [за ним] следуя, шадапыт-беги).⁴

Наконец, упоминание о Кули-Чуре, в частности о его походе на Бешбалык (Bešbalyq), имеется в самом тексте КЧ. в строке 11: Baš balyqda tört süñüś süñüśdükdä (в Бешбалыке в четырех сражениях сразился [Кули-Чур]), а также в тексте Хойто-Темир «с тардушским Кули-Чуром к Бешбалыку я ходил».⁵ Титул ышбара встречен нами в тексте Кюль-тегина, как название лошади: äkinli yšbara jamtar

¹ Литературу о памятнике см. выше, в главе «История вопроса». Памятник нами условно шифруется КЧ.

² W. Kotwicz, op. cit., раздел «Description du monument», p. 69.

³ W. Radloff, op. cit., pp. 117, 127, 135, 139.

⁴ В. Радлов и П. Мелиоранский. Древнетурецкие памятники в Кошо-Цайдаме. Сб.ТОЭ, IV, строка 13 текста Ха. Перевод нами несколько изменен. Событие это датируется 716 годом.

⁵ АТМ, III, p. 261. См. ниже памятник VI-1. Об этом памятнике высказывался и W. Radloff: «Der Kül Tschur der Tardusch scheint in einer der Inschriften am Chotto-Temir genannt zu sein» («Historische Bedeutung», p. 18).

boz atyγ binip tǵdı (во второй раз он [Кюль-тегин в битве с Чача-Сенгуном] сел верхом на белого коня ышбара Ямтар).¹

В. Котвич говорит, что лошади, принадлежащие тому или иному клану, обозначались тамгами и названиями, служившими для указания их происхождения и принадлежности тому или иному герою: «Chacun de ces chevaux devait posséder la „tamga“ du clan correspondant, ce qui lui assurait le souvenir de sa provenance et le distinguait des chevaux appartenant en propre (özlüki) au héros et pourvus de sa tamga».²

Такой тамгой, по мнению В. Котвича, служил титул ышбара, который, благодаря тому, что стоит у имени Кули-Чура, говорит о тардушском происхождении лошади, встреченной в вышеуказанном месте памятника Кюль-тегина. Нельзя не отметить имя знаменитого Тоньюкука, фигурирующее в надписях как Çuqan Tonjuqıq в строчках 1 и 2 и имени Ильтерес-кагана в строчке 3. Из других собственных имен отметим Эльтебера карлукского и Йиген-Чура (Jigen-Çur), сына Эркина, в строке 21.³ По нашему мнению, здесь только одно имя — титул «Йиген-Чур». Слово «эльтебер» является титулом, что видно, например, из таких текстов: Uıγur ältäbär jüzä ärig äl tut... (уйгурский эльтебер держал [?] племенной союз приблизительно из ста людей [семейств?]);⁴ äki ältäbirüg budun (народ двух эльтеберов);⁵ az ältäbärlig tutdı; az budun anda joq boldı (схватил эльтебера Азов; народ Азов там погиб).⁶ П. Мелиоранский отмечал, что эльтебер «есть титул лиц, стоявших, по надписям, во главе некоторых народов, например, карлуков, уйгур».⁷ Слово Irkin, вероятно, ärkın.

Из событий, отмечаемых текстом, интересны следующие:

(5) γurūluyun jaγtuqda Küli Çur... sanēγr, ölürip oγlyn kişisin bolun qγ... .

[когда Гурчулугун отклонился к врагу, Кули-Чур... проколол его, умертвил его, его детей, его людей, он их сделал (пленными)].⁸

(11) Bāš balyqda tört süñüş süñüşdükä Küli Çur oplaju tǵip bulγaju..

(когда сразился в четырех сражениях под Бешбалыком, Кули-Чур атаковал, причина волнения...).

Обращаю внимание на упоминание о походе к Бешбалыку, что согласуется с известием, имеющимся в памятнике Хойто-Темир. Указание, что поход на Бешбалык вызван большим восстанием, к сожалению неизвестно каким, заставляет обратить наше внимание на то, что здесь речь идет о борьбе с городом.

В строке 12 упоминается про битву с китайцами: tabγaça bunça süđ üšip.

¹ П. Мелиоранский, КТ, строка 33, 106. Это событие датируется 706 годом.

² W. Kotwicz, op. cit., pp. 73—74.

³ Çuqan, по Томсену (ZDMG, p. 172), — «Beamtentitel», по МК (стр. 55) — «Vetter, Sohn der Mutterschwester».

⁴ МК, 37.

⁵ МК, 38.

⁶ П. Мелиоранский, ук. соч., стр. 128, примеч. 65. В. В. Бартольд сравнивает ältäbärlig budun с qayanlyγ budun («Die Historische...», SS. 22—23).

⁷ Там же, стр. 123.

⁸ О слове γurūluyun ср.: С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна реки Талас. ИАН, 1929, стр. 806.

Строка 16 также интересна по своему содержанию: anda kārū barıp, jīnčū-ügüzig kāsā tāmir qarūqa tazīkkā tāqi sū... ā... qazγandy (отправившись оттуда на запад, переправившись через жемчужную реку [Сыр-дарью] до Железных ворот, до арабов... приобрел).¹ В этой же строке обращая внимание на указание о том, что Кули-Чур имел семь стычек с тогуз-огузами.

В строке 17 необходимо отметить упоминание о стычках с киданиями и татабийцами (qutaj tataby).

В строке 18 говорится о том, что стали врагами карлуки, с которыми повел борьбу Кули-Чур. Об этой же борьбе Кули-Чура (т. е. тардушей) с карлуками говорится и в строке 19.

В строке 20 интересны выражения: qarluquγ... qarluq tapa (карлуки против карлуков). С ним же связан разобранный выше титул эльтебер. Место интересно тем, что лишний раз свидетельствует о расприх внутри одного и того же племени.

Наконец, последнее, интересующее нас замечание, находящееся в строчке 25: qazγandy artuq jylquγ igiti (он приобрел [кроме того] стада и умножил [их]), свидетельствует о скотоводческом характере хозяйства тардушских племен).

Из перечисленных походов походы на Китай, в Согд (к tazīk'am) с упоминанием Сыр-дарьи и Железных ворот (Jīnčū и Tāmir Qaraγu), на тогуз-огузов и карлуков почти целиком совпадают по последовательности перечисления (только по КТ с карлуками воевали раньше, чем с тогуз-огузами) с походами Кюль-тегина.² Разница, кроме вышеотмеченной, заключается еще в том, что у Кюль-тегина было больше походов, чем у Кули-Чура, например, борьба с кыргызами и тюрешами.³ Невероятно также, чтобы сами тардуши могли организовать поход против арабов, — это выступление было объединенным. Мы предполагаем, что поход в Согдиану, упоминаемый в памятнике КТ (строка 39) и КЧ (строка 16), один и тот же, поэтому может датироваться 712 г.⁴ Упоминание в тексте КТ «о стремлении устроить народ согдаков» и в памятнике КЧ с тем, что они дошли до арабов,⁵ несколько отлично от сообщения о первом походе Кюль-тегина к шестичубным согдакам (Altı Çub Soğdaq — КТ), где говорится, что Кюль-тегин разбил арабов. Поэтому разбираемый поход относится не к 701, а к 712 г. (93 г. гиджры), и во время его тюрки оказывали помощь согдийцам в борьбе с арабами.⁶ По поводу этого похода В. В. Бартольд, противопоставляя сведениям Табари рассказ Якуби, писал: «Кутейба, завоевав Самарканд, оставил там во главе арабского гарнизона своего брата Абд-Ар-Рахмана, а сам вернулся в Мерв. Немедленно после его ухода согдийцы произвели восстание и призвали на помощь турецкого хакана, который вступил в страну; арабы были заперты в г. Самарканде. Получив от брата известие об этом, Кутейба подождал до весны 713 г. Потом двинулся против турок, разбил их и восстановил порядок в области. Итак, вступление турок в Согдиану произошло позднее

¹ Перевод нами несколько изменен.

² КТ, 32 и 39.

³ КТ, 36 и 37.

⁴ П. Мелиоранский, ук. соч., стр. 125.

⁵ Глагол qazγandy, qazγanmaq, возможно, и не относится к арабам.

⁶ Ср.: W. Barthold. Die alttürkisch n Inschriften und arabischen Quellen, S. 8. — Он же. Die Historische..., S. 21.

осенью 712 г., и вся область, за исключением занятого арабами г. Самарканда, приняла их, как освободителей».¹ Если, действительно, эти два упоминания относятся к одному и тому же походу (замечу: они одинаково описывают поход), то тогда битва с китайцами падает на 706 г. В последнем походе фигурирует лошадь ышбара Ямтар, как мы уже отмечали, с тардушской титулацией. Если эти два сражения происходили в 706 и 712 гг., то тогда в основном определяется время действия Кули-Чура. Остается открытым вопрос о датировке борьбы с токуз-огузами, карлуками, киданями и татаби. Последовательность, с которой чередуются указания о борьбе с этими народами, заставляет принять уже разработанную хронологию этих походов по текстам Могилян-хана и Кюль-тегина. Повидимому, события и их хронология, разобранные по текстам Могилян-хана и Кюль-тегина, идентичны с событиями, упоминаемыми в тексте Кули-Чура. Тогда даты этих походов тардушей с Могилян-ханом и Кюль-тегином против тогуз-огузов, киданей и татаби будут 716—723 гг. Возможно, что упоминание в тексте КЧ о борьбе с карлуками более подробное, чем в тексте КТ, объясняется тем, что они, т. е. тардуши, являлись ближайшими соседями карлуков, проживавших, вероятно, на Когменском хребте. Наконец, поставленное впереди известие о битве под Бешбалыком объясняется, по-моему, важностью происшествия («причина восстания в Бешбалыке»), а не иной хронологией битвы, почему мы склонны относить это известие к 714 г.

Памятник Кули-Чуру представляет интерес даже своими крайне отрывочными сведениями для подтверждения некоторых исторических известий в общей истории тюрок, а также дает материал для суждения о племенной борьбе (подробно ниже), например внутри карлуков. В то же время он показывает, что во время волны восстаний среди тюркского народа тардуши были опорой Могилян-хану и Кюль-тегину. Упоминание о Тоньюкуке и отношения Тоньюкука к тардушам вызывает у нас предположение, что с этим племенем после Гудулу-кагана был связан Тоньюкук, нашедший там убежище, когда он был в опале у Мочжо. Неизбежно возникает вопрос, не является ли вступление тардушей в союз с Могилян-ханом и Кюль-тегином результатом деятельности Тоньюкука и не является ли следствием достигнутых им политических успехов его возвышение при Могилян-хане? Это еще, правда, проблема, имеющая некоторые основания.

6. МЕЛКИЕ НАДПИСИ В МОНГОЛИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ

Кроме отмеченных основных текстов следует еще указать, что для Монголии имеются три мелких текста: Ихе-Асхете, Ихи-Ханын-Нор и Хойто-Темир. Более значительной группой мелких текстов являются кыргызские тексты, расположенные по бассейну р. Енисей. Эти надписи представляют для историка народов СССР особую ценность. Это обстоятельство заставило нас выделить эти тексты в особую главу в связи с рассмотрением социально-экономического строя кыргызов. В указанной главе мы затронем детально все эти тексты. Текст надписей трафаретен. Обычно он состоит из двух частей. В первой говорится, в отношении кого покойный «не наслаждался» (*bükmädim*) во второй — от кого он «отделился» (*adyryltym*). В некоторых отмечается только, кто поставил памятник и дается краткая биография умер-

¹ Ср. В. В. Бартольд, ЖМНП, стр. 248—249.

4 А. Бернштам

шего (где он воевал, кого он «приобрел», кем он был). Ввиду того, что покойный почти всегда «прощается» с окружающими, то в тексте много социальных терминов, имеющих для нас большой интерес. Судя по текстам, все они посвящены господствующему классу. Многие надписи плохо читаемы, и часть их еще осталась не разобранной. В них мы узнаем многое из жизни орхоно-енисейских тюрок, главным образом о господствующем классе. Так, мы имеем дальнейшее развитие титулатуры по сравнению с ранее приведенными текстами, говорящее о сложной иерархии. Во-вторых, постепенная закономерность, с которой чередуется прощание покойного, дает основание предполагать наличие родового строя и общинной организации. Получает некоторое освещение и социальная терминология, например термины *ṣadīḥ*, *onıci* и т. д. Отличный от монгольских надписей трафарет южносибирский (отсутствие столь характерного для монгольских надписей куйда-кунчуй) говорит о том, что здесь отсутствовала та женская половина дома, которую мы бы назвали «гаремом». Некоторые тексты дают возможность несколько иначе, чем это имело место прежде, прочесть специальные термины и получить данные по клиентеле. В надписях, кроме того, имеются указания о ремесленниках-мастерах. Неоднократно упоминаются племена, выяснение топографии которых должно явиться предметом особого исследования. Наконец, несколько контекстов о балбалах дают материал и по этому вопросу. О хозяйстве народов, оставивших надписи, мы можем судить особенно по надписям типа Элегеш, Уюк-Туран и др., которые совершенно очевидно свидетельствуют о скотоводстве, в частности о прирученном скоте, о земледелии и вообще о роли землевладения в ту эпоху. Имеются краткие упоминания о связи между отдельными племенами. В линии идеологических мировоззрений интересны факты, позволяющие говорить о пережитках тотемизма и о шаманизме. Некоторые памятники подтверждают общезвестные исторические сведения.

7. УЙГУРСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ (СЕЛЕНГИНСКИЙ И ИЗ СУДЖИ)

К группе рунических текстов надо отнести еще два памятника начала уйгурской династии, являющиеся для истории последней наиболее древними документами. Это два камня с надписями: один из урочища Суджи, второй из Шине-усу. Второй памятник известен под названием «Селенгинский камень». Оба памятника открыты в 1909 г. известным Г. Рамstedтом.¹ Первый памятник поставлен крупному, судя по тексту, представителю правящей знати, второй — первому представителю уйгурской династии — Моюн-Чуру. С точки зрения палеографической, буквы надписей представляют интерес, так как они очень схожи с позднейшими начертаниями на бумажных юридических документах, что особенно сказывается, например, на таких буквах, как $\hat{a}$ = , $\hat{u}$ = и т. д. Буквы текста МЧ найдут себе полную аналогию в текстах, изданных В. Томсеном. Письмо здесь носит следы кисти (письмо тушью по бумаге). Упоминаемые в тексте собственные имена лиц подтверждаются данными китайских источников. В частности, Моюн-Чур, которому воздвигнут памятник, упоминается в тексте трехязычного Кара-Балга-сунского памятника под именем Се-Гу-ду-ден-Миши-Хойгюйлу, он же

¹ G. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften. Ср. рецензию P. Felloit (TP, т. XIV, 1913, стр. 789—791).

Моюуй Кэхань.¹ Отцом его, называемым в тексте Кюль-Бильга-каган, является, по китайским источникам, Хан-Пэйло, получивший от китайского императора титул Гудулу-Бигя-Кюэ-Хуайжень-хан.² Г. Шлегель, разбирая кара-балгасунскую надпись, называет его Kultug bilga Kül Qaγan, получивший в дальнейшем титул «бойля».³ Наконец, фигурирующий в тексте Озмыш-тегин (Ozmyš 'tägin), последний хан турецкой династии, убитый в 745 г. Моюн-Чуром, по китайским источникам засвидетельствован под именем Хан-Усу-Миши. И. Бичурин сообщает также о том, что он был убит уйгурами.⁴ Упомянутого в тексте Тай-Бильга-Тутука Г. Рамстедт считает старшим сыном Моюн-Чура.⁵ По мнению Рамстедта, он имел титул Kül Bilgä Qaγan и был ябгу над восемью племенами огузов и девятью племенами татар. Если руководствоваться разысканием Г. Шлегеля, что и сделал Рамстедт, то это так; но, по нашему мнению, этот вопрос нуждается еще в дальнейшей разработке. Дело в том, что Тай-Бильга-Тутук по нашему мнению титул, в котором в первой части скрыта кличка от глагола tajaмаq, по-древнеуйгурски обозначающая «опрокидывать», «свергать», «низвергать» и т. д.⁶ Титул Тай-Бильга-Тутук — это титул-кличка бунтовщика, мудрого князя. Сам Тай-Бильга-Тутук выступает в тексте как бунтовщик. Так, например, Моюн-Чур обращается к народу, который был в союзе с Тай-Бильга-Тутуком, со словами: «Из-за низости Тай-Бильга-Тутука, из-за низости одного-двух знаменитых» и т. д.⁷ Принимая во внимание эти обстоятельства, мы предполагаем, не является ли Тай-Бильга-Тутук знаменитым бунтовщиком Ань-Лушанем, известным из китайской истории и убитым в 757 г. уйгурами (точнее — племенем ба-си-ми).⁸ По данным китайских источников, Ань-Лушань был гуннского (тюркского?) происхождения. Тогда упоминаемые в тексте вельможи являются его советниками: Ян-чжуан, Гао-шан и Ашина-чен-цин. Известно, что Ань-Лушань шел на Китай вместе с пограничными войсками, среди которых были уйгурские тюркские племена. В пользу того, что он является одним из сыновей Куль-Бильга-кагана, говорит то, что он носит титул ябгу, даваемый обычно близким родственникам, например сыновьям. Однако в такой сводке, как у Г. Шлегеля, имени этого сына нет. Упоминание о ябгу в тексте МЧ, по Г. Шлегелю, относится ко времени после 750 г. Очевидно, что необходимо еще дальнейшее изучение этого вопроса, главным образом силами синологов. Во всяком случае, личность Тай-Бильга-Тутука крайне интересна, так как он выступает в руническом уйгурском памятнике как представитель оппозиционно настроенной части против господства племен «восьми огузов» и «девяти татар».

¹ СБТОЭ, вып. III, прим. Цзун-ли-Ямыня (стр. 30). По Г. Шлегелю, Моюн-Чур, сын Бойля-Кюль-Бильге-кагана, назывался Karlüg qaγan. Ср.: «Die chinesische Inschrift...» р. 3. По В. В. Радлову, сын Пэйло (Бойля?) Мо-янь-чжо; ср. его титулы и имена уйгурских ханов (ЗВО, т. V, вып. 2—4, стр. 266—267 и 269). По И. Бичурину (ук. соч., стр. 384), Гэлэ-хан Моянь-чжо также царствовал в 756 г. В 758 г. китайский император титулует его Ин-ву-вей-юань Бигя-хана и выдает за него свою дочь Нин-го. Ср. текст МЧ, строка 13 западной стороны.

² И. Бичурин, ук. соч., стр. 383 и 339.

³ G. Schlegel. Die chinesische Inschrift auf dem Uigurischen Denkmal in Kari-Balgassun. MSFO, IX, Helsingfors, 1896.

⁴ И. Бичурин, ук. соч., стр. 339 и 383.

⁵ Ramstedt. ТКПОПРГО, т. XV, вып. I, стр. 49; JSOF, XXX, 1913, стр. 51.

⁶ Ср. МК, 192.

⁷ Селенгинский текст.

⁸ И. Бичурин, ук. соч., стр. 384—385 и 388—389.

Второй памятник, относящийся к данной эпохе, — надгробная стела из урочища Суджи. Надпись представляет большой интерес для характеристики господствующей знати. Приведем текст полностью.

1. Uıyur jārıntä jaylaqar qan ata käl(ti)
2. Qırqyz oıly män bujla qutluı jaryan
3. män Qutluı baıa tarqan ögä bujuruıy män
4. Küm suruıym kün toıusuq(q)a batısyqqä
5. tägdı. Baj bar ärtim. Äıylym on jylqym sansyz ärti
6. Inim jiti urum üç qyzum üç ärti Ablädim oılymyn
7. Qyzymyn qylınsyz birtim. Maryma jüz är turuıy b(är)tim
8. Jigänimin atymın körtim. Amty öltim
9. Oylanım ärdä marymynča bol qanqa tap qatyylan
10. Uluıy oıulym s(ük)ä bardy (batdy)
11. Körmädim är(däm)im oıul

- (1. В землю уйгуров отец Яглакар¹ хан пришел.
2. Я сын кыргызский. Я Бойля счастливый и спокойный.²
3. Я знаменитый Бага-Таркан высокий буюрук.
4. Моя слава и репутация касалась захода и восхода солнца.
5. Богатым был я. У меня было десять загонов [для скота]³ и табунов [в них] без числа.
6. [У меня было] моих младших братьев семь, сыновей⁴ три, дочери три было. Я «одомил» моего огула.
7. Я дал свою дочь без калына.⁵ Моему учителю⁶ дал я сто людей и место стоянки.
8. Детей моих дочерей и сыновей⁷ я видел. Теперь я умираю.
9. Потомство мое по [заветам] учителя будьте. Хану служи отважно.⁸
10. Мой великий сын [старший] ушел [к войску].
11. Не видел я [мужественного] сына [Огула]).

Этот текст представляет большой интерес. Во-первых, он дает некоторое представление о характере хозяйства представителя крупной знати, должностного лица. Рамстедт отмечает, что этот камень находится на древнейшей территории уйгур: «Место, где наш камень находится, лежит как раз в древней стране уйгур»⁹ (der Platz, wo unser Stein sich befindet, liegt demnach im alten Lande der Uiguren).

¹ Вероятно, титул. Ср. МК, 72, глагол Jıymaq-regnen. О термине-имени Яглакар см. Малов. Сб. Язык и мышление, т. VI—VII, стр. 278.

² Ср. МК, 79, jaraı (Gelegenheit). Из текста явствует, что Яглакар хан был кыргызский каган. По китайским источникам известно, что лишь один кыргызский каган разгромил уйгуров в 841—846 гг. н. э. Имя этого кагана, не сообщаемое китайскими летописями, дает цитируемый текст. См. А. Бернштам. Историческое прошлое киргизского народа, Фрунзе, 1942 г., стр. 11.

³ Ср. МК, 3, Äıyl (Hürde).

⁴ Интересное название для сына: ıyru, р. пад. ııııq (род).

⁵ Непонятное место. Возможно, что речь идет о том, что покойный усыновил кого-то тем, что отдал ему без калына дочь (?).

⁶ Речь идет, вероятно, о монахах, проводниках манихейства, ср.: Ramstedt. Zwei Uigurische..., S. 9.

⁷ Возможно, что «детей моих сестер и братьев», т. е. племянников. Ср. aty.

⁸ Может быть qatı oılan? (хану служи в его ряде оглан), ср. рунич. .

⁹ Ramstedt; op. cit., p. 8.

Судя по упоминанию кыркызов, из которых происходит умерший, памятник относится к периоду после кыркызского завоевания этой территории, т. е. после 840 г.¹ В. В. Бартольд по этому поводу сообщает, что «из истории династии Тан известно только, что потомком Ли-Лина считался киргизский каган, положивший в 840 г. конец Уйгурскому государству и умерший в 847 г.»² Таким образом в первом, так называемом Уйгурском, памятнике мы имеем свидетельство о ликвидации тюрской династии и начале первой уйгурской, в то время как второй памятник отражает временное падение уйгур в конце первой половины IX в. под натиском кыркызов. Так как нам известно, что возобновление уйгурской династии падает на 862 г., то возможность поставить такой памятник кыркызу по происхождению могла быть, по нашему мнению, в пределах от 840 до 862 г., т. е. в пределах 22 лет. Указанным временем мы и считаем возможным датировать памятник из Суджи.

8. РУНИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ УЙГУРСКОЙ ЭПОХИ

Для полноты обзора всех известных нам рунических текстов отметим еще одну группу, происходящую из Восточного Туркестана. Эти тексты разделяются на две основные группы, небольшие по своему объему, но интересные по содержанию. Первая группа — это юридические документы, расписки и обязательства, написанные на грубой, плотной бумаге китайского изготовления, и вторая группа — религиозно-шаманско-манихейского содержания: отдельные листки из рукописей и целая книжка под названием «Yrğ bitig» («Книга предсказаний»).

Документы эти были в основном найдены в Урумчи, в районах Идикутшари, в городах Ходжо, в оазисах Турфана и Тоеке экспедициями Грюнведела, Штейна, Лекока и С. Ф. Ольденбурга. Часть из них была куплена у частных лиц, и поэтому точно неизвестно их происхождение. Первую группу составляют следующие документы:

I. Документ о продаже и покупке девушки (qyz) за сто кусков золота (altun), найденный Грюнведелем в экспедиции 1902—1903 гг. и переведенный Лекоком.³ Документ написан с двух сторон, но сильно испорчен, так что давать перевод сохранившегося текста нет смысла. По предположению Лекока, указывающего, что документ был найден в постройке сасанидского типа, которую он датирует VI—VII вв. н. э., этот документ (как и все остальные, им найденные) относится к первому десятилетию VIII в.⁴

II. Трудно читаемый юридический документ, добытый экспедицией С. Ф. Ольденбурга в 1909 г. в Кара-ходжа, происходящий, по В. В. Радлову, из Идикут-шари. Этот документ, вернее обрывок документа, переведен В. В. Радловым.⁵ Им разобраны отдельные слова, как, например, *budun* и *buqun*, которые он считает — *budun* (народ). Радлов склонен придавать ему значение «sein Volk und seine Leute».

¹ Там же, стр. 9.

² В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1926, стр. 7.

³ *Köktürkisches aus Turfan*. SPAW, XLI, 1909, док. Т. М., стр. 326.

⁴ Там же, стр. 1049. В тексте отметим такие слова, как *jüz altun* (сто кусков золота). Покупатель обозначен *yg* и далее он выступает как *bäg*. Продаваемая девушка *qyz*. Интересно отметить выражение при сделке — *älginta* (из рук в руки). Принадлежность этой рабыни обозначается глаголом в деепричастной форме *tamıyalar* или «отмеченная». Документ переведил В. В. Радлов. См. «*Altürkische Studien*» (ИАН, 1909, транскрипция и перевод, стр. 1216—1218).

⁵ Ein Fragment in türkischer Runeninschrift, *Altürkische Studien*, III. ИАН, 1910⁹ стр. 1026.

Интересно отметить слово *qanlyq* (ханство) (по В. В. Радлову — *das Chanthum, das Chanai*).¹ Кроме того встречено слово *buqun*, которое нельзя переводить «сегодня», так как в этих наречиях в значении «сегодня», «день», *kün* было бы с мягким «й», т. е. руническим **𐰽𐰺𐰸**. Возможно, что слово **𐰽𐰺𐰸** есть сочетание указательного местоимения *bi* + *cop* от глагола *qopmaq* (останавливать, останавливаться), что дает словообразование «соседство», «община».

III. Документ (MSI), как и остальные юридические, найден А. Штейном в 1906—1908 гг. в Восточном Туркестане и переведен В. Томсеном.² Документ написан на грубой китайской бумаге с обеих сторон. Как правильно, повидимому, предполагает В. Томсен, документ был распиской войсковых начальников (или просто записью) в получении от населения небольшого оазиса у проезжей дороги фуража, лошадей и т. д. Томсен датирует этот документ серединой VIII в., т. е. периодом, когда эти районы занимали китайцы; в частности упоминаемые в тексте документа имена *šangun* и *čigsi* В. Томсен склонен рассматривать как китайские титулы.³

IV. Документ (MSIV), найденный А. Штейном в Дун-хуане, является юридическим документом-распиской в получении хорошего вина (*bāgni*) от раба: *bāgni bitgäci isiz jabyz qul. Bitidim altym batur čigsi*.⁴

В группе текстов религиозного содержания отметим тексты, приведенные в вышеуказанной статье Лекока, по его нумерации ТМ 327, связанные с шаманско-космическими представлениями о значении драгоценных камней такого же типа ТМ 342, не считая других мелких обрывков, в большинстве своем нечитаемых.

Текст, изданный В. Томсеном,⁵ является списком значений драгоценных камней. В тексте было много пехлевийских и согдийских слов, которые подверглись изучению проф. Ф. Андреасом.⁶ Эти тексты представляют особый интерес для лиц, занимающихся изучением надстроечных явлений; непосредственно для нашей темы они не нужны. К текстам религиозного содержания надо отнести еще MS III по В. Томсену.⁷ Особого внимания заслуживает «Книга предсказаний» «*Yrj bitig*», по В. Томсену «a fortune book». Этот текст найден тем же Аврелием Штейном (MSII) и представляет собой книжку из 104 страниц размером 13,6 × 8 см, написанную руническим шрифтом, уйгурским почерком (вероятно кистью). Текст, как отмечает В. Томсен, построен в форме аллитерации,⁸ датируется серединой VIII в.⁹ В. Томсен предполагает, основываясь на 65-й странице текста, что книга написана манихейцами, хотя все содержание проникнуто шаманизмом. Все предсказания построены по одному шаблону: «Если с человеком случится то или другое, то это хорошо или плохо». Всего таких предсказаний 65 и небольшое заключение. Ряд предсказаний имеют несомненный интерес, и мы их будем цитировать в дальнейшем.

¹ Ein Fragment in türkischer Runenschrift. *Altürkische Studien*, III, ИАН, 1910, стр. 1026.

² Dr. M.-A. Stein's Manuscripts in türkisch «runic» script from Miran and Tun-Huang, *JRAS*, 1912, January.

³ Там же, стр. 195.

⁴ Там же.

⁵ Ein Blatt in türkischer Runenschrift aus Turfan, SPAW, 1910.

⁶ Zwei soghdische Exkurse zu Vilhelm Thomsens. Ein Blatt in türkischer Runenschrift. SPAW, 1910.

⁷ V. Thomsen, *JRAS*, стр. 215.

⁸ Там же, стр. 195.

⁹ Там же.

9. КИТАЙСКИЕ ТЕКСТЫ ТЮРКСКИХ НАДГРОБИЙ

Несомненно, что важным источником по истории интересующего нас периода являются китайские тексты. Последние можно разделить на две группы: первая — тексты, найденные на территории государства тюрок, тугю и уйгур, и вторая — тексты китайских летописей, известные нам в переводах русских и западноевропейских ученых.

Первая группа текстов находилась на памятниках Кюль-тегина и Могилян-хана. С одной стороны памятника был рунический, нам уже известный текст, с оборотной находились китайские надписи. Третья надпись, так называемая уйгурская, была найдена в Кара-Балгасуне и доставлена в Петербург Ядринцевым. Последний памятник, вернее два его обломка, был переведен впервые Э. Кохом в 1891 г.¹ Надписи, доставленные экспедициями Гейкеля и Радлова, привлекли внимание китайцев, которые дали переводы. Так, китайские тексты с памятников Кюль-тегина, Могилян-хана и уйгурского были изданы и переведены: Г. Габелентцем — Кюль-тегина,² Г. Девериа — Могилян-хана и уйгурские.³ Вскоре, в 1894 г., появился второй перевод текста памятника Кюль-тегина — П. Попова,⁴ а в 1896 г. — М. Паркера.⁵ Переводу всех трех китайских текстов посвятил свою работу В. П. Васильев. Перевод сделан им по списку, изготовленному китайскими учеными, и в своем переводе он поместил замечания одного из китайских исследователей из Цзун-ли-ямыня.⁶ Еще раньше он издал только один уйгурский памятник,⁷ который тщательно изучал лейденский профессор Г. Шлегель.⁸ Необходимо отметить, что названные китайские тексты помогли В. Радлову и В. Томсену в дешифровке рунического алфавита.

Надпись Кюль-тегина,⁹ написанная танским императором Сюань-цзун, состоит из краткого введения, в котором подобно начальным строчкам большой турецкой надписи говорится о том, что впервые была «вселенная вполне общая», только после отделения «неба и людей» началось «действие сил Ин и Ян, явились особые владетели и старшины. Эти[х народов?] владетели и старшины, собственно, суть потомки».¹⁰ Далее идет указание на могущество тюрок и указывается связь древних тюрок, по представлению китайцев — хунну, с Китаем. В данном случае ясна тенденция составителя указать на то, что тюрки и их потомки являются выходцами из Китая: «Начавшись в Среднем

¹ О переводах Э. Коха см. в «ЗВО» (т. V, вып. 2, 4). Помимо отмеченной выше статьи М. Р. Лемесюг'а в ТР, ср. замечания В. В. Радлова к заметке «Титулы и имена уйгурских ханов» (ЗВО, т. V, вып. II—IV, стр. 255—270).

² G. Gabelentz. *Inscription chinoise du Monument I. de l'Orkh.*, pp. XXV—XXVI.

³ G. Deveria. *Monument II — Stèle funéraire de Me-ki-lien, khakan des turks Tou-kius; Monument III — Fragments Sino-Ouigours. I. de l'Orkh.*, pp. XXVII—XXVIII.

⁴ П. Попов. Замечания по поводу нового перевода надписи на памятнике Сюе-Тегиню. ЗАН, 75, 1894—1895.

⁵ L'inscription chinoise du monument I. The deceased Köl-Tegin's tablet, прилож. — K. V. Thomsen. *Inscription de l'Orkhon*, pp. 212—216.

⁶ В. П. Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цай-даме и Кара-Балгасуне. СБОУ, вып. 3. Цзун-ли-ямынь — Китайск. мин. ин. дел.

⁷ Das uigurische Denkmal von Kara-Balgassun. ATIM, III, pp. 283—291. Изд. В. Радловым.

⁸ Die Chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara-Balgassun. MSFO IX, Helsingfors, 1896.

⁹ АДМ, табл. XVI, I. de l'Orkh., табл. 13, 14, 15, 16.

¹⁰ Цитирую по переводу В. Васильева, исправленному в связи с переводом Г. Шлегеля.

царстве, взлетели [т. е. возникли] герои [героями] в северных пустынях. Что придя к [китайскому] двору [во дворец] Ган-цюань, просили [позволения] охранять [границу] Гуан-лу [доказывает, что] глубокая [связь взаимная] милость и дружба [между Китаем и инородцами] были уже в древности».¹ Китайская надпись подчеркивает китайское происхождение тюрок, в свою очередь, по китайским же представлениям, происходивших от гуннов. Дальнейший отрывок сообщает нам о восстановлении династии Хань и об установлении порядка в стране во времена династии Тан. При возникновении последней проходит бурная волна крестьянских движений в Китае. Текст, в связи с эпохой крестьянских движений, гласит: «Хотя, благодаря изменениям неба и соперничеству, славные имена попеременно являлись [у инородцев], но все-таки (они) могли посменно являться с данью на границу» (по Васильеву: «Внутренние перемены не изменяли даннических отношений со стороны тюрков к Китаю: Все [с почтением] являлись на границу с данью»)². Вышеприведенный текст вызывает некоторые сомнения, так как известно, что и китайцы платили дань тюркам (ср. рунические тексты). Вероятно, здесь имеется в виду период подчинения тюрок Китаю в начале танской династии с 630 по 682 г. Договор с тюрками положил конец «вторжениям и беспокойствам», и «лук и стрелы уложились в колчан».³ Упомянув в дальнейшем имя похороненного по-китайски Кюе-тэгиня, второго сына Гу-ду-Лу-Кэ-ханя, знаменитого младшего брата «нынешнего» Би-кя Кэханя (т. е. памятник был поставлен по смерти Могилян-хана — до 733 г.), текст отмечает, что он продолжал действия согласно правилам своего прадеда И-ди-ми-ши-фу, который, «собрав (оказав) сугубые доблести пред высшим (небом?, начальством?), тело (свое) мог довести до конца (умер обычной смертью). Дед Гу-ду-лу Се-цзин (Хегинь) действовал по глубокой гуманности к низшим, а сын (дети?) и внук продолжали».⁴

Второй китайский текст, находящийся на памятнике Могилян-хана, крайне испорчен: поставлен он после смерти Могилян-хана.⁵ В этом тексте более откровенно ведется рассказ о могуществе Китая. По отдельным словам и отрывкам фраз можно судить, что дело идет о соболезновании, высказываемом китайским императором, о приношениях и дарах на похоронах и т. д. Интересно упоминание о земле, как не о едином (см. начало первого памятника), а о различном, противоречивом явлении. «Земля [хотя и] различна [как внутри, так и] вне (т. е. Китая и иностранных владений), но могла [могли] от начало до конца [быть], как одна жизнь и смерть».⁶

В конце текста, в строке 23, представляют некоторый интерес слова, характеризующие Могилян-хана: «[отличался?] счастьем, ясным пониманием, умом, успокоил отдаленные захолустья [степи?]».⁷ Китайский текст на памятнике Могилян-хана дает несравненно меньше, чем китайский же текст на памятнике Кюль-тегина.

¹ Цитирую по переводу В. Васильева (ук. соч., стр. 5), исправленному в связи с переводом Г. Шлегеля.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 5 и 6.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ АДМ, табл. XXI, I. de l'Orkh., табл. 36, 37, 48.

⁶ В. Васильев, ук. соч., стр. 13.

⁷ Там же, стр. 14.

2) о принятии манихейства (строки 8 и 9),⁴ о борьбе с карлуками и тибетцами.

⁹ A thousand years, of the Tartars. Shahhai, 1895.

Тоньюкука Ф. Хирт дал перевод одной из глав истории династии Тан — Тан-шу с дополнением из других китайских источников (например, Ганму).¹ По поводу работы Ф. Хирта В. Бартольд писал, что она имеет «особенно научное значение».² В шестом выпуске сборника трудов Орхонской экспедиции появился труд крупнейшего французского синолога Эдуарда Шаванна,³ собравшего китайские известия из истории Тан-шу, Цзю-тан-шу, Суй-шу, Бэйши, отрывки из сочинений буддийских паломников и официальных документов VIII в. из энциклопедии Че-фу-юан-гуй (IX в.). Работу Э. Шаванна неприветливо встретил В. Бартольд, который заявил, что «после перевода г-на Шаванна китайские известия о западных турках и о находящихся под их властью областях еще не вполне доступны для несинологов, что новая попытка сопоставления того же материала, более соответствующая требованиям исторической и филологической критики, не была бы лишней».⁴ Для увеличения сведений по истории тюрок в «Известиях Академии Наук» в России печатают переводы с китайских летописей о гуннах К. Ширатори⁵ и Ф. Хирт.⁶ По поводу последней работы В. Бартольд писал, что «окончательно опровергнутым, повидимому, должно считаться мнение Хирта, что венгерский летописец XV века, Ионн Туроч, сохранил нам подлинные имена предков Аттилы и что эти имена совпадают с приведенными в китайских источниках именами гуннских владетелей».⁷

В связи с китайскими источниками ряд исследователей в мелких статьях осветил термины из текстов как рунических, так и китайских, собственные имена, названия племен, географические названия и т. д. Большую работу по отождествлению китайской и тюркской терминологии проделал Ф. Хирт. Исследовав одну из глав истории танской династии — Тан-шу (Tang-schu), он дал очень много ценного в сопоставлении тюркских и китайских текстов. Так, он доказал, что A-schi-tö Jüan-tschün тождествен с знаменитым Тоньюкуком,⁸ о котором он сообщает, что Тоньюкук был главнокомандующим у Гудулу-кагана: «Из китайских известий об этом кагане мы можем заключить, что Тоньюкук, в качестве апатаркана, т. е. верховного главнокомандующего над войсками, был душой всех его предприятий («Aus dem chinesischen Bericht über diesen Kakhän dürfen wir schliessen, dass Jüan-tschün in seiner Eigenschaft als Apatarkhan, d. i. Oberbefehlshaber über die Truppen, die Seele von dessen sämtlichen Unternehmungen war»)).⁹

Вместе с тем Ф. Хирт доказал, что Тоньюкук, или по-китайски A-schi-tö Jüan-tschün, был при дворе Гудулу, Мочжо и Бильгехана.¹⁰ Анализируя титулы Гудулу, он пришел к выводу, что это тюркское слово «кутлуг» (қутиғ) — «счастливый», «знаменитый».¹¹ Указывая на

¹ F. Hirth. Nachworte. Zur Inschrift des Tonjukuk, Zeit des Ku-tu-lu (Ifteres Khan). ATIM, Zweite Folge, SS. 1—140.

² В. В. Бартольд, ЖМНП, стр. 232.

³ Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. СБОТОЭ, VI, СПб, 1903.

⁴ См. рецензию В. В. Бартольда на вышеуказанный труд Шаванна (ЗВО, т. XV, вып. 6, стр. 155).

⁵ Ueber die Sprache der Hiungnu und Tunghu Stämme. ИАН, 1902, т. XVII, № 2.

⁶ Die Ahnentafel Attila's nach Johannes von Thurcz. ИАН, 1900, т. XIII, № 2.

⁷ В. В. Бартольд. Фридрих Хирт (некролог). ИАН, 1928, № 1, стр. 18.

⁸ F. Hirth. Nachworte... SS. 14—15. — Ibidem, p. 2: «T'un-yü-ku und A-schi-tö Jüan-tschün sind nur verschiedene Namen für ein und dieselbe Persönlichkeit».

⁹ Там же, стр. 16.

¹⁰ Там же, стр. 21.

¹¹ Там же, стр. 23.

китайское воспитание A-schi-tō Jüan-tschö, Ф. Хирт считал, что вся титулатура тюрков имеет связь с китайской чиновной системой, в частности Ф. Хирт доказывал это на примере титула šad. Ф. Хирт считает, что термин šad обозначает «премьер-министр» или его заместитель (Stellvertreter). Этот титул, по его мнению, скрыт в имени A-schi-tō, являющемся, как полагает Ф. Хирт, именем тюркского рода. Он объясняет это тем, что тюрки, долгое время находившиеся в Китае в вассальных отношениях (Ашина, например, взял даже в жены китайскую принцессу), восприняли от китайцев их двадцативосьмиклассную бюрократическую систему. Термин schi он выводит из тюркского šad, имеющегося в собственных именах, как мы указывали выше, — A-schi-tō Jüan-tschop. Анализ Ф. Хирта следующий: «Если бы schi не оказалось случайно личным именем, то оно могло бы, так же как schö, которая в своем древнем произношении имеет одинаковое фонетическое значение, идентичное scha, рассматриваться как транскрипция для тюркского титула schad».¹ [Wenn schi (cantonesisch schit) nicht etwa Eigenname ist (курсив мой. — А. Б.), so könnte es so gut wie schö, das in seiner alten Aussprache gleichen Lautwerth besitzt, identisch mit scha (cantonesisch schat) und als Transcription für den türkischen Titel schad zu betrachten sein].

Термин этот вошел в употребление потому, как полагает Ф. Хирт, что после 630 г. области Дин-сян и Юнь-чун (Ting siang u Jün tschung) управлялись наместниками из рода A-schi-tō,² и «к названным членам семьи Ашина прибавляется еще один, который в остальной литературе под этим именем не упоминается. Это ассистирующий министр. Тоньюкук не китайское личное имя, и это вполне правильно, так как тут речь идет не о вассале Китая, но о свободном тюрке»³ (zu den genannten Mitgliedern der Familie A-schi-tō kommt nun noch einer, der in der sonstigen Litteratur unter diesem Namen nicht erwähnt wird. Es ist der assistierende Minister Aschi-to Tun-ni-schu. Tun-ni-schu ist kein chinesischer Personennamen. Dies ist auch ganz in der Ordnung, da es sich hier nicht um einen Vassallen der Chinesen, sondern um einen freien Türken handelt) [курсив мой. — А. Б.].

Такого же происхождения был и Тоньюкук. Разбирая всю терминологию и давая ей объяснения, Ф. Хирт устанавливает последовательность титулатуры от апа-таркана до шада и ябгу. Последние титулы он считал «самыми высокими титулами тюрков после кагана» (höchsten Titel der Türken nächsts dem des Kakhan).⁴ В племенных названиях Ф. Хирт отождествляет Sie-yen-to с тардушами.⁵ Племя Bajutqi он отождествляет с Ра-уе-ки и считает его одним из племен уйгуров,⁶ а последних он сравнивает с китайскими Jo-ю-ко, Jolgor, Julgur oder Ulgur, «которые мы можем рассматривать как вариант многих более поздних форм уйгур» (den wir als Variante der mannichfachen spätern für Uigur bezeichnen dürfen). Племена токуз-огузов он считает девятью племенами уйгуров, в частности карлуков отождествляет с уч-огузами (üç-öğüz), и помещает

¹ Там же, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 45. Ф. Хирт также отмечает, что они являются обычно ближайшими родственниками хана: «Их [титулы] раздают только ближайшим родственникам, братьям и сыновьям монарха» (sie werden nur an die nächsten Verwandten, Brüder oder Söhne des Monarchen vergeben) (стр. 45). F. Hirth считает, что это военные титулы. Этой же точки зрения придерживается и Ed. Chavannes.

⁵ Там же, стр. 56, 129.

⁶ Там же, стр. 36.

их между западными и восточными тюрками. Китайские источники о карлуках сообщают, что они состоят из трех «фамилий»-родов. «Карлуки были, согласно сообщениям Ган-шу, первоначально тюркского происхождения. Они сидели на западном Алтае и были разделены на три части»¹ (die Karluk waren nach den Berichte des T'ang chu von Haus aus türkischer Herkunft; sie sassen im Westen des Altai und waren in drei Familien getheilt).

Нельзя не отметить, что такие племена, как усунь (Wusun) и юечжи (Gue-tschji) он считает тюркскими в противовес О. Франке, который предполагал, что юечжи — индоскифы.² В своей другой работе³ Ф. Хирт дает еще несколько отождествлений китайских названий с городами Средней Азии и примыкающих к ней стран, указывая, что китайская литература дает больше сведений по истории Средней Азии, чем арабская о Китае.⁴ Объясняя это явление более развитыми в древние времена сношениями Китая со Средней Азией, он отмечает, что эта литература вызывалась требованиями торговли с соответствующими странами.⁵

В установлении соотношения китайских обозначений и тюркских слов, имен, названий топонимического и этнонимического характера многое сделал Г. Шлегель. Так, он установил, что имеющиеся в китайских текстах Ouik-kien и Ut-tok-kouu — два различных хребта. Первое — название Хангая (восточная часть Южного Алтая), второе — название хребта, находящегося на юг по течению реки Керулэна.⁶ Река Тола, по мнению Шлегеля, называлась Tok-la. В рецензии на книгу Радлова «Die Alttürkischen Inschriften...» (III Lieferung) Г. Шлегель дает ценные замечания о слове Taschik: «ein bekannter türkischer Stamm der Karluk Türken bei Ma-Toan-lin Cap. 348, fol. 10 erwähnt».

Дополнением к изданным ранее текстам является работа Эд. Шаванна «Notes additionnelles sur les Lou-kue (Turcs) Occidentaux»,⁷ в которой он опубликовал отрывки из «Ts'ö-fou yuán kouei», начиная с 618 г. Как издание источника надо считать его публикацию «Épigraphes de deux princesses turques de l'époque de T'ang».⁸

Эти основные работы синологов по китайским текстам, часть которых мы здесь привели, а другую часть дали в примечаниях к орхонским текстам, касающихся истории древних тюрков, позволяют установить ряд подтверждений описываемых в памятниках событий. Необходимо отметить, что китайские тексты дают очень многое для выяснения социальной и племенной терминологии и выяснения вопроса о расселении племен. Отождествление географических названий с китайскими известиями облегчило задачу размещения описываемых событий по географической карте территории, на которой эти события происходили. Китайские источники, в первую очередь и в большей степени, чем арабские, персидские и другие, подтвердили правильность и достоверность исторических

¹ Hirth. Nachwort, 43—44.

² Ср. рецензию Эд. Шаванна в TP (сер. II, т. V) на: O. Franke. Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türken-Völker und Skythen Zentralasiens. SPAW, 1904.

³ F. Hirth. Die Länder nach chinesischen Quellen. TP, т. V, S. 43, 44.

⁴ Там же, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 1—2.

⁶ См. рецензию Шлегеля на: V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. TP, t. VIII, стр. 182—191.

⁷ TP, сер. III, т. V, 1904.

⁸ Festschrift Wilhelm Thomsen, O. Harrasowitz, Leipzig, 1912. См. по этому поводу статью P. Pelliot «La fille de Mo-tcho gayan et ses rapports avec Kül-Teghri» (TP, сер. 2, т. XIII, 1912). О работах F. Pelliot см. выше.

фактов и тем самым сделали орхоно-енисейские тексты одним из крупнейших источников по истории кочевого общества тюрков на территории Средней и Центральной Азии. Описание истории тюрков, по китайским летописям, имеется в ряде работ, как то: В. Бартольда, П. Мелиоранского, В. Томсена, наконец, как мы указывали выше, у Дегиня, Клапота и др.¹

11. ВИЗАНТИЙСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

Имеющиеся в нашем распоряжении византийские источники, относящиеся к рассматриваемой нами эпохе, касаются главным образом истории западных тюрков. Мы имеем в виду отправленные ханом Силзивулом (или Дизавулом) в Константинополь в 568 г. посольства с Маниахом во главе. В ответ на посольства Маниаха Юстин послал Земарха Киликийца. Последний в сопровождении Маниаха прибыл к Дизавулу. По исполнению возложенного на него поручения заключить договор с тюрками он вернулся в Византию вместе с тюркским послом Тагма, называвшимся таркан (сан умершего уже тогда Маниаха). После этого, в 576 г., в правление Тиверия Кесаря византийцы (по византийским источникам — римляне) отправили снова посольство к тюркам. Послом на этот раз от византийцев был некий Валентин, которого сопровождали тюрки, жившие ранее в Византии. Как сообщают источники, «приведены одни были Анагистом, который был некогда посланником у тюрков; другие приехали вместе с Эфтихием. Некоторые прежде сопутствовали Валентину, ибо Валентин дважды был отправлен к тюркам в звании посланника; иные сопровождали Иордана, также и Павла Киликийца».² В это время одним из «князей туркских был Турксанф, к которому приехал Валентин. Далее он был у брата Турксанфа Тарду» (тардуши?). Описанием политических событий и взаимоотношений тюрков с персами, согдитами, гуннами, «скифами», «вархонитами» (?), аварами, утигурами (уйгурами), аланами и эфталитами, пути, пройденного послами, особенно Земархом (к тюркам он ехал южным путем, а возвращался северным, так как у тюрков началась война с Персией), характеристикой тюркского кагана Дизавула (или Синджибу по Табари) и «князя Турксанфа» и краткими сведениями по материальному производству тюрков — является сочинение византийского автора Менандра.

Значительно меньше сведений дает другой историк, Феофан Византиец,³ повторяющий в основном Менандра. В его сочинении необходимо отметить сведения о названиях тюркских племен и описании взаимоотношений тюрков с эфталитами.

Наконец, сведения о тюрках мы находим у Прокопия Кессарийского.⁴ У него они приводятся главным образом в связи с гуннами и эфталитами и крайне немногочисленны.

Этим сведениям посвящены комментарии переводчика Г. Дестуниса Прокопия на русский язык.⁵ Исследованию показаний византийских

¹ С фактами из китайской истории о тюрках мы будем встречаться в дальнейших главах. Ср., например, главу «Тюркская и уйгурская династии».

² Менандр Византиец. Византийские историки. Перев. Спиридона Дестуниса. СПб., 1861, стр. 416—417.

³ Там же.

⁴ История войн римлян с персами, вандалами и готфами. Перевод с греческого Спиридона Дестуниса, комментарии Гавриила Дестуниса. ЗИФФ СПбУ, ч. I, 1876 г.; ср. также части 5—6 и 13 о тюрках, особенно в первой части.

⁵ Там же, стр. 21—26.

историков Менандра и Феофана (Феофилакта) посвящены если не отдельные статьи, то довольно значительные замечания и главы у ряда исследователей, как то: у Клапрота,¹ Сен-Мартина, Маркварта и др. Сводку этих исследований, изучавших главным образом собственные имена и племенные названия, сделал Эд. Шаванн.² Исследованию торговых и других связей тюрок с Византией, в частности, по данным Прокония, посвятил свою статью Р. Хенниг.³ Все эти данные имеют только частичное к нашей теме отношение, так как они касаются западных тюрок, непосредственно не входящих в круг наших интересов. Попытку Эд. Шаванна отождествить Истеми с китайским именем Шэ-де-ми и с византийским Дилибулом или Сильзибулом отмечает В. Бартольд.⁴ Насколько это верно, судить пока трудно, хотя по датам (568 г.) тюрки еще не разделились на западных и восточных и их общими каганами были Тумынь, а затем Истеми.

12. АРАБСКИЕ, ПЕРСИДСКИЕ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

Других источников, непосредственно относящихся к рассматриваемой нами эпохе, почти нет. Оговариваемся «почти», так как могут быть отчасти отмечены арабские источники. Основные из них написаны позднее рассматриваемого нами периода, но события, в них отмечаемые, относятся к изучаемой эпохе. К сожалению, данные этих источников могут быть использованы главным образом только для подтверждения хронологических дат событий, географических названий и т. д. Часть из них использована В. Бартольдом для характеристики эпохи.⁵

Древнейшие арабские источники с упоминанием племенного названия «тюрок», как то: *Diwan-an Nābiya* аб *Dubjanī*, у *Al-A'sā'sā's'a* и др. (сочинения поэтического характера), относимые Нельдеке к концу VI и началу VII в., сведены в небольшой заметке Тадеуша Ковальского.⁶ Основные сведения о тюрках имеются в сочинениях Абу-Джа'фар Мухаммед-б. Джерир от Табари (умер в 923 г.), Ахмед б. Аби Я'куб б. Джа'фар б. Вахаб б. Вадих (III в. Гиджры, события описываются до 872 г.), которые использованы В. Бартольдом в его трудах об орхоно-енисейских тюрках, главным образом для установления хронологии событий и взаимоотношений тюрок, Согдианы и арабов.⁷ Для установления правильной хронологии событий, существенную помощь оказало сочинение Абу-Рейхан-Мехаммед-б. Ахмед аль-Бируни (умер в 1048 г.).⁸ Кроме указанных источников, отмечу еще сочинение Абу-л-Фарадж Мухаммед б. Исхак ан-Недим (987—988) под названием «Фихрист-аль-Улюм», изучением

¹ Ср его атлас «Tableau...» (карта тюркского государства, где отмечен путь Земарха).

² Ed. Chavannes. Documents... Главы: III — Les avares et Kermichions, IV — Ambassades byzantines chez les Tou-kioeu Occidentaux, V — Luites des turks et des Romains contre les Sassanides, pp. 229—259.

³ «Die Einführung der Seidenraupenzucht ins Byzantinerreich». Byzantinische Zeitschrift, 1933, стр. 295 и сл.

⁴ Киргизы, стр. 10.

⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900. См. также главу «Средняя Азия до XII в.».

⁶ Tadeuz Kowalski. Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Literatur. ZITFuVG KCSA, 1926, т. II, вып. 1—2, стр. 38—41.

⁷ Ср. его статьи: 1) Die Altürkischen Inschriften und Arabischen Quellen. ATIM, Zweite Folge. 2) Новые исследования об орхонских надписях. ЖМНП.

⁸ См.: W. Barthold. Die Altürkischen..., S. 3; В. Бартольд, Новые исследования..., стр. 240.

которого занимался Маркварт.¹ Последний величает автора Мухаммед б. Исхак ал Варрак ал Багдади, названный Ибн Абу Я'куб ан Надим.² В последнем источнике имеются сведения о буквенном письме тюрок (шрифт), о религии, о племенах и о социальном строе.

Для истории тюрок из персидских источников мы пользуемся сочинением Абу-Са'ида Абд-ал-Хайя б. Зохака Гардизи «Украшение известий», написанным им в 1050—1052 гг.³ Последний посвящает довольно много места обзору тюркских племен и легендам об их происхождении. Об арабских завоеваниях и о сопротивлении Согдианы совместно с союзниками, тюрками, сообщает Абу-л-Хасан Али ибн Мухаммед ал-Мадаини (215—225 гг. хиджры).⁴ К группе мусульманских источников о тюрках, использованных нами для работы и имеющих косвенное отношение к разбираемому периоду, относятся сочинение Абу-Долефа в исследовании В. Григорьева⁵ и сочинение Ахмед Эфенди Мунедджим Баши.⁶ Сведения о тюрках, большей частью легендарного характера, одного и того же содержания, использованы нами по источникам «История Моголов Хондемира»,⁷ «История Монголов Рашид-ад-дина».⁸ Исторические данные об огузах из сочинений Ибн-ал-Асира, Хафиза Абура, а также о монголах (в той части, в которой мы привлекаем их в нашем исследовании) по Джувейни использованы нами благодаря труду В. А. Жуковского.⁹ Проблемы, которые мы ставим, требуют привлечения материалов из истории смежных с тюрками народов и сходных с ними по своему социально-экономическому строю. Этим объясняется то положение, что приходится обращаться к сведениям письменных источников, относящимся не только к орхоно-енисейским тюркам, но и к монголам и т. д. Указанные источники, более чем какие-нибудь другие, связаны непосредственно с нашей темой. Источники же, привлекаемые нами как вспомогательные, типа Марко Поло, Плано Карпини и др., и связанная с ними литература, например работы Ховарта, даны в сносках в соответствующих разделах нашего исследования.

Нам еще осталось отметить две группы источников, имеющих для нас, несомненно, большой интерес. Это, во-первых, уйгурские юридические документы и тексты и, во-вторых, фольклорный материал. Использование материалов первой группы вызывается необходимостью вскрыть в последующем после тюрок (VI—VIII вв.) периоде социальных отноше-

¹ Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften. WZKM, т. XII.

² Там же, стр. 157.

³ См. перевод В. Бартольда, приложенный к отчету о поездке в Среднюю Азию. ЗАН, VIII сер., т. I, вып. 4.

⁴ В. Бартольд. К истории арабских завоеваний в Средней Азии. ЗВО, т. XVII, вып. 4.

⁵ Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии. ЖМНП, 1872. На Абу-Долефа ссылаются Ибн-Русте. Ср. его «Известия о хозарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и руссах» (перев. Д. А. Хвольсона, СПб., 1869).

⁶ Караханиды в Мавераннахре по тарихи Мунедджим-Баши в османском тексте с перев. и прим. В. Григорьева. ТВО, вып. XVII, СПб., 1874. Об Абу-Долефе и Мунедджим-Баши см. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—94 гг. ЗИАН, т. I, № 4; ср. его же, Туркестан, ч. II.

⁷ Хондемир. История Моголов. Изд. В. Григорьева, СПб.

⁸ ТВО, ч. V, перевод И. Н. Березина. При использовании этого источника необходимо учесть рецензию В. Бартольда на: E. Blochet. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl All-ah Rachid-ed-Din. Leyden, London 1910. Пер.: Мир ислама, т. I, вып. 1, СПб., 1912, стр. 56—107.

⁹ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. МАР, № 16, СПб., 1894. О всех древних авторах и источниках см.: В. В. Бартольд. Туркестан, стр. 1—60.

ний формы эксплуатации, генезис которых надо искать в изучаемую нами эпоху. В этом отношении уйгурские юридические документы являются ценнейшим источником. Уйгурская династия, генезису которой мы в дальнейшем посвятим особое внимание, связана с историей орхоно-енисейских тюрок. Естественно, что обойти юридические документы и тексты, отражающие «результаты» истории VI—VIII вв., мы не можем. Однако специально на критике текста мы здесь останавливаться не будем. Отметим только, что нами используется текст «Кутадгу-Билиг» («Книга, как сделаться счастливым»)¹ и юридические документы, изданные главным образом В. В. Радловым и С. Е. Маловым.²

Из области богатого фольклорного материала мы считали возможным ограничиться тремя основными группами: преданием об Огуз-хане,³ кыркызским фольклором собрания В. В. Радлова⁴ с добавлениями Ч. Валиханова и легендами об огузах «Китаби Коркуд», изданными В. В. Бартольдом.⁵ В богатом фольклоре кыркызов, равно как и в содержательных легендах «Китаби Коркуд» имеется много материала для дешифровки фактов орхоно-енисейских текстов. Фольклорный материал должен служить исследователю мостком, с помощью которого он подведет историческое известие письменного источника к этнографическому материалу; на основе последнего легче будет делать те или иные выводы совершенно так же, как это необходимо для исследования непосредственно этнографического материала.

Сюжет многочисленных вариантов легенд об Огуз-хане встречается во всех летописях и сочинениях, не исключая и автора XVII в. Абуль-Гази Бахадур-хана. Он также не является исключением по насыщенности содержания и, как и вышеуказанные источники, не может быть обойден в качестве вспомогательного источника по истории древних тюрок.⁶

13. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ОТ ГУННОВ ДО ТЮРОК ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ

Эта группа источников, по нашему периоду и интересующей нас территории, находится в наихудшем состоянии. Более детально изучены

¹ W. Radloff. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Būlasagun. St. Pbg., 1891—1910.

² В. Радлов и С. Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ольденбурга. ЗИВАН, № 1, 1932, стр. 129—149.

³ Die Legende von Oğuz Qağan von W. Bang und G. K. Rachmati. Отд. отт. из SPAW (1932, т. XXV) с учетом исследования Р. Pelliot «Sur la légende d'Oğuz-Khan en écriture Ouigour» (ТР, отд. отт.). Сочинение Riza Nour'a, указанное выше, кроме путаницы, ничего нового не дает. Ср. его «Oughouz-Namé, épopée turque» (Alexandrie 1928). См. нашу статью: Историческая правда в легенде об Огуз-Кагане. Сов. этногр., № 6, 1936.

⁴ Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. Наречие дикоманских кыркызов. СПб., 1885, транскрипция текста. См. перевод: «Proben der Volksliteratur der Nördlichen türkischen Stämme». Дополнения к Радлову см. в докладе Веселовского «О рукописях Валиханова» (Прот. BOAO). См. также: ЗВО, т. XV.

⁵ В. В. Бартольд. Китаби-Коркуд. ЗВО, т. VIII, вып. 3—4; т. XI, вып. 1—4; т. XII, вып. 4; т. XV, вып. 2—3. — Он же. Еще известия о Коркуде, ЗВО, т. XIX, вып. 1. — К. Иностранцев. Коркуд в истории и легенде. ЗВО, т. XX, вып. 1. — Hussein Namik. Über das Kitab-i Dede Qorqud KCA, ZfFuVG, т. II, вып. 1—2, стр. 124—134.

⁶ Абуль-Гази Бахадур-хан. Родословное древо тюрок. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова, с послесловием и примечаниями Н. Ф. Катанова. ИОАИЭ, Казань, 1906. — Он же. Родословная туркмен. Перев. Туманского.

предшествующие нашей стадии «культуры» и памятники древних кыркыз. Настоящая глава имеет своей целью дать лишь некоторые общие замечания. Детальный анализ археологического материала и возможные выводы нас в данном случае не интересуют.

Во-первых, потому, что время так называемого железного века вообще никогда не отличалось ценными остатками. Железо быстро ржавеет и исчезает, вследствие чего положенные в могилу вещи деформируются и мало что могут дать исследователю; во-вторых, общество, нами изучаемое, — кочевое, стоянки которого недолговременны, поэтому невелик и культурный слой; в-третьих, буржуазная археология, которая нам оставила в наследство раскопанный материал, интересовалась только раритетами, и вместо систематической раскопки всех могил мы обычно имеем материал только из больших курганов, богатых, но уже большей частью разграбленных погребений. Все это безусловно осложняет использование археологического материала как исторического источника. И хотя в нашем исследовании основной источник письменный — древнетюркские тексты, но в интересах полноты исследования и доказательности тех или иных выводов необходимо использовать и археологический материал хотя бы в том виде, в каком он имеется.¹

Археологический материал мы разбиваем на три основные группы, связанные с тремя вопросами нашей работы. Во-первых, материал, характеризующий социально-экономический строй тюрков. Во-вторых, археологический материал, связывающий материальные остатки орхо-енисейского общества с предшествующими стадиями. В-третьих, особо выделяем группу памятников, характеризующих связь орхо-енисейских тюрков с другими обществами.

Комплекс формально сходных между собой вещей, например, как это делает С. Теплоухов по сосудам «с изогнутым профилем стенок, украшенных хорошо выработанным геометрическим орнаментом»,² служил для установления метафизического понятия «культур», в данном случае для андроновской. Естественно, что такие комплексы, составление которых имело формальное основание, не адекватны тем материальным остаткам социальных организаций, которые имели место в истории изучаемого района. Общество всегда характерно тем, что в нем имеются остатки прошлых, уже исчезнувших общественных организаций и культур. Ф. Энгельс, отмечая, например, в области материального производства появление металла, указывал на то, что, несмотря на изобретение железа, долго еще сохраняется каменное оружие и «не только в песне о Гильдебранде, но и в сражении при Гастинге в 1066 г. еще пользуются каменными топорами».³ Учитывая эти обстоятельства, а также то, что могильный инвентарь, которым мы главным образом располагаем, есть все-таки отражение религиозной идеологии, являющейся «фантастическим» и «искаженным» представлением о реальном мире, мы не можем основываться на хронологическом распределении и интерпретации этого

¹ После написания настоящей работы советскими археологами, в особенности С. Киселевым, добыт значительный материал археологического порядка по истории древних кыркыз. Нам не удалось его включить в наше исследование. Новые поступления, поскольку они нам известны из предварительных сообщений и докладов, не меняют общего нашего представления об археологии древних тюрков, лишь дополняя и уточняя их в деталях.

² С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, МЭ, 1929, Лгр., т. IV, вып. 2, стр. 43.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 138.

материала, которые преподаны в трудах как буржуазных, так даже и многих советских исследователей. Не могут удовлетворять и те конструкции, которые отдельные культуры превратили в хронологически друг за другом следующие стадии, как это можно проследить в цитированной работе С. Теплоухова. Несомненно, что указанные нами обстоятельства имеют еще большее значение, когда мы оперируем с материалом, являющимся вещественным остатком классового общества. Здесь еще меньше оснований «очищать» «стадии-культуры» от возможных пережитков прошлого, и теоретически можно предположить, что стадии позднейшие, т. е. в эпоху классового общества, могут и должны отразиться в вещественных остатках материал, формально относящийся к предшествующей стадии.

Исходя из данных письменных и этнографических источников, мы знаем, что нет чистого кочевничества; у кочевников есть всегда повседневная связь с земледелием и охотой, т. е. мы должны искать археологический материал, доказывающий последнее положение. Мы знаем также, что обедневшая часть кочевников «ложится» на землю (джатачество, джатак, буквально — лежащий); естественно ожидать, что наряду с вещественными памятниками, характеризующими кочевничество, должны быть следы оседлости и т. д.

Исходя из этого, мы несколько своеобразно ставим использование археологического материала в настоящей работе. Своеобразие это заключается в следующем. Во-первых, исходя из данных письменных источников, как китайских, так и тюркских, мы установим те объекты, которые могут быть вещественным остатком нашей эпохи. Во-вторых, исходя из нашего предположения (доказательства которому мы приведем ниже, при рассмотрении вопроса о происхождении тюрков) о том, что предшествующие тюркам гунны находились на стадии, аналогичной тюркам VI — конца VII в. и монголам X—XII вв., т. е. стадии военноплеменной демократии, мы будем наряду с явно тюркскими могилами рассматривать и дотюркский материал. В-третьих, так как процесс становления классов — это процесс не одного дня, а процесс длительный (что не опровергает его значения, как скачка в развитии общества), мы используем в качестве вещественного источника для нашей темы памятники длительного периода исторического развития, выражаясь археологическим языком, «культуры», начиная с «таштык» до орхонских тюрков включительно.

Таким образом мы берем вещественный материал, который, несомненно, по отношению к вещественным остаткам древнемиусинского общества, представленного культурами афанасьевской, андроновской, кара-сукской, тагарской или миусинской курганной, отражает специфически новое и отличное, материал, который в основном лежит за пределами той формации, которую мы называем первобытно-общинной. Это рамки нашей относительной или социальной хронологии. В анализе материала, непосредственно касающегося нашей эпохи, мы постараемся, насколько это возможно, детально хронологизировать наш источник. В хронологии всего материала, который мы предполагаем использовать, основным для нас будет указание Ф. Энгельса о том, что с *«появлением стад и новых богатств в семье произошла революция»*.¹ Этими остальными «новыми богатствами» были, в первую очередь, рабы, а также «увеличение производства во всех областях — в скотоводстве,

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 137. (Курсив мой. — А. Б.).

земледелии и домашнем ремесле»,¹ а революция заключалась в том, что все богатство, утвердившее «единовластие мужчины», «создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, притом грозной силой, противостоящей роду».² Это, однако, привело к тому, что «весь родовой строй превращается в свою противоположность»³ и высшая ступень варварства «переходит в цивилизацию (в классовое общество. — А. Б.) через изобретение буквенного письма и применение его для записей».⁴

Нельзя не согласиться с тем, что этот процесс появления классов, отраженный в вещественных памятниках, перечисляемых Ф. Энгельсом, в основном укладывается в те археологические рамки, которые мы обозначали, с одной стороны, «таштыком», с другой — тюркскими могильниками танской эпохи. Нам придется выделить материал, который, по нашему мнению, явится наиболее характерным для стадии тюркского владычества, так как отражает их тогдашнее политическое могущество. Нельзя не отметить, что группа памятников, как то: каменные бабы и предметы с надписями, для нас являются опорными в датировке. Именно последние предпосылки позволяют нам уточнить соотношение могильника Кударге, «чаатаса» и «хакасской культуры» с так наз. турецкими княжескими могилами. Во всем материале мы постараемся выделить все характерные черты материального производства в процессе становления классов, которые отмечал Ф. Энгельс. Беря археологические культуры, начиная с таштык — Оглахтинский могильник и Ноин-Ула, мы предполагаем, что предшествующие им культуры стоят еще в пределах первобытно-общинного общества.⁵ Высшая ступень варварства таштык (повидимому, гунны) связана с грабительскими войнами и крупными передвижениями и ярко отражена в вещественных остатках этой стадии [ср. китайские ткани, китайскую лакированную чашечку, лакированные части погребений (Ноин-Ула), усовершенствование оружия, появление верховой упряжи лошади и т. д.].

Замечания, связанные с учетом религиозной идеологии и с анализом поребения, будем приводить, непосредственно рассматривая материал.

По данным китайских летописей и орхоно-енисейских текстов об обществе тюрков, следует, что это — общество, у которого скотоводство было главной отраслью производства. Так, в китайской летописи мы читаем, что «тюрки-„дулга" живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде, занимаются скотоводством и звериною ловлею, питаются мясом, пьют кумыс, носят меховое и шерстяное одеяние».⁶ В памятнике Уюк-Туран говорится о том, что покойный отделяется от своих «шести тысяч лошадей», в памятнике Ачура имеется упоминание, что у умершего «на земле клейменный скот без числа был». Уже из этих двух свидетельств следует, что китайские известия правильно показывают о скотоводстве у тюрков. Эти же надписи свидетельствуют и о составе стада. В надписи

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 137.

² Там же, стр. 138.

³ Там же, стр. 140.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ В специальной статье «К вопросу о классовом расслоении» (Прб. ИМК. 1933. № 7—8) мы, останавливаясь на характеристике Минусинской культуры, считали ее одной из последних стадий доклассового общества. Этой же точки зрения мы придерживаемся и сейчас.

⁶ И. Бичурин, ук. соч., стр. 267.

КТ (строка 40) мы имеем выражение *äbin baγutun*, переводимое, как «его дома и имущество». Но слово *baγut*, собственно, значит не имущество, а рогатый скот. В надписи Элегеш говорится, что некто «отделился» в результате войны из-за «100 мужей и 50 волов».¹ В этом же памятнике интересно упоминание о том, что покойный отделился от *tärt adaq jylqut*, *säkiz adaqlı baγutun busut qadqsuma äki äbimä adaqlıy atuma jıta qara budınyta adyγldum* (я отделился от моего «четырёхножного» скота [конного?], от «восьминожного» [рогатого скота?], от моего сокровища, от моих сообщников, от моих домов, от быстроногих лошадей, от моего черного народа).²

По вышеприведенным текстам значит, что в составе стада, совершенно очевидно, был и рогатый скот; последний, насколько это известно, требует полуседлости. О том, что была связь с землей не только в связи с рогатым скотом, но и на почве земледелия, явствует из упоминания «пашни» (*tarlyy*) в памятнике Бегре. Употребление в пищу мяса лошадей и волов отмечено в памятнике Алтун-Коль. Кроме рогатого скота и лошадей, в памятнике Алтун-Коль упоминается и верблюд (самка). Из этих замечаний очевидно, что тюрки, будучи кочевым обществом, имели повседневную связь с земледелием, имели прирученный скот, т. е. были скотоводами в первую очередь.³ Естественно, что материальные остатки этого периода, следы упомянутой хозяйственной деятельности, мы должны найти. Что же мы имеем для характеристики тюрков?

По Теплоухову значит, что «погребение с конем характерно для кочевников» и далее: «в могилах этого времени, сгруппированных в могильники и прикрытых небольшой каменной насыпью, в грунтовых ямах мы встречаем как погребения с конем, так и более бедные без коня».⁴

Далее идет перечисление могильного инвентаря. Эти могилы не дают материала для подтверждения тех данных, которые мы приводим. Однако такой материал имеется.

Обычно, к могилам тюрков относились только «княжеские турецкие могилы», тщательно описанные Д. Клеменцем и Н. М. Ядринцовым до, во время и после орхонской экспедиции: «турецкие княжеские могилы» являлись, пожалуй, одной только группой вещественных памятников по истории орхонских тюрков. Описание захоронений мы встретим в отчетах русской и финляндской экспедиций, так что повторять их здесь не представляется нам нужным. Отметим только, что указание китайских летописей о том, что «в здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убьет человека, то ставят один камень; у иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»,⁵ — подтверждается не только могилами Кюль-тегина и Могиян-хана, но и рядом других, более мелких (например Ихе-Асхете I). Но и сам И. Бичурин отмечает, что здесь описано захоронение «хана, и по нем знатных и богатых людей».⁶ Таким образом получается, что от

¹ АТИМ, III, стр. 314, строка 2.

² Там же, стр. 314, строки 11 и 12. О таком чтении текста ср.: V. Thomsen. «Tursica», p. 60.

³ Н. Козьмин предполагал, что орхон-енисейские тюрки были звероловами, жившими в лесах. Мы считаем это предположение неправильным. Ср.: В. Бартольд. Изв. ОАИЭ, т. XXXIV, вып. 3—4, стр. 3.

⁴ С. Теплоухов, ук. соч., стр. 55.

⁵ И. Бичурин, ук. соч., стр. 260. О каменных бабах ср. ниже.

⁶ Там же

орхоно-енисейских тюрок остались только могилы богатых, т. е. господствующего класса, в то время как от бедных, т. е. класса производящего, никаких следов не осталось. Ссылаться на то, что покойников сжигали и следы их исчезали, нельзя, так как, насколько нам известно, если предавались огню покойные, так главным образом из господствующего класса. При всяком сожжении пепел сохранялся либо в могилах, либо в корчагах. Исходя из этих соображений, мы обратили внимание на комплекс вещей, называемый «культурой чаатас» и «хакасской культурой». Комплекс этот характеризуется могилами с невысокими круглыми насыпями, которые «обставлены чаще кольцевидно, реже по четырехугольнику, высокими камнями»; «в неглубоких четырехугольных ямах, прикрытых сверху деревянными бревешками, мы находим, как исключение, скелеты захороненных покойников. Чаще в могильных ямах хоронили только мелкие жженные кости, оставшиеся от внемогильного трупосожжения, с погребальной пищей, от которой сохранились лишь кости лошадей, быков и овец. В могилах подобного устройства мы постоянно находим высокие узкогорлые сосуды с полосами выдавленного орнамента, сделанные на гончарном круге из прекрасно отмученной глины».¹

В этом комплексе был найден в могиле серебряный сосуд, отмеченный в указанной работе С. Теплоухова (табл. II, стр. 57, стадии VI под № 25). На дне этого сосуда мы обнаружили небольшую надпись на древнетюркском языке. Надпись эта: «Чунтыба (?) большого хозяина, добро имуществу», не столько интересна по содержанию, сколько, несомненно, представляет интерес для датировки археологических памятников.² Надпись на сосуде датирует погребение периодом времени не раньше VII в. Этим самым и могильник должен быть отнесен к более позднему периоду — к VI—VIII вв. н. э.

К этой же датировке мы склонны причислять могильник и по целому ряду других соображений. В первом малом кургане II Катандинского кладбища, к востоку от большого кургана, не грабленном, В. В. Радловым были раскрыты интересные могилы, в которых были найдены серебряный сосуд с орхонской надписью и китайская ткань.³

Надпись на сосуде была переведена П. Мелиоранским.⁴ Описанная В. В. Клейном ткань относится к VII—VIII вв.⁵ Совершенно идентичная ткань найдена в Монголии⁶ в погребении с конем, резко отличным от обычных княжеских тюркских могил, что заставило его присоединить группы могил этого типа к памятникам тюрок. В других малых курганах II Катандинского кладбища был найден, что важно, железный заступ (мотыга).

Таким образом, благодаря открытой нами надписи, тканям, найденным в могилах, мы можем свести в группу синхроничных тюркам вещественные памятники, которые раньше представлялись как следующие друг за другом стадии. Но тогда получается, что вещественными памят-

¹ С. А. Теплоухов, ук. соч., стр. 54. — Л. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. Сб. статей по археологии СССР, М., 1939.

² Перевод и анализ надписи на сосуде см. нашу статью «Заметки по рунической эпиграфике» (печ.).

³ А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. Радлова в 1865 г. ТГИМ, вып. I, М., 1926.

⁴ ЗВО, I, XV, вып. I, стр. 34—36. Сосуд был издан дважды: ср.: Я. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XCII, 169.

⁵ А. Захаров, ук. соч., стр. 102.

⁶ Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Северная Монголия. II, Лгр., 1927, стр. 73—76. Изображение ткани — стр. 75.

никами тюрок для нас является культура чаатас с вышеописанными характерными ее чертами. Одной из характерных ее черт является присутствие высоких глиняных «ваз». Могилы с такой вазой открыты в северной Монголии и содержались в кургане с каменной надписью (Наин-тэ-Сумы и Ихэ-Алык). Так, например, в первом раскопанном кургане, в юго-восточном углу могилы, «под камнями завала обнаружилась раздавленная ими, но сохранившая свою форму ваза из серой глины».¹ Известны находки таких ваз Гейкелем и Адриановым, и предполагают, что вазы относятся к середине первого тысячелетия н. э.²

Из других курганов этого типа один дал керамику типа Суджинского кладбища Ильмовой Пади,³ третий дал только слой золы. Этот тип курганов редок для Монголии. Однако этот комплекс очень близок к той группе памятников, которая почти или вполне синхронична орхоно-енисейским тюркам.

К группе памятников этой же эпохи относится и могильник Кударге на Алтае.⁴ Во всех этих могилах — погребение с конем, причем в двух случаях покойник клался в гроб из лиственничного дерева. По внешнему виду могилы Кударге сходны с вышеуказанными курганами Монголии. Отметим, что в могильнике Кударге было найдено украшение в виде «бронзовой крюкообразной головки птицы».⁵ Аналогичный предмет был найден и в Монголии. Кударгинский могильник, являющийся по своему облику синхроничным орхоно-енисейским тюркам, хранит в себе черты полуседлости охотников и скотоводов, разводивших мелкий рогатый скот.

По сходству и идентичности комплекса, а также по чрезвычайно характерным костяным обкладкам седел и украшениям конской сбруи в круг наших вещественных источников могут быть включены просмотренные нами в археологическом кабинете Этнографического отдела Русского музея коллекции под №№ 4549, 4566, 4576 и 5126. Эти коллекции из могильников содержат главным образом накладки и украшения ремней, костяные обкладки седел, пряжки, сосуды банкообразной формы с четырьмя крест-накрест расположенными бугорками, прясла, щипцы (ножницы) (могила 10-5126), обработанная оленья кость (могила 11-5126) и кости лошади, барана (отмечу изображения козла и барана на украшениях) (могила 56-4576). Наконец, по вазам, отмеченным выше, в круг нашего источника включается так наз. «хакасская» культура. Из всего вышеизложенного следует, что комплекс материальных остатков орхоно-енисейских тюрок значительно расширяется. Все разнообразие культур, нами включаемых в круг синхроничных тюркам обществ, мы объясняем в основном тремя причинами. Во-первых, тюркское объединение было объединением разно- и многоплеменным по своему составу. Уже по перечислениям племенных названий, находимым в текстах, мы знаем, что тюрки объединяли большое количество племен. Однако эти племена отличались своими локальными особенностями, разнообразием хозяйственной деятельности — от таких ярко выраженных охотников,

¹ Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Северная Монголия. II, Лгр., 1927, стр. 64, ср. стр. 65. О вазах этого типа см.: A. Tallgren. Collection Tovstin. Helsingfors, 1917, pp. 73—75, fig. 83.

² Археологическое обследование... стр. 65.

³ Ср. Ю. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой Пади. ТТКОПОРГО, т. I, вып. 2, 1898.

⁴ Ср. статью Руденко и А. Глухова в МЭ (т. III, вып. II, Лгр., 1927, стр. 37—52).

⁵ Там же, стр. 45—46. См. рис. 12/15.

как кударгинцы, до таких очевидных кочевников, как насельники Монголии. Эта разнообразная хозяйственная деятельность, ничего не говорящая нам о разнотипности, и отразилась в разной степени оседлости; племенные и хозяйственные особенности составляют вторую черту обществ, входящих в состав тюркского государства.

Наконец, в-третьих, с началом классового расслоения, как мы уже выше отмечали, сильно изменяется хозяйственный уклад беднеющей части населения, которая теснее связана с оседлостью. Эта полuosедлость связана с иным составом стада: вместо лошадей, дающих возможность сплошного кочевания, появляется рогатый скот, который при меньшем, чем лошади, количестве максимально обеспечивает существование семьи.

Черты, которые мы наблюдаем в этих культурах, связывают их с культурами более ранними. Так наз. погребение в могилах со срубамы сближает их со срубными погребениями культуры таштык, в то же время погребения с конем являются отличным и чем-то новым. Мы это учитываем и считаем, что здесь ничего противоречащего действительности нет. Так наз. культура чаатас может генетически быть более древней по происхождению, не исключая возможности ее существования и в более позднее время. Благодаря тому, что мы имеем надпись на сосуде, найденном *in situ* в погребении эпохи чаатас, это позволило поднять ее датировку до V в., вместо прежней VII—VIII вв., и культура чаатас стала синхроничной нашей эпохе. Однако, повторяем, мы считаем возможным и для этой культуры, являющейся, вероятно, отражением определенной племенной группы, а вместе с тем в дальнейшем и классовой, более ранний генезис, чем для «тюркских княжеских могил».

Если мы учтем, что в классовом обществе (да еще там, где все время соседят кочевая и оседлая части) сильные еще родовые и, особенно, племенные различия, то мы можем признать, что различия культур — это различия социальные, а вместе с тем и племенного состава того общества, которое покрывается в интересующие нас времена названием «тюрк». Эти же племенные различия влекли и к тому, что у некоторых племен сохранились культовые обряды, которые были для них характерны и которые, возможно, предшествовали обрядам тех же тюрков. Во всех упомянутых культурах мы наблюдаем различие в богатстве погребения. Это богатство, свидетельствующее о расслоении внутри данных племен, говорит о том, что укрепление владычества тюрков было возможным благодаря объединению класса эксплуататоров. Однако, по сравнению со всеми перечисленными «культурами», культура «княжеских тюркских могил» стоит несравненно выше, и объясняется это тем, что так наз. племя тюрков было господствующим классом кочевого объединения (но об этом ниже).

В области материального производства, культуры чаатас, хакасская, могильник Кударге, Катанда II, раскопки по реке Толе, тюркские княжеские могилы в раскопках В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева и Д. Клеменца дают следующий материал: 1) Они свидетельствуют, помимо разнотипности состава, и о социальном расслоении: наряду с кочевым скотоводством имело место для некоторых племен или, особенно, у беднейшей части населения разведение крупного и мелкого рогатого скота, вызывающее полuosедлость. 2) Эта полuosедлость засвидетельствована в надписях упоминанием о пашне находимыми при раскопках земледельческими орудиями (Катанда II) и признаками оседлости (сруб в могилах чаатас, гробы в Кударге). Полuosедлость сосредото-

чивалась на местах зимовки (кыстау), где были тепляки для молодого скота и заготавливался фураж. Здесь же концентрировалось производство керамики (хакасская культура, «вазы», керамика в женских погребениях). 3) Производство керамики, по типу напоминающей находимую под Пекином, заставляет предполагать использование на этой работе китайцев, неоднократно уводимых в плен тюрками. Китайцы могли и возделывать хлеб, как это позднее мы наблюдаем у монголо-татар.¹ Китайская, как и персидская, рабочая сила запечатлена в произведениях архитектуры крупных китайских мотивов каменотесного дела (памятники с надписями, саркофаги, статуи, «балбалы» и т. д.). Сасанидские мотивы (в частности прилепы)² свидетельствуют о персидской рабочей силе. 4) Помимо скотоводства как главного вида производства и земледелия в вышеуказанных размерах была и охота (могилиник Кударге).

Указанные нами основные данные о хозяйстве общества тюрков теснейшим образом связываются с теми чертами, которые присущи и гуннскому обществу. Не соглашаясь с мнением Г. П. Сосновского о характере гуннского общества (он сильно модернизировал общество гуннов), нельзя не отметить, что по затрагиваемому мною материалу им даны наиболее приемлемая трактовка и интерпретации археологического памятника. Г. П. Сосновский на материалах Оглахтинского могильника показал, что уже тогда существовала отдельная патриархальная семья (двузачное погребение), общество, по его мнению, знало земледелие и представляло собой «оседлых пастухов и земледельцев».³ Однако Г. П. Сосновский считает, что синхроничными таштыку являются шибе, Катанда (вероятно, большой курган Катанда II) и Ноин-Ула. Последнее погребение свидетельствует о более развитом кочевничестве, чем Оглахтинский могильник. Таким образом и в ту эпоху мы уже имеем определенное соотношение между кочевой и оседлой частями. В китайских летописях мы имеем описание почти аналогичного тюркскому образу жизни гуннов. Относящиеся, повидимому, к этому периоду золотые украшения с изображением раба⁴ говорят об использовании их в это время.

Отмеченные выше следы звериного стиля в обществе тюрков уже в большой степени имеются в этот период, связываясь со звериным стилем предшествующей скифской стадии через курганы типа шибе, пазарык и т. д. Таким образом следы общества, представленного материалами могильников типа таштык и сходного с обществом орхон-енисейских тюрков, мы находим и в культуре чаатас, в которой больше чем в других наблюдаются черты, связывающие ее с предшествующими стадиями.

Нам необходимо еще остановиться на некоторых памятниках орхон-енисейских тюрков. Во-первых, на так наз. балбалах.

Если мы возьмем ряд текстов о каменных бабах, то мы увидим, что balbal — обычно изображения ханов покоренных народов;

¹ Мэн-Хун. Приложение к труду: Васильев. Древности Северной и Восточной Азии. ТВО, т. IV, стр. 224, 226.

² Раскопки Котвича в Монголии. Ср. опись 2877 Гос. Эрмитажа. См. Археологическое обследование..., стр. 78, рис. 10. Ср. прилеп с могилы Унгету.

³ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. Прб. ИМК, 7—8, 1933, стр. 40.

⁴ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890, стр. 62. О рабах у гуннов см.: И. Бичурин, ук. соч., стр. 17.

так, например: «[В честь моего дяди кагана] я поставил во главе [вереницы могильных камней] балбалы киргизского кагана» (bašlaju qurquz qaγanu balbal tiiqdim);¹ у могилы Бильге-хана стоял камень с надписью «Töläs šadyn taš balbal bol» (это каменный балбал шада толесов).² В надписи Бильге-хану интересны следующие места: «их витязей убив, я приготовил [себе] балбалов» (alr äin ölügür balbal qylyu bārtim)³ или: «когда мой старший сын умер от болезни, я поставил ему балбалом Куг Сенгуна» (šüγ üγüm aγur jōq bolca qyγ šāñünüg balbal tik'i bārtim).⁴ Упоминание о балбалах мы встречаем также и в мелких надписях (напр. надпись Ак-Юсе).⁵ Таким образом изображения всех балбалов принадлежат ханам покоренных и включенных в состав тюркского государства народов. В частности мы упоминали про толесов, которые находились под властью тюрков и управлялись тюркскими наместниками. В таком же положении были и кыркызы. Каменные бабы, или балбалы (речь идет только об орхонских бабах), с их сложенными на животе руками, выражающие покорность, и с чашей — знак приношения даров — не что иное, как выражение уже феодальной иерархии, тесно связанное с архаичными чертами — анимизмом. Анимизм здесь выражен в стремлении не только увеличить «славу» покойного душами побежденных, уставляя могилу покойного изображениями ханов подчиненных им народов, но попытку отправить покойного в иной мир с подчиненными ему ханами, дабы они могли «служить» ему, верней его душе, в загробном мире.

Такой точки зрения придерживались Н. И. Веселовский⁶ и В. В. Бартольд.⁷ В. Котвич в ряде своих статей⁸ остроумно доказал связь между балбалами и теми стелами, которые обозначают количество убитых, а также стелами, которые образуют и херексуры. Он, доказывая, что термин *balbal* значит у современных ему кара-киргизов «маленький земельный кусочек с оградой», делает вывод о том, что балбалом назывался и огороженный участок земли, т. е. те сооружения, которые им называются херексурами.

В. Котвич отмечает, что в таком случае херексуры являются столь же характерными для тюрков, как и для гуннов. Этим самым у нас появляется еще одно доказательство о связи в материальном производстве гуннов и тюрков. Если каменные бабы связываются могильным комплексом даже и с херексурами, являющимися обычно остатками трупосожжения, то благодаря этому круг памятников еще расширяется. И здесь нельзя не отметить чрезвычайно интересное их распространение. Если мы возьмем карту с нанесенными памятниками по реке Толе, то увидим, что комплекс синхроничных памятников связан с одной княжеской могилой, последние чередуются друг за другом на одинаковом

¹ КТ, стр. 70, строка 25.

² Сб. ТОЭ, вып. IV, стр. 45.

³ Там же, стр. 33, строка 7.

⁴ Там же, стр. 34, строка 9. Куг-Сенгун — один из побежденных тюрками ханов.

⁵ АТИМ, стр. 341.

⁶ Современное состояние вопроса о каменных бабах — ЗООИД, т. XXXII.

⁷ К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВО, т. XXV. Ср. особенно стр. 55—56. У него см. библиографию предмета.

⁸ W. Kotwicz. Quelques remarques sur les statues de pierre dites «baba» («femmes en pierres»). BAPSL, Cracovie, 1928. — Idem. Les tombeaux dits «Kereksur» en Mongolie RO, t. IV, Lwow, 1928, pp. 1—11. Ср. также его небольшую заметку в Sprawozdanie Polskiej Akademji Umiejetnosci (Kwiecien 1928) «Kilka uwag o. t. zw. babach kamiennych». С точкой зрения Н. И. Веселовского и В. В. Бартольда он не соглашается. Ср. его статью в RO.

расстоянии. Это распределение не случайно. Места кыстау, на которых обыкновенно и теперь располагаются могильники, являются обычно первым частным наделом кочевника. Эти наделы не являются полной собственностью общины; община землей владеет, но земля не является ее собственностью. Земля является собственностью богатых. И вот распределение княжеских могил на таком расстоянии свидетельствует, по-моему, о том, что они распределены каждая на своем участке, равно как на «своем» участке и находится община. Нам кажется, что эта топография памятников подтверждает указание китайских источников, что у тюрок «обыкновения их вообще сходны с хуннскими»,¹ а у последних «у каждого есть определенный участок земли».² По своему содержанию «каменные бабы», как мы отмечали выше, представляют собой явление феодального общества. Но каменные бабы являются тем мостком, который связывает каменные бабы с могильниками, входящими в состав «общины», обозначаемой территориальным размещением могильника. Этот тип каменных баб более характерен для центра тюркского государства, чем для его окраин, каковой была, например, территория ныне Минусинского края.³ На основании топографии древностей мы установили наличие отдельных участков земли, свидетельствующих о частной собственности. О появлении частной собственности мы можем судить и по некоторым другим данным. Такими данными являются тамги на надгробных стелах.

В изданных В. В. Радловым енисейских памятниках имеются три эстампажа (XXVI 1—2—9, XXVII, XXVIII) с надгробий, вверху которых имеются тамги. Камни эти находились по течению реки Барлук, влево в 60 верстах от Элегесты, и были открыты Клеменцем.

Тамга в основном плоская вытянутая дуга с крестом посередине, разнообразие же заключается в нижних рисунках. В текстах соответственных памятников обычное содержание надгробных эпитафий. Первая поставлена Jägin-alp-Turan'y — бегу шести огузских племен (öz Jägin, alp-turan alty oğuz budunda üč jägirmä jaşymqa adyryldym). Вторая в честь Künı Tıñg'a, трех лет оставшегося без отца и выросшего при поддержке старшего брата Külüğ Tutuqa. Третья принадлежит Külüğ Ćıru, сыну Bajna Šanun'a.

Расположение памятников в одном месте, упоминание в них имени Jägin-alp-Turan как предводителя огузских племен, отца одного из умерших, говорит о принадлежности основного рисунка тамги своему роду, в данном случае, вероятно, огузам.⁴

Разнообразие тамг зависит здесь, главным образом, от социального положения умершего: в то время как сирота Künı Tıñg, находившийся в зависимости от своего старшего брата Bırusuz'a, имеет совсем несложную тамгу, Jägin-alp-Turan имеет самую витиеватую. Третья тамга принадлежит тому, который имеет собственного сына и кунчуй, и его тамга несколько сложнее.

Поэтому, если считать основу тамги знаком родовым, то разновидности являются разновидностями вследствие различного социального положения умерших в данном роде.

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 271.

² Там же, стр. 2.

³ М. Грязнов и Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. II, Лгр., 1929, стр. 86—90.

⁴ Ср. также ханские тамги на памятниках Кюль-тегина и Могильян-хана в Кош-Цайдаме.

Совершенно очевидно, что мы имеем в тамге — знак собственности и социально-классового положения в большей степени, чем родовой взаимосвязи.

Но из указанного вытекает, что тамга, являясь знаком собственности, определила вместе с тем группу памятников как памятников, поставленных на могиле членов одного и того же рода, но различных по имущественному положению.

Нам остается сделать последнее замечание в связи с археологическим источником. Мы указывали, что в погребениях отражен фантастический, превратный мир. Мы не намерены заниматься здесь анализом религии тюрков, но в целях правильного использования материала отметим, пользуясь надстроечным материалом, каковым является религия, те моменты, которые связывают тюркское общество с предшествующими стадиями.

В орхоно-енисейских памятниках нет прямых указаний на тотемизм. Кое-какие данные, главным образом в собственных именах, говорят о том, что тотемом ряда тюркских племен был барс (см. ниже главу о родовом строе).

В могилах при захоронении, как мы отмечали, всегда сопутствует лошадь. В преданиях о происхождении тюрков-дулга фигурирует волк.¹ Наконец, в предшествующую тюркам стадию бесспорно имеют место олень² и кабан. Эти животные — волк (собака), олень, лошадь, как три приручаемые последовательно человеком животных, были его тотемом.³

Эта связь одного тотема с другим четко прослеживается в погребении пазарык, которое со всей очевидностью доказывает положения Н. Я. Марра,⁴ выдвинутые им на основании исследования лингвистического материала.

С тотемом связано табу. По указанию Фрезера, тотемное животное нельзя убивать, так же как нельзя убивать своего брата или сестру.⁵ Факт положения в могилу покойного лошади, особенно у тюрков (Монголия), ставит под сомнение, возможно ли считать, что здесь лошадь — тотем. Захоронение лошади в полном снаряжении и приготовление ее к походу нельзя сравнить с ритуальным убийством лошади у более северных народов, сохранившееся до сих пор в таком обычае, как тай-элга.⁶

Мы предполагаем, что положение лошади в могилу есть просто отражение анимизма, как и связанное с последним положение оружия и т. д., как, наконец, и связанные с анимизмом каменные бабы. У тюрков лошадь ничего общего с тотемизмом не имеет. В качестве тотема, по нашему мнению, появляются другие животные — хищники, в частности барс, отмечаемый некоторыми надписями. Не случайно, если мы посмотрим весь так наз. скифский звериный стиль Сибири, то увидим, что в стиле борьбы зверей выступает на первый план хищник как

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 256—257.

² J. G. G. Grönö. *Archäologische Beobachtungen*, JSFO, v. XXVI, 1909.

³ Н. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. КИАИ, Лгр., 1926. Ср. по этому поводу: Г. П. Сосновский. Древнейшие остатки собаки в Северной Азии. Прб. ИМК, 1933, № 5—6. — М. И. Артамонов. Из истории средств передвижения. Прб. ИМК, 1933, № 5—6.

⁴ «Скифское» погребение восточного Алтая. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2.

⁵ Y. Fraser. *Totemism and Exogamy*. London, 1910, т. 1.

⁶ Глухов. Тай-элга. МЭ, т. III, вып. 1.

свидетельство сильного над слабым (грифон, барс).¹ Случайно ли это? Отнюдь нет. Почему же побеждают тотемы только одних сильных племен? Потому, что тотем потерял свою родовую и племенную принадлежность, его изображение становится выражением, по существу гербом, господствующего класса. Тотем сильного зверя становится тотемом господствующего класса, поэтому он во всем зверином стиле, особенно в позднейшие стадии, становится победителем. Не случайно поэтому на могильных стелах южной Сибири, стелах, принадлежащих господствующему классу, и упоминается одно название животного хищника — барса.²

Нам остается кратко суммировать некоторые данные о связи тюрок с другими странами. Здесь на первом месте надо отметить Китай. Мы имеем в виду известную работу китайских мастеров по изготовлению памятников в Кошо-Цайдаме, что засвидетельствовано техникой работы памятников, китайскими и тюркскими надписями на стелах и данными китайских летописей. Наличие китайских тканей в могилах является второй группой доказательств (для ранних эпох — Ноин-Ула, позднее — китайские ткани из II Катандинского кладбища, раскопки в Монголии). Мы отмечаем сасанидские мотивы в строительном искусстве (несмотря на то, что ткань является китайской, в ней также отмечены элементы сасанидского искусства).³ Из случайных находок отмечу «сасанидские поделки», найденные близ Семипалатинска, в Барнаульском округе и в Минусинском.⁴

О связях с Средней Азией говорят, например, такие предметы, как серебряная посуда, изготавливаемая в земледельческой полосе для продажи кочевникам.⁵

Нельзя не отметить, что, кроме китайских монет, собственно тюркских монет среди обществ восточных тюрок до сих пор не найдено.⁶ Не говорит ли это о слабом развитии внутриобщинного обмена?

Но если мы суммарно рассмотрели на археологическом материале период от гуннов до тюрок, то нам надо остановиться на некоторых чертах, характеризующих самые существенные отличия между ними.

Сравним два крупных погребения эпохи гуннов и тюрок: Ноин-Улу и Кошо-Цайдам.

Комплекс могильников Ноин-Ула был раскопан П. К. Козловым в 1924—1925 гг. в Монголии, недалеко от города Урги, в урочищах Судзукте и Цзурумте. Это была серия чрезвычайно невысоких, на поверхности плоских (до одного метра), вытянутых слегка курганов, с одной стороны которых находилась длинная насыпь, след некогда спускавшегося книзу, к гробнице, подхода. В курганах на глубине 8—10 м были вскрыты деревянные погребальные сооружения, большей

¹ Ср. напр., указанные сочинения Толстого и Кондакова, а также: Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loc, Paris, 1933. О частном случае: Н. Н. Арпелгрен-Kivala. Vogelkopf und Hirsch als Ornamentmotive in der Vorzeit Sibiriens FUF, Bd. XII, 1912. Тотемы отнюдь не исчерпываются нашим перечислением, их гораздо больше. По линии связи с древнейшими стадиями ср. еще статью И. И. Мещанинова в ЗИВАН, № 1.

² Попытку подвести к проблеме смены тотемов представляет собой статья В. В. Гольмстен «Из области культа древней Сибири» (ИГАИМК, вып. 100, 1934).

³ Отмечу, что несомненно было влияние и семиреченских согдийцев. См. нашу статью «Согдийская колонизация Семиречья», КС, VI.

⁴ А. Сплицын. Случайные находки близ Семипалатинска. ИАК, вып. 12, СПб., 1904, стр. 76—77.

⁵ См. выставку металлических сосудов в Отделе Востока Гос. Эрмитажа.

⁶ Западные тюрки: — тюркеш имели свою монету. См. нашу статью «Тюркешские монеты», ТОВ, II.

частью разграбленные, в которых раскопками 1924 и 1925 гг. было собрано немалое количество предметов, отчасти рисующих социально-экономический строй гуннского общества. Мы оговариваемся: отчасти, так как курганы принадлежали, по всей вероятности, только господствующему слою общества гуннов.

Один из курганов, а именно курган № 6, был более тщательно, чем другие, исследован, что позволяет базироваться на нем с большей долей вероятности.¹ Курган этот был насыпан над деревянным погребальным двухкамерным помещением, расположенным на глубине 11 м. Одна стена могильной ямы была почти отвесна, в то время как другая была срезана таким образом, чтобы образовать постепенный подход ко дну ямы, в которой было расположено погребальное сооружение с гробом внутри (был ли ступенчатый спуск или нет, установить трудно). Гробница была прекрасно отделана внутри тканями, шелковыми фризам китайского производства, часть которых носит следы явно бактрийского производства. Гробница сверху была прикрыта богатым ковром и была, вероятно, открыта некоторое время для поклонения. Затем последовала засыпка могильной ямы, сопровождавшаяся рядом церемоний. Ковер был сверху закрыт войлоком, засыпан слоем земли и шишек и другим мелким лесным сором, сверх же него были крест-накрест, пирамидально, сложены бревна, образующие пьедестал огромного костра. Разложенный костер постепенно засыпался землей, которая сохранила нам угольки от разожженного тогда костра. Засыпка производилась, наверное, с целью создать эффектный столб дыма, возможно, совершалась в ритуальных целях. После соответствующего ритуала могильная яма была засыпана, и на месте огромного пепелища остался небольшой холм. Богатство и роскошь погребенного остались внутри, они были доступны для обозрения только сравнительно небольшому кругу лиц. После ритуала «материально» память о покойном, принадлежавшем в прошлом к господствующей прослойке, не была запечатлена.² Возьмем позднетюркские погребения, раскрытые на Кошо-Цайдаме. Описание этих погребений дано в ряде подробных отчетов русской и финляндской экспедиций на Орхон.³ Что является основным и характерным для этого погребения? Центр тяжести в сооружении погребальной постройки перенесен из-под земли на поверхность. Все внимание сосредоточено на том, чтобы создать монументальный надземный комплекс. Выстроены саркофаги, установлены стелы с прославлением покойного на основных языках страны (тюркском и китайском). В надписях подчеркивается значение умершего «для народа», отмечаются те почести, которые были ему оказаны, и т. д.

Все это сделано для того, чтобы, опираясь на действия предшественников, пропагандируя идеологию предков, продолжать ими проводимую деятельность. Это говорит о действиях людей, спаянных единой мыслью, единым действием, единой идеологией. Вот это оформление идеологии господствующей группы, ставшей классом, управляющей народом не органами родового строя, а государством, и характеризует погребение эпохи поздних тюрков VIII в.

¹ Архив ГАИМК, дело № 29, 1925 г. Ср. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии. Изд. Акад. Наук, Лгр., 1925. Ср. нашу статью. «Гуннский могильник Ноин Ула и его историко-археологическое значение», Изв. ООИ АН, 1937.

² Там же.

³ См. выше главу «История вопроса».

Для нас контраст, только что нами отмеченный, свидетельствует о том, что в условиях гуннского общества с его далеко зашедшей классовой дифференциацией не было еще объединения господствующей прослойки в класс. Не было в связи с этим классовой идеологии. И могильные сооружения, являющиеся в первую очередь памятниками идеологического порядка, этот тезис, по-моему, подтверждают.

Таким образом из всего указанного выше следует, что в материальной культуре древних тюрок мы наблюдаем все те характерные черты материального производства, которые Ф. Энгельс отмечал для высшей ступени варварства вплоть до перехода в классовое общество. Думаю, что из данного очерка видно, что не только в области надстроечной, но особенно в области материального производства мы наблюдаем непосредственную связь между гуннами и тюрками. Это единство заключается в том, что и те и другие стоят на последней стадии варварства и только к концу тюркского владычества формируются в классовое общество, внешним признаком которого является письменность (все древнетюркские тексты). Эта общая стадия связывает культуры, начиная с Таштык и кончая могильниками тюрок Танской эпохи. В этой общей стадии должны быть пересмотрены все те «стадии», которые до сих пор конструировались.

Нам представляется необходимым пересмотреть вопрос об этих стадиях и подумать о том, что на высшей ступени варварства, на рубеже классовых антагонистических формаций «до-классовое» однообразие сменяется разнообразием хозяйственных укладов, ростом новых производств. Каждый уклад и каждое производство, отражаемые вначале в специализации отдельных общин, благодаря междуобщинному разделению труда, есть не новая хронологически и социально стадия, — все они являются достижением и продуктом высшей ступени варварства, они, по всей вероятности, в основной своей массе социально синхроничны. Хронологическая же их периодизация по векам не дает права каждую хронологически отмечаемую дату величать стадией развития.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава IV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ ТЮРОК

1. ТЕРРИТОРИЯ

Общество древних орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. занимало в момент своей наибольшей экспансии, по исследованиям буржуазных историков, территорию от северных провинций Китая (Шаньси) на востоке до Византии на западе (авары), вплоть до Минусинской котловины на севере и северных отрогов Тянь-шаня (а иногда и Восточный Туркестан) на юге. Получается карта, на которой тюркское государство вытягивается полуэллипсом с востока на запад, причем южная граница то опускается до 36° , то поднимается до 42° широты, а северная колеблется между 51 и 59° . Восточная и западная границы падают, примерно, на 40 и 120° долготы.

Эта карта древних тюрок, составленная еще в 1826 г. Ю. Клапротом, в основном принималась затем и другими учеными. Границы тюркского государства устанавливались либо по китайским и византийским источникам, и тогда карта его крайне увеличивалась, — либо по данным из самого текста древнетюркских памятников, и в последнем случае карта сокращалась, но и тогда мы все же имеем дело с огромной территорией обитания тюрок, которая вряд ли отвечала исторической действительности. Китайские и византийские источники не могут служить надежным основанием для составления карты тюркского государства, потому что, в частности, византийцы называли народы, находившиеся по другую сторону их границ, общим названием наиболее значительного племени. Такое содержание приобрел термин «скиф» у римлян и греков по отношению к более ранним, чем тюрки, кочевникам, позднее термином «тюрк» назывались все народы от Венгрии до Китая. Не могут для составления карты служить и непроверенные данные из древнетюркских текстов, где расширение границ тюркского государства было результатом стремления увеличить «геройство» похороненного вождя, почтить его посмертно памятью о «славном прошлом», когда он покорял народы и увеличивал границы своего государства. По нашему мнению, наиболее надежными данными может быть только анализ распространения письменных (эпитафий) и вещественных данных, относящихся к орхоно-енисейским тюркам, что, несомненно, сузит границы распространения древних тюрок и сведет сказочные размеры их империи к возможным и реальным границам. Но тогда граница этого государства будет проходить (с северо-востока на запад), начиная с северной Монголии, захватывая Орхон, Толу, Селенгу, Забайкалье, отчасти верховья Ени-

сея, и крайняя западная граница будет лежать между Таразом и Исфиджабом.¹ Данными для такой карты для нас служат: совместное местонахождение орхоно-енисейских надгробных текстов и могильного инвентаря. В пределах указанной территории мы будем иметь локальные своеобразия, обусловленные разноплеменностью населения древнетюркского государства. Тогда у нас получаются четыре основных района: 1) Мэнголия долины реки Орхона, Толы, Керулена, Онгина, Забайкалье, река Селенга, главным образом племена огуз, уйгур, толес, тардуш, господствующие племена древнетюркского общества; 2) Алтай — карлуки; 3) южная Сибирь и Саянский хребет — кыркызы и 4) грубо говоря, Семиречье с основным племенем тюркешей.²

Для нас пока несомненны эти четыре основных района древнетюркского государства, что не исключает дальнейшего дробления его частей после углубленного изучения данных тюркских источников, а главное — накопления данных археологии.

Указанные четыре района входили в состав древнетюркского государства в момент наибольшей экспансии тюрков. Однако мы считаем, что кроме первого района остальные три являлись чаще всего зависимыми образованиями, чем органической частью тюркского эля, как, например, тардуши, толесы и т. д.

Разбирая историю и социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков, мы черпаем материал из данных всех указанных районов, предполагая, что наряду с имевшими место в истории локальными своеобразиями племен, населявших эти районы, имеется и ряд общих черт, и главной такой чертой мы считаем распад родовых отношений и смену варварской военной демократии и примитивных рабовладельческих отношений феодальным образованием, начало которого относится нами к концу VII в. В несколько ином плане идет этот процесс в условиях Семиречья. Проведенное нами с 1936 г. изучение памятников Семиречья достаточно ясно выявило эти своеобразия.³

2. ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ

Говоря о происхождении орхоно-енисейских тюрков, мы, как это будет видно ниже, имеем в виду генезис феодализма среди племен, называемых в дальнейшем «тюрками», объединенных в государство с «тюркским» элем во главе. В состав этого объединения входили главным образом тюркские племена, которые неоднократно упоминаются в древнетюркских текстах. Сводку этих названий дал В. В. Радлов.⁴ Перечисленные им племена и народы и составляли тюркский народ. Кроме них, в текстах мы находим указание на ряд племен и народов иного, нетюркского происхождения и которые в данной работе не рассматриваются, как то: китайцы, кидане, тангуты, татары, согдийцы, тибетцы и т. д., и ряд племен, происхождение которых неизвестно. Из них выделим три: tababy , Usyn , Par Puryum : 41,

¹ Тараз — г. Джамбул; Исфиджаб — кишлак Сайрам в 12 км к югу от г. Чимкента.

² АТМ, III, стр. 424—428; ср. E. d. Slavans. Documents...

³ Об этом см. в наших работах в КСIV, КСVI; ВДИ, № 4, 1939, ВДИ, № 2, 1940; Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941; Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского Канала, Фрунзе, 1943.

⁴ АТМ, III, Verzeichniss der Namen türkischer Völker und Stämme, SS. 424—423.

по нашему мнению, являются названиями трех крупных и известных в датируемый период, в основном на той же территории, древних племенных образований. Названия «хунн», из племенного союза которых произошли сами тюрки согласно китайским данным, в древнетюркских текстах нет, есть только переживания этого названия.

Первым по древности племенным образованием, косвенно упомянутым в древнетюркских текстах, являются усунь. Это племенное название имеется в надписи Тоньюкука в следующем контексте: *Usun bup-datu jurtta jatı qalır ğrı* (в юрте Усунского союза оставались). Упоминание об усунях стоит в связи с указанием текста о походах, совершенных под руководством Ильтереса и Тоньюкука. Буквальное выражение «лежа остающиеся были» свидетельствует о длительном пребывании усуней на указанной территории (Семиречье). С другой стороны, *Usun* — одна из границ похода тюрков на западе по тексту Тоньюкука. Местопребывания усуней обычно предполагаются в Семиречье в районе озера Иссык-куль. Известные в истории как современники гуннов, они в какой-то части существовали и во времена орхоно-енисейских тюрков.¹ Мы предполагаем, что в данном контексте речь идет не о названии местности, а именно о племени, так как указан юрт, место их кочевки, и слово стоит с окончанием местного падежа *da*, т. е. указывает на пребывание в нем усуней.²

Вторым по древности племенем, непосредственно отраженным в тексте, являются, по нашему мнению, сяньбийцы. В тексте Кюль-тегина и Могиляна мы неоднократно встречаем указание на племена татабийские. Так, например: *jüŋŋü syütŋü ðırā kūn toŋsyqda böklü dölig āl tabıaç. üpüt, paŋ-ruŋum, oŋquyz, üŋ-quŋuqaŋ, otuz tatar qytaŋ, tataby* [в качестве плачущих и стонущих (т. е. для выражения соболезнования) пришли спереди, из страны солнечного восхода, народ степи Боклийской, китайцы, тибетцы, парпурьмы, кыргызы. уч-курыканы, отузтатары, кидане и татабийцы].³ Согласно тому, как китайское название *Sien-to* адекватно турецкому *tarduŋ*, мы считаем возможным предполагать, что китайские *sien-bi* идентичны с указанными *tataby*.⁴

Наконец, для нас интересны еще указанные в этой же строчке *ruŋ-ruŋum* — В. Томсен читает *араг-арагум* и отождествляет с аварами, т. е. жуань-жуанями. Последние, если следовать данным китайских летописей, были господами гуннского рода Ашина, от которого произошли тюрки.⁵

Таким образом в древнетюркских текстах мы имеем три упоминания о племенах, населявших в прошлом почти ту же, что и тюрки, территорию.

Указанные племена, как известно, играли немалую роль в истории дотюркского периода.

Неизвестное племя курыкан (*quŋuqaŋ* мы в согласии с П. Меллио-

¹ Известны племена Сары уйсунь в Семиречье и среди современных кыргызов. Ср. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен. М., 1897, стр. 78.

² Т. 20.

³ КТ, II, 4.

⁴ Ed. Chavannes предполагает, что это племена кумохи, поскольку они в перечислении стоят вместе с киданями (ср. «Documents...», см. указатель). Известно, что и кидане и кумохи сами происходят из территории древних сяньбийцев (В. Васильев. Древности Восточной Азии. ТВО, т. IV, стр. 7. — И. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 458).

⁵ И. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 205 и сл. О жуань-жуанях см. Cordier. Histoire générale de la Chine, v. I

ранским склонны отождествлять с племенем ھوريكان, связывающимся, по Рашид-ад-Дину, с племенем سقاييت, т. е. якутами.¹

За исключением этих племен и народов, остальные племена тюркского происхождения являются «субъектами», составляющими тюркский народ, и генезис тюркского государства основывается, как правило, на племенах огузов, карлуков, кыркызов, тардушей, толесов, тюргешей, чиков, уйгур и других более мелких, как то: тонгра, басмыл и т. д., являющихся племенными компонентами орхоно-енисейского тюркского государства и этногенеза тюркского народа.²

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ ТЮРОК

Вопрос о происхождении орхоно-енисейских тюрок мы разбирали в специальной работе,³ что освобождает нас от необходимости заниматься этим вопросом в данном исследовании. В то время как в гуннском племенном союзе мы имеем только тюркоязычные племена (наряду с другими этнически племенами), лишь с VI в. мы имеем процесс развития классовых отношений, которые к концу VII в. во время Гудулу-хана завершаются возникновением народа и государства орхоно-енисейских тюрок. Образование государства и послужило основой слияния, не только добровольного, ряда тюркских племен в народ, необходимым условием для создания которого является классовое расслоение. Созданный народ именовался тюрками (𐰽𐰺𐰍).

Образование тюркского каганата непосредственно связано с жуань-жуанями. Политическая история тюркского каганата начинается с восстания подневольных алтайских племен против жужан. Начало восстания относится к походу племен теле против жужан в 536 г. Поход теле был прекращен неким Тумынем (с именем которого связано возникновение тюркского каганата), который разбил теле и включил их в состав своих орд. В 552 г. тюрки разбивают жужан. Боясь плена, хан жужан кончает жизнь самоубийством. Жужанская знать получает поддержку со стороны Вэйского правительства, видящего в них своих ставленников в среде кочевников. К 555 г. тюрки окончательно разбивают жужан в Монголии, добиваются выдачи из Китая 3000 жужан, которых уничтожают окончательно. Характерно, что основной протест тюрок был направлен против жужанской знати. «Несовершеннолетние мужчины и следовавшие за князьями, т. е. рабы, были пощажены». В этом итоге восстания выступает, быть может, антирабовладельческий характер восстаний кочевых племен против жужан.

Тюркский каганат объединил при своем возникновении ряд разноязычных, этнически разнородных племен. Его ядром были племена, населявшие районы алтайского горного узла. Уже в 536 г. они включают в свой состав племена теле. Последние представляли собой коалицию ряда племен, живших к юго-западу от Алтая по соседству с коалицией тардушских племен. Коалиция теле не была также этнически однородной. В истории китайской династии Суй (581—619 гг.) имеется специальное описание племени теле, из которого явствует, что под эгидой теле подразумевались многочисленные племена, расположенные на огромной территории от Дальнего Востока до Черного моря. В конфе-

¹ П. Мелиоранский, ук. соч., ЗВО, стр. 100, Р.-ад-Д., т. I, стр. 93.

² О племенах, упоминающихся в древнетюркских текстах, ср. АТІМ, III, стр. 428 сл.

³ Происхождение тюрок, Прб. ИДО, 5—6, 1934.

дерацию теле китайские историки включают группы племен: Центральноазиатскую, Дальневосточную, Байкальскую, Алтайскую (дубо-тувинцы), Тяньшанскую, Среднеазиатскую, Волжскую и Черноморско-Каспийскую.

Перечисленные выше племена, естественно, никогда не составляли органического целого, государственного образования. Важен факт восприятия китайцами всех этих племен как составных компонентов теле, показывающих их значение и роль в северном (для Китая) мире племен. Естественно, что разгром Тумынем теле в 536 г. послужил основой укрепления его роли и авторитета в подвластных ему племенах. Объединенные силы алтайских племен и теле составили ту живую силу восстания, которая ликвидировала жужанское господство в 552 г. В связи с ликвидацией жужанских ханов Тумынь принимает титул сюзерена жужан «хан» и присоединяет к нему приставку «или». Последняя является китайской передачей тюркского термина эль («народ», — о нем ниже), имевшего в то время чрезвычайно широкое распространение. В этом отношении первые тюркские каганы не преминули воспользоваться в порядке преемственности жужанским терминологическим наследством в области власти, с той лишь разницей, что в своем титуле первый каган отразил «народный» характер своего появления. С 552 г. следует считать начало господства тюркского каганата, власть которого отнюдь не замыкалась территорией Монголии. В ней была сосредоточена ставка кагана, здесь находилось ядро каганата, сыгравшее значительную роль в истории тюркских племен и народов. Район распространения последних и сфера влияния тюрков были гораздо большими.

Уже сам ход восстания тюркских племен против жужан показывает, что образованный каганат был далеко этнически не однородным. Расширение каганата в конце VII в. при Гудулу-кагане (682—693 гг.) захватывало район далеко и на восток и на запад и включало в свой состав самые разнообразные этнические племена. В этом отношении тюркский каганат имел много общего в своей структуре с гуннским племенным союзом, тем более, что многие племена последнего являлись предками племен, вошедших в тюркский каганат. Однако, *если гуннский союз был центральноазиатского происхождения, то тюркский каганат в своей основе — алтайского происхождения.* И характерно, что древнетюркские тексты вспоминают в качестве родины тюрков Алтун Йиш (т. е. Алтай) в широком смысле этого понятия (включая Хангай) и ни одним словом не упоминают о районах, в какой-либо степени могущих быть связанными со степями Монголии.

Китайская традиция связывает тюрков с гуннами. Однако здесь, как в большинстве других случаев, действует традиция, по которой все кочевые племена севера и северо-запада Китая связываются с гуннами, иногда без достаточных к этому оснований. Относительная преемственность здесь наблюдается больше в области исторической и меньше в этнической. Прямой связи тюрков с гуннами, однако, проследить невозможно. Во-вторых, сама легенда о происхождении тюрков, которая имеется в китайской истории Чжоу-шу, допускает возможность толкования текста в том смысле, что китайский историк не говорит утвердительно об этом родстве, а лишь предполагает. Наконец, следует учесть, что сами тюрки не склонны связывать свое происхождение с гуннами, о которых в их письменных памятниках нет ни одного намека. Далее известно, что тотемным животным тюрков считался волк. Легенда о их происхождении гласит, что предки тюрков были вскормлены волчицей.

Во всех вариантах о происхождении тюрок фигурирует та или иная связь с волком как предком. Тотемом же шаньюйского рода гуннов был бык. С последним связано происхождение части тюркских племен-уйгур, которые в отдельных своих этнических подразделениях сохранили в качестве этнонима имя тотема быка в виде термина «огуз». Племена-огузы были достаточно широко известны в тюркском каганате с разными числительными префиксами (уч-огузы, токуз-огузы и др.). Эта конфедерация племен, населявших, главным образом, Восточный Туркестан в составе девяти племен огузов (токуз-огузы), представляла собой ту группу племен, которая, по всем данным, была связана с древним гуннским племенным союзом. Однако эта конфедерация была более всего рассеяна по разным местностям Азии, что уже известно нам по истории жужан. Жужане разгромили гаогуй, а последние не что иное как китайская транскрипция общего названия племен уйгуров, состоящих из девяти частей, а каждая часть уйгуров носила либо политический термин деления, либо свой этноним.

В силу того что племена сохраняли свои племенные названия и часто пытались выйти из-под владычества тюркского государства, народное название «тюрк» больше всего было связано с господствующей частью племен, которая узурпировала это название, как титул «благородных», объединенных в корпорации аристократии — в эле.

В названной выше статье¹ мы пытались установить, что термин *türk* в VI—VIII вв. н. э. не имел, по существу, своего «общенародного» значения. Под этим терминном авторы текстов обычно понимали только господствующую часть тюркского общества, поскольку сами авторы к ней принадлежали. Не случайно поэтому термин *türk* фигурирует в текстах с эпитетом *kök*, т. е. «голубой». Так, например, гласит большая надпись Кюль-тегина: *äkin ara idi oqsyz kök türk anča olurur ärmış*.² «Голубые тюрки» — это, по их мнению, эпитет правящей верхушки, что так ясно выражено в титуле *Taŋritäg taŋridä bolmyš türk Bilgä Qaγan*.³ Термин *türk*, равно как и термин *äl* всегда имеют поэтому эпитеты «голубой» или «небесный». Это явление не случайное и далеко исторически не одинаковое. Достаточно вспомнить термин *kök moŋol*. В противоположность этому, термины, имеющие отношение к простому, эксплуатируемому слою, имеют совершенно противоположные эпитеты. Укажу на чрезвычайно распространенный в древнетюркских текстах термин *qara būdin*.

Из этого, однако, не следует, что термин *türk* всегда и во всех случаях в текстах фигурирует только как синоним правящей верхушки.⁴ Бесспорно, что известную роль в качестве этнонима он выполнял, что доказывается, например, его употреблением в многочисленных обращениях автора текста ко всему тюркскому будуну-народу. Вспоминая роль всех тюркских племен в борьбе против Китая, автор текста даже восклицает: *türk qara qamuū būdin*. Но здесь место совершенно определенного порядка. Автор текста, член каганского рода, подчеркивает, что в восстановлении тюркского каганата положительную роль сыграл «черный народ», почему он его здесь величает тюркским. Характерно, что здесь тюркский народ единственный раз во всех текстах появился с титулом

¹ А. Бернштам. Происхождение турок. Прб. ИДО, № 5—6, 1935.

² КТ, II, 2—3.

³ КТ, I, 1.

⁴ Ср. С. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1 (2) 1938, стр. 80—81.

qara (хотя и здесь термин qara синтаксически не связан с термином türk), в то время как вообще термин türk выступал с эпитетом kök. Повторяю, что это вызвано особым стремлением подчеркнуть роль помощи «черного народа» в восстановлении тюркской династии.

Таким образом, будучи этнонимом, термин türk чаще всего был связан с понятием господствующей прослойки тюркского общества, почему и выступал, как правило, с высокими эпитетами «голубой» и «небесный», поскольку дошедшие до нас тексты составлялись определенной частью общества. Это не снимает того положения, что основная масса тюркского народа qarabudun, qul küñ, будучи по своему этническому составу также тюрками, остается на заднем плане и редко в текстах выступает как творцы истории тюрков. Первое место в текстах определенного классового содержания занимает то меньшинство, которое именуется каганатом.

Любопытно, что современная турецкая историография стала на ложный путь интерпретации явления, отмеченного древнетюркскими текстами. Ухватившись за термин kök türk, турецкие историки пытаются представить дело так, что «благородная «голубая» кровь предков, носителей культуры и цивилизации, разливалась по жилам всего тюркского народа. Рассматривая древнетюркское общество как единое государство без классов, они преподносят о нем такое далекое от действительности представление, что нельзя не сомневаться в тенденциозности, нарочитом подтасовывании фактов. Так, например, в четырехтомнике «Tarih», представляющем собой официальную историческую концепцию, глава «Asyada Gök Türk İmparatorluğu»¹ сведена к тощему перечислению фактов политической истории тюрков, на основании, главным образом, китайских данных. Мировым документам тюркской истории, литературы и языка — орхонским текстам — отведен небольшой параграф в одну страничку: Orhon Kitabeleri.² Явление это далеко не случайное. Орхонские тексты, написанные в период известного политического кризиса древнетюркского общества, очень откровенны. В них недвусмысленно указаны причины гибели тюркского общества, отмечена роль «черного народа» в разрушении тюркского эля и т. п. Опираясь на эти тексты для воспитания читателя в том, что тюрки издавна представляют собой единое «национальное» целое, нельзя. Красноречивое свидетельство внутренних противоречий тюркского общества пришлось обойти. Из текстов взят только термин kök türk и подан как синоним «народного единства» и «благородного происхождения». Нам кажется, что излишним является особая полемика с этим явным ненаучным и политически несостоятельным тезисом. Приведенные ниже данные достаточно ясно показывают вздорность концепции, изложенной в «Tarih», не считающейся с определенными историческими фактами.

Историческая концепция, выше нами упомянутая, развивалась в 1932 г. на первом историческом конгрессе в Анкаре докладчицей Afet Hanım в ее докладе «Tarihten evel ve tarih fecrinde».³ Докладчица пыталась нарисовать картину древности тюркского общества (по существу с палеолита) и его исторической экспансии. Правда, ее взгляды здесь разбирать неуместно, но я указываю на этот доклад, как на программу, достаточно ретиво усвоенную авторами «Tarih».

¹ Tarih. 1933, т. II, гл. VIII, стр. 51.

² Там же, стр. 51.

³ Birinci Türk Tarih Kongresi, стр. 18 и сл.

Древность тюркского общества, как мы показали, восходит к гуннскому периоду, когда начали складываться тюркоязычные племена, получившие свое оформление в народ в рассматриваемую эпоху. Турецкая историография продолжает поиски тюркского начала вплоть до палеолита (!?). Несколько более сдержанно отнесся к этим поискам древности тюрков Köprülü zade Fuat Bey, который компенсировал осторожность в датировке возникновения тюркского народа попыткой представить его монолитным и могущественным целым, во всяком случае с VI в.¹ Эта умеренно националистическая концепция, повидимому, как умеренная, не получила одобрения на конгрессе.

Таким образом в современной буржуазной турецкой историографии древнетюркское орхоно-енисейское общество рассматривается: 1) как сравнительно поздний этап, которому предшествовала история тюркского народа еще задолго до скифов, 2) как единое национальное целое, господствующее и завоевывающее все и вся, 3) как организующая сила эпохи на территории от Китая до Западной Европы, 4) как не знающее никаких внутренних противоречий, тем более классовой борьбы.

Как мы уже показали в упомянутой статье и покажем ниже в главе «Классы и классовая борьба», все эти четыре пункта не имеют оснований в фактическом материале. История тюркских народов, населяющих ныне Советский Союз, показывает иную картину их формирования, и для VI—VIII вв. ни о каком «национальном» единстве, равно как и о других вышеперечисленных качествах говорить не приходится. А тюркские народы СССР представляют основную массу тюркских народов и генетически в той или иной степени связаны с изучаемым древнетюркским обществом и сыграли в истории Средней Азии достаточно крупную историческую роль.

Этими краткими замечаниями в дополнение к изданным нашим работам по этому вопросу мы и ограничимся.

Из указанного следует, что, разбирая вопрос о социально-экономическом строе орхоно-енисейских тюрков, мы тем самым выясняем условия образования одного из древнетюркских обществ.

Поскольку, как это следует ниже, только в конце VII в. мы имеем сложение государства, постольку только с этого времени мы можем говорить о древнейшем тюркском народе на берегах Орхона и Енисея в VI—VIII вв. н. э.

¹ Birinci Türk Tarih Kongresi, стр. 42 в сл.

Глава V РОДОВОЙ СТРОЙ

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В древнетюркском обществе, обществе раннеклассовом, огромное значение играл родовой строй. Родовая организация служила уже в эту эпоху (так же как и позднее) интересам господствующего класса.

В обществе орхоно-енисейских тюрок, особенно после эпохи Гудулухана, быстро протекал процесс превращения органов родового строя в свою собственную противоположность. Отметив факт первого, а затем второго общественного разделения, указав на разделение на рабов и рабовладельцев и на богатых и бедных, разобрав роль имущественных различий и разрушений «старой коммунистической общины» и появление «хозяйственной единицы», Ф. Энгельс следующим образом рисует процесс возникновения классового общества: «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — *гех*, *basileus*, *thiudans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни».¹ И далее Энгельс описывает развитие войн и грабежа: «Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так органы родового строя постепенно стрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность; из организации племен для *свободного регулирования своих собственных дел* оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа».² Описанный выше Ф. Энгельсом процесс мы наблюдаем и в истории тюрок VI—VIII вв. В самом деле (мы к этому еще возвратимся ниже), процесс образования и окончательного сложения классов у кочевников и есть история тюрок VI—VIII вв. В этом процессе и у них огромную роль играл родовой строй.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 139—140.

² Там же, стр. 140. (Курсив мой. — А. Б.).

Родовая структура тюрок прослеживается по древнетюркским текстам благодаря обилию терминов родства и отдельных названий для всякого рода племенных и общинных организаций. Мы разобьем наше исследование по следующему плану. Во-первых, на основании терминов родства установим систему родства; во-вторых, проанализируем терминологию, связанную с разного типа родовыми объединениями; в-третьих, рассмотрим те институты, которые связаны с данной стадией родового строя, учитывая ту роль, которую они несли.

2. СИСТЕМА РОДСТВА

О родовом строе тюрок можно предполагать по некоторым сведениям китайских летописей. «По смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женятся на мачехе, невестках и тетках»¹ — гласит китайская летопись о тюрках. Это упоминание является бесспорным свидетельством типичного для отцовского строя обычая левирата. По ряду других источников более позднего времени, например, сведения европейских путешественников о монголах (Плано Карпини, Рубруквис, Марко Поло и др.), мы наблюдаем этот обычай у кочевников. Пережитки его фиксируются и этнографическими данными. Таким образом уже упоминание обычаев китайцами у дулга свидетельствует о наличии родового строя у тюрок. Однако картина родового строя наиболее ярко раскрывается данными самих древнетюркских текстов. Здесь для характеристики родового строя наибольшую ценность для нас представляют две группы памятников: 1) памятник Кюль-тегина, 2) группа мелких орхоно-енисейских текстов. Родовая терминология, имеющаяся в текстах, сосредоточена главным образом в первом тексте, вторая группа, текстов их повторяет.

Термины родства: потомство, сыновья (oγul, ury oγul, qyz oγul); братья-дядья (ini, äbi); сестры-тетки (ara, sinil); старшие родственники, предки (äyü-ara); младшие родственники, племянники (aty); отец и мать (qaq, ög); невестка (kälin).

Особо надо выделить тексты и термины, непосредственно характеризующие стадии родового строя.²

Каждый термин отражает историю своего происхождения, восходя к более древним стадиям общества кочевников, т. е. к первобытно коммунистическому обществу, точнее — к материнскому, а затем к отцовскому роду.

Патриархальная семья имела в древнетюркском языке обозначения iniügün и aqayun. Дословный перевод первого термина — младшее родство, а второго — семья (Familie, Verwandte).³ Первый термин является словообразованием от ini (младший брат), второе от aqa (спина, стоящие за спиной). Термин iniügün встречается в тексте два раза: в начале малой надписи в известной уже нам фразе: ulaju iniügünim oγlanut, biriki oγuşut badunum,⁴ и в конце большой надписи:

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 270. Вообще говоря, это трафарет, которым китайцы определяют обычай кочевников. Так, например, первая такая характеристика относится к кочевникам жун и известна из «Исторических записок» Сымацяна. De Groot. Die Hühnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin — Leipzig, 1921—1926, S. 4.

² Анализ терминов власти см. в главе «Классы и классовая борьба».

³ ATIM, Neue Folge, S. 161.

⁴ ATIM, I, стр. 8.

aki šad ulaju iniügünim oylanum (два шадá вместе с младшим родством [семьей моей], с потомством).¹ Обычно этот термин переводится как «младшие родичи». Так, например, В. Томсен переводит *mes cadets*² или *jüngern Brüder* (*meine Brüder und Schwestersöhne*).³ В. В. Радлов переводит «*Familie*».⁴

Очевидно, перевод «младшие родичи» правилен, если мы будем производить указанное слово от слова *ini* (младший брат). Нас интересует несколько иное содержание термина.

Выше мы привели перевод термина *aqaqup*. Этот термин происходит от слова *aqa* (спина); полное значение — «стоящие за моей спиной». Такое обозначение возможно при наличии патриархальной семьи, и термин *aqaqup* обозначает ту группу родственников, которая связана с патриархом, родоначальником. Термин *aqaqup-aqay* (вождь, жрец) в армянском языке вскрыт Н. Я. Марром⁵ и обозначает на ранних стадиях «вождь», равно, «патриарх». Какая же группа родственников входила в состав семьи? Очевидно, родичи патриарха, потомство (*oylanum*). Поэтому, когда речь идет о семье, мы должны предположить, что в семье мы имеем только младшее родство, младшее потомство. Так оно и происходило в действительности. При распаде родового строя в сменяющей его патриархальной семье обычно находилось младшее потомство, которое, по обычаю минората, только и имело право на наследование. Подобное положение отмечает еще Вильгельм Рубрук для монголов XIII в.: «именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну». ⁶ Текст «*le frère cadet ne connaissait pas son frère aîné, le fils ne connaissait pas son père*» (младший брат не знал своего старшего брата сын не знал своего отца),⁷ равно как и другое место: «они [китайцы] ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и бегов»,⁸ приводит нас к мысли, что в это время мельчайшей экономической единицей была патриархальная семья. Она была выражением частной собственности в кочевом хозяйстве, и неравномерность накопления богатств в пределах той или иной семьи, приводящая к созданию двух противоположных антагонистических классов, влекла к раздорам и смутам между братьями, и бегами и народом.⁹ В состав патриархальной семьи входило прежде всего младшее потомство, имевшее непосредственное право наследования. Поэтому мы склонны приписать термину *iniügün* содержание, равнозначное термину *aqaqup*, и видеть в них обоих два обозначения одного и того же явления, рассматриваемого только с двух различных точек зрения — с точки зрения патриарха по отношению к своей семье и с точки зрения групп родственников, входящих в нее, подчеркнутое словообразованием термина семья от термина *ini*.

¹ АДМ, табл. XIX, строка 13.

² V. Thomsen, *Inscriptions...* Франц. перев., стр. 114.

³ V. Thomsen, *Die alttürkischen...*, p. 140.

⁴ АТМ, I, стр. 8.

⁵ Н. Я. Марр. Армянский термин «*aq-a-y*» маг || жрец | жрец-вождь || жрец-царь || царь. ИАН, 1920, т. XIV, № 1—18, стр. 100.

⁶ В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перев. Малинина, СПб., 1911, стр. 79.

⁷ Это место восстановлено Томсеном («*Inscriptions...*», p. 105).

⁸ П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина, стр. 65.

⁹ К характеристике состава семьи, правда для более позднего периода (VIII—IX вв.), интересен один памятник, изданный Ramstedt'ом («*Zwei uigurische Runenin-schriften in der Nord-Mongolei*, JSFO, Helsinki 1913). При перечне своей семьи некто Bolla Qutluq Jarqan включает в нее всех, кроме старшего сына, который находится вне дома.

Термины родства по своему происхождению принадлежат очень ранним стадиям в развитии общества. Архаичность и древность их происхождения лучше всего иллюстрировать на примере термина *oγul* (потомство). В. В. Радлов переводит *oγul*, *oγlan* — солдат,¹ В. Томсен — принц (prince, junger Prince),² П. Мелниоранский оставляет часто без перевода. Ни один из наличных переводов удовлетворить нас не может. Если мы возьмем ряд контекстов, где встречается этот термин, например: *bāglik uγu oγuln qul boldg silik qyz oγuln kün boldy* (твое сильное мужское потомство рабом стало, твое чистое женское потомство рабынями стало),³ то мы видим, что переводить *uγu oγu* как «мужские сыновья» и *qyz oγly* как «женские сыновья» — нельзя. Очевидно, термин *oγly* служит для обозначения всего потомства вообще. Но уже в древнетюркском языке этот термин служит чаще всего для обозначения мужского потомства. *Oγul* встречается в текстах в следующих вариантах: *kiši oγuln* (сыны человеческие),⁴ *oγlu qaγum* (сыновья отцам),⁵ *oγuln* (сын его) (здесь обращает на себя внимание притяжательное местоимение *yn*),⁶ *uγu oγly qyz oγlu* (как мы указали выше, переводить следует — мужское и женское потомство). И наконец, появляется целая серия терминов, как то: *ini* (младший брат), *āci* (старший брат), *ara* (старшая сестра) и *sinil* (младшая сестра). Если термин *oγly* обозначает, таким образом, все потомство, то для обозначения потомства по полу и возрасту существует целая группа терминов.

Термин *ini* обычно имеет одно значение — младший брат, например *inisi qaγan* (младший брат каган),⁷ *inim Kül Tägin* (мой младший брат Кюльтегин),⁸ *inisi āci si tāk qylynmaduq* (младший брат старшему брату подобен не был).⁹

Выделение термина *ini* вызвано было экономическими условиями жизни благодаря появлению патриархальной семьи, в которой точно установленные права наследования приводили к необходимости отличать наследника особым термином. Дифференцированные термины родства для обозначения младшего и старшего потомства были насущной необходимостью.¹⁰

Другое с термином *āci*. *Āci* имеет значение «старший брат» и «дядя». Один термин служит для обозначения группы родственников,

¹ АТИМ, I, стр. 8.

² W. Thomsen op. cit., франц. перев., стр. 114; нем. перев. стр. 140.

³ АДМ, табл. XXVII, строка 34. С. Толстов предлагает другой перевод: «Китайскому народу сыновья беков сделались рабами и дочери чистых сделались рабынями». Ср.: Генезис феодализма... ИГАИМК, вып. 103, стр. 180.

⁴ АДМ, табл. XVII, стр. 40.

⁵ АДМ, табл. XVII, стр. 36. Ср. П. Мелниоранский, ук. соч., стр. 65: *oγlu qaγum tū qylynmaduq* (сын не был подобен отцу).

⁶ АДМ, табл. XVII, стр. 34.

⁷ АДМ, табл. XVII, стр. 37.

⁸ АДМ, табл. XVII, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 36.

¹⁰ Термин *ini* встречен в одном памятнике, открытом В. А. Каллауром (ЗВО, т. XI, вып. 1—4, СПб., 1899, стр. 79—83) в долине р. Талас (Аулиеатинский район). Текст памятника издан Н. J. Heikel'ем («Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkistan», TESFO, VII, Helsinki, 1918, v. XXIII) и переведен В. В. Радловым (Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном в урочище Аирта-мой Кенкольской волости Аулиеатинского у. ЗВО, т. XI, вып. 1—4, СПб., 1899, стр. 85—86). См. также: J. Neumeier, Die Köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkistan. ZfTfVg KCSa, Budapest, 1926, II, S. 135. — С. Малов, Древнетюркские надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИАН, 1929, стр. 800. По типу письма тексты принадлежат к категории так наз. енисейских памятников, датируемых, приблизительно, VI—VII вв.

Любопытно отметить, что тюркский язык, не зная деления на мужской и женский род, имеет деление по линии женского и мужского потомства. Очевидно, причинами деления этой терминологии могут быть лишь реально пережитые стадии родовых отношений, которыми являлись материнский и отцовский роды. Описательная система родства

4. (моих дочерей и сыновей дети). Ramstedt. Zwei uigurische.... S. 5.

использовала термины «старший брат» и «старшая сестра» для обозначения целой группы родственников, вплоть до значения «предок», «мой предки», — *äcūmuz*, *arapuz* (*äcū-ara* — предки).¹ Семантика термина *äcū* и *ara* вызвана в данном случае описательной системой родства, генезис же терминов надо искать в соответствующих стадиях общественного развития. Отметим еще один любопытный факт. Среди текстов с термином *oγū* большой интерес представляет енисейский памятник Уюк-Туран.² Текст памятника — обычная надгробная эпитафия, столь характерная для группы так наз. енисейских рунических памятников. Среди обозначений имущества и лиц, с кем прощается покойный, встречается выражение *qazγaqtum oγūm öz oγūm*,³ представляющее большую трудность для перевода. В. В. Радлов переводит: «*meinen angetommenen Söhnen* (?)», *meinen eigenen* (?) *Söhnen*».⁴ Фраза находится в контексте перечисления всех благ, коими обладал и где жил умерший (земля, табуны лошадей, родственники и т. д.); данные *oγū* ближайшим образом связаны с его семьею и родом. Кто же они? Известен глагол *qazγaqmaq* (приобретать, добывать). Он применяется в соединении с существительными для подчеркивания, что предмет добыт, приобретен войной и т. д. Таким образом, выражение *qazγaqtum oγūm* применяется по отношению к определенному поколению, являющемуся добытым, т. е. не родным. Совершенно очевидно, что речь идет о рабах, молодом захваченном населении другого племени или народа. Второе выражение *öz oγūm* нам представляется возможным перевести следующим образом: *öz* — известно как обозначение «сам», личное. Выражение *öz oγū*, по всей вероятности, по смыслу относится уже непосредственно к личному, т. е. родовому, поколению в противоположность поколению рабскому.

Еще на некоторые моменты нам следует обратить внимание. Это термин *kālin(ün)* (невестка), *ög* (мать, мачеха) и *qončij* (переводится как княжна). Термин *kālin(ün)* служит для обозначения невестки.⁵ Этот термин встречается на серебряном сосуде, находящемся в Государственном Эрмитаже.⁶ В тексте памятника в честь Кюль-тегина он имеется во фразе: *ögām qatun, ulaju ögälārim, ākālārim, kālānūnim qončūilarym kün, boldy* (мать моя катун и следующие матери [мачехи], старшие родственники, невестки, княжны [женская половина дома] рабынями стали).⁷ Здесь, благодаря термину *kün* приходится переводить все термины родства по женской линии. *Ögām qatun* (моя мать) главная хозяйка, то лицо в доме, которое еще ближайшим образом представляет собой пережиток матриархата. Следующие за ней «матери» говорит о полигамии у тюрок того времени. Далее следует термин, который является собирательным для всей группы старших родственников (в данном случае по женской линии), и, наконец, два термина: «невестки» и «княжны» (дочери, женская половина дома). *Kālin* обозначает пришедших, взятых извне женщин; они обозначены особым термином, довольно ясно отражающим

¹ АДМ, табл. XVII, стр. 22. О слове *äcū-ara* ср. W. B a n g. *Köktürkisches WZMK*, IX—XII, стр. 199.

² АТИМ, III, стр. 305—307.

³ Там же, стр. 307.

⁴ Там же.

⁵ МК, стр. 103: *kālin* = Braut, Schwiegertochter.

⁶ П. Мелиоранский. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. ЗВО, т. XIV, СПб, 1902, стр. 21, отд. отт.

⁷ АДМ, табл. XIX, строка 5.

их социальное происхождение, а вместе с тем и положение в семье. Термин „qončij“ исследователи обычно склонны или оставлять без перевода,¹ или переводить как «княжна».² И тот и другой выход нас не устраивает. Так как термин qončij встречается в очень многих памятниках, отнюдь не принадлежащих каким-нибудь князьям,³ мы склонны переводить его как обозначение всей женской половины дома.⁴ Термин qončij относится скорей к женскому потомству, невестам, собственным дочерям патриарха. Такое деление родовой терминологии отмечал еще Н. Ильминский.

Термины родства, разобранные нами выше, приводят нас к следующим выводам, 1) Мы имеем описательную, не классификаторскую систему родства. 2) Термины родства находятся в некотором, так сказать, «равновесии» (младший брат — старший брат, младшая сестра — старшая сестра и т. д.). Это членение сначала общего термина для потомства (потомства конкретно родового) дифференцируется на термины конкретные для обозначения родственников внутри рода, а затем семьи. Членение терминов по противоположности вызывается описательной системой родства, отцовского рода, патриархальной семьей. 3) Наличие терминов для обозначения невесток, т. е. перешедших из другого рода (напомним роль калыма), а также наличие многоженства приводит нас к утверждению, что мы имеем отцовский счет родства и наследования. 4) Термин *ini*, его совершенно определенное значение, сужает понятие патриархального рода до патриархальной семьи. Патриархальная семья и являлась для VIII в. мельчайшей экономической единицей.

3. ПАТРИАРХАЛЬНАЯ СЕМЬЯ

В трафарете мелких надписей мы находим также материал для характеристики семьи. Обычный трафарет этих надписей начинается с прощания со своими родственниками. В известном начале малой надписи Кюль-тегина сначала перечисляются родственники, затем уже всякие должностные лица.⁵ Трафарет орхоно-енисейских надписей заставляет нас предполагать, что обычное обращение: «в отношении вас, моей женской половины дома, моих сыновей» (ср. памятники IV, V, IX и др.) — вызвано тем, что женская часть семьи обычно оставалась у отца, если семья невесты была более богатой, чем жениха. Однако этот переход в семью жены не надо связывать с матриархатом, ибо здесь имеют место уже другие причины. Главная из них заключается в том, что имущественно более богатое хозяйство стремится к сохранению рабочих рук, а благодаря тому, что старшие сыновья выделяются, включение в свой род в некоторых случаях детей ведет к сохранению необходимой семье рабочей силы.⁶ Картину патриархальной семьи дает и вышеупомянутый уйгурский памятник, по которому видно, что в состав семьи входили и усыновленные патриархом зятья. В ряде текстов мы получаем

¹ Там же.

² АТІМ, III, строка 306.

³ Там же.

⁴ См. там же *quida qončijum*.

⁵ КТ, I.

⁶ По существу это прототип клиентелы, о которой см. ниже. Мы не касаемся здесь также включенных в семью рабов и наложниц, «входящих в нее незаметным образом». Ср. текст Бегре, где умерший «отделяется» от «стоянки моего тестя», или текст Уюк-Туран, где в составе семьи упоминаются зятья и невестки.

представление и о том, что патриархальная семья, по всей вероятности, большая семья, переходящая в малую, была хозяйственной единицей. Уйгурский памятник начинается с перечисления богатств умершего. В памятнике Уюк-Туран (2) после прощания со своей семьей упоминается также имущество покойного — скот, а после прощания со своей семьей и со своим имуществом покойный прощается уже с народом, «товарищами по классу», а также с зятьями и невестками, не живущими в его семье. Подобное же мы наблюдаем и в надписи Элегеш, где покойный начинает свое прощание по обычному трафарету с женской половиной дома и родными сыновьями (последние называются *özdä oylum*) и заканчивает прощанием со своим имуществом, рогатым и конным скотом и со своими двумя домами.¹ На основании вышеприведенных данных мы заключаем, что патриархальная семья и была мельчайшей экономической единицей.

В надписи Элегеш есть упоминание о том, что покойный отделился от своих домов.² Это одно из прямых указаний, свидетельствующее о том, что ставка состояла не из одного дома, а из нескольких. Обычно это имеет место при полигамном браке. Однако «расселение жен» по отдельным кибиткам имеет большой для нас интерес, так как в некоторых случаях способствует изменению счета наследования по женской линии. Здесь мы имеем дело не с прямыми пережитками матриархата, а с вторичным явлением. Поясним это примером по материалам о монголах.

Подробности семейного устройства монголов дает Плано Карпини, бывший у них в XIII в. Его описания семейно-родовых отношений имеют бесспорный для нас интерес. Так, он дает ряд подробностей, характеризующих патриархальную семью в условиях кочевого скотоводства.

Плано Карпини отмечает интересную форму брака: «если татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день с другой».³ Эта форма брака, называемая мною «полигамно-локальной», интересна тем, что, во-первых, мы имеем ее при патриархальной семье и, во-вторых, она существует в условиях кочевого скотоводства. Суть ее заключается в следующем.

По всей вероятности, упоминание о нескольких домах имело место благодаря тому, что в обществе орхонских тюрок существовала описанная Плано Карпини форма брака. Наличие же минората, по-моему, способствовало образованию термина «семья» (см. выше о термине *inj-gün*).

Указанная форма брака имела также левират, о котором мы имеем свидетельство по данным китайских летописей. Сохранению левирата способствует стремление сохранить имущество в пределах данной семьи. Поясним примером.

Женщины берутся, предположим, из рода А, В и С неким мужчиной из рода Х. Они не остаются в своих родах А, В и С, а переходят в собственность рода Х. В то же самое время они живут не все вместе, а образуют составные части одной большой семьи Х, причем члениятся на мелкие подразделения семейства (ставки) А, В и С.

Эта форма брака изредка встречается у земледельческих народов, стоящих на стадии матриархата (напр., на Малабарском побережье, у гурунов и т. д.), и была неизвестна в условиях кочевого скотоводства.

¹ АТИМ, III, стр. 313 и 314.

² АТИМ, III, стр. 313.

³ История Монголов, СПб., 1911, стр. 15.

Одним из важнейших результатов такого брака явилось то, что патриарх имел огромные возможности накопления, будучи по существу владельцем ряда семей. Его собственность, в частности скот, давала возможность эксплуатировать свои собственные семьи, имевшиеся в его распоряжении.

С одной стороны, разобщенность женщин по ставкам не создавала для патриарха прямой угрозы бесконечного распада семьи, который неминуемо происходит при размножении семьи. С другой стороны, роль женщины в каждом таком хозяйстве увеличивалась, что было реальной основой большого уважения, которое питали к женщине кочевники.

Возможность такой разобщенности обеспечивалась еще тем, что в пределах таких семей было широкое использование рабов.

Мы упоминали уже выше о существовании таких институтов в пределах патриархального рода, подтверждением чего служит следующее место у Плано Карпини: «Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать; иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственниками, за исключением *матери, дочери и сестры от той же матери* (курсив мой. — А. Б.). На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены не легко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху».¹

Таким образом мы видим здесь калым, как результат возрастающей ценности женщины, левират, многоженство и т. д. — все уже нам знакомые формы брака, свойственные распаду первобытного коммунизма. Если мы постараемся выразить это графически, получим следующее (см. фиг. 2):

Связь запрещена между:

X и $I + A$;

$X + Y$;

$X_1 + Y$.

Связь возможна между:

$X + Z$;

$X_1 + B$ или C или D .

Связь обязательна между:

$X_1 + B, C, D$ и т. д. после смерти отца X ;

$X_1 + J$ после смерти брата I
на его жене J ;

1) связь для некоторых членов будет запрещена;

2) для других возможна;

3) обязательна.

Все эти нормы, как видно, ведут к упрочению хозяйственной экзамной единицы, каковой является патриархальная семья. Интересно поэтому сообщаемая Рубруком подробность, что в такой патриархальной семье обычно женится на мачехе младший сын, ибо ему передается все хозяйство; в состав хозяйства включаются и все жены, оставшиеся от отца, — обычай, называемый в этнографии минорат.

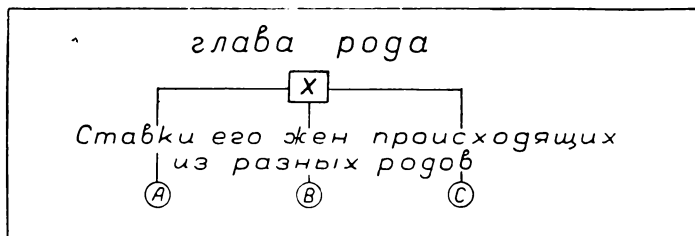
Небезынтересны в этом случае свидетельства этнографические. Н. И. Гродеков по этому поводу сообщает, что у кара-кыркызов все наследство достается невыделенным, т. е. обыкновенно младшим сыновьям, которые и обязаны нести расходы на похороны и поминки.²

¹ Плано Карпини, ук. соч., стр. 5.

² Н. И. Гродеков. Кыргызы и Кара-Кыргызы Сыр-дарьинской обл. Т. I, Юридический быт. Ташкент, 1899, стр. 53.

Право же младшего брата в семье отмечается Н. И. Гродековым и в том, что «если вдова хочет выйти за сына старшего брата, то младший брат не соглашается, говоря: я старшее чином (юлым улжун)».¹

Сложившиеся формы социально-экономических отношений способствовали сохранению значительного влияния женщины. Оставаясь в орде во время походов мужского населения и откочевок со стадами, женщина приобретала большое значение как госпожа дома над слугами, рабами и младшим поколением. Разделение труда, по которому женщина ведала домашним хозяйством, способствует сохранению значительной роли ее, а вместе с тем является условием сохранения и пережитков материнского права (фиг. 1). Такое разделение труда со всеми последствиями было еще и в гуннском обществе. Приведем некоторые факты. Лю-цзин, китаец, заключавший с Модэ договор на основе «мира и род-

Фиг. 1.

ства»² во времена наибольшего укрепления гуннов и измен военачальников дома Хань, дает следующий совет китайскому императору для укрепления китайского престола:

«Спокойствие в империи только что восстановлено; войска изнурены войною, и оружием подчинить гуннов невозможно. Модэ убил отца, женился на мачехе и силою наводит страх; убедить его милостью и справедливостью невозможно; а можно упрочить это дело хитростью и даже потомков его сделать вассалами. Если выдать за него старшую царевну, то он непременно полюбит и возведет в няньжы; сын от нее непременно будет наследником престола. По временам года будем посылать наведываться и внушать им правила благоприличия. Модэ при жизни своей будет сыном и зятем, а по смерти его шаньюем будет внук по дочери».³

Несколько неясная номенклатура родства не дает права на сколько-нибудь определенные выводы. Однако мы склонны предполагать, что по воззрениям китайцев и гуннов господствовала та система родства, по которой возможно наследование по линии материнского счета наследования.⁴ Выражение «а по смерти его [Модэ] шаньюем будет внук по дочери», является, по-моему, этому подтверждением. Это не значит,

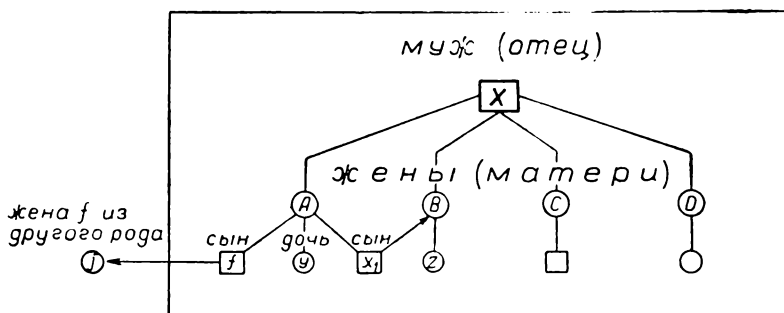
¹ Н. И. Гродеков. Ук. соч., стр. 86.

² И. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 18.

³ Там же, стр. 19—20.

⁴ Получается, что мачеха становится после брака с неродным сыном главной хозяйкой дома — qatun. В этом плане интересно одно место из енисейской эпитафии Улуг Кем Кули-Кем: okām qatunum..., ārdi (моя тетка моей qatun была) (АТМ, III, стр. 317). Очевидно, имеется в виду мачеха, ставшая главной хозяйкой дома. Снова указание на наличие левирата у тюрок.

что у гуннов в эпоху Модэ был матриархат, но сильные его пережитки, безусловно, имели место, и на их воскрешение надеялся Лю-цзин, когда давал совет китайскому императору Гао-ди. Интересно сопоставить это указание с сообщением «Исторических записок» о том, что гунны «по смерти отца женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках».¹ Бесспорно, что в этой формуле засвидетельствован обычай левирата, сопутствующий обычно патриархально-семейным отношениям. Обычай левирата, по которому члены рода мужского пола обязаны жениться после смерти отца или братьев на вдовах любого свойства (но не на единоутробных сестрах и матери), генетически восходит к групповому браку. Наличие левирата у гуннов на ряду с вышеотмеченными пережитками материнского права говорит нам о том, что мы

Фиг. 2.

наблюдаем левират на его раннем этапе (фиг. 2). В связи с этим многоженство гуннских шаньюев не носило еще характер типично патриархальной семьи. Жены, а особенно первая жена, пользовались большим почетом. Гуннская яньчжы, подобно тюркской катун, имела еще большую силу в семье. Повторяем, что права женщины основаны здесь не на господстве матриархата, а обеспечены лишь живучестью его пережитков. Существование пережитков матриархата обусловлено характером экономических условий, большой ролью женщины, которая в условиях кочевого скотоводства и частых военных столкновений, где был занят мужчина, в силу межполового разделения труда сохраняла надолго свое ведущее значение в хозяйстве. Характерно, что даже Модэ слушался советов своей яньчжы,² а когда, еще перед восшествием на престол, Модэ убил ее, то приближенные «ужаснулись», очевидно от необычного для того времени поступка Модэ.

Сравнительно высокое положение женщины мы наблюдаем у тюрков.

В древнетюркских текстах есть одно характерное место, по которому можно судить о том, что жены оставались главными хозяйками дома. Приведем такие места: «Перезимовав в Магы Кургане, весною мы вышли с войском против огузов... [Потому] мы отпустили [?] Кюль Тегина, чтобы он начальствовал [распоряжался] дома [?]. Враждебные [нам] огузы врасплох напали на орду [т. е. наше стано-

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 3. Ср. также стр. 28 — слова китайца Чжун-син-юе, жившего у гуннов при Лаошан-Гинюй шаньюй (174 г. до н. э.). Ср.: De Groot, op. cit., p. 80 sq.

² Там же, стр. 18.

7 А. Бернштам

више]. Кюль Тегин, сев на белого своего Огсиза, заколол девять мужей [и] не отдал орды. Моя мать-катун и вы, идущие за нею [по знатности] мои сводные матери [т. е. другие жены отца Бильге-хана], мои тетки [или: вообще старшие родственницы?], мои невестки [или вообще: младшие родственницы?], мои княжны, сколько [вас] ни было, все вы были в опасности, [или] оставшись в живых, попасть в рабство, [или] будучи, убитыми, остаться лежать в орде и на дороге».¹

В этом тексте примечательно указание, что в орде сначала была только женская часть рода во главе со старшей хозяйкой *qatun*. Кюльтегин был послан для охраны дома в виду ожидавшегося нападения огузов, которое он, по словам текста, столь удачно отразил. Сначала однако, как всегда (описанный случай возвращения Кюльтегина в орду — исключение), когда мужчины отправлялись в поход и кочевки, женщины оставались в орде, заведя домашним хозяйством и управляя ордой. В орде оставались и рабы, и в орде было не только домашнее жилье, но и хозяйство, вероятно и пашня, с которой прощается, например, покойный по надписи Улуг-кем Кули-кем; в орде оставался и скот, за которым следили женщины, и т. д. Ведение домашнего хозяйства и внутрисемейное разделение труда (вернее сказать, внутриродовое) было реальной основой высокого положения женщины у кочевников.

4. РОД И ПЛЕМЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Уже при чтении текстов становится очевидным, что патриархальная семья включена в состав другой организации. Эта организация отмечается в текстах рядом терминов: *baγ*, *uγ*, *oγ*, *täg*, *budun*.² Так называемый термин *ba*, имеется в памятнике Уюк-Тарлык и, судя по контекстам, можно предполагать, что он обозначал часть племен или общину, входящую в состав племени. На эту мысль наталкивает значение *baγ* в тексте Кемчик-Кая-Баши.

Не случайно, что в более пространственных надписях мы, встречая прошение с семьей, затем видим перечисление терминов, обозначающих либо отдельные социальные слои общественной организации, либо всю общественную организацию. Так, например, характерны тексты Элегеш, Уюк-Туран. Частое чередование терминологии, обозначающей родовую и социальную организацию и связанность их между собой, приводит нас к мысли о том, что родовая организация является формой проявления общинной организации. Посмотрим специально эту общеродовую терминологию.

Общеродовые понятия: *äl* (союз племен), *budun* (народ, племя), *oγuš* (*oγus*) (род), *iniγügün* (семья).³

Однако разбор мы начнем с анализа терминов *qatun* и *qatun* для доказательства вышевыставленного утверждения, что родовой строй играл большую роль в классовом обществе кочевников. Это доказываемся связью термина *qatun* с родовым строем.

¹ КТ, II, 48—49.

² О термине *oγ* в значении «род» см. V. Thomsen, *Turcica*, pp. 4—17. О том, что «стрела» обозначает «род», ср. также у Рашид-ад-Дина в переводе Березина (ТВО, V) предание о сыновьях Огуз-хана (стр. 23).

³ В надписи Алтун-коль есть фраза: *jardaki bars tägini ärdamligmä bükmädim* ([в отношении] находящийся в земле моей рода барсовского моего и доблести моей я не наладился). Здесь род назван тотемом «барс». Тотем барс встречается и в других надписях Берге. Когда барс выступает как тотем, говорится, что «покойный барса не умертвил».

В древнетюркском языке для обозначения управителя, феодала применяется термин қауап, реже қап. Оба термина разнозначны и известны нам чаще в переводе как «хан». Термин қауап встречается в самых различных контекстах, но он всегда связан с определенным родом или племенем, не говоря уже о связях семейно-родовых.

Термин қауап встречается в таких сочетаниях: отцу — кагану моему (қауап қауапқа),¹ дядя мой каган (әйім қауап),² младший брат каган (інісі қауап)³ и т. д. Термин қауап применяется также для обозначения власти: тюркский мудрый каган (türk bilgâ қауап),⁴ тюркешский каган (türğâş қауап)⁵ и т. д. Наконец, термин «каган» мы встречаем в таком контексте, как «каганское племя» или «племя с каганом» (қауапиү будун).⁶

Термин қауап как мы уже указывали, равнозначен термину қап, образуемому вследствие утраты звука ү и образования слова қаап-қап. В этой форме термин «хан» адекватен термину қап (кровь). Очевидно, следуя положениям Н. Я. Марра о полисемантизме, необходимо признать, что один и тот же термин на более ранних ступенях общественного развития обозначал кровь и, как мы предполагаем, вождя. Впоследствии термин, который служил для обозначения вождя, родового старейшины, стал термином, обозначающим хана. Нам представляется возможным утверждать, что такое единство в обозначении «вождь», «хан», «кровь» является не случайным, а результатом той роли, которую играли кровное родство и родовые связи при становлении классового общества.⁷

Другой титул qatun в памятнике встречается четыре раза. Один случай предоставляет для нас исключительный интерес, а именно: Umaj ögäm qatun qutuna (подобно Умай, матери моей, титулованной катун).⁸ Умай, по представлению ту'гю, было высшим женским божеством, наряду с t'äñgi (небом) и Sub Jär (дословно земля-вода). П. Мелиоранский отмечает, что Умай — «женское божество, известное до сих пор на Алтае у шорцев; теперь Умай считается покровительницей детей».⁹ В. В. Бартольд также считает Умай женским божеством (der weiblichen Gottheit Umaj, das Schutzgeistes der Kinder).¹⁰ Отражением Умай на земле является qatun, что очевидно из приведенного места.¹¹ Qatun есть земное выражение общего материнского культа, ближайшим образом связанного со стадией материнского рода. Как пережиток материнского рода мы имеем Umaj — покровительницу детей и qatun — главную хозяйку дома.

¹ АДМ, табл. XVII, стр. 25.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 37.

⁴ АДМ, табл. XIX, стр. 13.

⁵ АДМ, табл. XVII, стр. 3.

⁶ Там же, стр. 32.

⁷ Нельзя, однако, отождествлять изменение значения слова с действительным ходом исторического процесса.

⁸ АДМ, табл. XVII, стр. 10.

⁹ П. Мелиоранский. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. ЖМНП, 1938, VI, стр. 266.

¹⁰ W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. ATIM, Neue Folge, SPB, 1897, стр. 10.

¹¹ Интересно сопоставить одно выражение, характерное для идеологии феодальной эпохи, но имеющее образное сходство с приведенным местом. На портале дворца Тимура в Шахрисябе надпись гласит: «Царство принадлежит аллаху. Султан тень аллаха на земле». Аналогичное выражение (umaj и qatun) мы привели в тексте.

Если *qaγan* был вождем отцовского рода, то *qatun* была представительницей материнского рода.

Аргументацией нашему положению о связи упомянутых терминов с родовым строем может послужить еще следующее место: *qaγun* *Altārās qaγanuy*, *ögām Älbilgä qatunuy*.¹ И В. В. Радлов и П. Мелиоранский переводят, как и В. Томсен: «meinen Vater Elteris qaγan und Mutter Elbilgä qatun».² Еще В. В. Бартольд усомнился в том, что *Elteris* и *Elbilgä* являются собственными именами: «Beide (Elteris и Elbilgä — А. Б.) sind wahrscheinlich Titel, nicht Eigennamen».³ Анализ этих терминов действительно подтверждает мысль В. В. Бартольда.

Имя *Altārās* является по существу сочетанием двух слов: *äl* + *tārās*. *Äl* — союз племен, племенная организация, *tārās* — отглагольное существительное глагола *tärmik* (собирать). Таким образом *Altārās* значит «племесобирающий», «вождь».

Термин *Älbilgä* еще проще по своему составу: *Äl* — тот же союз племен, *bilgä* — управительница, вместе домоуправительница, родоуправительница и т. д., отсюда и перевод: отца моего вождя-кагана, мать мою домоуправительницу — *qatun* (ср. *qatun*, *hatun*, *hanum*). Таким образом, *qaγan* и *Älbilgä qaγan* — титулы родового строя, относящиеся к той стадии развития первобытно общинной формации, когда женщина имела большее, чем мужчина, значение в роде, управляя домашним хозяйством. Эта стадия родового строя известна нам по исследованиям Л. Моргана и Ф. Энгельса и называется «материнским родом». Роль сахема у гуронов здесь играет *Altārās qaγan*, а роль матроны Л. Моргана обозначена титулом *Älbilgä katur*.⁴ Японский историк *Shiratori Kurakichi* хоть и связывает термины *qaγan* и *qatun* с родовым строем, но считает их только терминами власти⁵ эпохи феодализма, занесенными из китайского языка, в частности *qaγan* заменил *šan-yü*.⁶ Сам термин *qaγan*, по *Shiratori*, не древнее IV в. н. э. (312 г.), когда он появляется в китайских летописях (*Shiratori* по *Bretschneider*у).⁷ Несомненно, что это не так. Термины *qaγan* и *qatun* приобрели теперь иное содержание, возникновение же их надо искать в первобытнокоммунистическую эпоху, точнее — на стадии материнского, а затем отцовского рода (фиг. 3).

Мы отмечали выше, что родовой строй был основой «политического» устройства тугю. Над каждым племенем были беги, которые подчинялись общему кагану, верховному владыке. Многие беги выби-
рались из среды данного племени по имущественному признаку. Совокупность племен, входивших в состав государственного образования, и образовывала *äl* — племенной союз. Это было, однако, объединение не первобытно общинного типа, а примитивная форма государственного устройства. Организация такой формы управления, господства и подчинения была следствием расслоения общества на классы, следствием и выражением непримиримости классовых противоречий. Организация племен по новому принципу, с использованием пережитков родового строя,

¹ АДМ, табл. XVII, строка 30.

² V. Thomsen, *Die Altürkischen...* ZDMG, Leipzig, 1924, S. 196.

³ В. В. Бартольд, *ук. соч.*, стр. 8.

⁴ Н. Марр. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков. ПЗМ, 1927, № 6, стр. 54.

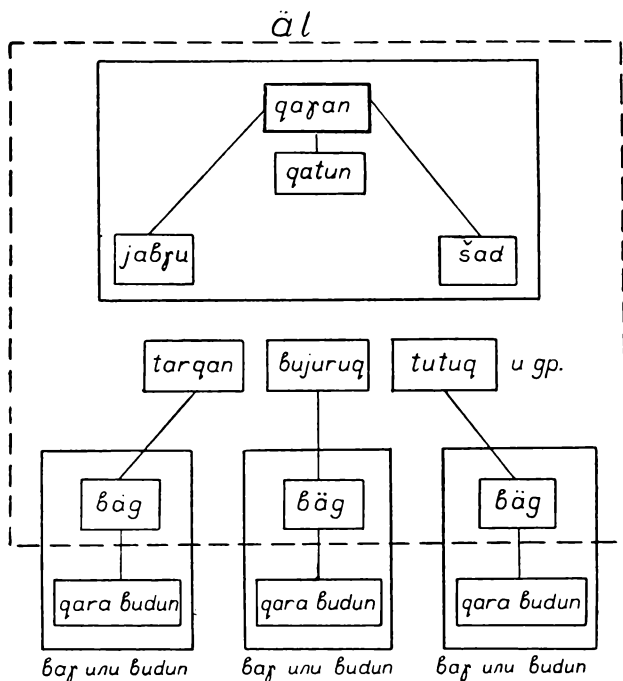
⁵ *Shiratori Kurakichi*. A study on the titles *Kaghan* and *Katun*. Memoirs of the research department, 1926, Tokyo, 5.

⁶ Там же, стр. 8.

⁷ Там же, стр. 1.

послужила к окончательному укреплению классового общества, явилась результатом нового антагонистического способа производства.¹

Термин *äl* адекватен арабскому *نحلق*, заменившему впоследствии это понятие для обозначения народа, государства. Как союз племен, термин *äl* переводится (или оставляется без перевода) всеми крупнейшими исследователями древнетюркского языка;² так, например, Радлов переводит *äl* как «племенной союз» (*Stammgemeinschaft*), В. Томсен как «*Statte*», и оба допускают, в ряде случаев, вольный перевод.

Фиг. 3.

Постараемся разобраться в значении слова *äl* путем сопоставления нескольких текстов.

Слово *äl* мы встречаем в следующих текстах: 1) *Türk qağan ütükän juš olursar, ältä buγ joq* (если тюркский каган в Утукенской черни сядет, в эль нужды не будет);³ 2) *äl tutsyq Ütükän juš ä miš* (устройство эля в земле Утукенской черни было [возможным]);⁴ 3) *Bängü ä tuta* (вечный эль держа устраивая);⁵ 4) *olurypan türk budun älin tör(üs)in tuta bärmiš ätä bärmiš* (сев. тюркское племя [народ], в эль узаконивая);⁶

¹ О частном значении такого рода объединения см. нашу статью «О роли завоеваний в исторической концепции Маркса». Сообщ. ГАИМК, 1933, № 3—4.

² О значении термина *äl* см. П. Мелиоранский, ук. соч., стр. 270—271. — Он же. Памятник в честь Кюль-тегина, стр. 82.

³ АДМ, табл. XIX, строка 11.

⁴ Там же, строка 10.

⁵ Там же, строка 6.

⁶ Там же, табл. XVII, строка 40.

5) *ällig budun* (элевоу народ [народ, собранный в союз]);¹ *älsrämiš qaγansygamuš* (без племенного союза и без кагана);² 6) *bäriḡmä täŋŋi* (небом данный эл);³ 7) *äcin qaγan äi* (эль дяди кагана).⁴ Вот главные места текста, где встречается термин *äl*. Судя по текстам, мы можем вывести следующее: 1) термин *äl* обозначает какое-то государственное устройство (примеры 3, 4, 5, 6); 2) с *äl* связано понятие кагана (примеры 1, 4, 6, 8); 3) *äl* включает понятие *budun*. Очевидно, что *äl* — объединение больше, чем *budun* (см. ниже племя, народ — примеры 4, 5); *äl* освящен небом, связан с божеством *Täŋŋi* (пример 7).

Из вышеприведенных примеров следует, что *äl* представляет примитивную форму государственного устройства общества, имеющего во главе верховного кагана. В *äl* входят, главным образом, тюркские племена, но не всякое племя имеет *äl*. С *äl* связаны законы и обычаи (*töŋ*). Государственное образование, использующее родо-племенные связи, каким является *äl*, характерно не только для VIII в., а проходит через всю историю кочевников. *Äl* — организация союза племен, уже оторвавшаяся от своих корней и ставшая примитивной формой объединения господствующего класса.

Следующим образованием, характерным для кочевников, является вышеупомянутый *budun* (племя, народ). Он переводится как «народ».⁵ Нам представляется возможным переводить *budun* как «племя» или «народ», смотря по смыслу текста. Так, в тексте мы видим термин *budun* при перечислении форм родовых отношений: *Ulaŋu inijügüŋim cūlanuŋ, biŋki oγuŋuŋ budunum* — мы переводим: [следующее за мной] мое младшее родство, потомство, мое, вместе с родом моим, племенем моим.⁶ Термин *budun* встречается также, когда речь идет об огузах, племени, входящем в состав *tu'ŋyū*. *Toquz oγuz bāḡlāri budunlu* мы предпочитаем переводить следующим образом: племя бегов девяти огузов.⁷

В. В. Радлов переводит это место: «Herren und Volk der neun Oγuz».⁸ В. Томсен переводит почти так же: «der Toquz (-neun) Oγuz Bāge und Volk».⁹ Термином *budun tu'ŋyū* обозначали также все племена, не входившие в состав тюркского государства, поэтому он приобретает некоторый абстрактный смысл, служа для обозначения всякого общественного образования; так, например, *tabγač budun, türk budun* (китайский народ, тюркский народ — племя).¹⁰ Так как в тексте слово *budun* также обозначает племя, то мы склонны предполагать, что оно имеет свое историческое развитие от конкретного обозначения своего племени до общего понятия «народ». Особенно ярко это подтверждается такими выражениями, как *ugač budun(y)* (далекий народ),¹¹ *cūγač budun(y)* (бедный народ),¹² *az budun(y)* (немногочисленный народ). Наоборот, конкретность термина *budun*, требующая перевода его как «племя», видна из таких вы-

¹ АДМ, табл. XIX, строка 32.

² Там же, строка 28.

³ Там же, строка 16.

⁴ Там же, строка 11.

⁵ У В. В. Радлова *budun* — «Volk» (АТИМ, стр. 8). У Томсена *budun* — «Volk» или «peuple» (ZDMG, нем. перев., стр. 40; Inscriptions.... франц. перев., стр. 115).

⁶ АДМ, табл. XIX, строка 13. Впоследствии нам еще придется возвращаться к этой фразе.

⁷ АДМ, табл. XIX, строка 12.

⁸ АТИМ, стр. 8.

⁹ V. Thomsen, op. cit. Нем. перев., стр. 140.

¹⁰ АДМ, табл. XIX, строка 10 и 8.

¹¹ АДМ, табл. XIX, стр. 9.

¹² Там же, строка 4.

ражений, как *türk bāglār budun* (тюркские беги племени)¹ и т. д. Из этих примеров ясно, что термин *budun* (племя, народ) прошел свои стадии развития от конкретного обозначения своего племени до общего названия всякой общественной группы. Термин *budun* в своей истории отражает частично историю мышления, которое, по выражению В. И. Ленина, восходит «от конкретного к абстрактному».²

В связи с терминами *āl* и *budun* несомненный интерес представляет термин *oγuṣ*, переводимый В. В. Радловым «кудесник» (*Weisen*).³ В. Томсеном — «род», «член рода» (*Geschlecht, membre de race*),⁴ П. Мелиоранским — «челядинцы» или «соплеменники».⁵ По тексту мы имеем следующие места с применением этого термина: 1) известное нам *ulaju inijügünim oγlanum, biriki oγuṣum buduny*, затем 2) *Bir kiṣi jaγylsas oγusy buduny bāṣūkinā tāgi qydmaz āirmiṣ* (если один человек ошибется, не склонится ему в колыбель рода племени своего)⁶ и 3) *Bir oγuṣ alpaγu* (одного сородича героя)⁷ Толкование термина *oγuṣ* является предметом спора между тюркологами.⁸ Ни перевод «челядинец», ни «вассал» по смыслу текста не подходят. В первом примере термин *oγuṣ* логично стоит на своем месте («рода моего», «племени моего») при перечислении всех форм родовой связи. В начале своей речи Бильге-хан обращается ко всем связанным с ним по линии родства, а затем перечисляются уже лица, занимающие определенное место в обществе. В примере втором, во фразе, имеющей несколько аллегорический смысл, также, очевидно, *oγuṣ* поддается только переводу как «род». Несомненно, что термин *oγuṣ* служит для обозначения родственника, но во всех случаях термин *oγuṣ* применяется или для обозначения рода, или связанных с родом родственников (третий пример), но отнюдь не служит для названия той группы лиц, которые не принадлежат к данной кровнородственной группе, как полагает, например, П. Мелиоранский, переводя этот термин словом «челядинец», или В. Радлов, придающий этому термину значение «вассал» или «кудесник».

Необходимо отметить еще один термин в тюркских текстах для обозначения рода — это термин *tāg*. Термин буквально значит «касаться», «соединяться» и т. д. и, помимо ряда других значений, является названием рода. Однако в этом термине, подобно термину *baγ*, смысл, содержание его больше напоминает соседство и союз, пусть даже родственный, но не связанный обязательно общностью происхождения. Когда в ряде трафаретов малых памятников мы встречаем указание, что покойный отделился и от всех своих сыновей и невесток, а в надписи Бегрэ фигурирует даже тесть, то напрашивается мысль сравнить эту форму объединения, полуродственного по своему составу (все члены не от одного предка), с монгольскими *otog* 'ами'⁹ по поводу которых Б. Я. Владимирцов заметил, что в них, организациях территориальных, «появляется территориальное родство, т. е. родство со всеми вытекающими последствиями, вплоть до экзогамии, основанное не на кровных

¹ АДМ, табл. XIX, строка 4.

² Ленинский сборник, IX, М.—Л., 1931, стр. 165.

³ АТИМ, вып. I, стр. 8.

⁴ V. Thomsen, op. cit., 140, 115.

⁵ П. Мелиоранский, ук. соч., стр. 60; см. также стр. 79.

⁶ АДМ, табл. XIX, строка 8.

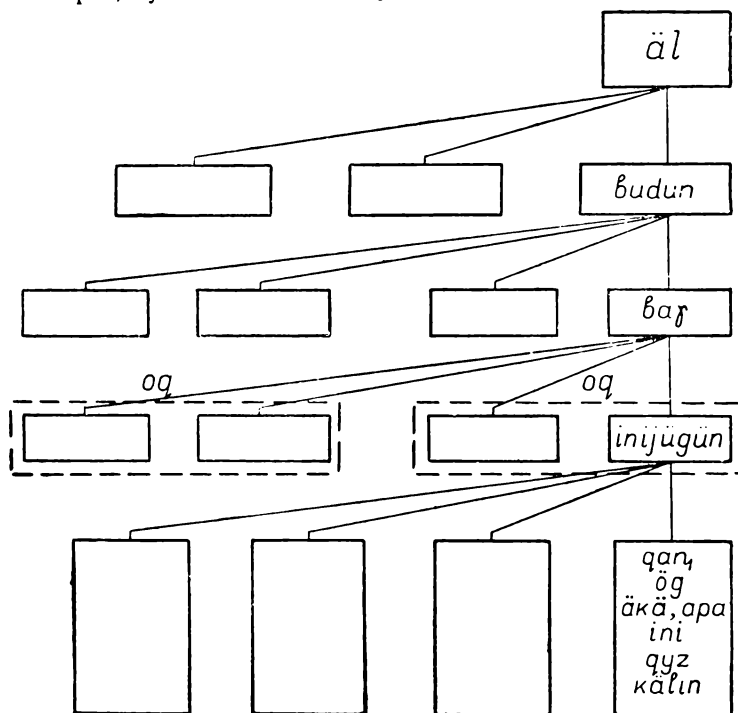
⁷ Там же, строка 7.

⁸ П. Мелиоранский, ук. соч., стр. 79.

⁹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Изд. Акад. Наук, Лгр., 1934, стр. 134.

узах, а на территориальной близости». Во всяком случае *baγ* и *tāg* — термины, обозначающие те формы сожителства, которые характеризуют распад патриархального рода и переход на соседское существование: патриархальных семейств.

Как мы уже отметили, для обозначения рода, имевшего место в эпоху древних тюрок, существовал еще термин *oq*. Как доказал В. Томсен,

Границы *oq* поставлены условно

Фиг. 4.

этот термин обозначал род. На роды делились и западные тюрки. Употребляемый в текстах термин *игү* в значении «род» должен быть сопоставлен, по нашему мнению, с монгольским термином *иги* (в транскрипции Б. Я. Владимирцова *игих*), что значит «сородич».¹ Слово *игү* связывается с термином *игу* (мужской) и, по-моему, не случайно. Сородичами считались в первую очередь лица по линии мужского поколения, по законам отцовского рода. В вышеприведенном тексте из памятника Кюль-тегина слова *bäglik igüu oγlu* можно переводить как «беговское потомство», родственное нам, так как здесь *игу* синоним и сородича и мужского потомства. Последнее не в значении мужества, а патриархальности.²

¹ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 59.

² См. нашу статью «К семантике термина *oγul*». Сб. Язык и мышление, IX, 1939.

Если термины *оуиш*, *игуу* и *оо* значат род, то термины *budun* и *baу* означают скорее общину или, во всяком случае, организацию территориальную, хотя и выступают в значении: первое — «племени», второе — «рода». Сам термин *baу* обозначает «связка», «пучок» и связывается с монгольским *обо* в значении «род».¹ Переплетение терминологии, обозначающей род и общину, вызывается тем обстоятельством, что патриархальный род пока еще выступает как форма проявления общины, и общинная организация сама только начинает складываться. Однако для данного периода уже появляется терминология, отражающая скорей территориальное, чем родовое происхождение (фиг. 4).

Для аргументации нашего положения о живучести родовых пережитков можно еще привести указание на шаманизм, как религию эпохи распада родовых отношений. Тюрками почитались небо (*täpü*), земля, вода (*Sub-jär*), и все это тесно переплеталось с почитанием более древнего культа *Umaj* — женского божества. В тексте Тоньюкука небо и земля называются священными (*uduq*). Так, например, имеется следующий контекст: *Ujmadu, Täpü, Umaj uduq järsüb basa bärti ärinç*.²

Шаманизм тюрков отмечал П. Мелиоранский.³ Однако, слагающиеся классовые отношения требовали иной формы религиозной идеологии, и при хане Тобо тюрки принимают буддизм, который в дальнейшем укрепляет Могильян-хан.⁴

Родовой строй способствует сохранению и тотемических переживаний, выше отмеченных (ср. надпись Берге). Анимистические представления приобретают также новую окраску. Таким образом религиозная идеология крепко связана с пережитками родового строя и в соединении с буддизмом представляет своеобразную форму религиозного синкретизма, характерного для ранних форм классовых обществ.

Создание малой семьи у кочевников (древних тюрков) в территориальной организации шло незаметным образом, тем более, что до недавнего прошлого родовая организация была формой проявления общинной организации. Но наличие в текстах упоминания о том, что «младший брат не знал старшего брата», ясно говорит о бурной дифференциации производства, о том, что малая семья тем быстрее развивалась, чем быстрее возникали отношения господства и подчинения и наоборот.

Суммируя основные черты патриархальной семьи древних тюрков, можно сказать, что это типичная большая патриархально-семейная община, разобранный нами частично, так как положения входящих в нее рабов, в частности наложниц, и положения детей мы не рассматривали. Положение наложниц мы предпочли рассматривать в следующей главе о классах и классовой борьбе, где в разделах о рабстве и клиентеле к ним придется еще возвратиться.

¹ Там же, стр. 46.

² Т, строка 18. Ср. текст Кемчик-Кая-Баши в АТІМ (III, стр. 326).

³ ЖМНП, 1898, VI, стр. 265—266.

⁴ Ср. ниже главу «Тюркская и уйгурская династии».

Глава VI

КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

1. КАГАНАТ, БЕГИ, ОБЩИНА

Таким образом мы констатировали у орхонских тюрков наличие родового строя, существование патриархальной семьи и племенного союза. Последний был формой политического объединения тюрков. Патриархальная семья была мельчайшей экономической единицей, т. е. в ней сосредоточивалась вся хозяйственная деятельность; она была формой проявления частной собственности; имущество ее передавалось по наследству. В главе о родовом строе мы сознательно исключили тех «членов семьи», которые теснейшим образом с ней связаны. Мы имеем в виду рабов и рабынь. Считая, что общество орхоно-енисейских тюрков вышло уже за пределы доклассового общества, мы предпочли рассматривать рабство, в каких бы оно формах тогда ни существовало, в специальном разделе о классах.

Ф. Хирт¹ предполагал, что тюрки унаследовали двадцативосьмиклассную бюрократическую систему Китая и что причиной, способствовавшей появлению китайского типа бюрократии у тюрков, является тот факт, что Тоньюкук, этот «kingmaker» тюркской империи, воспитывался в Китае. Нас интересует имманентный процесс классового образования, каким образом он протекал, в чем сказались результаты этого процесса и каким образом это отразилось в разбираемых нами памятниках. Начнем с последнего вопроса.

При чтении памятников, несомненно, бросается в глаза стройная иерархия и связанная с ней титулатура тюркского правящего класса. В начале малого и большого памятников Кюль-тегина мы имеем употребление термина *қаған*. Этим термином величаются стоящие во главе иерархии верховные сюзерены тюркского общества. Так, например, малый памятник начинается, как известно, словами: «небоподобный, неборожденный турецкий мудрый каган» (*Täŋriŋ äŋrĩdä bolmyş türk bilgä қаған*).² В большой надписи предок величается «Бумын-каган» и «Истеми-каган» (*Bumyn Қаған, İstimi қаған*).³ Обращение Могилян-хана к окружающим начинается со слов: «[Вот] речь моя небоподобного, небом представленного турецкого мудрого кагана» (*Täŋriŋ äŋrĩ jaratmyş Türk bilgä қаған sabym*).⁴ Аналогичный титул носит и уйгурский сюзерен, например Моюн-Чур. Что такое каган, какова семантика этого слова, мы

¹ F. Hirth. Nachworte..., SS. 8. Ср. о 28-классной системе еще в «Supplément à la Bibliothèque Orientale de Monsieur D'Herbelot» (1780, p. 41).

² КТ, I, стр. 60, строка 1.

³ КТ, I, стр. 64, строка 1. J. Marquart предполагает, что это два лица. Ср. его «Kultur und sprachgeschichtliche Analekten» (UJ, 1929, стр. 82). Томсен — за двух, В. Радлов — за одно.

⁴ СБТОЭ, стр. 15.

показали выше. Сейчас нам надлежит определить, кто такой каган. Появление кагана источником интерпретируется следующим образом. Тюркский текст гласит, что появление кагана было сразу после «сотворения сынов человеческих». Очевидно, что та «глупая побасенка», которая имела место в XIX в., имеет в качестве своего предка тексты VIII в., в которых велась идеологическая пропаганда об извечности единой власти и об извечности ее происхождения. Китайская надпись на памятнике Кюль-тегина интересней и более откровенна. В ней мы находим несколько иное свидетельство о происхождении классов: «[Так как] это голубое [или престарелое?] небо не покрывает [чего бы то ни было, т. е. все под небом], [то когда] небо и люди взаимно согласны [гармонируют], вселенная вполне общая [сходная, нет различия]. [Но] так как [небо] их [небо людей] дух [это состояние, взаимная связь] различились, [тогда] наступило употребление [действие сил] Инь и Янь, явились особые владельцы и старшины».¹ Эта общая гармония, по-моему, является свидетельством пройденного единства доклассового общества, и появление государственной власти преподносится текстом как необходимое следствие в результате наступившего разделения общества, появления взаимной вражды, т. е. классовой борьбы. Такая же роль кагана подчеркнута в древнетюркских текстах.

Некоторым сходством с трафаретом китайской надписи является следующее место из текста Кюль-тегина: «[Между этими] двумя [границами] обитали [и раньше?] столь [т. е. весьма] долго голубые тюрки, не знавшие [тогда?] ни господина, ни рода» [?] ² (äkin ara idi oqsyz kök türk ança olurur ärmış).

Надо отметить, что по этому поводу имелось много суждений В. В. Бартольда и В. Банга.³ Однако нам представляется возможным перевести *idi oqsyz* несколько иначе: «Тюрки не имели господствующего рода». Почему они не знали рода? Потому что понятие рода связывалось с представлением о патриархе — хозяине рода. Упоминание это относится к тому периоду, когда тюрки были под властью жужан и не имели «собственного хозяина». В. В. Бартольд предполагает, что это — указание на «демократизм турок».⁴ Отчасти в этом утверждении В. В. Бартольда есть доля правды. Тюркское общество тогда еще не было классовым в полном смысле этого слова и находилось, как это мы ниже докажем, в стадии варварства, первобытной демократии. В. Томсен слово *idi* переводит как «*maître*», «*seigneur*».⁵ Действительно, в указанную эпоху тюрки не знали еще суверенитета, и текст, написанный представителем родового аристократии, намеренно воскрешает память о прошлом. Поэтому мы не можем согласиться с критикой Н. Козьмина, который считает тюркское общество феодальным уже для времен Тумыня.

Перевод В. Томсена, который мы принимаем, объясняет лаконическое изречение текста *idi oqsyz* как указание на отсутствие внутри тюрк-

¹ Васильев. Китайские надписи..., стр. 2, 3, 4.

² КТ, I, стр. 64, строка 2—3. Границы: Кадырканская Чернь—Хинган—Темир-Капыг—проход Бузгала, по исследованию Маркварта, принятому В. В. Бартольдом. Ср. КТ, прим. П. Мелиоранского 22 на стр. 98. Перевод несколько изменен.

³ Нами эта полемика уже отмечалась, ср. нашу статью: Ленин и история народов советского Востока. Прб. ИДО, № 2, 1934. Ср. также выше главу «История вопроса».

⁴ Разбор мнений П. Мелиоранского, В. В. Радлова, В. В. Бартольда и В. Банга, см.: V. Thomsen «Tursica», pp. 20—21. Ср. также: Н. Козьмин. К вопросу о турско-монгольском феодализме. Иркутск, 1934, стр. 22, 23.

⁵ V. Thomsen, op. cit., 21.

ского общества системы господства и подчинения, как указание на отсутствие собственно ханствующего рода.¹

«Родовая» идеология, так же как все пресловутые родословные, не что иное, как идеология уже классовая, т. е. здесь оказывается стремление подчеркнуть издавность происхождения ханствующего рода. Но задача памятника иная. Это политический документ не эпохи Бумыня (Тумыня), а эпохи Могилян-хана и Кюль-тегина. На вопрос, в чем значение кагана, и отвечает разбираемый памятник. Значение кагана, судя по тексту, заключается в том, что он «вполне поднял погибший, неимущий народ, неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным».² Это кагану удалось сделать в результате тех многочисленных походов, описание которых и составляет главное содержание надписей Могилян-хана, Кюль-тегина, Тоньюкука, Кули-Чура и Ильтерес-хана. Все памятники, поставленные в честь крупных владетелей, включают, как главную составную часть текста (не исключая ряда мелких, например Хойто Темир, Берге и т. д.), описание походов, благодаря которым, по данным текста, поднялся тюркский народ. Виновником наступившего благополучия считается каган. Таким образом в текстах подчеркивается роль кагана как вождя и военачальника, организатора грабежей и завоеваний. Вся мудрость его измеряется умением организовать поход, выбрать объект нападения, правильно рассчитать свои военные возможности. Возможность «процветания» обеспечивается только в случае «гармонии народа и бегов». Подчинение Китаю в 630 г. в тексте Кюль-тегина расценивается как результат вражды между бегами и народом вследствие «неверности» народа бегам, вследствие того, что внутри тюркского народа началась борьба. И вот, по мнению составителя текста, Йоллыг-тегина, только Ильтерес-каган смог поднять восстание против китайцев, организовать тюрков и рядом завоеваний добиться самостоятельности. Здесь же эта заслуга подчеркнута и для Мочжо,³ и для Могилян-хана. Последний ради «турецкого народа не спал ночей и не сидел [без дела] днем. С моим братом Кюль-тегином и с двумя шадами я приобретал [т. е. предпринимал завоевания] до полного изнеможения».⁴ Наконец отмечается роль Кюль-тегина в «расширении государства и власти» своего брата Могилян-кагана тем, что перечисляется ряд походов, в которых участвовал Кюль-тегин. Таким образом роль кагана всеми тюркскими текстами представлена (так же, как и китайскими) как роль военачальника в первую очередь, от мудрости которого зависит благополучие тюркского народа. Вместе с тем каган — вождь и военачальник — является высшим «созеренном» в обществе тюрков. Его мудрость — мудрость военная, мудрость военного организатора и талантливого полководца. Описанный текстами как выразитель настроений народных и «попечитель народного благополучия», он дан в трудах В. В. Бартольда и других ученых как представитель демократии, выразитель ее интересов. В чем же действительная сущность кагана? Сущность его заключается в том, что каган — фигура того самого родового вождя, который, становясь военачальником, превращает свою родовую власть во власть королевскую. Было бы неверно думать,

¹ idi oquz значит, по-моему, «без хозяйствующего (господствующего) рода». Слово idi надо считать прилагательным и поэтому на два слова одно отрицание suz.

² КТ, стр. 62, строки 9—10.

³ В тексте говорится о «дыде кагана». Дядей Могиляна и Кюль-тегина был Мочжо. Ср. КТ, стр. 69, строка 17 и стр. 70, строка 25.

⁴ КТ, стр. 70—71, строка 27.

что только факт завоеваний и их организация послужили причиной такого превращения. Причиной такого превращения послужил и ряд других обстоятельств, в первую очередь то, что каган становился уже представителем не родового строя (под маской которого он выступает), а нарождающейся знати, причину появления которой надо искать в «имущественных различиях, разрушивших коммунистическую семейную общину», в возникновении класса эксплуататоров. Возникновение последних и было той социальной базой, благодаря которой обязанность превратилась во власть, а родовой вождь через положение военачальника получил «королевскую власть». Родовой строй и его демократия сменились военной демократией, в которой демос — народ — представляет нарождающийся класс.

Кто же такая имущественная знать и как она создалась в древнетюркском обществе?

Уже описывая патриархальную семью, мы отмечали, что она являлась мельчайшей экономической единицей. Мы уже тогда также отмечали, что она существует не изолированно, а в пределах какой-то определенной организации. Эта организация почти не отражена в текстах, хотя слабые следы ее повсюду проскальзывают, как, например, в терминах *bidun* или *baγ* и т. д. Но дело, конечно, заключается не в терминах. Для выяснения поставленного выше вопроса нам необходимо выяснить, в какой форме выражалась зависимость одной семьи от другой. Поняв эту зависимость, мы найдем ту организацию, имя которой — община. В общине и заключен узел разрешения всех вопросов классового образования.

На археологическом материале община оставила свои следы, хотя бы в расположении могильника; имею в виду, например, топографию могильника долины реки Толы. Уже здесь чувствуется выделение могилы «богатой» от могил обычных, рядовых, «бедных». С другой стороны, не вызывает сомнения также и то, что стелы, поставленные Кюль-тегину, Могилян-хану, Ильтересу, Тоньюкуку, Кули-Чуру и др., не являются обычным для каждого члена рода предприятием. Не являются обычным предприятием и мелкие стелы — енисейские памятники. Для выяснения проблемы общины мы на них и остановимся.

Не будем разбирать надписи Ихе-Асхете и Ихти-Ханын-Нор, так как по одним уже вещественным остаткам можно судить о степени богатства погребенных. Надпись Хойто-Темир, неоднократно нами цитированная, тоже свидетельствует о значительном общественном положении покойного, ходившего с Кули-Чуром в поход на Беш-Балык и участвовавшего в сражениях с китайцами и кушуйскими карабашами и др. Речь идет о каком-то «полководце», но не он нас интересует в данный момент. Но вот надпись Уюк-Тарлак представляет для нас безусловный интерес. Здесь фигурируют термин «бег» в контексте: «я был бегом шестибегскому народу». Во-первых, термин *baγ* выступает здесь как деление, меньшее племени. По линии родовой организации мы имеем термин *oq* либо *uγuq*. Термином *baγ* здесь подчеркивается, по-моему, территориальное деление, внутри которого он, т. е. умерший Эль-Туган-Тутук, был бегом, т. е. каким-то хозяином территориального объединения. Это объединение, повидимому, больше, чем обычное, что в памятнике и подчеркнуто. Сочетание термина *bäg* с термином *baγ* в таком же плане дают тексты X и XII.¹ *Bäg* (бег) — это сила, которую

1 См. ниже главу «Кыркызы VII—IX вв. н. э.».

они сами не хотят скрывать. В памятнике Улуг-Кем в надписи прямо сказано: «от беговской силы я отделился». В надписи Уйбат сказано: «Наш старший брат Сабык-Басар по силе бег». Естественно, что сильный был и мудрым. В памятнике Тчакул беги стоят после упоминания о небесном эле. Покойный прощается со своими бегами, которые, судя по контексту, равны с ним по социальному положению (возможно, что он выше их, ср. надпись Чакул), но тот, кто прощается со своими «уважаемыми бегами» (Ojaḡ bāḡlaŋ), сам говорит о себе, что он «богатый по происхождению» (baḡ aḡasy). Но по этому же тексту видно, что беги стоят не в ряду семейной, а социально-классовой терминологии. Наконец, лица, которым поставлены памятники, прямо называют себя богатыми или гордятся своим богатством либо богатством своих родственников. Так, например, в надписи Кара-Юсс упоминается богатый родственник (baḡ ara), в уйгурской надписи умерший называет себя богатым (ʔaḡ).

В чем заключалось богатство умерших, большей частью именующих себя бегами? В комментариях к надписям и в части, посвященной археологическому материалу (см. главу «Источники»), мы касались характеристики этих богатств. Мы отмечали также, что богатства были уже собственностью отдельных семейств (ср. хотя бы тамги). Этим самым объясняются условия неравномерного накопления по отдельным семьям, т. е. были созданы условия роста имущественных различий. Но констатация одних богатств по текстам или археологическим материалам на вопрос о появлении богатств и возникновении эксплуатации не отвечает. Среди богатств, коими владели отдельные семьи, были рабы, прежде всего наложницы — «рабыни гарема». В надписи Уюк-Туран об этих наложницах есть прямое упоминание; косвенное упоминание мы отмечали в собственном имени в тексте Улуг-Кем. Эти рабыни и составляли то домашнее рабство (Sklavenhaus?), о котором Ф. Энгельс писал, что «... оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом» (рабыни гарема).¹ Но «рабыни гарема» у Энгельса только пример, не исключающий и других рабов, также входящих в состав патриархальной семьи. Эти другие рабы — молодое, захваченное на войне население. Молодежь эта адаптировалась, усыновлялась родом; некоторые из них становились полноправными членами семьи. Институт адаптации рабов тесно переплетается с институтом клиентелы и представляет огромный интерес не только по линии генезиса рабства, но и генезиса крепостничества, поэтому мы к этим вопросам ниже возвратимся. Но так или иначе мы уже должны согласиться с тем, что для разбираемого периода было совершившимся фактом деление общества на богатых и бедных. Богатые называются бегами или баями. Бегами и баями являются, естественно, и все те, титулатурой которых заполнены все без исключения надписи. В противовес богатым стоит народ (budun).

В надписях обращение к народу двоякое: или «аристократическое», или «демократическое», обычно в форме общего обращения и в редких случаях несколько персонифицировано. Чрезвычайно характерны такие места, когда умерший прощается со своим «черным народом» (qara budun) и «знаменитыми товарищами» (ojaḡ qadaš)— надпись Уюк-Туран, прощание с друзьями и «черным народом», надпись Чакул и т. д.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 451.

Здесь всегда подчеркивается противоположность между «черным народом» и бегами.¹ В ряде случаев это обращение к народу должно быть сужено до пределов какой-то сравнительно небольшой территориальной организации, ибо, если речь идет о распространении, например, славы покойного, то уже употребляется не термин *bidun*, а *ai*. Под термином *bidun*, по-моему, и выступает община. Во всяком случае, под этим термином фигурирует община в уйгурских документах.² Обращение к члену общины обозначается обычно термином *qadaš* — термином, которым называются отличные от бега и другой знати люди. И термин *bidun* и термин *qadaš* стоят в текстах после перечисления родственников до прощания с другой знатью. Мы объясняем это положение тем, что на первом месте стоит патриархальная семья, затем территориальная организация (у кочевников обычно совпадающая с родовой), затем равные по социальному положению и, наконец, родственники, не входящие в состав данной семьи и ведущие свое происхождение по другому роду. Примером этого может послужить, например, памятник Уюк-Туран.

Во-первых, мы имеем знать в семьях, в которых находятся рабы. Во-вторых, их семьи находятся в общинах. В-третьих, между всей массой общины и бегами имеются различия, отраженные в текстах в форме открытой розни. Общинами ведает бег. О роде же в целом почти нет упоминаний, так как, повторяем, община совпадала с родовой организацией. Между массой народа и бегами идет борьба,³ часто приводящая к плохим для тюркского общества, вернее — для тюркской знати, результатам. Отсюда следует, что мы имеем перманентно растущий класс эксплуататоров, который развивается внутри общины, вступает с ней в противоречия, принужден по закону классовой борьбы консолидироваться в класс, чтобы в целом противостоять народу. Естественно, что возникает необходимость появления государства. Оно обретается путем использования органов родового строя и уже имеющего место племенного союза. Сохранение племенного союза и родового строя необходимо, ибо ряд институтов последних облегчает рост эксплуататорских возможностей бега. Но в таком случае «верховный вожьд племенного союза» каган, представитель «демократии» является в первую очередь орудием тех, кто эту демократию представляет, т. е. орудием класса «непосредственных эксплуататоров-бегов». Бег и является основной фигурой эксплуататора в тюркском обществе, политической фигурой, классом, выражением интересов которого и было тюркское государство.

Что же представляли собой все остальные, носящие те или иные титулы? То, что это были по социальному составу беги, это бесспорно, но это была все-таки отличная от основной массы племенных богачей — бегов — фигура. Ябгу, шады, буюруки, тарканы и т. д. — обычно родство кагана и вообще крупная родовая знать; особенно это надо сказать про первых двух. В начале надписи Кюль-тегина⁴ буюруки и тарканы (*biyuruc* и *tarqan*) имеют в титуле приставку бег. Этим подчеркивалось приближение к «трону» слоя знати, интересам которых по суще-

¹ Последнее обстоятельство отмечал ряд исследователей. См. главу «История вопроса», раздел «О буржуазных концепциях».

² W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*. Leningrad, 1928, Dok. 14. **سەھەمە**. См. также документы 17, 21, 77, 78, 88, 95, 97.

³ КТ, II, 6.

⁴ КТ, I, 1.

ству служил каган. Ябгу и шады, как еще отметил Эд. Шаванн,¹ назначались только из ханского рода. Эд. Шаванн отмечает, что они обычно командовали левым и правым крылом войск. Но дело не в том, что они командовали отдельными частями войск. Значение их заключается в том, что ябгу и шад являлись часто наместниками над определенными племенами и становились теми князьками, которые очень напоминают собой князей удельной Руси. Повторяющиеся в истории кочевников подобные явления (в сельджукскую эпоху) вызываются не чем иным, как самой организационной формой завоевания. В памятнике Тоньюкука мы имели указание, что одна из военных операций была поручена тардушскому шад (строка 29), а в битве с западными тюрками они схватили их шад и ябгу (строки 42—44). Очевидно, что ябгу и шады были и военными организаторами и наместниками над покоренными племенами. После победы над племенами толесов и тардушей Ильтерес-каган² «дал устройство племенам толес и тардушей и назначил тогда же ябгу и шад». Таким образом мы предполагаем, что ябгу и шады были наместниками из царствующего рода над покоренными племенами, получаемыми ими в своеобразный удел. Шадом тардушей, как известно, был Могилян при жизни Мочжо; он же после смерти последнего стал, не без борьбы, каганом всего тюркского народа. Шадов было несколько, повидимому по числу покоренных племен, составлявших на случай войны, определенную часть войска, так как последние, включаясь в состав тюркского народа, должны были нести военную службу. О том, что их было несколько, можно судить по тому, что покоренными племенами были не только толесы и тардуши. Всем им давалось устройство по тюркскому образцу. Могилян советовался с «Кюль-тегином и двумя шадом». По смерти Кюль-тегина шествовали в похоронной процессии два шад³ и т. д. Кто же такие эти шады? Термин *šad* связывается с термином *baγa* в Онгинском памятнике. Там же мы имеем текст *qaγum baγa tāŋkākān* и этот же *Tāŋkākān*, как мы узнаем дальше, был шадом (*Tāŋkākānā āsig bārtiŋ tājin jarylqamyš šad aty; anda bārmış*). В другом енисейском памятнике (Уюк-Тарлак) имеем термин *baγ* во фразе *altu baγ budunqa bāg ārtim*. Слово *baγ*, повидимому, обозначает, как мы уже отмечали, деление, часть народа. Так, слово *budun* по нашему предположению, обозначает не только народ, но и родо-племенную организацию, некую коалицию (см. выше). Выражение *altu baγ* значит «шесть багов», т. е. шесть делений, шесть частей народа, либо «связка шести племен», «союз шести племен». Очевидно, что такими шестью частями или входящими в союз могут быть только общины. Шад является наместником, представителем этих общин или племен. Следуя Шаванну, который указывает на деление тюрков «en deux branches», мы можем теперь предположить, что шад (как, вероятно, и ябгу) является наместником кагана над непосредственно территориальной организацией, т. е. общиной, а термин *baγ* обозначает конкретно такую организацию, что верно предполагал еще В. В. Радлов, переводя этот термин «Abteilung».

Другими представителями господствующего класса являются буюрки и тарканы. П. Мелиоранский по поводу термина «буюрук» заме-

¹ Сб. ТОЭ, VI.

² КТ, II, 13—14.

³ Там же, 27.

⁴ Там же, 51.

чает, что «этимологически оно значит „тот, кому приказывает хан“, как бы „приказчик“. Так назывались подчиненные хану начальники отдельных отрядов, которым давались иногда и самостоятельные поручения, паместники хана и тому подобные лица».¹ Употребление этого титула с термином «бег» предполагает возможным объяснение П. Мелиоранского. Возможно также, что буюруки были той частью бегства, которая служила своеобразными казиями (судьями), также в большинстве своем выходцами из господствующего класса. Два места из памятника КТ, II убеждают нас в том, что они были прообразом «этих народных судей». Так, в одном месте текста говорится: «все его буюруки были мудры, были мужественны, все его беги и народ были прямы [т. е. верны кагану]. Поэтому-то он столь [долго] держал [в своей власти] племенной союз и, держа его [в своей власти], творил суд и правду».² В другом месте, в противоположность первому, говорится о гибели тюркского народа, и о буюруках надпись гласит, что все их «буюруки были неразумны, были трусливы».³ На основании этих двух отрывков уже, по-моему, явствует, что у буюруков подчеркивается в первую очередь «разум», от них требуется «прямота», вернее — через них от народа по отношению к кагану; каган через буюруков творит суд и правду.

Тесно связаны с буюруками встречаемые в текстах тарканы. Они также имеют иногда приставку «бег» (*tarqan-bäg*).⁴ Под этим термином мы подразумеваем «сборщиков податей» во времена древних тюрков, возможно — дани. На эту мысль наталкивает один более поздний уйгурский документ. Так, в одном документе под № 69 некто Тайынчак-таркан (صالح) дает расписку в получении трех мешков проса в счет ясака для хана: *بمصر رحلت صاغر ودرج صر حصار صاغر*.⁵

Сборщики (были ли они сборщиками хана, или сами имели право сбора) получали во времена древних тюрков, повидимому, дань или подать не деньгами, а продуктами. Отсутствие монет, собственно тюркских, и незначительное количество китайских не дает возможности предположить, чтобы повинности получались в денежной форме. Сбор для хана и получение бегами повинности с других народов или собственных общин были возможны только в натуральной форме. Приставка «бег» к слову «таркан» убеждает нас в том, что мы имеем здесь дело с лицами, которые имеют право на сбор в данном случае натуральных повинностей. Поэтому данный термин приобретает для нас особый интерес.

Два слова о некоторых других терминах. К этой же категории знати должна была принадлежать и классовая верхушка покоряемых народов. Правда, мы чаще имеем случаи, что последняя физически уничтожалась, но иногда она сохранялась, особенно когда имели место случаи добровольного подчинения. При последнем варианте они обычно оставляли своих каганов. Но в таком случае они не входили органически в состав тюркского государства, а платили последнему дань. Такие слабые намеки мы имеем в тексте КТ, II, 29: «Среди вассальных [моих] каганов

¹ П. Мелиоранский, КТ, ЗВО, стр. 99. St. Julien [«Documents historiques sur les tou-kioucs (Turcs)»]. JA, VI сер., т. IV, p. 201] указывает на термины «Аро» (вероятно, Ара *tarqan*) *Ta-kan* — *tarqan* как древнейшие.

² КТ, II, 3.

³ Там же, 5.

⁴ КТ, I, 1. *Tarqat bujurug bäglär*.

⁵ W. Radloff. *Uigurische Sprachdenkmäler* ..., S. 121.

[буквально — владельцев элей, т. е. племенных союзов] и среди вассальных [моих] народов [буквально — имевших у себя во главе] каганов» (уʿar ǎlligdä уʿar qaʿanluʿda).¹ В такой зависимости были Баз-каган и тюрешский каган. Племена же, входившие в состав тюркского государства непосредственно и сохранявшие свое управление, имели во главе эль-теберов (ǎltäbär). Более мелкие подразделения (просто племена или родов) возглавлялись отдельными родовыми князьками — тутуками (tutuq). Что последние являются родовыми князьками, я сужу по самому термину, который, как я предполагаю, является сочетанием двух слов [tut + oq или uq, т. е. «рододержатель» от глагола tutmaq (держать) и oq || uq (род)].² Незначительность по сравнению с каганом тутука можно проследить по тому месту в тексте, где он обычно упоминается. Так, например, говорится, что Кюль-тегин сразился с Кушу-тутуком.³ Упоминание об этом сражении имеется в надписи Хойто-Темир, когда говорится, что воин, ходивший с Кули-Чуром к Беш-Бальку, подавил кушуйских карабашей. Возможно, что балбал Кашука (надпись Уйбат) имеет ближайшее сюда же отношение. Кушуй было, вероятно, небольшим племенем в районе северо-западной Монголии.

Тутуки обычно встречаются в енисейских надписях, принадлежащих к менее значительным, чем каган, личностям. Поэтому я думаю, что тутуки — представители родоплеменной знати, не оторвавшейся от своего племени и втянутой в общий процесс феодализации. Не случайно, что некоторые титулы «тутук» имеют окончание «бег» (ср. текст Кемчик-Кая-Баши).

Не останавливаясь на другой терминологии, представленной главным образом чиновными титулами, отмечу, что мы имеем, таким образом, следующее представление о господствующем классе: «верховный сюзерен» — военачальник-король-каган, его ближайшие военные деятели ябгу и шады, представляющие его военные дружины, они же наместники — «князья уделов». Каган окружен целым «штатом всякого чиновного люда». Каган является выразителем интересов основной фигуры растущего класса — бегов (особенно в эпоху Могилян-хана, ср. ниже), часть которых связана непосредственно с ханом, представляя его судей и сборщиков податей. На основе захвата чужой территории силой оружия каган подчиняет ряд народов и племен, во главе которых стоят вассалы тюркского кагана, эльтеберы в более крупных и тутуки в более мелких племенах.⁴

Этот «аморфный конгломерат племен» основан не только на прямом насилии, но в первую очередь на том, что внутри тюркского государства имела место имманентно возникающая классовая борьба, в результате непримиримости которой возникло государство.

Вся терминология, помимо кагана, отражает вассалитет в тюркском обществе. Упоминание при всех титулах термина bāg говорит о том, что «вассал» был представителем той части господствующей верхушки, которая теснейшим образом была связана с племенной общинной организацией yuʿup. Ябгу и шады, в порядке своеобразного прототипа инвестиции, получали наделы; они происходили из ханствующего рода

¹ П. Мелноранский, КТ, стр. 71, строка 29.

² Происхождение термина tutuq от глагола tutmaq.

³ КТ, II, 41.

⁴ St. Julien, op. cit., p. 201. Термин Tou-tchui был вероятно титулом и «Кули Чур» (Küli Çur). Ср. у St. Julien (там же) — «Kiu-liu-tch'oue».

и в удел получали покоренные племена. Беги, с которыми каганство часто имело самые суровые противоречия, подчинялись верховному сюзеру, фактически владельцу территорий, кагану, к которому они приходили на «челобитье». В конце большого памятника Могилян-хана говорится, что пришли к нему беги покоренных племен и «воздали ему хвалу». Начинаются тексты известным указанием на размещение всех вассалов в порядке иерархии вокруг хана, который произносит им «тронную», «программную» речь. Аналогичные явления мы наблюдаем и у монголов, как это отмечает Б. Я. Владимирцов.¹

Чтобы окончательно решить вопрос о социальной природе бегов, нам необходимо выяснить, кто являлся истинным производителем в древнетюркском обществе (этим самым мы закончим анализ иерархии) и каковы были формы его эксплуатации. Но для этого, по имеющимся у нас материалам, мы начнем наш ответ со второго поставленного нами вопроса. Памятуя, что органы родового строя играли в обществе тюрков не последнюю роль, мы к разбору его значения в условиях классового общества и приступим. Для выполнения этой задачи придется сделать значительное отступление от развиваемой нами темы. Мы утверждали, что сохранение некоторых институтов родового строя было в интересах нарождающегося класса. Мы отмечали также, что ряд институтов родового строя трансформировался и стал орудием закабаления сородичей. Выясняя роль родового строя в эксплуатации общины, мы получим ответ на вопрос о происхождении и характере истинного производителя. Мы считаем, что если для нас бесспорно наличие рода и общины и бесспорно также наличие внутри последней «богатых» — бегов, т. е. имеется уже разложение ее, то на основании экономических и этнографических данных можно установить формы использования родового строя богатыми. Появляющаяся на эту тему литература может служить доказательством развития эксплуатации внутри рода.²

2. НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ. ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Родовой строй у кочевников играет немаловажную роль и в процессе классового образования. Не нарушение, а сохранение некоторых институтов родового строя было прямым интересом господствующего класса. Исходя из патриархальной семьи со всеми ее обыкновениями, рассмотрим, как внутри ее идет процесс постепенного закабаления человека человеком. Мы выше отмечали, что тюркам было известно рабство в его патриархальной форме. В памятнике Уюк-Туран имеется упоминание о наложницах. Невольно встает вопрос: а что происходит с детьми наложниц? Известно также, что в этот период имел место простой увод в рабство молодого населения покоренных стран. По этому поводу мы имеем в текстах следующие интересные места. В памятнике Улуг-Кем: «Я, Куни-Тириг, с трех лет без отца остался. Знаменитый князь, мой старший брат [дядя], человеком [меня] сделал».

Küni значит «наложница», tîg буквально — «живой». Эти два слова образуют собственное имя, которое нам представляется скорее не столько именем, сколько прозвищем: «живой от наложницы», «родив-

¹ Ук. соч., стр. 101.

² Ср.: С. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, стр. 103. — Бернштам. Туркменский род и колхоз. ТИПИИ, Изд. Акад. Наук, 1931. — Он же. Разложение родового строя у кочевников Средней Азии. Сов. этногр. № 6, 1934. Ср. там литературу вопроса.

шийся от наложницы». Оставшись без отца, он был усыновлен каким-то князем — тутуком. Последний, как мы выше показали, являлся представителем рода. Выражение «сделал человеком» (kiši qyldy) — прямое указание на усыновление. Указанием на усыновление служит, по моему, и сходство тамг на стеле усыновленного с тамгами остальных памятников Улуг-Кем, отмеченное выше в главе «Источники». Наличие таких усыновленных «сыновей», приобретенных на войне или от рабынь, отмечено и в памятнике Уюк-Туран, когда при прощании умершего имеется упоминание: «От моих приобретенных сыновей, моих родных сыновей» qazyaqum oylum öz oylum) (ср.) (ср.). Здесь противопоставление собственным сыновьям приобретенных — результат адаптации либо молодых отроков, захваченных на войне, либо детей наложниц, кстати сказать, упоминаемых в этом же памятнике (V=1). Не случайным поэтом является значение самого слова oyl. Рассматривая палеонтологически термин oyl, мы видим, что это — двухэлементное слово. Звук «γ» здесь покрывает два звука «qq» в двойном термине oq-qul, являющемся не чем иным, как сочетанием слов oq (род) и qul (раб), т. е. раб рода, он же в значении «потомство» и в значении «сын». Эта не случайная семантика заставляет видеть в этом термине отзвук определенного вида рабства, генетически связанного с адаптацией, усыновлением, приемом в род, т. е. формой клиентелы. Сохраняющийся в этот период, как и позднее, левират сыграл в этом немало важную роль, и вот почему. При левирате, когда на матери (не родной), равно как на жене брата должен жениться один из сыновей или другой брат, устанавливается неизбежно усыновление всего потомства, остающегося в данной семье. Потомство рабынь также включается в состав семьи, однако их имущественное положение зависит от того, кто ведет хозяйство и кто является юридическим мужем вдовы. Не будучи родным для нового хозяина, потомство рабынь попадает в «скрытое в семье» рабство, экономически завися от нового патриарха. Экономическая зависимость, с одной стороны, и право на получение части наследства, с другой, заставляют клиентов и адаптированных отработывать свою экономическую независимость. В таком же положении находятся и зятья из бедных семейств. Не имея возможности уплатить калым за невесту, жених, позднее зять, должен ее «отработать», т. е. вступить под покровительство другой семьи, более богатой; в большинстве случаев он нанимался к отцу своей невесты. Но это является только началом клиентелы. Создавшееся неравенство служит основой развития клиентелы, отраженной в многочисленных фольклорных и этнографических данных. Так, например, в казахском сказании Козу-Купреш говорится: «Кара-бай, согласно обещанию, принял под свое покровительство семью умершего друга, в которой надзор за скотом и имуществом и все управление делами перешли к брату умершего Сары-бая, Аже-баю».¹ В этом же сказании мы находим прямые следы адаптации, имевшей место и у тюрок, как это мы показали по вышеприведенным памятникам. «Еще при жизни своей Сары-бай, кочуя как-то в предгорьях Ала-тау, наткнулся на кибитку бедного калмыка, который по болезни отстал от своего рода и остался в горах один с немногочисленным скотом и малолетним сыном. Сары-бай принял их под свое покровительство, а когда старый калмык умер, Сары-бай взял мальчика к себе приемышем и стал

¹ Н. Пантусов. О древностях Семиречья, памятник Козу-Купреш и Боян-Сулу. ТКЛА, 1898—1899, стр. 25.

держат его как члена своей семьи, поручив ему наблюдать за частью хозяйства и многочисленного скота. Мальчика звали Кудар-Кул». ¹ Приведенный отрывок из предания является развернутым рассказом сюжета надписи Улуг-Кем о сироте, оставшемся без отца и усыновленном старшим братом. Бесспорно, что здесь имеет место клиента. В памятнике Улуг-Кем любопытна одна деталь. Там указывается, что Куни-Тириг был «сделан человеком» старшим братом. Но такое усыновление возможно благодаря левирату, когда брат (от другой матери и, во всяком случае, не от наложницы) женится по смерти отца на вдове, усыновляя, т. е. принимая уже в свой род оставшееся от других матерей и наложниц потомство. В сказании Козу-Купреш мы подчеркнули сходные с текстом нашего памятника места. Они целиком совпадают с данными нашего текста. Сары-бай равен Кулюг-Тутуку (знаменитый князь), Куни-Тириг равен Кудар-Кулу. У первого и у второго умер отец; оба были усыновлены. Разница заключается в том, что в тексте Улуг-Кем, по сравнению со сказанием Козу-Купреш, усыновлял ближайший родственник. Такого типа усыновление произошло, повторяю, благодаря сохранению левирата, являющегося в данном случае институтом узурпированного родового строя. Благодаря ему старший брат Кулюг-Тутук (Külüg Tutuq) получил права на все потомство после смерти отца и сохранение всего имущества, в том числе и рабочих рук (потомства) в пределах патриархальной семьи.

Способом привлечения рабочих рук из других семейств является включение в общину — патриархальную семью — всех родственников других родов по женской линии в тех случаях, когда для этого имеются экономические возможности. Н. И. Гродеков сообщает, что кара-кыргызы «кочуют обществами одного рода, допуская в свои аулы из других родов лишь родственников по женской линии или бедняков, нанимающихся в работники». ² Получив в позднейшую эпоху свое развитие, клиента служит средством порабощения своих сородичей: «Киргизы, имеющие сильных родовичей, живут зажиточнее, потому что в трудные минуты богатые помогают своим бедным родовичам и зачастую платят за них подати, а бедные, в свою очередь, оплачивают это своим трудом». ³ Разобранный выше термин *оуиш*, обозначающий «род», иногда «клиент», свидетельствует также о наличии клиентелы. Адоптируясь родом и нося поэтому название «род», как корпорация, его усыновившая, *оуиш* совершенно идентичен туленкутам. Широко распространенный институт туленкутов является не чем иным, как клиентелой. «Туленкуты, — пишет Н. И. Гродеков, — были клиенты и джигиты из бедных, служившие у тюрей и усыновляемые ими. Прежде они служили из-за надела имуществом (инчи), из-за калыма и в общем из-за пропитания. После получения калыма или инчи они продолжали у своих господ службу, от которой имели разные доходы. Прежние туленкуты служат еще и теперь, но за плату». ⁴

В тесном переплетении с институтом клиентелы, а следовательно, генезисом феодальных отношений находится и рабство. Источником последнего прежде всего являлась война.

Характерной чертой завоевания до Моюн-Чура, в частности в период Кюль-тегина и Могилян-хана, является увод в рабство побежденных.

¹ Там же, стр. 26.

² Н. И. Гродеков, *ук. соч.*, стр. 109.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 6.

Основанием такому утверждению служат нам следующие отрывки из текста намогильных эпитафий. В малом памятнике Кюль-тегина мы читаем: «Я вполне поднял погибший, неимущий народ, неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным».¹

Совершенно идентичное выражение в другом месте: «Мой дядя каган, сев [на царство], хорошо устроил и поднял турецкий народ [т. е. поднял его благосостояние, значение], неимущих он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными»² или: «я поднял [т. е. призвал] к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ».³ Аналогичные выражения имеются и в тексте памятника Могилян-хана,⁴ особо отметим выражения: «Так мы увеличили и укрепили наш племенной союз и нашу правительственную власть»,⁵ «против него я двинулся, так как он не посылал каравана [с данью] ... прогнал его назад, многочисленные ... я доставил домой».⁶ С этим местом текста я сопоставляю ряд других выражений, тесно с первыми связанных, как, например: «сам он [Барс, каган] провинился [а потому] каган умер [т. е. был убит], а народ его попал в рабство»;⁷ «в то время [наши] рабы стали [сделались] имеющими рабов, а наши рабыни стали [сделались] имеющими рабынь».⁸

Приведенные нами тексты подтверждают выставленное выше положение о том, что в данный период имел место увод в рабство, однако это не исключает другого положения, — когда покоренные народы оставались на месте, они «устраивались» по тюркскому образцу и над ними назначались наместники (*jaɣ'u* и *šaɣ'u*). Таким образом в исходе завоевания мы имеем прямой захват в рабство покоренных, не говоря уже о добыче скота, имущества и других ценностей.

Выражение: «немногочисленный сделал многочисленным» я сопоставляю с текстом: «бедный народ сделал богатым», что происходит в результате завоеваний, во время которых победитель (в данном случае тюрки) уводит в рабство побежденных. Этот захват и обращение в рабов военнопленных увеличивают количественно тюркский народ, что выражено в тексте словами «немногочисленный народ сделал многочисленным», а получение рабов и других ценностей способствует превращению «бедного» народа в «богатый». В текстах, естественно, замалчивается, что «богатыми» становятся отнюдь не все. Таким образом во время завоевания тюркское общество данного периода «приобретало» рабов, включая последних в число непосредственных производителей. Естественно, что встает вопрос о том, какой удельный вес имели эти рабы в общем процессе производства и где рабы могли быть использованы в условиях кочевого общества. Тюркские источники непосредственно на этот вопрос ответа не дают.

¹ П. Мелиоранский, КТ, стр. 62—63, строка 10.

² КТ, стр. 68, строка 16.

³ Там же, стр. 71, строка 29.

⁴ Ср. СбТОЭ, СПб., 1897, вып. IV, стр. 20, 21.

⁵ Там же, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 25.

⁷ КТ, стр. 69, строка 20.

⁸ Там же. Выражение «попали в рабство» в данном случае может иметь только образный смысл, однако в сопоставлении с вышеприведенными текстами может отчасти отражать и смысл прямого превращения в рабство побежденных. Перевод по П. М. Мелиоранскому несколько уточнен.

В многочисленных, но, к сожалению, крайне лапидарных орхон-енисейских памятниках мы находим места, по которым можно отчасти судить, где находились эти рабы. Так, например, на памятнике, найденном по левому берегу Енисея в урочище Оя (на кургане), имеется надпись с обычным содержанием, где при перечислении богатств, от которых отделяется умерший (*adyrultum*),¹ есть выражение: *kiši qazıantum* (я людей приобрел) (приобретенные, т. е. захваченные на войне люди). В данном случае мы склонны переводить данный термин как «рабы», ибо если умерший прощается с свободными или речь идет о нем самом, то обычно стоит термин *äg*² либо *alp*;³ если дело идет о зависимых, то стоит термин *qadaš*.⁴ В последнем случае мы склонны придавать слову *qadaš* значение «сообщник», исходя из толкования данного термина как *qat* (сторона, бок) и *āš* (товарищи).⁵ Что термин *qadaš* обозначает «сообщник», убеждает нас сопоставление ряда терминов, которые теперь имеют значение «товарищ», но которые по происхождению разностадиальны; так, мы выделяем в наиболее древнюю группу термины: *qayındaš* от *qayun* (чрево — единоутробник), *adaš* от *at* (имя, тетка), *arqadaš* от *arqa* (спина, хребет) (здесь подчеркнута общность происхождения) и в группу более новых образований *joldaš* от *jol* (дорога, попутчик). Между первой и второй группами стоит термин *qadaš*, который отражает пояснение новых территориальных связей, взамен более древних — родовых. Характерно, что такой до некоторой степени абстрактный термин *joldaš* не обнаружен в текстах, относящихся к раннеклассовому обществу, каким является общество орхон-енисейских тюрок.

Возвращаясь к нашей теме, мы должны отметить, что рабы выделяются особой терминологией (не всегда термином *qul*). «Раб» оказывается включенным в общину. Остается доказать, что раб, как непосредственный производитель, эксплуатировался внутри общины. Для доказательства этого положения обратимся к вещественному памятнику.

Буржуазная археология классифицировала вещи по чисто формальному признаку. На этом основании ряд могильников типа «Чаатас» считались более ранними, чем могильники, относящиеся к танскому времени. Получалось, что в танское время существовало общество из одного только правящего класса, ибо к этому времени относились только богатые «княжеские» погребения. С нашей точки зрения такое положение по меньшей мере абсурдно. Если же мы возьмем «княжеские турецкие могилы» и конкретно изучим район, где они находятся, то увидим, что «княжеские могилы» окружены большим могильником, могилы которого датируются тем же временем.⁶ Таким образом могильник принадлежит общине, могила же «князя» вынесена на некоторое расстояние. В целом же весь могильник, включая «княжескую турецкую могилу», не что иное, как община.

¹ АТИМ, III, стр. 331.

² Там же, стр. 329.

³ Там же, стр. 332.

⁴ Там же, стр. 324.

⁵ По этому поводу см.: W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung... ЗАН, VIII сер., т. VII, № 7, СПб., 1906, стр. 31. Собственно *aš*, *āš* — суффикс парности, образующий из вышеперечисленных слов термин «товарищ».

⁶ Ср., напр., ткани в могилах из Катандинского кладбища (А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Тр. ГИМ, М., 1926). О топографическом положении турецких княжеских могил см.: Д. Клеменц. Отдельные экскурсии в восточную Монголию. ИАН, 1896, т. IV, вып. I.

Однако в этих могилах находятся особо характерные так наз. «киргизские» вазы, подобные китайским, но местного производства. Производство такого рода вещей и было организовано в результате использования военнопленных, обращенных в рабство. Можно сослаться на наличие китайских мотивов и в строительном искусстве (китайцы-рабы). Сасанидские мотивы (в частности на прилепах), найденные раскопками В. Л. Котвича,¹ — результат использования иранской рабочей силы. По-путно отметим, что сохранение ремесленников при завоеваниях и обращение их в рабство характерно и для монгольской эпохи.² Это в области ремесла. В сельском хозяйстве рабы также использовались: например, в более позднюю эпоху у монголо-татар китайцы-рабы возделывали просо.³ Ремесло и земледелие было распространено у кочевников на зимовках (кыстау), территория которых становилась фактической собственностью бега. Но такое развитие рабства явилось не случайным эпизодом, в результате только одного насилия. Кочевники-завоеватели развивали патриархальное рабство первобытнообщинной формации, превращая его в своеобразную форму рабовладельческого уклада. В данной главе мы оставляем открытым вопрос о том, обязательна ли в прошлом была здесь особая, мы сказали бы примитивная, рабовладельческая формация, развитие которой было прервано завоеванием кочевников, ибо, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, возможен и другой путь. По поводу германцев основоположники марксизма писали: «сложившиеся таким образом обстоятельства и обусловленная ими организационная форма завоевания развили, под влиянием структуры германских войск, феодальную собственность. Подобно племенной и общинной собственности, и она также покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса *не рабы* как в античном мире, а *мелкие крепостные крестьяне*».⁴ Возможно, и тюрки шли по пути феодального образования и, завоевая обществу оседлых районов, способствовали (на ряду с увеличением рабства) превращению патриархального рабства либо, повторяем, «примитивных» рабовладельческих обществ в уклад феодального общества. Было ли в данном районе патриархальное рабство или рабовладельческая формация, можно ответить только после тщательного изучения более ранних обществ, например, типа жуань-жуаней.⁵ Несомненно, что до VI—VIII вв. кочевники пережили рабовладельческие отношения либо сами, либо были включенными в систему рабовладельческих отношений Китая и Средней Азии.

О рабстве в среде тюрков несколько позже говорит и тот документ, который мы выше отмечали в главе «Источники» и где говорится о продаже в рабство молодой девушки.⁶ Любопытно также отметить одно из изречений в «Книге предсказаний» следующего содержания: «Слово раба к своему бегу обращено [буквально — взмолено]. Ворон вызывает к небу. Небо сверху услышит его [ворона]. Люди внизу поняли его [раба]. Знайте это. Это хорошо» (Qıl saby bağınarü ötünür, quzγun saby tārıgārü jalbarur, üzä tārı ašidti, asra kiši bilti tir anča bilti ađgü ol).⁷

¹ Ср. опись № 2877 Гос. Эрмитажа, сектор Востока.

² Мэн-Хун, ТрВО, т. IV, СПб., 1859, стр. 224.

³ Там же, стр. 226.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14. (Курсив мой. — А. Б.).

⁵ Г. Сосновский. Об Оглахтинском могильнике. Прб. ИМК, 1933, № 3—4, Лгр.

⁶ 1-я часть, стр. 53.

⁷ V. Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts in Turkish «Runic» script from Mirau and Tun-Huang. JRAS, January 1912, p. 206.

Здесь крайне любопытно отметить, что не случайно слова раба обращены к бегу, фигуру которого мы уже выше разобрали. Бег является собственником рабов; благодаря им он был главным лицом в общине: к нему обращены слова раба, но в предсказаниях считается хорошим ответом не ответ бега рабу, как небо отвечает ворону, а ответ людей. Здесь неясно, подразумеваются ли под термином *küi* члены общины или рода, или здесь так же, как мы выше отмечали, выступают рабы. Важно, однако, отметить, что сочувствие рабу оказывают члены общины, аналогично рабу находящиеся в зависимости от бега. В том и другом случае для нас важно отметить, что мы имеем здесь рабство и можем уверенно сказать, что основная зависимость рабов была от бегов, что в свою очередь характеризует и само бегство. Таким образом, мы уже в эту эпоху имеем рабство, перерастающее иногда рамки патриархального, но в своей основной массе, в силу сложившихся общественных отношений, заключенное еще в патриархальную форму.

Наличие развитого рабства мы наблюдаем вслед за орхонскими тюрками у уйгур. Большую помощь оказывают нам юридические документы, найденные в районе Турфана в Восточном Туркестане, опубликованные В. В. Радловым и С. Е. Маловым.¹ Однако рабство орхонских тюрков, равно как и рабство уйгуров, явно преувеличивается. Термин *qul* (раб), встречающийся в текстах, не всегда означает раба, а может служить для обозначения просто зависимого; так, например, в том же памятнике Кюль-тегина мы встречаем место, которое уже цитировали, где говорится о том, что тюркский народ стал рабом Китая. В соответствующем месте текста мы читаем: «Вследствие неверности кагану бегов и народа, вследствие подстрекательства и шпионства китайского народа и вследствие его прельщений, вследствие того, что они ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и бегов, турецкий народ привел в расстройство свой [до того времени существовавший] племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним [до того времени] кагана; китайскому народу стали они рабами со своим крепким мужским потомством и со своими чистыми дочерьми». Здесь в тексте для обозначения «раб-мужчина» и «рабыня-женщина» употреблены термины *qul* и *kün*, однако, как следует из дальнейшего текста и из сведений китайской истории (Танской династии), тюрки находились в состоянии данничества. Эти же «рабы»-тюрки отделились от Китая, создав свое собственное государство, и называют себя дальше не *qul* и *kün*, а *qara-budun*, что значит «черный народ», подвластный. Успехи тюркского народа в борьбе за свою независимость заканчиваются покорением тюрками толесов и тардушей, власть над которыми устанавливается через ябгу и шадов. Однако эти вассальные отношения обозначаются терминами *qul* и *kün*,² т. е. считалось, что данные народы находились в состоянии рабства. Аналогичное положение наблюдаем мы в результате победы Кули-Чура над карлуками, о чем имеются сведения в памятнике.

В более поздних документах XII—XIV вв. у уйгуров мы имеем также частое употребление термина *qul* (раб) и *kün* (рабыня). Но здесь под терминами *qul* и *kün* (иногда *qara baš*) выступают лица, которые не только имеют собственное хозяйство, но

¹ См. нашу статью «Уйгурские юридические документы». Проблемы источниковедения, III. Л., 1940.

² КТ, II, 7: *bäglük ury oylın, qul boldy, silik qyz oylın kün, boldy.*

выступают как юридические лица в качестве свидетелей, подписывающих долговые обязательства. Термин служил для обозначения целого ряда зависимых, связанных с институтом клиентелы припущенцев. Другое положение мы видим с рабынями. При торговой сделке всегда употребляется выражение: «на тысячу лет и десять тысяч дней», что означает отдачу ее в полную собственность, т. е. с правом отчуждения. Так в уйгурском документе, изданном С. Е. Маловым, мы читаем: «По отношению к этому человеку, проданному мною, Бачаном, мой старший и младший брат, мои родственники и свойственники, мои десятичники и мои сотники, мои клиенты, кто бы они ни были, пусть-ка попробуют делать споры и тяжбы. Над этим проданным мною человеком до тысячи лет и десяти тысяч дней Бэдрун пусть будет властителем».¹ С рабом этого никогда не было, наоборот, при отдаче в услужение оговариваются сроки эксплуатации, запрещается передача другим лицам и продажа и т. д. Таким образом имеет место факт кабальной сделки, но отнюдь не продажи в рабство.

В ряде других документов мы находим подтверждение рабства, тесно переплетающегося с клиентелой. О продаже в рабство говорит документ № 16, когда продают на «тысячу лет и десять тысяч дней» женщину, по имени Кутлуг, за сто пятьдесят штук бязи. Предмет продажи и сами проценты обозначены термином *kiši* .² В документе № 56 некто Калымту захотел купить бязи; он продает ранее им купленную рабыню, по имени Тулат. Покупная цена этой рабыни сто штук бязи. Покупатель Булат дает сто кусков бязи и получает за это рабыню Тулат на «тысячу лет и десять тысяч дней» с правом продажи другим лицам. Булат, в случае притязаний на рабыню со стороны родственников или других лиц, «ничего знать не будет. Всем будет вестись Калымту», т. е. продавец. Рабыня здесь обозначена термином *küp*.³ В документе № 61 некто Кучу, сын Лиу Тайпу, нуждающийся в серебре, продал Кингсун-Аяку за сорок пять сатиров, «правильно сосчитанных», Пюкинг, называемую рабыней. Эту продажную цену «он правильно получил». После этого Кингсун-Аяк имеет над рабыней «силу» (власть), получая полное право сам ею пользоваться или отдавать другому человеку (продать). Племянник, младший брат и другие родственники продавца не могут иметь притязаний. «Если кто будет иметь притязания, употребит силу (из родственников продавца), то он обязан (продавец) дать (покупателю) двух рабынь». Рабыня в приведенном документе названа *qara baš*.⁴ Если это бесспорные документы о рабстве, то необходимо отметить разную терминологию для обозначения рабынь. Фигурирующий здесь термин *kiši* убеждает нас, в частности, в том, что не всегда под этим термином скрывается понятие свободного. С другой стороны, интересно употребление термина *qara baš*. В эпитафии Хойто-Темир имеется упоминание о походе к кушуйским карабашам. Однако из текста памятника нельзя сделать вывода о рабстве, и там скорее имеет место данничество. Указанный перебой в терминологии заставляет нас обратить внимание на то обстоятельство, что судить о рабстве можно только по контексту того или иного письменного памятника.

¹ С. Е. Малов. Уйгурские рукописные документы из экспедиции С. Ф. Ольденбурга. ЗИВАН, Лгр. 1931.

² W. Kadloff. Uigurische Sprachdenkmäler... S. 21, ДОК, 16.

³ Там же, стр. 98—99.

⁴ Там же, стр. 112—114.

Документы о продаже родственников говорят не столько о продаже в рабство, сколько о клиентеле, выше нами описанной. Кроме приведенного выше документа о продаже сына, укажем еще на другие документы, также переведенные С. Е. Маловым.¹

Имею в виду документ № 51 о продаже родственников, когда некто Кадыр, которому понадобилось серебро, продает своего сына, Булмуша, Тутунг-Камбукту за полъястука серебра. «Пересчитав» двадцать пять сатыров серебра, он отдал сына. После этого покупатель «имеет силу» над проданным, но обязан после начала работы последнего предоставить ему жилище и пищу, что оговаривается документом.² Термин *qul* отсутствует. Или другой вариант документа, когда Кутлуг-Темюр со своими братьями Эр-Токмишем и Токтамышем, нуждаясь в «золоте», продали своего сына (и племянника) по имени Мюберк-Ходжу. Покупатель Сенгектес-Агу может властвовать над ним «тысячу лет и десять тысяч дней», и никто не имеет права его отнять, причем перечисляются все, кто может иметь на него права (главным образом должностные лица и родственники).³ В указанном документе, повидимому, просто продажа в рабство.

Рабство у кочевников подтверждается рядом источников и более поздней эпохи. Не говоря уже о европейских путешественниках, укажу на некоторые известия из всем хорошо известных источников, как то: Гардизи, Рашид-Эддина и китайских летописей (Суй и Тан-шу и сочинения Мэн-Хуна).⁴

Письменные источники показывают наличие рабства у кочевников. Насколько было развито классовое расслоение у кочевников, показывают, например, такие данные, как сведения Рашид-Эддина о племени джалаир.

Рассказывая о том, что джалаиры поработили после одной из битв китайцев, летописи говорят: «некоторые из них (китайцев — А. Б.) предали смерти, а иные стали пленниками и рабами Хайду-хана, сына Дутум Менинова, и детей и родственников его и переходили в наследство от предка к предку Чингиз-хана, почему те племена и были его крепостными рабами (?). Множество из них во время его [Чингиз-хана] и рода его стали почетными и уважаемыми беками, каждый по какой-нибудь причине, как имеет быть изложено».⁵

В китайских известиях о монголах говорится, что «в последние годы, так как они увели в рабство китайцев, которые насыщаются только хлебной пищей, они стали захватывать хлеб».⁶

Есть упоминание, что «в их стране также родится, в некоторых местах, черное просо...», которое, вероятно, возделывают рабы.

Летописи говорят, что в бою каждому воину надо набрать 10 военнопленных, которых они обычно достают в «малых местах». Этих рабов они затем используют в военном деле, например при осаде города: «то всяким человеком берется известное количество травы или дров, земли,

¹ Уйгурские рукописные документы из экспедиции С. Ф. Ольденбурга, ЗИВАН, Лгр., 1931, стр. 139.

² W. Radloff. *Uigurische Sprachdenkmäler*..., SS. 86—88.

³ Там же, стр. 100—101.

⁴ Как теперь известно, автором был не Мэн-Хун, а Чжао-Хун. Ср. Б. Я. Владимирцов, *ук. соч.*, стр. 9, прим. 2.

⁵ ТВО, ч. V, 1858. Сборник Летописей. История Монголов, соч. Рашид-Эддина, стр. 33.

⁶ Васильев, ВОРАО, т. IV, стр. 226.

каменей, их гонят день и ночь, убивая отсталых; пригнав, немедленно заравнивают каналы и канавы».¹

Таким образом раб используется и в земледелии (случайно, спорадически) и на военных работах.

О рабстве и его появлении интересно отметить у Гардизи сообщение в связи с происхождением кимаков; младший брат в одном племени, «взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была река».² Этот брак младшего брата просто представляется нам как первоначальная форма брака умыканием благодаря тому, что калым еще не был известен, а, быть может, младший брат и не владел вообще какой-нибудь собственностью.

Более определенно о рабстве говорит отрывок из того же сочинения Гардизи, где он приводит место о связях халлухов (карлуков) с тохаристанскими кайталами (эфталитами); последние требуют у первых женщин (вероятно, была какая-нибудь экономическая зависимость), и халлухи дают им женщин.³ Известие говорит, таким образом, о рабах и о их продаже. О продаже рабов известий имеется большое количество.

Наличие рабства через клиентелу, т. е. не только путем увода военнопленных, отмечается материалами недавнего прошлого по истории казахов. Н. Н. Крафт сообщает, что «в киргизской степи были рабы из среды самих киргизов. И, действительно, у ханов и султанов были вечные слуги, вроде бывших у наших помещиков дворовых людей. Они прислуживали своим господам, охраняли их и исполняли всякие домашние работы. Из таких вечных слуг, проживавших в аулах ханов и султанов целыми семьями, образовался довольно большой класс людей, так называемых туленгутов».⁴ Исключительно интересный материал о рабах приводит Ф. Зобнин.⁵ Указывая на способы приобретения рабов, он отмечает и закабаление, в виде своеобразной коммендации, увода военнопленных и т. д. Одним из путей, по которому двигалось развитие рабства, была клиентела.

Таким образом всем историческим материалом подтверждается наличие рабства, идущего по линии клиентелы, и простого превращения в рабство военнопленных; но при сильно развитом родовом строе, отмечаемом для нашего периода и для кочевников вообще, клиентела не только ведет к превращению клиента в раба, но и способствует установлению отношений типа крепостной зависимости. Адоптированные рабы, особенно молодые, попадают обычно в такое положение, когда они напоминают не столько рабов, сколько крепостных. Это «двойственное» положение раба заставляет нас обратить внимание на термин *qul* (раб).

Как мы видели, термин *qul* — выступает в рунических текстах как обозначение непосредственного производителя, взятого извне. Так, например, в таких сравнительно поздних текстах, каковыми являются юридические документы Восточного Тюркестана, термины *cul* и *kül*, употребляются не всегда, когда речь идет о рабстве. Так, например, в несомненном памятнике рабства (документ № 16)

¹ Там же, стр. 224 и 225.

² В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 105.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Н. Н. Крафт. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 102.

⁵ К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи — Памятная книжка Семипалатинской области за 1901 г., вып. IV, Семипалатинск, 1902, стр. 1—99.

рабыня обозначается термином *kışi*. Аналогичное положение наблюдается с указанными терминами и в больших древнетюркских текстах, когда терминами *qul* и *küç* (ср. выше) обозначаются отношения данничества. Из таких употреблений терминов *qul* и *küç*, и такого понятия рабства явствует, что на первых, ранних стадиях классового общества ими обозначаются не столько рабы, сколько вообще посторонние (но не непосредственные производители), так как для иноземца вообще существовал и существует, например в Крыму, термин *tat*¹ в данном значении. Мы склонны считать, что этими терминами обозначалась та группа лиц, которая, включенная экономически в систему данной общины, стояла по закону эндогамных правил вне племени. Другое дело, что указанные термины приобретают в дальнейшем другой и более точный смысл и обозначают главным образом социальное положение истинного производителя. Однако, благодаря указанным обстоятельствам, под терминами *qul* и *küç* скрываются не только рабы, но и данники. Укажу на то обстоятельство, что та же эндогамия привела к тому, что всякий стоящий вне племени «иноземец» имел особые названия. В тексте памятника Кюль-тегина мы имеем для обозначения пришедших почтить память Кюль-тегина китайцев термин *tat*, имеющий распространение и в Крыму, когда татарин степей и предгорного Крыма с некоторым презрением называет южнобережных татар термином *tat*.

Термин *tat* находит себе аналогию и в монгольском слове *jad*, обозначающем у последних человека, находящегося в родовой организации, но по происхождению к ней не относящегося.²

Для выяснения характера рабства обратимся к палеонтологическому анализу термина *qul*. *Qul* (раб) в тюркском языке связывается с понятием «рука» в осмыслении «работа», «дело», этим самым совпадает совершенно с глаголом *çûlaç* (делать, сделать), как исходным для образования существительного *qul* (раб). Семантический ряд этого элемента «дело» — «работа» — «работать-делать» — «раб» совершенно, как это видно, аналогичен русскому ряду «работать» — «работа» — «раб». Но известно также, что молодые рабы делались прислужниками хана и составляли его отборную армию, «лейб-гвардию», нося тюркский титул *çul*, *oçulap* или арабский *غلام*. Термин *oçul* обозначает в то же самое время, как мы это показали выше, «раб», «сын», «потомство», палеонтологически «родовой раб» («раб рода»), что указывает на усыновление родом, на принятие постороннего лица, в данном случае военнопленного.³ Попадший в рабство военнопленный назывался отличным термином (постепенно даже и этот термин для некоторой категории работ перестает существовать, так же как и сам раб уже не столько раб, сколько зависимый — термин *oçul*), но термина для «порабощенного» сородича мы не найдем, так как в условиях «демократии» родового строя закрепощаемый сородич не мог быть назван термином,

¹ Ср. КТ, 2; ср. также: Ф. плоненко. О слове *tat*. ИТУАК, 1927. Ср.: С. Толстов. Исторические записки, т. III, стр. 52.

² Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 59.

³ Ср. о подобном значении термина *oçul* (сын, потомство, раб) у Н. Я. Марра.

Нельзя не отметить, что наше утверждение о том, что *oçul* означал «раба», доказывается как будто и монгольским термином *boyol* (раб), где мы имеем ту же форму с той лишь разницей, что в тюркском она сохранилась в усеченной форме — (*boyol* с перебоем второго *oçul* в тюркском *oçul*). Ср. нашу статью: К семантике термина *oçul*. Сб. Язык и мышление, IX. — С. Толстов, ук. соч., стр. 51.

характеризующим его зависимость от более богатого родственника. Это было не в интересах бега или бая. Лжесмягчение и замазывание эксплуатации в интересах сохранения родового строя и были теми условиями, благодаря которым не появится термин «зависимый», кроме терминологии такого типа, как *қадағ* и *ағ* либо *аір*, внешне указывающего не на зависимость, а на положение или значение того или иного лица.

Аналогичное положение отмечает Б. Я. Владимирцов и для монголов, разбирая значение термина *ипаған богол*.

Б. Я. Владимирцов отмечает, что древнемонгольские *ипаған богол* не были рабами в полном значении этого слова: они сохранили свое имущество, пользовались известной личной свободой, не все результаты их труда шли их господам, и находились они в подчиненном положении не одного лица, а целого рода или его ветви и сами сохраняли родовые связи. Отношения между родом владельческим и родом *ипаған богол* характеризуются как отношения сюзерена, сеньера и крепостных вассалов, *ипаған богол* были крепостными вассалами, которые не могли свободно расторгать связи, скреплявшие их с владельческим родом.¹

Разбирая термин *тарган*, а также термины «ябгу» и «шад», мы уже касались проблемы дани. Мы не знаем, вернее — не имеем данных в орхоно-енисейских текстах о том, в какой форме подчиненные племена вносили дань. У нас есть предположение, что они сдавали ее натурой, как сообщает Абуль-Гази-Багадур-хан: «по законам Моггуловым все подданные должны давать хану десятину со всего скота, какового звания он бы ни был».² Сведения о дани, собираемой тюрками и тюрками выплачиваемой, имеются в китайских летописях.³ Имеется в виду, вероятно, дань в тексте Кюль-тегина (I, 4—5), когда говорится, что «в этой стране засев [т. е. основавшись], я уладил [наши дела] с китайским народом. У китайского народа, дающего [нам теперь] без стеснения [нас] столько золота, серебра и спирта [или: зерна]⁴ и шелка, [всегда] была речь сладкая, а дары [мягкие] (т. е. роскошные, изнеживающие)». Получение дани — первая и простейшая форма получения повинностей с покоренных народов.

Разобранное нами значение термина *құл* позволяет нам вывести утверждение, что этим термином обозначались всякие подчиненные, включенные в чужой род и происходившие из других племен и родов.

На основании вышеприведенных материалов о социально-экономическом содержании рода и общины у современных кочевников мы можем заключить, что внутри рода и общины, если есть расслоение, то есть и эксплуатация и есть неравномерность в землевладении. У нас нет прямых указаний на характер землевладения у древних тюрков. Частично этих вопросов уже касался Н. Козьмин.⁵ По данным наших текстов можно только предполагать, с большей или меньшей степенью вероятности, наличие землевладения и у тюрков, во всяком случае определенно о частном владении зимовками. На этих землях в хозяйстве зимовок эксплуатировался *құл* (раб). Кроме того, эксплуатация производилась и не непосредственно в хозяйстве богатых и знатных данного рода.

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 64—65.

² Абуль-Гази-Баядур-хан. Родословная история о татарах, стр. 209.

³ И. Бичурин, ук. соч., стр. 271—272.

⁴ В тексте КТ, собственно, «горячее», «кипящее», ср., например, «Иссык-Куль». Бурливая речка в Киргизии между Фрунзе и Токмаком называется «Иссыгаты».

⁵ Ср. Н. Козьмин, ук. соч., стр. 12 сл.

Характер закрепощения и подчинения был своеобразным. Нельзя себе представить это по типу какой-нибудь вотчины в России XII—XIII вв. Подвластные племена сохраняли свою родовую организацию и входили целиком в систему тюркского государства. Зачастую они оставались на своей территории, например, уйгуры и жители Беш-балыка после победы над ними Могиляна. Когда же племена уводились в плен, то они, естественно, входили на территорию тюрков, и их земля становилась составной частью тюркского государства. Когда в текстах говорится, что тот или иной хан завоевал те или иные области, то это значит, что область становилась тюркской и принадлежала господствующему роду и кагану, как верховному сюзеру. Все находящиеся на этой территории племена вместе со своими бегами попадали в вассальные отношения благодаря прямому насилию и зависимости от территории, принадлежащей теперь тюркской знати.¹ Занятие же новых территорий и неудовлетворенность одной Утукенской черной у тюрков понятны. Тюрки, в большей степени кочевники, чем охотники и звероловы, нуждались для ведения своего хозяйства в обширных территориях. К. Маркс замечает, что «...монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».² В процессе завоевания этих территорий и возникала субординация племен, эти территории населявших. В первую очередь покоренные племена и народы обязаны были вносить победителю дань. Таким образом дань от случайных форм переходит в постоянную подать постольку, поскольку территория покоряемых племен захватывалась в постоянное пользование тюркской аристократии и становилась органической частью территории государства тюрков вообще.

Включенные в состав тюркского государства племена не только должны были платить дань. Они были также обязаны участвовать в походах, организуемых тюрками. Наряду с этим принимали участие в походах не только племена, подчиненные тюркам, но и все способные носить оружие члены тюркских племен. Обязанность «отработать» на войне, являющейся у варваров-кочевников «постоянным промыслом», ведет к появлению особой формы воинской повинности. Мы уже указывали на ту огромную роль, которую играли завоевания и грабеж в экономике кочевников. Мы уже отмечали, а ниже еще возвратимся к тем результатам, которые они имели для общества тюрков, в первую очередь для господствующих племен токуз-огузов. Естественно, что для успешного исхода завоевания требовалась организация военных дружин, которые количественно (войско) и качественно (снаряжение) могли бы выполнить те военные операции, которые намеревалась предпринять тюркская знать. Естественно, что для этого было необходимо: 1) обеспечить определенное количество участвующих в военной операции, что достигалось при помощи сохранения родовых институтов (организация войск была по родовому принципу), 2) создать заинтересованность участвующих в продолжении военных походов, что обеспечивалось соответствующим дележом добычи. Естественно, что организация завоеваний находилась в руках господствующей верхушки, которая подчиняла себе

¹ Эти племена отмечались иногда особыми терминами, напр. *g'yyag*, или назывались рабами. По своему социальному положению они адекватны положению *npagan bogol* (ср. выше ссылку на Б. Я. Владимирцова). Вероятно, в таком значении фигурирует иногда термин *o'uy*.

² К. Маркс. К критике политической экономии. Партиздат, 1933, стр. 23.

остальные родо-племенные организации, а в родах более бедных подчинение родовичей бегам происходило на основе клиентелы (на основе более мощного хозяйственного положения: ссуда, клиента-комменданция, межродовая и внутриродовая). Такая субординация, когда бедный род зависит от богатого, внутри же бедного рода бедный от богатого и, наконец, целые племена возглавляются шадом и ябгу племени токуз-огузов, обеспечивала участие зависимых племен в войне. При дележе добычи, так как все члены рода участвовали в войне, богатым доставалась большая часть добычи, а часть, получаемая бедными, расценивалась как ссуда.

Об отдаче в ссуду скота или других предметов мы прямых указаний в текстах не имеем, но некоторые места текста могут быть так поняты, если мы учтем институт родовой взаимопомощи, наблюдаемый в недавнем прошлом у ряда кочевых и оседлых племен Средней Азии. Мы имеем в виду саун у казахов и ювар у туркмен. Отдача бедным семьям скота или других орудий труда под флагом родовой взаимопомощи оказывается по существу скрытой формой феодальной эксплуатации.¹

Такая форма родовой взаимопомощи, вероятно, и отражена в тексте в следующих словах: «голый народ ошубил, бедный народ богатым я сделал».² Приведенные слова я рассматриваю как свидетельство о том, что родовая взаимопомощь имела место, и, естественно, отдача приобретенных богатств влекла к укреплению не только славы кагана, но и его экономического положения. Не случайно, что прежде чем текст повествует о накоплении богатств тюркского народа, вначале мы читаем, что Могилян «сел над народом [который] внутри без пищи, снаружи без одежды, жалкий и низкий был».³

В результате, раз организовав завоевание, кочевник-богач еще больше закрепощал сородича, и участие в других завоевательных походах было уже не только результатом долга, правом сородича, но его обязанностью. Участие в войне и получение части добычи по степени социального могущества участника — замаскированное выражение повинности своеобразных обработок. Такая воинская повинность (на войну кочевник приходил со своим оружием и конем) не что иное, как также своеобразная форма эксплуатации. Прямых указаний в текстах нет, но по некоторым косвенным замечаниям мы об ее наличии можем догадываться. Так, например, в тексте Кюль-тегина (II) имеется упоминание: «бедных сделал богатыми», которое есть не что иное, как свидетельство о получаемой участниками похода какой-то доле добычи. То, что Кюль-тегин ходил в поход сначала с семьей, потом с семьюдесятью и затем семьями мужчин⁴ (здесь не случайно фигурирует термин *äg*), говорит нам о том, что *äg* — представители родов, идущих в поход как вожди родов и племен, которые обязаны выступать с тюрками в военных походах. Но *äg*, он же в социальном значении *bäg* — **БЭ**, не всегда мог поднять за собой народ. Последний часто не слушался его приказаний, почему и возникали раздоры между бегами и народом. Каков результат «согласия» бегов и народа (*Ögür* и **БЭ**)?

¹ Ср.: Основные проблемы генезиса и развития феодального общества ИГАИМК, вып. 103, стр. 338. Ср. также доклад С. П. Толстова, там же.

² КТ, II.

³ КТ, II.

⁴ Ср. КТ, II, 12—13.

В результате удачного завоевания в древнетюркских памятниках прокламируется, что не кто иной, как каган, «бедный народ сделал богатым, немногочисленный сделал многочисленным».

Таким образом в текстах подчеркивается «положительное» для народа и умалчивается отрицательное. Иначе быть не может: для этого и служат все известные нам надписи.

Во времена Чингиз-хана, как сообщает Абуль-Гази, «велика ли, мала ли эта добыча, всегда оставляют долю для поднесения императору Чингизу, всему остальному составляет роспись. Министры и другие, находящиеся в Шамо и не имевшие дела с неприятелем, имеют также свой участок».¹ По всей вероятности, это имело место и у тюрков. Но вопрос о завоеваниях, связанных с генезисом тюркского государства, вопрос большого значения, почему мы выделим его особо. Здесь надо только отметить, что одной из форм эксплуатации не только собственно тюркских родов, но родов и племен подчиненных, является воинская повинность.

Повинность выполняли: 1) покоренные племена - общины, которые в это время складывались, 2) «первые зависимые», «инородичи» в хозяйстве бега и хана. Первые выполняли свои обязательства перед государством через свою племенную знать или ябгу и шадов, оставаясь, однако, своеобразной автономной единицей. Н. Козьмин отметил, что в условиях тюркского и монгольского феодализма повинности несли племена, «объединение мелких общественных организаций, шедших вверх по иерархической лестнице, но не утрачивавших соответствующего автономного значения».² Повинности выполняли *qul* в значении *upaḡan bogol* в хозяйстве данного рода или хозяйстве бега. Для племен в целом и беговского хозяйства оставался еще *qul* (раб), который составлял наряду с другими богатствами экономическую основу бегства. Однако труд раба, используемый в ограниченных размерах, не был основным. Основным производителем являлся *bidun*, который, подобно *kištym* на Алтае и *upaḡan bogol* у монголов, составлял ядро непосредственных производителей тюркского общества. Этот *bidun* был разным по племенному составу и единым по своему положению, только его господствующая верхушка могла занимать разные ступени иерархической лестницы.³

Мы рассмотрели формирование господствующего класса, проанализировали форму эксплуатации и процесс классового образования. Далее мы коснулись положения непосредственного производителя. Нам надлежит на основании анализа форм классовой борьбы ответить теперь на вопрос, кто являлся истинным производителем в этих формах раннеклассовых отношений. Только показом того, кто являлся двигателем истории, можно разрешить вопрос о том, какая форма классового общества была характерна для тюрков на территории северной Монголии, южной Сибири и Алтая в VI—VIII вв. н. э. Но изучение вопроса о классовой борьбе чрезвычайно сложно, так как в текстах классовая борьба отражена слабо, а там, где имеется ее отражение, она преподносится в соответствующей идеологической обработке. Проблема классовой борьбы — это проблема борьбы как внутри тюркского общества, так

¹ Абуль-Гази, ук. соч., стр. 225.

² Н. Козьмин, ук. соч., стр. 23.

³ *Qaḡa bidun* адекватен хагаси монголов, но некоторые покоряемые племена, уводящие в плен со всем их имуществом, именуемые *bidun*, были на положении *upaḡan bogol*.

и у народов, с которыми тюрки воевали. Процесс завоевания — не только голое насилие, это синтез, в котором изменяются общественные отношения и завоевателей, и завоеванных.

3. ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Касаясь прошлого тюркского народа до выхода последнего из-под власти Китая, текст памятника Кюль-тегина гласит: «в Утукенской черни не было дурного владыки [хозяина], Утукенская чернь была страной, в которой [можно было] поддерживать [держат, устраивать] племенной союз» (*Ötükän jüſtä jäg idi joq ärmiſ, äl tutsyq jār Ötükän jüſ ärmiſ*).¹ Эти выражения В. В. Бартольд, а вслед за ним отчасти и В. Бангом рассматриваются как свидетельство демократического устройства тюрков до восшествия на престол Гудулу-хана и особенно до эпохи Могилян-хана и Кюль-тегина.

Нам представляется сомнительным утверждать, что тюрки до этой эпохи были «демократическим» обществом. Выражение «без хозяина» обозначает не то, что в данном обществе не было эксплуататоров, а то, что сами тюрки были подчинены жужанам и китайцам. Борясь против владычества Китая, господствующий слой выдвигает программу, в которой делается ставка не на «единоличного хозяина», а на родовой «демократический» союз, в свою очередь представляемый той же господствующей прослойкой. По сведениям китайских летописей известно, что до 550 г. тюрки были под властью жужан; так, например, легендарный Ашина «с 500 семейств бежал к жужанам, а поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужанцев».² После высвобождения тюрков из-под власти жужан «Тумынь [Дулга] послал нарочного к жужанам [Анахуань] за дочерью [вступал в брак], на что Анахуань крайне разгневался и послал нарочного с таким ругательным ответом: „ты мой плавильщик [плавильный невольник], как же осмелился сделать такое предложение».³ Во второй половине VII в. (658—659) западные тюрки управлялись китайскими наместниками. Так, например, были устроены пять племен нушиби в Джунгарии и племена дулу в Семиречье.⁴ Но это подчинение тюрков, в частности феодальному Китаю, не могло не сказаться на их дальнейшей истории, поскольку оно способствовало развитию у них феодальных тенденций. Во времена орхонских тюрков классовая борьба получает значительное развитие. Ряд мест из рунических текстов служит этому подтверждением. Так, например, заслуживает внимания в первую очередь следующее место из текста памятника в честь Кюль-тегина: «после того, так как младший брат [или: младшие братья] не был подобен старшему, а сын [или сыновья] не был подобен отцу, то и сели [на царство] неразумные каганы, сели [на царство] трусливые каганы, все их «буйюрки» были неразумны, были трусливы. Вследствие раздоров между бегами и народом, вследствие хитрости и лукавства китайского народа и вследствие его прельщений, [а также] вследствие того, что

¹ КТ, стр. 61, строка 5. В переводах В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского несколько иное значение. Мы считаем, что по смыслу текст *jäg idi joq ärmiſ* следует переводить «дурного хозяина не было», что противопоставляется собственному (значит «хорошему») элю.

² И. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 266.

³ Там же, стр. 266—267.

⁴ Ed. Chavannes, Documents... СбТОЭ, вып. VI, стр. 270—273

они [китайцы] ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и бегов, тюркский народ привел в расстройство свой [до того времени] существовавший племенной союз». ¹

Это упоминание о классовой борьбе относится к периоду, предшествовавшему подчинению тюрков китайцам, т. е. может таким образом датироваться серединой VII в. и является для нас наиболее древним упоминанием о классовой борьбе в обществе тюрков. В первом переводе В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского мы имеем несколько иной вариант перевода: «вследствие криводушия [т. е. неверности] их беков и их народа, вследствие подстрекательства и близкого соседства китайцев и благодаря их чародеям [возникли смуты] и, так как вследствие вышеуказанных причин младшие братья [княжеского рода] враждовали со старшими, беги и народ взаимно вредили друг другу, то турецкий народ расстроил свой до тех пор существовавший [племенной союз] и истребил своих [до тех пор] царствовавших ханов». ²

В данном случае нас интересует бесспорный факт классовой борьбы в обществе тюрков, со всей остротой поставившей перед тюркским обществом неизбежность возникновения государства. По вышеприведенным отрывкам текста также явствует, что характер этой борьбы скорее напоминает раннефеодальные восстания, свойственные генезису феодализма, чем восстание рабов. О таком характере восстаний мы можем заключить по тому, что виновниками крушения тюрков называются отчасти *bäg* и, главным образом, *qağa bidun*, т. е. свободные. В понятие *bidun* не входили рабы, которые выделялись особыми терминами. Кроме того, указывается, что основными субъектами классовой борьбы были свободные, т. е. младшие (*ini*) и старшие (*äsi*) братья. Судя, в частности, по упоминанию об основных субъектах классовой борьбы, мы и выводим заключение, что классовая борьба имела здесь скорее феодальный характер.

Причиной падения тюрков автор текста «предполагает» близкое соседство с Китаем, от которого тюрки получали дары и товары, прельщавшие тюрков переходить в Китай.

Это явление Китая, который «развращал» тюркский народ, пагубно отзывалось на силе и мощи тюркской знати. Автор текста указывает, что соблазнительные дары Китая действовали главным образом на «неразумных людей» (*bilmäz kiši*).³ Характерно, что эти «неразумные» названы термином *kiši*, в то время как более стойкие имеют титул *alp*, говорящий об их высоком положении (*ädgü bilgä kišig ädgü alp kišig*).⁴ Следствием этого явилось то, что тюркские племена распались и не имели общего союза, ослабели, потеряли своего хана, иными словами — подорвали мощь возникающего тюркского государства: «вследствие этих твоих свойств ты, не внимая словам возвысившего твое благосостояние хана, разошелся по разным странам и там в походах ослабел и изнурился». ⁵

Помимо вышеотмеченного текста о классовой борьбе в обществе тюрков, мы имеем еще ряд мест, косвенно указывающих на нее.

¹ КТ, стр. 65, строки 5 и 6. Перевод П. Мелиоранского исправлен по V. Thomsen ср. его переводы в «Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Neue Folge B. III, 1924.

² КТ, стр. 67, строки 13—14; там же, стр. 71, строка 29. СбТОЭ, стр. 18.

³ КТ, I, 7.

⁴ Там же, 6.

⁵ Там же, 9.

В большой надписи Кюль-тегина мы имеем упрек тюркскому народу, который, якобы забыв, что дало ему владычество Мочжо, снова начал бунтовать. Автор текста обращается к тюркским бегам и народу (türk oğuz bağları budun āšidin).¹ «Между тем как небо вверху давило [тебя] и земля внизу не разверзалась [под тобой] [т. е. между тем как ниоткуда не угрожала опасность], о турецкий народ, кто погубил твое государство? Покайся. Ты сам провинился и сделал низость по отношению к твоему мудрому кагану».²

В результате восстания «народ священной Утукенской черни ушел» (yudıq Otūkān jıſ budun bardıy).³ Упоминание об этом восстании падает на период Мочжо, известный в истории тюрков как период исключительно бурного роста феодализации. Однако борьба была и в эпоху Могиляна. Так, например, мы имеем такого рода указание: «Народ токуз-огузов был мой собственный народ: так как небо и земля пришли в смятение [т. е. наступили из ряда вон выходящие смуты], он стал нам врагом».⁴

Место это интересно тем, что сам представитель господствующего слоя этого племени указывает на мятежность своего собственного племени. О «мятежности» тюркского народа мы имеем упоминания и в других текстах, например в тексте Гудулу-хана: «среди огузов семь мужей врагами были» (oğuz aḡa jāti āḡān jāy bolmyš),⁵ а в другом месте этого же текста мы читаем «тогуз-огузы... враги были» (toquz oğuz... jāy ārmiš).⁶ Не случайно поэтому в конце той же надписи автор надписи (вероятно, Мочжо) заявляет, что «по отношению к Ильтерес-кагану мы не отделились и не погрешали» (Āltārās qaḡ-aḡa adıyılmaıdıq ja ulmaıdıq),⁷ не случайно потому, что каждое восстание моментально подавлялось. Так, в этом же тексте указано, что после победы кагана тяжело доставалось «простому народу»: «простой народ я уронил, беги его убежали» (qarasun jıyudım bāḡı qaḡdı).⁸

В памятнике Кули-Чура мы имеем такого рода указание, что под Бешбалыком «Кули-Чур атаковал, причина большое волнение» (Kūli çur orlajı tǵır bulıajı).⁹ В том же памятнике имеется указание на внутренние «смуты» у карлуков.¹⁰ «Мятежность» внутри тюркского общества была известна и его врагам. Тюркешский каган по поводу тюрков замечает, что «тюркский народ мятежный» (Türk budun jānā bulıaq).¹¹ В памятнике Могилян-хана мы также имеем ряд указаний на «мятежность» огузов.¹² Все эти восстания подрывали мощь тюркской знати. Они безжалостно подавлялись, но отнюдь не затихали, что вызывает упрек со стороны кагана: «О турецкий народ, то ты сыт, то голоден, [но тем не менее] ты не понимаешь [состояния] голода и сытости [т. е. истинных причин того и другого], раз насытившись, ты не понимаешь [состояния]

¹ КТ, II, 22.

² Там же, 22—23.

³ Там же, 23.

⁴ Там же, 24.

⁵ ГХ, 5.

⁶ Там же, 6.

⁷ Там же, строка 3 правой стороны.

⁸ Там же, строка 1 правой стороны.

⁹ КЧ, 11.

¹⁰ Ср. строку 20.

¹¹ Т, стр. 23.

¹² МХ, стр. 33—35, 38.

голода, вследствие того, что ты таков [т. е. нерасчетлив, недально-виден]...»¹

Таким образом классовая борьба вела, естественно, к распаду тюркского объединения, ослабляла мощь «аморфного конгломерата племен», который господствующий слой пытался превратить в государство. Перед тюркской знатью встала необходимость для укрепления своего могущества собрать воедино племена, подчинить их единому государственному аппарату. С этой целью организуется ряд походов. Понятно, что эта нескрываемая тенденция встретила сопротивление по двум причинам. Во-первых, племена пытались сохранить свою самостоятельность. Создание племенного союза, эля, мало их прельщало, ибо выразителем этого эля была не столько племенная организация, сколько господствующая верхушка, превращавшаяся в класс путем объединения в эль. Борьба за эль в тюркском обществе была борьбой за организацию господствующего класса, и история этой борьбы есть история возникновения тюркского государства.

Во-вторых, помимо восстаний племен, неохотно шедших в объединение, сопротивление оказывала и племенная знать, самостоятельно формировавшаяся в класс и неохотно шедшая под протекторат более крупных владельцев. Анализируя историю возникновения тюркского государства, надо иметь в виду эти две причины.

Однако для выполнения такого объединения необходимы какие-то условия. Такими условиями в тюркском обществе были: развитие рабства в отдельных племенах, увеличение их экономической мощи, благодаря которой они способны были выступить против других племен, что достигалось путем увода в плен покоренных племен в результате многочисленных завоеваний. Уводимые в плен могли быть отнюдь не на положении рабов (кстати сказать, в условиях кочевого скотоводства широко развито рабство довольно трудно), а на положении своеобразных зависимых данников, о которых мы имеем упоминание в древнетюркских надписях и сведениях китайских источников. В том и другом случае они создавали условия экономического обогащения племени и способствовали превращению последнего в своеобразно поднимающуюся над покоренной массой народа аристократическую корпорацию, намечаемую в текстах термином *äl*. О том, что покоренные племена не всегда уводились в рабство, а попадали в положение зависимого плебса, свидетельствует, по нашему мнению, назначение над ними наместником *ябгу* (или *шада*), установление должности *тархана* и т. д.

Классовая борьба отнюдь не была исчерпана восстаниями первой половины VII в., она продолжалась все время и настолько, повидимому, была значительной, что запечатлелась, иногда в косвенном виде, во всех источниках. В тюркском обществе мы имеем две формы борьбы: 1) борьба эксплуатируемого племени (и внутри него) против господствующей верхушки, приводящая к окончательному сложению классов, 2) борьба внутри господствующего класса, отраженная в текстах междоусобиями племен.

В период образования тюркского государства мы наблюдаем ярко отраженные текстами противоречия между родово-аристократической знатью, с одной стороны, и бегством — с другой. Если эти противоречия являются основными в межплеменных распрях, то мы не можем

¹ КТ, I, 8.

не отметить и противоречия между отдельными племенами, которые, повторяем, представляются нам для данной эпохи противоречиями между родовой знатю этих племен.

По первому вопросу мы располагаем следующими данными. Уже в цитированном памятнике Гудулу-кагану мы имели указание текста на то, что при покорении народа «беги убежали». В памятнике Тоньюкука имеется указание, что Богу-каган держал союз с бегами против Тоньюкука, этого маститого представителя родовой знати.¹ Не случайно в малом тексте Кюль-тегину выражение автора памятника Йоллыгтегина: «я вырезал здесь [т. е. на этом камне], как ты [о турецкий народ], собрав [свой народ], поддерживал [?] свой племенной союз, как ты, погрешая, погибал, я все здесь вырезал, все, что я [имел сказать], я вырезал на вечном камне [т. е. памятнике]. Смотри на него, знайте [т. е. учите] не впадать в ошибку».²

Это исключительно интересное место текста свидетельствует о расприх между родовой аристократией — каганством и бегами, связанными с народом (*budun*). Особый интерес представляют слова: «теперь покорные беги», свидетельствующие о их прежней непокорности. Действительно, как мы еще увидим ниже, в эпоху Могиляна был установлен союз с бегством, нарушенный только в эпоху Моюн-Чура. Беги были крупной силой, поскольку с ними был связан непосредственный производитель — народ-община. Поэтому, когда шла речь про «смуты» в тюркском обществе, то указывается неверность кагану «бегов и народа» (*bägläñ budunı tüzsiz üñün*).³ Родовая аристократия борется против бегства и отмечает якобы заслуги «черного народа». После подчинения Китаю «весь черный народ сказал так: „я был народом, составлявшим племенной союз, где мой славный [!] племенной союз? Для кого я добываю [т. е. завоевываю] [другие] племенные союзы?“ так он говорил. „Я был народом, имевшим [своего собственного] кагана, где мой каган? Какому кагану отдаю я [мои] труды и силу“ [так] он говорил и, так говоря, стал врагом китайскому кагану».⁴

О «заслугах» бегства тут нет ни слова. Родовая аристократия «заигрывает» с народом в интересах все той же борьбы против бегства. В этом же плане интересно указание о провинностях кыргызского Барс-бега. Попытка установить с ним союз, для чего ему отдана была младшая сестра Могиляна и дан титул кагана, не увенчалась успехом и не помешала Барс-бегу провиниться. «Сам он [Барс-каган] провинился, а [потому] каган умер [т. е. был убит], а народ его попал в рабство» (*özi jañyldy, qaγanu ölti, budunı küñ qıl boldy*).⁵

Борьба против бегства вызывалась также тем, что беги, будучи связаны с общиной, обязаны были поставлять тюркскому государству дань, которая уже в эту эпоху становилась своеобразной податью, чему оказывала сопротивление община. Могилян-хан, 29 лет, пошел против Ыдыкут-Басмылов потому, что они не доставили дань. В тексте по этому поводу такого рода упоминание: «когда мне было двадцать [девять?] лет, был [некто] Ыдыкут-Басмылов, мой огуш [вассал], мой [?] подданный. Против него я двинулся, так как он не посылал

¹ Т, стр. 35—38.

² КТ, I, 10—11.

³ Там же, II 6.

⁴ КТ, II, 8—9.

⁵ Там же, 20.

каравана [с данью]» (toquz jägirmi jaşyma Basmyl Udyqut oꞗuşym budun ärti Arqyş ydmaz täjin sülädim).¹

Если принять наш перевод, то тогда еще очевидней станет наличие противоречия между родовой аристократией и бегством, олицетворявшим перед первую общину. Борясь против бегства, Могилян, однако, видел невозможность его ликвидации и считал возможным пойти на союз с ним. Союз отнюдь не был мирный, он был достигнут вооруженной силой и подавлением ряда племен, повторяю, ставших уже общинными организациями. Не даром текст Кюль-тегина гласит: «Его атаки, о тюркские беги, вы вполне знаете» (tägdükin türk bağlär qur bilirsiz).² После перечисления всех походов Могиляна в текстах господствующая прослойка всех покоренных народов названа тюркским бегством. В этом отношении интересна концовка большого памятника Могилян-хана: «При восшествии на престол моего отца хана славные турецкие беги [расположились в следующем порядке]. Позади [на западе] Тардуш-Беги с Кули-Чуром во главе, а за ним Шадапыт-Беги; впереди [на востоке] Толес-беги, с Апа-Тарканом»,³ и дальше: «столько теперь бегов, принимая подданство моему отцу хану... высокую хвалу воздали (Bunça amıy bağlär qaḡum qaḡanqa ärtäñü... ärtäñü äti maḡ ätti).⁴

Приведенные места очень интересны по следующим обстоятельствам: они свидетельствуют о том, что борьба с бегами существовала в обществе тюрков и была основной в межплеменных расприх. Каганство заботилось о том, чтобы добиться повиновения бегства. Но последние были связаны с племенами. Покорение племен было одновременно и подчинением бегства каганам, было процессом консолидации нарождающегося феодального господствующего класса. В связи с этим многочисленные походы и победы, приписываемые текстами каганам, надо рассматривать как процесс развития «вширь» государства тюрков. Но об этом ниже. Здесь нам важно отметить, что борьба между бегами и каганом шла с переменными результатами для обоих. Причиной такого противоречия, по-моему, была различная социальная природа каганства и бегства. Последние были тесней связаны с непосредственным производителем, с общиной, были классом растущим и исторически более прогрессивным, чем каганство. Вот почему их подчинение и союз с ними для родовой аристократии были важнейшим делом.

В связи с разобранным процессом борьбы между бегством и родовой аристократией уместно отметить те военные походы, которые, по нашему мнению, являются показателями уже феодальных междоусобий. Уже отмечая непокорность самого племени огуз, мы тем самым констатировали и сопротивление бегства и подчиненных тюркам племен. Наиболее яркими показателями междоусобий являются те указания текста, когда отмечается борьба с племенами и их каганами, этнически принадлежавшими к тюркам. Так, например, характерна борьба с тюрешами, составившими основную часть западного дома тюрков: «Тюрешский народ мы победили и обратили в бегство» (türğäş budunıy uda basdymyz),⁵ с карлуками, огузами, токуз-огузами. Характерно такого рода упоминание, что «враждебные [нам] огузы врасплох напали на орду [т. е. наше

¹ МХ, II, 25. Возможно перевести следующим образом: «был народ моего рода Басмил и Ыдыкут».

² КТ, II, 34.

³ МХ, II, 13.

⁴ Там же, 14—15.

⁵ КТ, II, 37.

становище]. Кюль-тегин, сев на белого своего Огсиза, заколол девять мужей [и] не отдал орды». ¹ Когда тюргешский каган отправлялся против Ильтереса, он говорил, что «мой народ там есть», т. е. боролся за сохранение своего, подвластного ему народа. ² А о тюргешском кагане текст Кюль-тегина гласит, что «тюргешский каган был наш же тюрк [из] нашего народа» (*tügräş qağan türkiniz budunym ırtı*).³

Мы констатировали факты классовой борьбы и племенных междоусобиц. Теоретически мы знаем, что все это ведет к одному результату — к возникновению государства, «силы, которая становится над обществом» для его управления. В «Введении» и «Истории вопроса» мы отмечали, что возникновение орхоно-енисейского государства имело три черты государственно-образующего процесса, отмечаемых Ф. Энгельсом: афинского, римского и германского, с преобладающей ролью третьего пути развития. Рассмотрим процесс возникновения тюркского государства и отметим его характерные черты.

4. ГЕНЕЗИС ТЮРКСКОГО ГОСУДАРСТВА

Из предыдущего изложения, пожалуй, уже стало очевидным, что путь возникновения государства, как следствие завоевания, был основным путем у орхоно-енисейских тюрков. В таком источнике, как текст Тоньюкука, мы найдем наиболее красочную картину его возникновения. Текст Тоньюкука посвящен описанию как раз того периода, когда складывалось тюркское государство, т. е. конца VII и начала VIII в.; описывая формы классовой борьбы, мы тем самым указали причины появления тюркского государства, сейчас отметим только путь его создания.

Классической формулой в устах древнего тюрка, отвечающей на причины появления государства у тюрков, являются слова Тоньюкука о том, что «нежное разорвать легко, тонкое если в большом количестве, то соединяющий [тонкое вместе] оказался богатырь, нежное, если тоже в большом количестве будет, то разрывающий героем был бы». ⁴ Исходя из этих соображений, Тоньюкук приписывает себе, что он «сдал» Ильтереса к ханству: «Я подумал и сказал: сдвлю ли я [мудрый Тоньюкук], кағана» (*Bilgä Tonjuquq qağanumı cısajıp tädım saquntum*).⁵ Для организации тюркского государства Тоньюкук предпринимает ряд походов, которые в тексте Гудулу-хана коротко сформулированы в следующих словах: «До всех городов я коснулся, я поразил [я взял]» (*qam baluqqa tägdım, aqunladım aldım*).⁶ Ильтерес-каган совместно с Тоньюкуком предпринимает ряд походов, основными из которых надо считать походы против Китая, жиданей, западных тюрков и кыркызов. Эти завоевания, по свидетельству Тоньюкука, только и были условиями, благодаря которым возникло государство тюрков.

«Если Ильтерес каган не приобрел бы и сам, я, следуя, не приобрел бы, эль же и народ уничтожился бы. Ради его [ханского] приобретения добычи и ради того, что я сам приобрел, народ народом стал, эль — элем стал». ⁷ Здесь Тоньюкук подчеркивает свои заслуги перед

¹ Там же, 48—49.

² Т., 22.

³ КТ, II, 18.

⁴ Т., 13—14.

⁵ Т., 5.

⁶ ГХ, строка 1 правой стороны.

⁷ Т., 55—56.

народом в том, что он его обогатил, подобно трафаретам надписей Кюльтегина и Могиляна, где указывается, что благодаря деятельности кагана «немногочисленный народ многочисленным стал, бедный народ богатым стал». Вместе с тем в тексте Тоньюкука мы наблюдаем любопытное явление: подчеркивая, что «народ народом» стал, Тоньюкук указывает также, что эль элем стал, причем эль ставится на первое место. Превращение эля в форму государственного устройства ведет к тому, что эль представляет родовую аристократию и поднимается над народом (*budun*). Организация народа и эля, сиречь государства, и приобретения в походах, о которых мы уже писали выше, вели к упрочению государства. Тоньюкук указывает на это в словах, обращенных к Мочжо: «Если бы Ильтерес-каган не приобретал бы, если бы его не было и я сам, мудрый Тоньюкук, не приобретал бы и если бы меня не было, то в земле народа тюрков — сыр Капаган-кагана организованного тела же, и народа же, и людей, и хозяина, пожалуй, не было».¹

Из чего складываются устои государства по Тоньюкуку? Они складываются из: 1) объединения племен, 2) увеличения благосостояния народа путем завоеваний, увода в рабство побежденных, скота и просто грабежа, 3) организации «крепкого тела» государства, 4) организации эля, переставшего выражать уже племенной союз, а превратившегося лишь в корпорацию родовой аристократии.

Естественно, что завоевания имели своим следствием ликвидацию местной знати (в редких случаях союз с ней и назначение своей родовой знати над покоренными племенами). В этом отношении характерна формула: «Их кагана мы там убили, его эль покорили».² Если кагана не убивали, то он назывался уже подчиненным — *yrag al* и т. д. Непосредственным результатом завоевания было заведение «порядка» в покоренном племени. Когда тюрки победили кыркызов, то они сказали: «пусть не останется без хозяина страна Когменская, мы завели порядок в немногочисленном народе кыркызов».³

Не менее характерным является другое место, неоднократно нами цитированное: «Когда [их — тюрков — А. Б.] стало семьсот, то он [Ильтерес-каган — А. Б.] привел в порядок народ, утративший свой эль [т. е. свое независимое государственное устройство] и своего кагана, народ, поработенный [китайцами], народ, упразднивший [свои] турецкие установления, [этот-то народ он привел в порядок] по установлениям моих предков и сделал его воинственным [т. е. готовым к борьбе с врагами]; тогда же он дал устройство племенам толес и тардуш и назначил тогда же ябгу и шада».⁴

В приведенном отрывке интерес представляют слова о том, что Ильтерес каган «устроил» свой народ и «дал устройство» покоренным племенам. Эти выражения свидетельствуют, по моему мнению, о военно-феодальной организационной роли, которую выполняет завоеватель по отношению к завоеванным, являются также свидетельством того, что организационная форма завоевания способствовала здесь возникновению государства. Эти организационные тенденции отражены в текстах термином *törü*, а подчинение племен обычно передается формулой, что подчиненные «преклоняют колена» и «смотрят в глаза кагану». Напри-

¹ Т, 60—61.

² КТ, II, 20.

³ Там же, 38, в данном случае говорится по отношению к тюркешам.

⁴ КТ, I, 13—14.

мер, в малом тексте Кюль-тегина о Могиляне сказано, что «столькие народы я окончательню устроил» (qur taqa köfür ança budun qur ätdim)¹ или в другом месте: «Сорок раз он [Ильтерес] ходил с войском [в поход] и дал двадцать сражений. По милости неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы [т. е. у враждебных ему ханов] и отнял каган у имевших [своих] каганов, [т. е.] у враждебных ему народов [элей], врагов он принудил к миру, колена он заставил преклонить, а имевших головы заставил склонить [головы]».²

«Устройство» народа ведет к тому, что каган ведет «суд и правду». Так, в большой надписи Кюль-тегина по поводу Бумын-кагана сказано, что «держа эль [в своих руках], творил суд и правду» (äig tutup törug ätmiş).³

Отмеченные места источника дают возможность утверждать, что завоевания тюрков не ограничивались грабежом и уводом в рабство побежденных, а имели своим следствием ряд организационных мероприятий, характеризующих формальную сторону происхождения государства, возникающего по германскому пути. Из этих организационных мероприятий хотелось бы отметить дань, которую должны были вносить побежденные племена.

В результате завоеваний, когда побежденные не уводились в рабство и имущество их не предавалось прямому грабежу, на них накладывалась дань. По этому поводу мы имеем в текстах такого рода упоминания: «О турецкий народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Утукенской стране [лишь] посылаешь караваны [за подарками, т. е. за данью], а сам остаешься в Утукенской черни, где нет богатства, [но] нет и стеснения [со стороны китайцев], то ты можешь жить, поддерживая свой вечный племенной союз».⁴ Разновидностью дани можно считать те подарки, которые принесли китайцы на могилу Кюль-тегина;⁵ можно предполагать установление дани после «устройства»⁶ тех или иных племен или «склонения головы и преклонения колен»,⁷ причем сборщиками этих даней являлись тагача-ны, и Могилян-хан неоднократно «оправдывает» свои походы тем, что покоренные народы «не присылали каравана». Таковы, на-

¹ Там же, 2—3.

² Там же, II, 15.

³ Там же, 3.

⁴ КТ, стр. 62, строка 8.

⁵ Там же, стр. 77, строка 52.

⁶ Напр. у кыркызов, КТ, стр. 69, строка 20.

⁷ Помимо грабежа и завоевания, у кочевников имели место торговые связи, не ставшие еще в эту эпоху регулярными. Данные о торговле мы имеем в китайских и особенно византийских источниках, которые мы разбирали выше (в главе «Источники»). Характерно, однако, что кроме незначительного количества находимых китайско-тюркских монет (АТМ, III; Ed. D'roin. Revue Numismatique, 1891; ср. А. Бернштам. Тюркские монеты, ТОВ, II), мы сравнительно мало имеем вещественных остатков, следов торговой связи кочевников с другими странами. Бытовой инвентарь — почти весь сплошь местного производства. Абсолютно нет сведений о торговле и в древнетюркских текстах. Китайские и персидские следы в архитектуре и ремесле имеются только благодаря использованию рабов. И только для более поздних кочевников VIII—X вв. мы имеем данные о торговле, равно как к этим временам мы наблюдаем процесс оседания кочевой знати в городах, появление и бурный рост городов и городищ на территории тюрков (в данном случае мы имеем в виду западных тюрков Семиречья). Торговля как источник накопления не играла значительной роли для кочевого общества.

Более был развит натуральный обмен. Во всяком случае так мы можем утверждать, зная исторические известия о тюрках VI—VIII вв. Поэтому в меньшей степени можно предполагать, что создание тюркского государства было следствием развития торговых отношений с Китаем.

пример, его походы против татабийцев, карлуков и т. п. В тех случаях, когда происходили подобные явления, связь с этими племенами осуществлялась через *jabu* и *šad'ov*, имевших непосредственный контакт с бегами (представителями данных племен-общин). При создавшейся во время завоеваний иерархии (каган — верховный «сюзерен», *yabu* и *šady* — его наместники, *buuryuki* и *tarqany* — сборщики дани) беги выступают как местная знать, теснейшим образом связанная с общиной, внутри которой и эксплуатировался раб.

Для того чтобы закончить характеристику пути возникновения тюркского государства, обратим внимание на одну деталь, связанную с характером завоевательных походов тюрков.

Уже из приведенного следует, что классовая борьба, имевшая место в обществе орхон-енисейских тюрков, шла не по линии борьбы рабов против рабовладельцев, а была борьбой членов рода против своих бегов. Спротивлялась община бегству, сопротивлялась каганству. Основные классовые противоречия шли по этой линии. Социальное лицо бега нами разобрано. Бег, использующий в большом количестве рабов, аналогичен фигуре дехкана сасанидской Персии и Средней Азии VI—VII вв. н. э. Основным производителем была община, к закабалению которой стремился бег. Община сопротивлялась. Подачкой общине, в виде награбленных у чужих народов сокровищ, пытался господствующий класс «усмирить» своих сородичей, так же как военной силой — непокорных союзников. Для достижения своих целей, целей личной наживы, господствующий класс, в лице всей разобранной нами выше иерархии, организует завоевания. Объектом завоеваний в первую очередь служат те общества, которые сами в то время раздирались внутренними противоречиями. Так, например, действовал Кули-Чур тардушский по отношению к карлукам, но кочевники сами были на положении военнообязанных данников по отношению к Китаю. Их подчинение Китаю 630—682 гг., засвидетельствованное рядом китайских и тюркских текстов, и освобождение были тесно связаны с общим процессом классовой борьбы, имевшим место в Китае. По этому поводу мы имеем только одно упоминание текста.

Так, в одном месте памятника Могилян-хана мы имеем интересный, но крайне испорченный текст: «На юге у китайцев погибло их имя и слава. При этом обстоятельстве мне досталось высокое достоинство. Так как я сам стал ханом, а турецкий народ ... приобрел ... собираясь ...». ¹

Из данного отрывка явствует, что в результате классовых противоречий в Китае создалась возможность восстания тюрков, находившихся в положении данников, с другой стороны, это освобождение было использовано для захвата власти тюркской знатью. ² Этот захват власти знатью привел к тому, что тюрки выступили против Китая, имея возможность «приобрести» какую-то добычу. Намечается, следовательно, два этапа в завоеваниях кочевников: первый, когда кочевники поддерживают восстание эксплуатируемых, и эта поддержка являлась временно прямым дополнением классовой борьбы, и второй, когда немедленно после освобождения (поскольку тюрки находятся уже на стадии

¹ МХ, стр. 30, строка 36.

² F. Hirth поэтому склонен считать советника Гудулу-хана Тоньюкука «своеобразным Бисмарком» (ср.: *Nachworte zu Inschriften des Tschjuquq. ATIM. Zweite Folge. S. 1*), а создавшуюся «империю» тюрков В. В. Бартольд оценивает как бонапартистскую (ср.: *Die Altürkischen Inschriften und arabischen Quellen. ATIM, Neue Folge, St. Pbg. 1899, SS. 1—2*).

формирования феодальных общественных отношений) они выступают как реакционная сила, способствуя тем же китайским феодалам подавить восстание эксплуатируемых.

Имея некоторые общие черты (первый этап), они имеют и некоторые черты своеобразия (второй этап), ибо здесь уже имеет место соотношение двух по существу феодальных обществ.

В этом отношении роль кочевников Востока (поскольку они являются уже классовым обществом) не может быть рассматриваема совершенно аналогично роли «варваров, т. е. не римлян»¹ по отношению к античному Риму.

Роль кочевников по отношению к районам более северным не может быть нами целиком раскрыта, так как до сих пор не было марксистского исследования обществ районов, с которыми имели связи кочевники. Некоторые намеки на характер рабовладельческих отношений дает общество жужаней, однако на данном этапе наших знаний о жужанях и других аналогичных обществах рискованно было бы делать сколько-нибудь решающие выводы.

Если суммировать высказанное нами о классовой борьбе в связи с генезисом государства и возникновением последнего в тюркском обществе, то очевидно, что:

1. Классовая борьба внутри тюркского общества была условием, способствовавшим возникновению организации завоевания и оформлению в результате последнего государственного объединения. Классовая борьба внутри тех обществ, которые были объектами завоевания, способствовала успеху военной операции. Роль кочевников на первом этапе, поскольку они дополняли восстание угнетенных (до своего освобождения), была прогрессивной (мы имеем в виду Китай); после своего освобождения кочевники подавляли восстание крестьян в Китае, и их роль, естественно, становилась реакционной. Происходило это потому, что кочевое общество тюрков было уже классовым.

2. Завоевания, организуемые кочевниками, были попыткой разрешения классовых противоречий со стороны тюркской знати, попыткой укрепить свое собственное могущество.

3. Результатом завоевания являлось: усиление рабовладельческих отношений (либо продолжение рабства в виде уклада) и установление той формы общества, когда главным непосредственным производителем становились «не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне».²

4. В ходе завоевания кочевники способствовали превращению других форм общественного устройства в форму раннефеодальных отношений. В разбираемый нами период установление феодальных отношений выражалось в крайне примитивных формах данничества, заменяющихся часто простым грабежом и обращением в рабство, ибо, по выражению Ф. Энгельса, «...грабеж им (варварам. — А. Б.) кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».³

¹ Сталин.: Вопросы ленинизма, изд. одиннадцатое, стр. 437.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 140.

Тюркское государство, возникновение которого было вызвано непримиримой борьбой между народом (*budun*), бегами и каганством, противоречиями между каганством и бегством, формировалось в процессе завоевания племен, в процессе высвобождения кочевников из-под власти Китая, в процессе своеобразного синтеза. Эта генеральная линия возникновения тюркского государства сближается во всех основных чертах с путем генезиса государства у древних варваров Западной Европы, опрокинувших Рим. Однако в возникшем государстве мы найдем ряд моментов, характерных и для других форм государственнообразующего процесса. Мы найдем там черты, свойственные афинскому и римскому государствам. Отметим эти черты и попытаемся объяснить их присутствие.

Возникшее государство носит черты, которые, как мы уже отмечали, характерны для римского, т. е. государство представляется корпорацией аристократии, возвышающейся над массой свободного, но бесправного плебса. Одну наиболее характерную черту мы можем отметить и у орхоно-енисейских тюрков. Разбирая генезис возникновения государства, мы еще не отмечали более конкретное проявление «римских черт», которые мы имеем во всех текстах, и мы склонны считать, что римские черты государственного устройства мы наблюдаем в модификации старого племенного союза в эль. Разберем особенности эля в данную эпоху, как корпорации господствующего класса, как проявление государственной организации, как «римскую» черту тюркского государства.¹

В главе «Родовой строй» мы разобрали одно из значений термина «эль». Термин *äl* не всегда значит только племенной союз и не всегда может переводиться как «государство». Семантика этого термина сложна, и из всех значений, которые он имеет, необходимо отметить еще одно. Если у нас есть места, где термин «эль» значит «племенной союз», например: «Когда в Утукенской черни сидит [т. е. находится] турецкий каган не злой каган, то в племенном союзе [тюрков] нужды нет» (*Ol amly ajuγ joγ türk qaγan Ötükän jyš olursar ältä buñjoq*),² то, с другой стороны, имеются места, когда эль выступает не в виде общего союза, а какой-то более узкой корпорации, например: «Турецкий народ, собрав[шись], эль свой поддерживал» *türk budunyγ täpär äl tutsyγunp*³ или *türk budun ällädük älin uγγuny ydmys*,⁴ что значит: «тюркский народ привел в расстройство свой эльствующий эль»⁴ и т. п. В последнем примере характерно выражение *ällädük älin*, указывающее на особое значение эля, как государственного союза, который «расстроил» тюркский народ.

Когда тюркский народ вспоминает свое прошлое, то указывает, что он «был народом с элем» (*ällig budun ärtim*).⁵ *Äl qaγan* выступают как «принадлежность» народа, и без них народ обычно бывает на положении рабов (*Älsirämiš qaγansyramyš budunyγ, küñdämiš, quldamyš budunyγ türk törüsün uγγunmyš budunyγ*).⁶ По последнему тексту очевидно, что

¹ В статье «Родовая структура Ту'гю VIII в.» (Сборн. Н. Я. Марру, ГАИМК, 1934) мы разбирали проблему эля с целью найти в нем пережитки старых родовых учреждений. Значение эля, разбираемое сейчас, говорит только о модификации родового устройства в его противоположность, не устраняя его вышерассмотренного значения.

² КТ, 3. (Перевод нами уточнен. — А. Б.)

³ Там же, 10. (Перевод нами уточнен. — А. Б.)

⁴ Там же, II, 6. (Перевод наш. — А. Б.)

⁵ Там же, I, 9. (Перевод наш. — А. Б.)

⁶ Там же, II, 13.

с каганом и элем связаны тюркские обычаи и законы. О том, что народ (*budun*) имеет в качестве своей социальной надстройки эль и кагана, гласит и такое место: «он отнял эль у имевших эль и отнял каганов у имевших каганов» (*älligig älsirätmiš, qağanlyyūy, qağansyratmyš*).¹ С элем связана власть, которую тюрки добывают при Ильтересе и Мочжо: «таков был приобретенный нами племенной союз, и такова проявившаяся власть».² Эли были подвластны тюркам (*yūag āl*),³ и эли забираются в бою (*älin altymyz*).⁴

Эль — организация, сидящая над народом, связанная с каганом. Характерна в этом отношении надпись Чакул: «моему хану, моему элю, мудрому моему начальнику я служил».⁵ Эль даже образно связывается с высоко стоящей организацией, — небезынтересно такое сочетание: «от неба и эля, [а] в улусе от мужей моих я отделился».⁶ С элем связаны и беги: «в отношении небесного эля и всех бегов лично я не наслаждался» или: «внутри эля тюргешей бек я».⁷

О том, что *āl* и *budun* не идентичны, свидетельствует выражение: «от моего черного народа и от вас, моего эля, я отделился».⁸

О том, что эль не включал всего народа, можно судить еще по одному месту текста Уйбат, по-моему, наиболее яркому для того, чтобы заключить, что эль — корпорация господствующего класса: «в эле оставалось шесть мудрых бегов»,⁹ и составляли его «богатые» из тюркского народа: «богатый родственник эль любя и эль так много геройского...» (?).¹⁰

Приведенных главных текстовых упоминаний, отнюдь не исчерпанных, вполне достаточно для того, чтобы составить впечатление об эле. Эль в одних случаях выражает общее объединение племен, в других — служит для обозначения только той господствующей части племен, которая составляет известное объединение, стоящее непосредственно над народом, — *budun* или *qara budun*. В то время как *budun* зачастую имеет прилагательное «черный» (*qara*), *āl* из эпитетов, подобно эпитетам кагана, имеет прилагательное «небесный» (*taŋŋi*).

Таким образом термин «эль» (*āl*) выражает два противоречивых понятия: это — объединение, союз «черных» племен и господствующего класса, поднимающегося над «черным» народом. Эта противоречивость является не парадоксальностью, а действительностью, вызванной трансформацией термина, из-за трансформации существа общественных отношений при сохранении формы.

Из племенного союза с течением времени эль концентрирует только верхушку племени, ибо основная масса завоеванных племен сопротивляется элю. Господствующим классом тюркского государства является союз бегства покоренных племен и каганства, т. е. эль. Носителем много тюркского «единства» является все тот же эль. Из объединения

¹ КТ, II, 15. Ср. строку 18 там же: *älligig älsirätmiš, qağanlyyūy, qağansyratmyz*.

² Там же, 22.

³ Там же, 29.

⁴ Там же, 38, ср. строку 46.

⁵ АТИМ, III, стр. 318.

⁶ Там же, стр. 320.

⁷ Там же, стр. 321 и 344.

⁸ АТИМ, III, стр. 323.

⁹ Там же, стр. 340.

¹⁰ Там же, стр. 345.

всех племен он становится объединением родовой аристократии (в первую очередь) и бегства; из орудия народной воли эль становится орудием господствующего класса для подавления собственного народа. Последний сопротивляется и подрывает сам свой собственный эль, вызывая нарекания своего кагана. Таким образом в истории эля, социальной надстройки тюркского государства, мы наблюдаем историю превращения старого родового устройства в собственную противоположность: «... Первоначальная первобытная демократия превратилась в отвратительную аристократию».¹ Парадокс устраняется, и мнимая противоречивость становится отражением реально существовавшей действительности.²

Итак, из вышеизложенного следует, что во всяком случае в начале VIII в. *äl* олицетворяет аристократию племен. *Äl* — выражение государственной организации, это господствующий класс, корпорация с временно преобладающим значением и влиянием части племени *oγuz*, поскольку из него происходят каганы. Тюркский *äl* — это государство народа, известного нам в истории под самоназванием «*türk*», «Тюркским» становится только *äl*, а племена носят свои названия, и даже племя огузов бывает врагом тюркского «народа», но здесь уже надо понимать, что огузский народ, равно как и тюркешский, тардушский, кыркызский, становится врагом единого «тюркского» эля, не связанного с каким-нибудь определенным племенем, а объединяющего все то «голубое» и «небесное» из разнообразных племен, что мирным путем или благодаря вооруженному покорению вошло в него ради общих, для созданного класса, целей.

Временное главенство в эле племени огузов (с конца VII в.) и возвышение части последнего над другими племенами, возвышение родовой аристократии, представленной элем, над свободным, но бесправным «плебсом» (*bidun*) и составляет вторую черту тюркского государства.

Нам осталось еще «оправдать» третье утверждение о том, что тюркское государство несло в себе и черты афинского государства. На этом утверждении после всего указанного выше нам меньше всего можно останавливаться. Мы уже приводили ряд мест, по которым можно судить, что в процессе сложения тюркского государства имело место разложение внутри племени, и противоречия между богатыми и бедными рождались внутри рода. Ряд текстов, приведенных в первых разделах главы «Классы и классовая борьба» и в главе «Источники», свидетельствует о том, что силы, поработившие тюркские племена, шли из самих племен, ставивших в дальнейшем тюркское объединение. Борьба внутри карлуков, отмеченная текстом Кули-Чура, восстание огузов и других племен, столь часто запечатленное текстами Кюль-тегина, Могиляна и Тоньюкука, зависимость рода и общины, ярко проявляющаяся по малым надписям южной Сибири, не говоря уже о других данных

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 198.

² Мы можем также проиллюстрировать значение эля на семантике самого слова. Нам представляется возможным связывать термин *äl* с другим значением слова *äl* (рука). С последним значением связаны, по нашему мнению, такие понятия, как «собирать», «соединять», отраженные в вышеразобранном нами термине *ältärsä*; с другой стороны, «рука» дает такие образования, как «руководить», «управлять», «держать», совпадающие со значением эля в тот период, когда корпорация управляет народом, становится над ним для выражения воли господствующего класса. Хочется с этим же термином связать и числительное *älüg* в значении счета «пятьдесят», т. е. «пять десятков», несомненно связанное также с понятием «руки» и ее пятью пальцами, с одной стороны, и родовым делением на десятки, сотни и тысячи — с другой.

в вышеперечисленных текстах, — все это дано в памятнике Кюль-тегина в классическом упреке автора текста по отношению к огузам, неоднократно нами цитированном: «[О, вы] турецко-огузские беги и народ, слушайте. Между тем как небо сверху не давило [тебя], и земля внизу не разверзлась [под тобой], о турецкий народ, кто погубил твой эль?»¹ По мнению Иоллыг-Тегина не было причин для восстания тюрок, но причины эти были. Причинами гибели тюркского эля была эксплуатация, возникшая внутри тюркских племен. Факты, которые мы раньше приводили и здесь уже не повторяем, и свидетельствуют о тех характерных особенностях возникновения государства, которые Ф. Энгельс в частности отмечал для афинского.

Законно спросить, почему три пути возникновения государства, два из которых характерны для рабовладельческого способа производства, имели место при возникновении государства тюркского? Потому, что путь возникновения тюркского государства был путем его возникновения не прямо из предшествующей рабовладельческой формации в ее классическом виде, а из первобытнообщинных отношений, переплетенных с рабством, в результате феодального окружения. Причиной такого перехода послужило и то обстоятельство, что масса кочевников центральной Азии, вошедшая в состав тюркского каганата, рабовладельческие отношения уже пережила. Поясним это подробнее. Несомненно, что Ф. Энгельс, отмечая три пути возникновения государства, отнюдь не предполагал, как это, извращая идеи Ф. Энгельса, делали Кунов и Каутский, что при, например, «германском» пути возникновения государства отсутствует классовое расслоение, характерное якобы для афинского пути. Ф. Энгельс указывал на ведущее значение того или иного пути, не исключая (это было бы бессмыслицей), например, классового расслоения внутри рода. Указывая на три особенных пути развития, он отмечал проявление всеобщего развития общества. Этим всеобщим являлось рабство. Известно, что так наз. германский путь образования государства дал феодализм; генезис тюркского государства был генезисом феодального государства, и алтайским племенам, из которых вышел каганат, не предшествовала рабовладельческая формация. И вот, сохраняя за собой ведущее значение германского пути развития, генезис тюркского феодального государства нес в своем сложении черты двух рабовладельческих государств — афинского и римского. Проявление этих черт было вызвано тем обстоятельством, что рабство дотюркского и тюркского периодов, как проявление всеобщего в историческом развитии, сказалось на истории изучаемого общества в проявлении тех черт, которые характерны были для ранней истории Рима и Греции. Где экономическая причина превращения эля в замкнутую корпорацию родовой аристократии и бегства? Очевидно, в рабстве. Где проходило первое разделение на свободных и рабов в обществах, нами изучаемых? — Очевидно, в рабстве, достоверно известном еще с гуннских времен. Оно было тем условием, на основе которого развились противоречия между всем народом и элем. Тюркское государство в своем возникновении знало две тенденции: феодальную и рабовладельческую.

Исторически созданные обстоятельства повели тюркское общество по пути, определившему феодальный характер тюркского общества. Но имевшее место в прошлом и все еще не преодоленное рабство сказалось

¹ КТ, II, стр. 22. Перевод несколько изменен. И в дальнейшей истории тюрок мы наблюдаем внутри растущее расслоение.

в тех характерных чертах, которые мы только что разобрали. Основание «небесного эля», как в дальнейшей истории — «белой кости», база господствующего рода, рабство отложилось в истории тюрков прямым и косвенным образом как проявление всеобщего в особенном. Тот факт, что алтайские племена VI в. не знали в своей истории рабовладельческой формации и не имели аналогичного варварам Запада синтеза с рабовладельческим миром, наложил на тюрское государство свой отпечаток сильным проявлением черт афинского и римского государства, которые при слишком поспешном исследовании влекут исследователя к неверным утверждениям об исключительно рабовладельческих отношениях в обществе орхоно-енисейских тюрков в VI—VIII вв., как единственной и характерной черте их государства.¹

5. ИТОГИ

Общество орхоно-енисейских тюрков является ранней формой сложения примитивных феодальных отношений. Они вырастают на основе сложного переплетения патриархально-родовых и рабовладельческих отношений.

Основной формой хозяйства является скотоводство, соединенное с земледелием и домашним ремеслом; последнее практиковалось на зимовках — кыстау.

Мельчайшей экономической единицей была патриархальная семья, в которую, помимо членов семьи, входили рабы и наложницы (quĭ, kün, küni). Семья сохраняла обычаи патриархального отцовского рода (наследование, левират, полигамию, локальность брака и т. д.). Семья (iniügün) существовала внутри рода (oq или иңиү), который являлся формой кочевой общины (baу или budun) (не обязательно, но часто). Семьи различались по экономическому положению. Были бедные (сүүәј) и богатые (baj).

В родовой общине происходил процесс узурпации органов родового строя и связанных с ним институтов богатыми — бегами и баями (bäg или baj). Последние были тесно связаны с родовой знатью, военачальниками или сами ее представляли. Они же — верховная власть, сначала родовая, затем в процессе завоеваний «королевская» (qa:an, jabуи и ad и связанные с ними bujuruq, tarqan, tutuq).

В общинах было широко развито патриархальное рабство. Рабы добывались главным образом войной. В общинах была развита клиентела, перерастающая в коммendaцию. Через клиентелу бег узурпировал родовую власть и превращал свободного общинника в зависимого крепостного.

Сохранение родового строя, как исторически созданной формы кооперации труда, способствовало вместе с тем сохранению целого ряда институтов родового строя, которые модифицировались и из прав превращались в обязанности.

Потребности скотоводства, войны, грабежа обслуживались как общинниками (сородичами), так и входящими в состав тюркского государства племенами. В связи с последними обстоятельствами родовая помощь превращалась в отработки, а право на участие в войне — в повинность. Отпускаемые на «свободу» и «усыновляемые» родом рабы прежде всего становились воинами ханского войска. Получая

¹ С. Толстов. Генезис... ИГАИМК, 1934, № 103. Ср. его же, Тирания Абура. Исторические записки. III, 1938.

право в роде на наследование имущества, рабы, как от наложниц, так и захваченные на войне, становились «собственниками». Рабы обязаны были нести все родовые «повинности», и военные повинности оглавно превращали их скорее в обязанных «барщинников», чем оставляли, действительно, рабами. Рабская сила применялась в основном в земледелии и в домашнем ремесле, не являвшихся основными видами производства. В войне, «постоянном промысле варвара», и скотоводстве (охрана и пастба стад) выступает кооперация — родовая община — и «вольнотпущенный» раб. Поэтому, естественно, что основная линия классовой борьбы проходит между «народом» — общиной, свободными кочевниками — и бегом, а не по линии рабов, которые не могли в то время составлять сколько-нибудь значительного класса. Фигура же бега представляется нам как сложная фигура эксплуататора, эксплуатирующего в первую очередь общину, во вторую — раба.

Материальной основой эксплуатации являются стада бега, благодаря которым бег становится фактически частным собственником и пастбища. Эксплуатация покоряемых народов данью обеспечивается вооруженным кулаком кагана — дружинами, военное искусство которых достигает своего наибольшего развития. Проявление острых противоречий между бегами и народом вызывает необходимость появления государства. Последнее является государством раннефеодального типа, осложненного пережитками первобытнообщинных отношений и рабством. Имеет место и внутрифеодальная распря, маскируемая в текстах борьбой отдельных племен. Созданное государство является орудием господства кочевой знати. Союз племен — эль (äl) — превращается в народ, покрываемый названием «тюрк». Последнее не столько племенной термин, сколько название сложившегося народа. С другой стороны, äI не адекватен всему народу, а является названием объединенной племенной знати — господствующего класса.

Будучи варварами, племена, ставшие впоследствии тюрками, испытывали уже на себе власть феодального Китая. В Китае они усиливали крестьянские движения. Уже благодаря этим выступлениям они стали быстро переходить от варварства в классовое общество.

Бесконечные завоевания, имевшие место впоследствии, способствовали превращению родовой власти во власть королевскую. Наместники стали в положение своеобразных «князей с уделами». Не только каган, пытающийся установить наследственную передачу трона в противовес выборности и демократии, но и военные деятели рангом ниже превращались в господствующий класс.

Процесс классового образования, в связи с синтезом с Китаем, а также с племенами северной Монголии, южной Сибири, Алтая и восточной части Средней Азии, приводит к окончательному закабалению общины, к тому, что организацию племен для заведывания своими собственными делами превратили в «... организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа».¹ Растет и рабство, превращаясь из патриархального рабства в рабовладельческий уклад внутри феодального общества. Однако последний не ограничен рамками домашнего производства, этим самым не теряя своего «домашнего» характера. После

¹ Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 140.

особо знаменитого периода от Гудулу-кагана до Кюль-тегина — Могиян-хана (682—732 гг.) с бесконечными завоеваниями, новым приобретением рабов, а также ростом зависимости общин от бегов складывается окончательно та форма общества, которая сменила первобытнообщинные отношения. Только родовой строй напоминал еще доклассовые отношения, но и он трансформировался, и он стал на службу господствующему классу. В этом отношении можно сказать, что родовой строй отжил свой век. «Он был разрушен разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Он был заменен государством».¹

Слуга общества превратился в его господина.

Глава VII

КЫРКЫЗЫ VII—IX вв.¹

1. ОБЩИЕ ДАННЫЕ

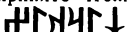
В предшествующих главах мы рассмотрели общий ход классового расслоения и возникновения каганата, кара-будуна и т. п., роль родового строя в обществе орхоно-енисейских тюрок. Сейчас мы перейдем к рассмотрению тех же проблем в обществе кыркызов, являвшихся составной и существенной частью орхоно-енисейского государства. Как следует ниже, в кыркызском обществе мы наблюдаем отличия и локальные особенности, которые следует учитывать особо, имея в виду, что кыркызы один из древнейших тюркоязычных народов Советского Союза.

Естественно, что в этой главе мы будем иногда повторять уже цитированные памятники и снова затрагивать ряд вопросов, частично разобранных выше. Однако такого типа повторение под другим углом зрения мы не считаем недостатком, потому что в данном случае мы рассматриваем социально-экономические явления кыркызского общества, в свою очередь представляющие одну из сторон орхоно-енисейского государства. Надо отметить, что известная автономность кыркызов наложила отпечаток на развитие их общественного строя. Процесс дифференциации у тюрок Центральной Азии шел быстрее, чем у кыркызов. Явления социального строя, наблюдаемые у кыркызов и имеющие свои реминисценции у тюрок Центральной Азии, у кыркызов более архаичны.

Как уже неоднократно отмечалось в литературе, кыркызы являются одним из самых древних тюркских племен.²

Отмечая покорение гуннами страны Гэ-гунь, или, в другой транскрипции, Kik-K'ip (китайская транскрипция термина «кыркыз»), В. Бартольд заявляет, «что известие о событии 201 года до нашей эры должно быть признано *первым по времени известием о киргизах*».³

Происхождение кыркызов и историю их древнейшего периода можно изучить на основании данных китайских источников и археологического материала. Проблему возникновения кыргызского народа нельзя осветить без исследования обществ, стадийно кыргызам предшествовав-

¹ В настоящей работе нами принято чтение «кыркыз» как наиболее соответствующее транскрипции рунического . Ближе к древней форме чтение «кыргыз», но во всяком случае не современное «киргиз».

² В. Бартольд. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927, стр. 5. См. наше переиздание. Фрунзе, 1942. Здесь так же, как и во всей работе, наше внимание посвящено разбору только древнекыргызских текстов. Полной истории кыркызов Кыргызстана с древнейших времен и до монгольского завоевания посвящена наша специальная работа, выполненная по поручению Кыргызского филиала Академии Наук СССР. Ср. наши очерки: Историческое прошлое киргизского народа, Культура древнего Кыргызстана, об. Фрунзе, 1942.

³ Там же, стр. 6. (Курсив В. Бартольда.)

ших, как то остяков, самоедов и т. п. Особо стоит вопрос о кыргыззах в эпоху гуннского племенного союза. Как и в первом случае, источники остаются те же, и мы надеемся к этим вопросам еще вернуться особо. Только с VII в. для истории кыргызов имеется новый исторический материал, рунические надписи Южной Сибири, дающий возможность раскрыть социальный строй кыргызского общества в VII—IX вв. н. э. Появляются для этой эпохи и первые арабские сведения.

Богатые содержанием для характеристики кыргызского общества VII—IX вв. н. э. рунические тексты, найденные в верховьях Енисея и Тувинской республики, равно как и отдельные упоминания о кыргыззах в других рунических текстах, специально еще не изучались и совершенно не использованы для выяснения социально-экономического строя древне-кыргызского общества. Для восполнения указанного пробела и предназначена настоящая глава.¹

Рунические тексты южной Сибири были три раза изданы² и один раз переведены.³ О принадлежности данных надписей кыргызам В. Радлов заявляет в следующих словах: «Народ, который эти надписи оставил, большей частью киргизы (хакасы), которые еще в нашу эпоху жили в земле северной Тану-олы».⁴

Кыргызские надписи не имеют дат. В. Радлов на основании текстов с указанием посольств в Китай, Тибет, Кара-хану и текста прощания с Тачам'ом (Гудулу-каган) устанавливает, что ряд текстов относится к концу VII в., а надпись Бегре (с упоминанием о посольстве в Китай, повидимому 648 г.) была поставлена, примерно, между 650 и 683 гг.⁵ В. Радлов предполагает, что кыргызское письмо — более древнее палеографически, чем орхонское.⁶ Указывая, что центр тюрков в VI в. был у Иртыша и что между Хангаем и Танну-ола нет следов надписей, В. Радлов предполагает, что письмо было занесено не из Монголии, а с Запада.⁷ Надписей, относящихся к кыргызам (изданных), всего 17 на надгробных стелах и ряд на отдельных предметах.

8 из них были расположены по верхнему течению Енисея в северо-западной Монголии, остальные в южной Сибири. Следует отметить еще одну надпись, открытую Рамstedтом, относящуюся к кыргызам (уйгур-

¹ Рунические или так наз. кыргызские надписи исследовались в основном В. Радловым в его «Die Altürkischen Inschriften in der Mongolei» (III Lief., St. Pbg., 1895).

Данные орхонских текстов о кыргыззах использовал Н. Арстов в своих двух работах: 1) «Заметки об этническом составе...» (ЖС, 1896), и 2) «Опыт выяснения этнического состава Киргиз-казаков...» (ЖС, 1894).

Наконец, больше всего они использованы в вышеуказанной работе В. Бартольда. Однако рунические тексты представляют особый интерес, так как дают сравнительно подробное освещение социального строя кыргызского общества VII—IX вв. и заслуживают специального разбора, который мы хотим выполнить в настоящей главе. Специального разбора богатых археологических памятников, успешно исследуемых ныне С. Киселевым, мы перед собой здесь не ставим. См. работу С. Киселева в Истории Народов СССР (макет), ч. IV, а также его статьи в ВДИ № 1, 1937; ВДИ № 1, 1939; Л. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее, Сб. статей по археологии СССР, М., 1939; С. Киселев и Л. Евтюхова в ВДИ № 4 (9), 1939; см. КС III и др.

² Inscriptions de l'énisseï recueillies et publiées par la société Finlandaise d'Archéologie. Helsingfors, 1889. — АДМ, СПб., 1892—1899, вып. I—IV. — АТИМ, III, СПб., 1895, стр. 304, сл.

³ АТИМ, стр. 304—346.

⁴ Там же, стр. 300.

⁵ Там же, стр. 301—303.

⁶ Там же, стр. 301.

⁷ Там же, стр. 301.

ской эпохи), о которой речь будет идти особо.¹ Кроме указанных надписей, упоминание о кыргызах имеется в ряде других более крупных памятниках, как, например, памятник Кюль-тегина, Тоньюкука и др.

Сравнительно большое количество текстов не издано. Мы имеем в виду надписи, находящиеся в Минусинском музее. Часть из них подготовлена к печати С. Е. Маловым и С. Киселевым.² Мы пока останавливаемся только на изучении изданных В. Радловым текстов.

Данные рунических кыргызских текстов можно сгруппировать в три основных рубрики: 1) экономика, 2) социальный строй, 3) связь с другими народами. Соответственно этим трем рубрикам мы и разобьем материал текстов. Надо отметить, что основные данные относятся к характеристике социального строя кыргызов. Это не случайно. Цель памятника эпохи сравнительно развитых классовых отношений — утверждение нарастающей классовой идеологии, идеологии слагающегося господствующего класса. Памятники, все без исключения, поставлены в честь «знатных лиц» кыргызского общества, в основном бегов. Этим объясняется содержание памятника, перечисление лиц, с коими был связан умерший. Социальная среда, равные и подчиненные, — вот основная тема памятников, их социальная терминология. В общем памятники трафаретны, строятся по одному шаблону. Разделены они, обычно, на две части: 1) перечисление всего земного, от которого «отделяется» *adyrlydym* (умерший), и 2) перечисление всего, чем «не наслаждался» умерший (*bükmädim*). В первом и втором случае указывается иногда имущество, родственники и т. д. В редких случаях (для данных памятников будет исключение) указываются внешнеполитические связи. О последних данных в основном нужно черпать из орхонских («монгольских») рунических текстов.

2. ЭКОНОМИКА КЫРГЫЗОВ

Хозяйство общества, оставившего надписи, восстанавливается следующим образом. В ряде надписей умерший, прощаясь со всем «земным», перечисляет в частности и свое имущество. Указания на имущество крайне редки (чаще отмечаются, как выше было указано, те или иные социальные прослойки).

Надпись Уюк-Туран сообщает, что покойный «не наслаждался» (*bükmädim*) шестью тысячами лошадей: **𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤** *alty biñ jontym... bükmädim*.³ Более развернутую имущественную характеристику умершего мы находим в тексте Элегеш, где в конце памятника указывается принадлежавшее умершему имущество, состоявшее из скота, двух домов и т. д. **𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤** *tört adaq jylqym säkiz adaqlıy barymym buşymda, qadaşyma äki äbimä adaqlıy atyma jyta qara budunyma adyryltym*.⁴

Указание на рогатый скот имеется и в начале этой же надписи, в не совсем ясной строчке текста, где указывается, что он (умерший) погиб в сражении из-за 100 людей и 50 быков: **𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤**

¹ См. ниже.

² См. выше, гл. II. Оба издания вышли после того как была написана настоящая работа.

³ АТИМ, стр. 307.

⁴ Там же стр. 314. Чтение по Томсену, ср. в его «Turcica», р. 60.

Сведениями о хозяйстве сравнительно богат и текст Бегре, где указаны, повидимому, рогатый скот и лошади:

Таким образом мы имеем указания на скот, среди которого особо выделяются лошади, — табуны лошадей, достигающие у некоторых до 6000 голов, и рогатый скот (öküz).

Особо большое значение земледелию в системе хакасского хозяйства отводит С. Киселев, который заявляет, что «наблюдения над распространением находок железных земледельческих орудий показывает, что хакасское плужное земледелие охватывало уже многие засушливые районы, где устраивались сложные арычные системы».⁷

Кроме того, для кыркызов характерны трупосожжение и захоронение пепла в урнах. Такого типа погребения умершего отмечаются ки-

5 Там же, стр. 317: jätü böri ölürdüm ~~ᠵᠠᠲᠦ ᠪᠣᠷᠢ ᠣᠯᠦᠷᠳᠦᠮᠤ~~:ᠰᠡᠬᠡ (семь волков)

⁶ К древним кыргызам-хакасам относят обычно могильники, начиная с «таштык». Ср., напр.: Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. Прб. ИМК, № 7—8, 1933. К кыргызам VI—IX вв. следует относить могильники типа Чаатас, единичные могилы с высокой каменной насыпью и небольшие грунтовые могилы с конем, сгруппированные в могильники с каменной насыпью. Ср.: С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Матер. по этногр., т. IV вып. 2, стр. 54—55. О хозяйстве кыргызов по археологическому материалу см.: С. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАНМК, № 65, 1933, стр. 26 и сл.

8 С. Теплоухов, ук. соч., стр. 55.

тайскими источниками: «При похоронах не царапают лицо, только обертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собравшие кости через год погребают».¹ То же указывает и Гардизи: «Киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: „Огонь — самая чистая вещь; все что падает в огонь, очищается; [так и] мертвого огонь очищает от грязи и грехов”».²

Исторические свидетельства о хакасах, мы имеем в виду китайские, также отмечают большое значение скотоводства, наряду с земледелием и охотой: «Лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы; но более коров и овец. Богатые землепашцы водят их по несколько тысяч голов».³

О скотоводческом характере хозяйства кыркызов говорят и другие сообщения китайских источников, уже неоднократно интерпретировавшиеся исследователями. В китайских источниках обращает внимание указание о сильно развитой у кыркызов охоте.⁴

В общем данные китайских источников подтверждаются археологическим материалом, а выводы на основании последнего находят свое подтверждение в древнетюркских рунических текстах.

Так как по китайским сведениям следует, что все-таки наиболее богатые являются самыми крупными владельцами стад, то мы заключаем, что имущественное значение определялось стадами и поэтому в надгильных текстах, в первую очередь, отмечаются стада и скот вообще.

Несомненное значение в знатности умершего имели и непосредственные ценности — золото, серебро. Это указывает на имевший место в кыркыском обществе сравнительно развитой обмен, выходящий за пределы собственно кыркыского общества. Добыче этих ценностей уделялось большое внимание, а их неоднократное упоминание в надгильных текстах говорит об их большом удельном весе в имущественной характеристике покойного. Указывается часто просто имущество, коим владел умерший. Последнее, например, в тексте Береге выступает под названием alyγdan, что В. Радлов со знаком вопроса переводит «Набе».⁵ В этой же надписи указывается на то, что умерший «приобретал золото и серебро». Под этими терминами по всей вероятности скрываются два понятия: деньги и вещи — золотые и серебряные украшения. Мы склоняемся ко второму, так как денег турецких, тем более кыркыских, еще не знаем, а украшения в могилах этого времени находятся в большом количестве.

Таким образом в надписях перечисляются кроме людей — дома, скот, особо выделяются рогатый скот и лошади, золото и серебро, пашня. Это определяет имущественное положение умершего. Раз имущество сравнительно тщательно перечисляется в надписях и каждый памятник его отмечает, то ясно, что ему придавалось большое значение. Обычно там, где в текстах имеется имущественная характеристика, например, в памятниках Береге и Элегеш, особо тщательно указываются все социальные группы, с которыми был при жизни связан умерший.

¹ И. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 446.

² Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию. ЗАН, т. I, № 4. Перев. Гардизи, стр. 111.

³ И. Бичурин, ук. соч., стр. 444. Ср. о древних кыркызах: W. Schott. Über die achten Kirgisen. AKAW zu Berlin, 1864.

⁴ «Ясачные вносят подать соболями и белкою» (И. Бичурин, ук. соч., стр. 445).

⁵ АТИМ, стр. 316.

В этих же памятниках пространное описание «друзей» умерших связано, что совершенно, бесспорно с высоким имущественным, а поэтому и социальным положением умершего.

Скудны указания и по другому вопросу — о характере землепользования. Как известно, даже кочевое скотоводство, тем более и скотоводство пастушеского типа, каковое, вероятно, мы наблюдаем у древних кыркызов, предполагает разграничение кочевков и земельной площади между отдельными семьями и узурпацию земельной общинной собственности бегами. В надписи Уюк-Туран указано, что **ᠶᠠᠨᠪᠢᠰᠢ ᠠᠭᠢᠭᠤᠨ ᠵᠠᠷᠢᠮᠠ ᠠᠳᠤᠷᠢᠯᠲᠤᠮ** (от Эгук-катун, земли моей, я отделился).¹ Такого же типа указание, несколько более метафорного порядка, имеется и в надписи Элегеш: **ᠵᠠᠭᠢᠲᠠ ᠰᠢᠵᠢᠮᠠ ᠠᠳᠤᠷᠢᠯᠲᠤᠮ** (от голубого неба, солнца, луны, земли моей также, от всех вас, я отделился);² Бере: **ᠵᠠᠭᠢᠲᠠ ᠰᠢᠵᠢᠮᠠ ᠠᠳᠤᠷᠢᠯᠲᠤᠮ** (от земли моей, также воды моей, я отделился).³

В надписи Чакул указывается, что умерший не наслаждался казангской (?) землей моей: **ᠵᠠᠭᠠᠨ ᠵᠠᠷᠢᠮᠠ ᠠᠳᠤᠷᠢᠯᠲᠤᠮ** Qazaṅ, jārīmā būkmādim.⁴

Надпись Кемчик-Кая-Баши отмечает принадлежность земельного участка Кара Сенгир некоему Чигши: **ᠴᠢᠭᠰᠢ ᠵᠠᠷᠠ ᠰᠢᠩᠭᠢᠷ ᠵᠠᠷᠠ ᠰᠢᠩᠭᠢᠷ ᠵᠠᠷᠠ ᠰᠢᠩᠭᠢᠷ** qara s-ṅärig jārđämin [?] udur Čigši.⁵

Указание на родовую принадлежность земли дает надпись Алтун-Коль: **ᠠᠯᠲᠤᠨ ᠶᠠᠨᠲᠤᠨ ᠵᠠᠷᠢᠮᠠ ᠠᠳᠤᠷᠢᠯᠲᠤᠮ** (от моего рода барса, на земле моей [проживающего], от мужества моего, я не наслаждался).⁶

Аналогично вышеприведенным указаниям и указание в тексте Туба: **ᠲᠤᠪᠠ ᠵᠠᠷᠢᠮᠠ ᠠᠳᠤᠷᠢᠯᠲᠤᠮ** Ädil jārīmā bāñü balbaly (в моей земле Эдилей балбал...).⁷

Указанные свидетельства являются косвенными и больше связаны с культовыми представлениями (особенно Элегеш и Бере), чем с действительно правовыми воззрениями древних кыркызов. Только общее заключение можно сделать на основании вышеприведенных текстов, а именно, что земля связана с определенным общественным целым (о чем ниже) и в ряде случаев бāḡ считает себя владельцем данной земельной территории. Несомненно наиболее интересным является указание Бере следующего содержания: **ᠵᠠᠭᠢᠲᠠ ᠰᠢᠵᠢᠮᠠ ᠠᠳᠤᠷᠢᠯᠲᠤᠮ** (от стоянки теста моего я отделился).⁸

¹ Там же, стр. 307.

² Там же, стр. 313.

³ Там же, стр. 316.

⁴ Там же, стр. 321.

⁵ Там же, стр. 326.

⁶ Там же, стр. 332.

⁷ Там же, стр. 343.

⁸ По В. В. Радлову: „Von meiner Schamanentrommel im Yat bin ich getrennt“. (ATIM, стр. 316). Слово tünür мы читаем tünür, так как в тексте стоит **ᠲᠦᠨᠦᠷ** по МК, стр. 224: Schwiegervater, Schwiegermutter und Schwäger der Frau.

Здесь мы наблюдаем прямое указание на отдельную стоянку свойственника, тестя, т. е. отца жены, на территории которой, возможно, жил умерший.

Как выше уже цитировалось, в начале надписи он прощался с водой и землей. Повидимому, землю и воду здесь надо воспринимать, как свидетельство культовых, религиозных представлений, в то время как в четвертой строчке текста этого же памятника указана стоянка тестя умершего, как реальная земельная собственность. Предвосхищая вывод о парцеллированном хозяйстве, можно утверждать, что упоминание о пашне в форме *tarlyuym* 𐰽𐰺𐰍 (пашня моя)¹ имеет своим основанием обособленный земельный участок.

На основании вышеприведенных мест можно утверждать о частном хозяйстве бега, об известной парцелляризации, выразившейся в выделении в первую очередь частного надела бега. Несомненно, что бегское хозяйство находилось в системе некоего общественного целого, которое в некоторых случаях выступает под общим термином *baγ*, в других случаях передается более дробной терминологией.

Термин *baγ* — 𐰽𐰺 выступает в следующих сочетаниях: $\text{𐰽𐰺𐰍} : \text{𐰽𐰺𐰍}$ $\text{𐰽𐰺} : \text{𐰽𐰺} : \text{𐰽𐰺} : \text{𐰽𐰺}$ — *alty baγ budunqa bāg ärtim* (я был бегом шестибаг'овскому народу);² $\text{𐰽𐰺} : \text{𐰽𐰺𐰍𐰽𐰺} : \text{𐰽𐰺𐰍𐰽𐰺}$ — *alty baγ Käsdimdä bān* (в шестибаг'овском Кешдима я);³ $\text{𐰽𐰺𐰍} : \text{𐰽𐰺𐰍} : \text{𐰽𐰺𐰍}$ $\text{𐰽𐰺𐰍} : \text{𐰽𐰺𐰍}$ — *baγum budunumqa adyryltum* (от бага моего, народа моего я отделился);⁴ $\text{𐰽𐰺}[\text{𐰽𐰺}] \text{𐰽𐰺}$ — *alp baγum kälir* (богатырь моего бага приходя...)⁵ Из этих крайне скудных указаний можно сделать вывод, что *baγ* меньше *budun*. Два раза указываются шесть багов по сравнению с одним *budun*. Один раз *baγ* связывается с определенным урочищем Кешдимом. Отличается *baγ* от *budun* в надписи Оя. *Baγ* иное, чем *budun* и меньше *budun*. Этимологически термин значит «связка», «пучок».⁶ В. Радлов переводит *baγ* как «*Volksabtheilung*» («*das Geschlecht*»);⁷ Повидимому здесь *baγ* обозначает территориальную общность, а не племенную. Последнее отмечается термином *budun*, почему употребляются два различных понятия: «от бага моего, от племени моего». В монгольском языке поныне сохранилось значение *baγ* как территориального деления. Таким образом *baγ* наших надписей есть обозначение территориальной единицы, по всей вероятности, общинной организации (схема, стр. 159).

3. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Для раскрытия социального окружения бега надписи дают достаточный материал. В трафарете большинства надписей сохранилось перечисление людей, окружавших бега при его жизни. Здесь мы имеем разные категории: семью и непосредственно родовое потомство, свойствен-

¹ АТИМ, стр. 317.

² Там же, стр. 304, надпись Уюк.

³ Там же, стр. 326.

⁴ Там же, стр. 331, надпись Оя.

⁵ Там же, стр. 344, надпись Ак-Юсс.

⁶ С. Brockelmann. *Mittelürkischer Wortschatz*. Leipzig, 1928, S. 28.

⁷ АТИМ, стр. 374.

ников, рабов и рабынь, сообщинников, наконец таких же, как и он, бегов, вплоть до упоминания хана и отдельных лиц, носящих чиновные титулы. Нетрудно выделить по некоторым надписям, наиболее полно представляющим терминологию родства, состав семьи бега. Возьмем надпись Уюк-Туран.

«Двадцати трех лет я отделился. От земли моей Эгук Катун я отделился, от небесного эля, моих приобретенных сыновей и собственных сыновей, от шести тысяч лошадей, от хана Тульбар, черного народа, счастливых сообщинников в отношении вас, эля, товарищей, мужей, всех мужчин, сыновей и зятей, невесток я не наслаждался». ¹

Нетрудно по этой надписи заметить, что семья умершего (в первой части надписи указывается: «от кунчуй из Куй, от вас, детей моих, также в отношении вас я не наслаждался и отделился. От моих наложниц и сообщинников также отделился») состоит из родственников: жен, детей — сыновей (oγul) и дочерей-невест (qyz) и свойственников зятей (KEXHŋ — küdägü) ² и невесток (ЧУҢ — kälın). Упоминание последних

двух может вызвать недоумение, так как выше было указано, что мы наблюдаем парцелляризацию, а из данного текста следует, что здесь семья охватывает всех ближайших родственников, т. е., кроме собственной семьи, семьи сыновей и дочерей. Повидимому, текст свидетельствует об огромной патриархальной семье, в состав которой вошли не только невестки из другого рода (патрилокальность), но и зятя, т. е. элементы матриликальности. Последнее обстоятельство вызвано, по всей вероятности, своеобразной клиентелой. Несомненно, крупный владетель, заинтересованный в максимальной мобилизации рабочих рук и стремящийся к закабалению свойственников, предоставляет на своей территории место и зятям. О том, что здесь мы имеем клиентелу, говорит указание на две группы: oγul — «собственных» (т. е. родных) и «приобретенных», т. е. вероятно им. adoptированных.

Таким образом в надписи мы можем выделить большую патриархально-семейную общину, в которой сохранено, в силу экономического превосходства, не только родное, кровное, но и по линии свойства потомство. Семья включает просто adoptированных, вероятно потомство из бедных семейств. В семью входят и рабыни-наложницы (küni) — в тексте KHHŋ. ³

Остальная социальная терминология относится к окружающим данную патриархальную семью социальным группам. Здесь прежде всего надо отметить «сообщинников» (qadaš — AAN) и его друзей (är — T.) Высокое имущественное положение умершего дает возможность остальную, окружающую его среду называть просто «черный народ» (qara budun — JXJOTCH), т. е. простое подвластное ему, возможно податное, население.

Следы клиентелы имеются в следующих текстах. В тексте Уюк-Туран, как было выше отмечено, указываются: «собственные сыновья

¹ Там же, стр. 307.

² Küdägü по МК буквально «Bräutigam» (стр. 115). По Радлову «Schwiegersöhne (ATIM, стр. 366: «meinen Schwiegersöhnen, meinen Töchtern und Schwiegertöchtern»

³ В тексте Уюк-Туран имеется термин KHHŋ. Мы склонны транскрибировать küniin, по В. Радлову küniin — «von meinen Leuten». Читать здесь küni как «солнце» нет смысла, так как о солнце и луне речь шла выше. Ср.: Küni, МК, стр. 117 (Küni — «Nebenfrau»).

Остановимся на тех текстах, которые дают материал по вопросу о социальном окружении бега. Прежде всего следует отметить, что в кыргызских надписях нет указаний о кыргызском кагане. Впрочем, возможно, что кыргызы не имели своего кагана. Упоминание о кыргызском кагане мы имеем только в огузских текстах, но это может быть вызвано личными представлениями огузов о верховной власти и они свою терминологию перенесли и на кыргызов. Титул, характеризующий наивысшее социальное положение в кыргызском обществе, был *bāg* —

Упоминание о хане мы имеем в текстах Чакул, Кемчик-Кая-Баши и некоторых других. В надписи Кемчик-Кая-Баши есть следующая строчка: *Qurguz qany bitümişin* (через письмо кыргызского хана).⁵ Это — единственное упоминание о кыргызском хане в кыргызских же надписях. Возможно, что этот титул под влиянием тюрков стал употребляться в кыргызском обществе. Однако следует обратить внимание на одну деталь. Надписи, посвященной кыргызскому хану, не найдено, надписей бегов сравнительно большое количество. Неоднократно упоминаются отдельные беги, подчеркивается их крупное политическое и экономическое значение. За бега отдают княжну тюркские каганы. Из этого следует, что центральная власть была в значительной степени еще фиктивной и основной силой была сила бега. Во всяком случае, в противоположность тюркам, на первое место в кыргызском обществе выступает не каган, а бег. Это большое значение бега вызвано вполне закономерным явлением — характером социально-экономического развития кыргызского общества. Здесь наличие полуседлости, иной тип хозяйства

⁵ ATIM, стр. 326. **ᠠᠲᠢᠮᠤᠨ : ᠤᠨᠠᠨᠤᠨ.** Собственно полного слова Qinguz даже не сохранилось.

способствовали более широкому развитию соседских отношений общинного типа. Здесь локальные хозяйственные объединения имели большее значение, чем большие кочевные объединения орхонских тюрок. У кыркызов развитая оседлость и интенсивный характер скотоводства выдвинули на первое место бега, повысив его социальную значимость, в то время как у тюрок военачальник, представитель родовой аристократии, играл все еще господствующую роль. Этим вызвана значительная роль кагана в тюркском обществе и большая значимость бега в кыркызском. Переход к оседлости и тюрок-огузов вызывает к жизни возрастающую роль бега, что запечатлено текстами в виде борьбы и противоречий между бегами и каганским родом. Вот почему бег основная фигура господствующего класса кыркызского общества. Однако это не исключает того положения, что в кыркызском обществе имел место «верховный сюзерен», а главное, имел место $\Upsilon\ddot{r}\ddot{a}l$ — союз племен и родов, представляющий собой также объединение господствующей верхушки племен, т. е. примитивную форму организации господствующей власти.

Упоминания об эле, обычно в одной и той же форме, неоднократно встречаются в текстах.¹

В кыркызских текстах термин $\ddot{a}l$ выступает в форме $\Upsilon\ddot{r}\ddot{a}$.

В. Радлов считал, что под этим термином скрываются понятия: «die Taille, das Kreuz, der Körper, der Bergücken, der Berg»;² а в форме $b\ddot{a}l\ddot{c}i$ || $\| B\ddot{a}l$ — «Hunter, Prester»;³ предполагая, что $b\ddot{a}l$ — божество, Радлов все значения слова считает находящимися под вопросом («in allen übrigen Fällen ist die Bedeutung von $b\ddot{a}l$ fraglich»). Нельзя не отметить, что по эстампажу слово $b\ddot{a}l$ пишется $\Upsilon\ddot{r}\ddot{a}$.⁴ Томсен считает, что букву $\ddot{r}$ надо читать «ä» и поэтому слово $b\ddot{a}l$ читает «äl» т. е. эль — племенной союз.

Следует указать, что беги неоднократно прощаются со своими друзьями, носящими титул $\ddot{a}g$. Это те же «беги», «товарищи по классу». Неплохо отражают тексты классовый характер надписей подчеркиванием значения и роли бега. Так, например, отмечаются «мудрые беги» в надписи Уйбат.⁵ Прощание с бегами неоднократно отмечается текстами, что говорит о их значительной роли. Основную доблесть бега составляют следующие качества: 1) богатство; ряд текстов особенно подчеркивают богатства умершего, количество скота, золота и серебра и т. п.; 2) родovitость, подчеркивание большого количества родственников, от которых «отделился» умерший. В условиях раннего еще периода развития классовых отношений семейно-родовые связи имеют значительные размеры

¹ АТИМ, ср. сводку указаний в глоссарии (стр. 353—354). Отмечу здесь только, что $\ddot{a}l$ в кыркызских текстах фигурирует почти так же как и в огузских, т. е. в терминологии «небесный эль мой» — $\Upsilon\ddot{r}\ddot{a} : \Upsilon\ddot{r}\ddot{a} : \Upsilon\ddot{r}\ddot{a}$ — $T\ddot{a}n\ddot{r}i\ddot{O}d\ddot{u}m$ (АТИМ, стр. 320).

Интересно указание, к сожалению в испорченном тексте, $\ddot{a}l\ddot{ö}g\ddot{ä}si$, которое В. Радлов переводит как «die Mutter des Volkes» (стр. 353). В тексте фраза, по-моему, идет дальше, $\ddot{a}l\ddot{ö}g\ddot{ä}si\ddot{I}lan\ddot{c}u\ddot{B}il\ddot{ig}$, что дает возможность переводить так: «служитель эля, мудрый Ыланчу». В кыркызских текстах термин $\ddot{a}l$ также выступает в двух вариантах: и как форма государственного устройства и как племенной союз. Такие двойные функции $\ddot{a}l$ по огузским и кыркызским текстам мы разобрали в статье «Возникновение классов и государства у тюрков VI—VIII века» (Сборн. Ф. Энгельсу, Изд. Акад. Наук, 1936. См. выше главу «Классы и классовая борьба»).

² АТИМ, III, стр. 376.

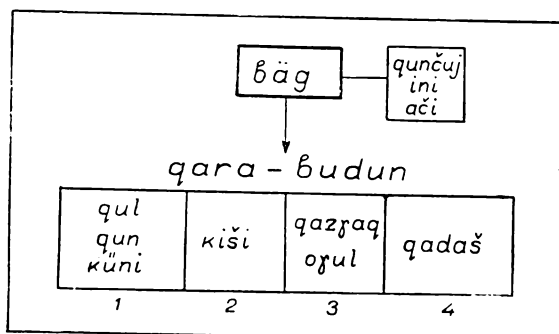
³ Там же, стр. 377.

⁴ АДМ, табл. $\Upsilon\ddot{r}\ddot{a} : \Upsilon\ddot{r}\ddot{a} : \Upsilon\ddot{r}\ddot{a}$, возможно $\Upsilon\ddot{r}\ddot{a} : \Upsilon\ddot{r}\ddot{a}$.

⁵ АТИМ, стр. 340.

и играют большую роль. То, что в текстах тщательно перечисляется родство, от которого «ушел» умерший, свидетельствует о большом значении родственных связей, т. е. родоплеменных отношений. Из этих двух качеств вытекает и 3) значность бега, подчеркиваемая сплошь и рядом указаниями на общеполитическую роль, которую выполнял бег в кыргызском обществе, — руководство войной, посольства и т. п. (фиг. 5).

Богатство, родовитость и знатность — вот те три доблести, которые стараются подчеркнуть тексты всех намогильных памятников кыркызов. И все без исключения тексты, в больших или малых размерах, заполнены именно этими положениями. Это значит, что созревание классовых отношений породило уже классовую идеологию, отраженную текстами.

Фиг. 5.

и что процесс дифференциации кыргызского общества, основанный на имущественной дифференциации, предполагал не уничтожение, а сохранение родовых функций, узурпированных сейчас богатой частью кыргызского общества. На базе этих двух основных черт и возникла третья черта бега, производная, его знатность.

Естественно, что в этих условиях мы мало найдем данных для суждения о формах эксплуатации, которая по всем данным имела уже здесь место. Не такова была задача текста надмогильного памятника. Говорить о ней можно только гипотетически, основываясь на тех скудных указаниях, когда отмечаются непосредственные производители, выступающие в текстах под разными терминами. Во-первых, следует отметить в качестве термина общего порядка термин qara budun, т. е. «черный народ». Упоминание о народе (budun) неоднократно встречается в текстах. В памятнике Чакул указывается и «черный народ», в характерном противопоставлении: ....

(Qara budunyma jyta sizimä älimä sizimä adyryldym (от моего черного народа, так же в отношении вас, моего эля, я отделился).¹ Здесь как бы противопоставляется, с одной стороны, благородный эль — объединение бегов, а с другой — черный народ. Под терминами qara-budun и budun вообще мы обычно понимаем указание на рядовых членов кыркызского народа, над которыми, в силу своего экономического положения, находится бег и с которым budun связан в каких-то формах эконо-

¹ АТІМ, стр. 323.

мической зависимости. Budun — это свободное население, подчиняющееся бегу в силу развития экономического неравенства.

В какой-то степени зависимости находятся, по всей вероятности, и qadaš'ы. Мы имели уже возможность указать, что qadaš — термин, указывающий на сообщинника. Но так как равные с бегом носят титул либо bāg, либо āg, либо alr, то сообщинники, ниже стоящие по имущественному положению, именуются термином qadaš. Условия развития кыргызского общества, как мы уже отмечали, вызывавшие сложение соседской общины, ведут к возрастающей роли бега не только как представителя рода, но и общины. Его роль в общине, особенно обусловленная его богатством, поставила сообщинников в какое-то в деталях неясное, зависимое положение, и имущественно более слабые, чем беги, члены общины обозначаются термином küni.¹

В ряде текстов указаны войны, которые вели кыркызы. Эти войны давали скот, который особо выделяется текстами, драгоценные металлы, золото и серебро и, повидимому, людей-рабов. Употребление терминологии «рабства» ограничено в разбираемых текстах. Отмечаются наложницы (küni),² приобретенные люди (kiši qazıantım — 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰇𐰏𐰤).³ В категорию рабов, мы думаем, можно отнести ту социальную прослойку, которая фигурирует под термином kiši (человек, люди). Если так, то эта категория сравнительно велика. Так как знатные отмечаются особой терминологией: āg, alr и разными титулами и званиями, а для номенклатуры родства существует также особая терминология, то терминами типа qadaš, а особенно kiši обозначались самые социальные низы. Во всяком случае, такая функция термина kiši осталась в более позднее время.

Собственно-родовая терминология довольно широко представлена текстами. Род (tägi) с тотемным названием представлен текстом Алтунколь.⁴ Семейно-родовая терминология, номенклатура родства ini, ači, ara, ökä и т. д., представлена почти всеми текстами. Новых данных по сравнению с номенклатурой тюрских, огузских текстов мы не имеем, а посему мы склонны предполагать, что описательная система родства была характерна и для кыркызов. Семья была патриархальная, что следует из других данных, нами разработанных, с той лишь разницей, что условия хозяйства кыркызов, выдвинувшие на первый план

¹ Qadaš указываются в следующих текстах. Приведу характерное место текста Уюк-Туран: 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰇𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 künim, qadašım jıta adyryltım. (от моих наложниц и сообщинников я также отделился (АТИМ, стр. 306), или, в том же памятнике 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰇𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰇𐰏𐰤 — qara budun külig qadašım ... (черного народа и счастливых сообщинников моих ...) (стр. 307) и т. д. Вообще упоминание qadaš обычно стоит в таких местах, когда кончились упоминания ближайшего родства и знатных лиц, что указывает на их сравнительно низкое социальное положение.

² Мы имеем в виду текст Уюк-Туран (АТИМ, стр. 306), кроме того в собственном имени Küni Tığ в тексте Барлык (АТИМ, стр. 309). Кстати, последнее «имя», по-моему, состоит из двух слов: Küni (наложница, рабыня) и Tığ (жизой, т. е. буквально «родившийся от рабыни»).

³ АТИМ, стр. 331, памятник Оя и аналогичное выражение в памятнике Уюк-Туран (стр. 307: 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 — Qazıqım oylım).

⁴ АТИМ, стр. 332: 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰇𐰏𐰤 — Jardaکی bars tığima (на земле рода моего барсовского).

общину (baу) (ведь этот термин абсолютно не употребляется в огузских текстах), увеличили значение патриархальной семейной общины, что явно следует из уже разобранного текста Уюк-Туран. Развитие же патриархальной общины в условиях нарастающих классовых отношений развивало клиентелу. Так как, повторяем, кыргызские тексты не дают ничего нового для характеристики собственно-родовых отношений, то мы оставляем в силе для кыргызского общества, его рода, те же выводы, которые мы сделали на материалах текста Кюль-тегина.¹

Отметим основную терминологию родства по кыргызским текстам: 1) qaq (отец), 2) qatup (хозяйка дома), 3) ара (дедушка), 4) ökä (тетка), 5) äči (старший брат), 6) ini (младший брат), 7) kälın (невестка), 8) küdägü (зять), 9) qadup (тесть), 10) oyl (сын), 11) ыгу (сын).

Новыми здесь терминами по сравнению с текстом Кюль-тегина являются термины **𐰇𐰣𐰆𐰏** — küdägü и **𐰇𐰣𐰆𐰏** — qadup.² Первый термин küdägü уже нами отмечен при цитировании текста Уюк-Туран, где küdägü (зятя) упоминаются на ряду с **𐰇𐰣𐰆𐰏** — kälın (невестками). Попутно отметим, что термин kälın чаще употребляется с термином qyz, который в таких случаях обозначает дочерей, а kälın — невесты, а вместе эти два термина qyz kälın указывают обычно на всю младшую женскую часть рода или семьи.³ Любопытно отметить, что для женской части рода терминология кыргызских текстов слабее дифференцирована, чем терминология огузских, и имеет больше собирательный характер, причем термины делятся на две части; на термины, указывающие собственное родовое потомство — qyz и пришедшее — kälın.

Отметим еще одну интересную форму — qyz oylum, что значит «мои дочери». Мы опять имеем сочетание термина oyl, который значит «потомство», с приставкой qyz, указывающий на то, что речь идет про женское потомство, т. е. дочерей. Такую форму мы отмечали для текста Кюль-тегина.

В связи с этим обращает внимание термин ыгу, значащий «сын», когда дословно этот термин обозначает «мужское поколение» и также имеет себе аналогию в памятнике Кюль-тегина в термине ыгу oyl. Таким образом термины кыргызских текстов для обозначения потомства отличаются еще недифференцированностью понятий, смыслового содержания и дополнительные приставки дают более точные определения.

Особо отметим имеющий большое распространение в кыргызских текстах термин **𐰇𐰣𐰆𐰏** — qıñıj. Этот термин до сих пор остается не совсем ясным. По всей вероятности, он не тюрского происхождения. Он обычно связан с термином qıj — **𐰇𐰣𐰆𐰏**, обозначающим место пребывания qıñıj, и всегда стоит в текстах в местном падеже (qıjda).⁴ Оба слова, по мнению В. Радлова, не являются тюркскими словами. Однако эти два термина занимают в текстах (там где они употребляются),

¹ Родовая структура Ту'гю. Сб. Н. Я. Марру, ИГАИМК, № 100.

² Ср. qadyn|qajın (МК, стр. 140) — «Schwager».

³ В. Радлов по этому поводу сообщает: «qyz kälın umfasst alle jünger weiblichen Verwandten des Hauses: Töchter, Nichten, Schwiebertöchter, jüngere Schweste (ATIM), стр. 363).

⁴ У Радлова: «Das Haus, das Lager, der Haushalt» (ATIM, стр. 263). О термине qıñıj см. замечания Р. Pelliot в статье «Kao Tsh'ang, Qoço, Houo-Tcheou et Qarā-Khodja», A. Paris, 1912. Р. Pelliot производит его от китайских слов Гун чжу, что значит: «princesse impériale, fille de l'empereur». У кыргыз под этим термином скрывается несколько иное содержание.

С другой стороны, отмечается не убитое животное — барс. Это тотем кыркызов, который, охраняемый табу (запретом убийства), не был умерщвлен при жизни покойного. Может быть это родственный тотем, которого пощадил умерший при своей жизни, о чем он заявляет в надписи. Из других надписей известно, что барс был тотемом кыркызов. Так в надписи Чакул отмечается барс в собственном имени-титule: **ЧУЛЛУУХ**

УЧУС АНЧ — Älci Ćur Kũĉ Bars (буквально: «посланник Чур, сильный Барс»).¹ В этой же надписи второй раз упоминается барс в именном контексте: **ЕУНЧ: УЧУС АНЧДЖУХ** — Tuz baj kũĉ bars kũlũg

(Туз бай сильный, именитый барс). Это упоминание барса в имени не случайно, здесь мы наблюдаем не собственное имя, а название рода, которое носит, вероятно, их предводитель или родоначальник. Этот же барс, тотем, замечателен и в другой надписи, а именно Алтун-Коль:

....**ВХЛЖЕУХХТ: ЖЕХУЧУС: РХХТ** — jãrdãki Bars tãgimã ärdãmligmã ũkmãdim... (от нисходящегося на земле барсовского рода моего [от] доблестных [собратьев] моих я не наслаждался).² Здесь бесспорно фигурирует барс в качестве тотема рода, что не вызывает сомнений в тотемности барса и в вышеприведенных указаниях. В этой же надписи указывается на родство умершего по своим физическим качествам с лошастью и быком, родство с волком и барсом, причем заканчивается эта характеристика словами: **ЖЕХДЖ** — Umaj bãg biz (Умай бег мы).³

Такого типа указания на родство мужа с рядом животных, особенно сравнение его физических качеств, находит себе аналогию в описании доблести и мужества Огуз-кагана.⁴ Интересно последнее указание на собственный титул Umaj bãg biz. Этот титул крайне любопытен. Umaj — это фантастическое женское существо, которое считается покровительницей домашнего очага, хранительницей потомства. Умай — бесспорно переживание женского материнского культа, матриархата. Следы матриархата мы наблюдаем в древнетюркских текстах неоднократно, в надписи Кюль-тегина, где катун Кюль-тегина носит титул «Умай», в надписи Тоньюкука указано, что благодаря священным «небу» и «земле», а также и «Умай», тюрки были спасены и т. д. Из всего известного нам материала Умай выступает всегда как женский культ, пережиток матриархата. Здесь же с женским титулом связан мужчина и это является интереснейшей деталью. Такое сочетание социального термина «бег» с культовым «Умай» — явление не случайного порядка. Это сочетание говорит о сильных еще представлениях материнского рода, и родоначальник рода, несмотря на то, что он мужчина, ассоциируется с древнейшей покровительницей рода женщиной — Умай. Напомним обратное явление по другому тексту. В легенде об Огуз-кагане говорится о том, что матерью Огуз-кагана была некая женщина **حجدة** — Aj qaĉap. Мы уже указывали, что Aj qaĉap — это образ Иштари переходного типа.⁵ Титул, сочетающий женское имя с мужским титулом, есть выражение переходных отношений от материнского рода к отцовскому, а представителем отцовских отношений является Огуз-каган.

¹ АТИМ, стр. 319.

² Там же, стр. 332.

³ Там же, стр. 332.

⁴ А. Бернштам. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане. Сов. этногр., 5—6, 1935.

⁵ Там же.

Здесь в титуле *Umajbäg* — то же явление, но обратного порядка. Мужчина носит титул, в котором его мужской титул *bäg* сочетается с женским *Umaj*. Происходит это потому, что понятие родоначальника рода, пусть даже отцовского, в силу живучести пережитков материнского рода включает, благодаря этим представлениям, культ материнского рода *Umaj*. Этим подчеркивается его значение как родоначальника. Отсюда напрашивается вывод, что тотемы, которые нами отмечаются (тотем барса как идеологическое выражение родовых отношений), имеют ближайшую связь с пережитками материнского рода, ибо в условиях отцовского счета наследования основное значение имеет не род, а патриархальная семья. У кыркызов же в силу своеобразности форм скотоводства, при сильно развитой оседлости, пережитки материнского рода могли иметь наибольшее значение, в то время как в социальном их строе на первое место выступает община.

Барс как тотем давно известен был кочевникам, напомним только, что на знаменитом ковре из шестого кургана Ноин-Улы по борту его имеются аппликации, изображающие, в частности, барса (*Andreas Alföldi* предполагает, что росомеху), нападающего на лося. Этот звериный стиль, стиль борьбы зверей, борьбы тотемов, есть отражение в искусстве распада первобытнообщинных отношений, и борьба зверей символизирует борьбу между отдельными племенами. На этом основании мы и предполагаем, что указание текста Бегре о семи волках и барсе есть отражение в кыргызском тексте (подобно звериному стилю ноин-улинского ковра) позднего переживания тотемизма, его последней стадии.

Таким образом эти скудные материалы текстов дают основание для выводов следующего порядка. В кыргызском обществе сильны были еще пережитки материнского рода. На основе этих пережитков и на основе отцовского рода сохраняется тотемизм как идеологическое выражение родовых отношений. Тотемами ряда кыргызских родов были барсы. Тотем был священен. Он был табуирован и убивать его нельзя было.

Остановимся еще на одном, связанном с предыдущим, моменте. В тексте Кюль-тегина говорится, что Кюль-тегин и Могилян выдали свою сестру замуж за кыргызского Барс-бега. Опять в титуле мы встречаемся с тотемом барса. Но в надписи Чакул барс запечатлен в собственном имени умершего. Как следует из надписи, умерший был знатным лицом кыргызского общества. Один из его титулов указывает, что он был «Светлым принцем» (*Jaqıq tägin*). Из этого мы делаем вывод, что умерший был наследником кыргызского хана. В этом же памятнике подчеркивается исключительно знатное окружение умершего и отмечается его непосредственная близость к хану и элю, которым он при жизни верно служил. Эти крайне отрывочные данные дают нам возможность предполагать, что в надписи Чакул отражен тот же Барс-бег, который запечатлен в текстах Кюль-тегина и Могиляна.

Подводя итоги характеристики семейно-родовым отношениям у кыркызов VI—VIII вв., мы можем сделать следующие выводы:

1. Сохранялся род *tägi* как выражение отцовских отношений, с ним были связаны тотемные воззрения.
2. Основной формой семьи была патриархальная семья значительных размеров, включающая подчас и зятей, что говорит о наличии наряду с патрилокальностью и элементов матрилокальности.
3. Последняя (матрилокальность) была не чем иным, как оборотной стороной возрастающей роли клиентелы, получившей у кыркызов значительные размеры.

4. Патрилокальная семья находилась в системе соседского объединения баҕ, говорящего о значительной роли территориального объединения по сравнению с собственно родовым. Это значение территориальных связей закономерно объясняется сложением патриархально-семейной общины на основе пастушеского типа скотоводства с растущей ролью земледелия, при сохранении охоты.

5. Оседлость является экономическим основанием сохранения пережитков материнского рода и соответственно более древних форм идеологических представлений на ряду с появлением новых, в частности, повидимому, и шаманства.¹

5. КЫРКЫЗЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА ОРХОНСКИХ ТЮРОК И УИГУРОВ

Кыркызы неоднократно упоминаются в больших древнетюркских текстах, выступая обычно как прямые враги тюрков-огузов. В тексте Кюль-тегина (большая надпись) имеется указание о том, что кыркызы пришли в качестве соболезнующих после смерти Бумын и Истеми-кагана, т. е. примерно, в 60-х годах VI в. Перечисление племен идет по территориальному их расположению, и кыркызы помещены между племенами пар-пурым и уч-курыкан.² Первые народы пар-пурым не отождествлены еще с каким-нибудь народом. V. Thomsen предполагает, что это жужане, они же авары, поэтому он читает араг, т. е. *avar*.³

Если согласиться с этим его предположением, то надо искать территорию их распространения где-нибудь в северо-восточной Монголии или северной. Кыркызы в это время жили по верхнему течению Енисея, поэтому, когда тюрки упоминают про свой поход на кыркызов, то указывают, что переваливают Саянский хребт (Kögşän juş). Племена *üç qırgaŋ* локализируются обычно к северу от Байкала. По всей вероятности это племена монгольского происхождения.⁴ Примерно то же место занимают кыркызы в перечислении врагов тюрков.⁵

Одним из первых упоминаний столкновения с кыркызами является следующе место памятника Кюль-тегина: *Bars bäg ärti, qaŋan at bunda biz bärümiz, siŋim qunčujuy bärtimiz özi jaŋyldy, qaŋany ölti, buduny küŋ, qul boldy. Kögmän jār sub idisiz qalmazun täjin, az qyrqyz buduny jarat...* — (... был Барс-бег. Мы в то время дали ему имя, титул кагана и дали мы ему младшую сестру — княжну. Сам он [Барс-бег] изменил. Кагана умертвили. Народ его стал рабом [попал в рабство]. Когменская вода и земля пусть не останется без хозяина, сказали мы и завели порядок в немногочисленном народе кыркызов).⁶

Повидимому это событие явилось содержанием и дальнейшего в тексте упоминания о кыркызах, «Когда Кюльтегину было двадцать шесть лет, мы воевали с кыркызами. Проложив дорогу через снег глубиною в копые и поднявшись в Когменскую чернь, мы разбили и обратили в бегство кыркызский народ. С их каганом мы сразились в черни Чунга. Кюльтегин сел на белого жеребца Байыркуна, бросился к атаку. Одного мужа он поразил стрелою, двух мужей он зарубил в схватке. При этой атаке он так бил белого жеребца Байыркуна, что сломал ему бедро.

¹ АТИМ, стр. 326. Текст Кемчи и Кая-Баши.

² КТ, стр. 64—65. *Par-purum, Üç-qırgaŋ*.

³ V. Thomsen. ZDMG, стр. 171.

⁴ КТ, 100.

⁵ Там же, 67.

⁶ Там же, 69. Перевод наш.

Кыргызского кагана мы убили и племенной союз его покорили». ¹ Эта война с кыргызами относится к 711 г. Указание на эту же битву мы имеем, вероятно, и в другом месте текста, когда просто указываются границы тех территорий, куда ходили войной тюрки. ²

Результатом этих побед было, в частности, и то, что балбалом на могиле Мочжо был поставлен кыргызский каган: *Bašlaju qurqyz qaγanuy balbal tikdim* (я поставил во главе [вереницы могильных камней] балбалом кыргызского хана). ³ Балбалом называлась каменная баба, которая стояла во главе погребальных камней. Изображался обычно побежденный вождь племени. Его сложенные на животе руки обозначали покорность и подчинение. Таким образом его поза, изображение, обозначали вассальный характер, продолжающийся и в загробном мире. Таким вассально-подчиненным был кыргызский хан, изображение которого в позе подчиненного сопровождает умершего владыку, победителя народа кыргызов в 711 г., тюркского кагана Мочжо. ⁴

Этот же эпизод покорения кыргызов отражен и в тексте Тоньюкука. Здесь мы имеем подробный рассказ о том, что китайский каган, каган десятистрельных тюрков, и кыргызский каган были врагами тюрков. Особо отмечается кыргызский каган: *artuq qurqyz küčlig qaγan jaγutuz* (преимущественно кыргызский сильный каган врагом нашим был). В тексте описывается подробно о том, что эти три кагана составляли общий союз против тюрков. Основной удар тюрки решили нанести кыргызам. В. Бартольд подробно излагает это место текста и, разобрав указания текста Тоньюкука, сопоставляет с упоминаниями текста Кюльтегина, которые мы выше приводили. ⁵ Надо сказать, что момент для нападения на тюрков коалиция трех каганов выбрала удачно, ибо, как говорит текст памятника, тюркешский каган знал, что «тюркешский народ мятежный» (*Türk budun jāmā bulıaq*). ⁶ В тексте Тоньюкука имеется более подробное изложение этого события. Общим для всех указаний является тот факт, что в результате войны был убит каган кыргызов и произошло подчинение кыргызского народа огузам. Поэтому в качестве соболезнующего на смерть Кюльтегина пришел представитель кыргызского кагана «чур Тардуш Ынанчу». Это указание любопытно тем, что термин «Ынанчу» мы преимущественно встречаем в кыргызских текстах, а термин «чур» встречается у тардушей. Таким образом мы здесь имеем соединенный двойной термин кыргызского и тардушского происхождения. О столкновении с кыргызами в черни Сунга, якобы в качестве мести за их разбой, гласит и текст Могиляна. ⁷ Однако во всех текстах нет прямых указаний на долгое подчинение кыргызов тюркам, и упомянутый Тардуш Ынанчу явился посланником кыргызского кагана: *Qurqyz qaγanda Tarduš İnanču ğur kälti*. ⁸ Из этого мы делаем заключение, что кыргызы, несмотря на сильное поражение, нанесенное им тюрками, сохранили до известной степени свою самостоятельность. Эту самостоятельность кыргызы сохраняют довольно долго, и упоми-

¹ КТ, 73.

² Там же, 68.

³ Там же, 70.

⁴ Т. 21, по Томсену, см. «Turcica».

⁵ В. Бартольд. Киргизы, стр. 13. Сп.: J. Marquart. Die Chronologie der Altürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, SS. 16—17.

⁶ Т. 23.

⁷ ГХ, 25.

⁸ КТ, 77.

вание на Селенгинском камне о кыргызском хане, проживающем в тех же Когманских горах и посылающем свои отряды, говорит о той же автономности кыргызов.¹ На этом основании мы предполагаем, что покорения кыргызов уйгурами не было, и все время они сохраняли свою автономность, кончившуюся экспансией кыргызов в Монголию в 840 г. К этому времени, повидимому, в кыргызском обществе прошел дальнейший процесс дифференциации, о чем мы можем судить на основании другого памятника, также найденного Рамstedтом, о котором речь будет ниже. Таким образом, в эпоху VI—VIII вв. кыргызы были сравнительно сильным народом, играющим значительную роль в жизни древних народов. Не случайно племянница Мочжо, сестра Кюль-тегина и Могиляна, была отдана в жены кыргызскому кагану Барс-бегу. Временное поражение кыргызов не уничтожило их самостоятельного существования. Основная территория кыргызов была в это время к северу от Саянского хребта, в Минусинском крае. По нашим предположениям тексты отражают наиболее значительное событие 711 г., в то время как В. Радлов предполагал, что по текстам события можно отнести на 721 г.²

Несмотря на то, что тексты в основном посвящены описанию бега и его окружения в узком смысле этого слова, однако мы имеем ряд указаний, свидетельствующих о связях кыргызов и с другими народами и странами. О взаимоотношениях кыргызов с тюрками мы можем судить на основании текстов Кюль-тегина, Могиляна и Тоньюкука. Посмотрим, что говорят нам кыргызские тексты.

В памятнике Означенная мы имеем указание о том, что умерший отделился от сильного Кюль-тутука: *küč Kül-tutuq sizimä adyryldym* (от сильного Кюль-тутука, в отношении вас я отделился).³ Хочется видеть в этом указании прощание с известным Кюль-тегином. Собственные имена, фигурирующие в кыргызских текстах, связываются с самими кыргызскими бегами. В данном случае особо выделен, повидимому, не кыргыз, а знатное лицо, которое предшествует элю и хану, с которыми также прощается умерший. Если это предположение оправдывается дальнейшими исследованиями в этой области, то мы сможем датировать текст примерно концом VII и началом VIII в. В. Радлов пытался уже сопоставить сведения о внешнеполитических связях кыргызов на основании данных разбираемых текстов.

Упоминание текста Бере о посольстве в Китай может быть сопоставлено со следующими указаниями китайских летописей: «Хягасы никогда не имели сообщения с Срединным государством. В двадцать второе лето правления Чжен Гуань, 648, получив известие, что телеские племена поддались дому Тан, из Хягаса отправили посланника с местными произведениями. Старейшина Сылифа Шибокюй Ачжань лично приехал ко Двору», и далее: «В царствование императора Гао-цзуна (650—683) дважды приезжали ко Двору. В правление Цзин-лун (706—711) представлены были местные произведения». Наконец: «В царствование государя Сюан-цзун (713—744) были четыре посольства с местными произведениями. В правление Кян-юань, в 758 г., ойхоры завоевали сие государство; после сего хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство». ⁴ Из этих указаний следует, что

¹ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. JSFO. 1913, XXX, строки 11 и 12 восточной стороны.

² АТИМ, стр. 426.

³ Там же, стр. 328.

⁴ Ср.: И. Бичурин, ук. соч., стр. 448—449. — W. Schott, op. cit., p. 456, ff.

кыркызы имели неоднократные связи с Китаем, причем мы склоняемся, что эти посольства могли иметь место во второй половине VII в., как это и предполагает В. Радлов.¹

В надписи Чакул сообщается: **𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏** **𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏** — *ärdäm üčün tüpüt qanqa jalbač bardym kälürtüm* (ради доблести я ходил к тибетскому хану, в качестве посла ходил и приводил).² В китайских известиях мы имеем указание на это посольство кыркызов к тибетцам. Так, например, говорится, что «Сие государство [Хагасы] было всегда в дружественных связях с Даши, Туфанию и Гэлолу, но туфаныцы при сообщении с Хагасом боялись грабежей со стороны ойхоров; почему брали провожатых из Гэлолу. Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года».³ Эти постоянные связи кыркызов с Даши и туфаныцами (тибетцами) и отразились в разбираемом тексте, когда умерший в качестве такого посланника ходил к «тибетскому хану». Это указание о связях с тибетским ханом находится в тексте Алтун-коль, общее содержание которого дает нам основание предполагать, что умерший, кроме всего прочего, был купцом. В частности на это указывают слова о том, что умерший: **𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏** — *tört änligü ärtim* (в четырех углах [света] я был).⁴ Смутные указания этого текста о верблюдах, грузе и т. д., — все это в совокупности заставляет предположить, что текст Алтун-коль отражает свидетельства китайской истории о торговых связях кыркызов и тибетцев. Эти связи кыркызов и тибетцев надо, судя по китайским известиям, относить ко второй половине VIII и началу IX в. по следующим соображениям. Указывается, что эти связи были в тот период, когда кыркызы были под вассальной зависимостью ойхор: «Хягасский владетель получал от ойхорского хана титул «Пицье Тунге Тинь»,⁵ а вслед за этим указываются события, связанные с упадком ойхор, т. е. уйгур. Как известно, эти события относятся к 840-м годам, ко времени падения так наз. I уйгурской династии. Поэтому связь с Тибетом, не без участия уйгур, следует относить ко второй половине VIII и первой половине IX в. А отсюда следует, что текст Алтун-коль может относиться к рубежу VIII и IX вв., а может быть и позже.

Заслуживает внимания еще одно указание текста Уйбат: **𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏** — *Taşamqa adygyndyma* (от моего Тачама я отделился).⁶ В этом же тексте два раза упоминаются балбалы, изображения убитых врагов, **𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏** — *türk qan balbaly*,⁷ и второй раз в конце надписи **𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏: 𐰽𐰺𐰍𐰏** — *Jahanyn, jārda Qaşuq taş balbaly*,⁸ Таким образом упоминание балбала с изображением

¹ АТИМ, стр. 302.

² Там же, стр. 336.

³ И. Бичурин, ук. соч., стр. 449. — W. Schott, op. cit., p. 434.

⁴ АТИМ, стр. 333.

⁵ И. Бичурин, ук. соч., стр. 449.

⁶ АТИМ, стр. 341.

⁷ Там же, стр. 340.

⁸ Там же, стр. 342.

тюркского хана, а также упоминание Тачама-Гудулу-хана о том, что умерший имел связь с тюрками-огузами, имеется не только в монгольских, но и кыргызских текстах. Кстати в надписи указываются огузы:

𐰉𐰺𐰽: 𐰽𐰺𐰽 — Oğuz alrup.¹ В. Радлов переводит это место: «mit den Helden der Oğuz». Однако здесь возможно другое чтение Oğuz alurap и далее bāñū irtı «огузов взяв, памятник был...» Изображения плененных обычно ставились на могиле героя, и в этом кратком указании мы видим объяснение двум другим сообщениям о балбалах. Упоминание же о Тачаме находится в контексте прощания с окружающими умершего бега и родством. По данному контексту явствует, что похороненный умер раньше Тачама, т. е. до 693 г. Поэтому текст Уйбат, пожалуй, — наиболее старый из датированных текстов. Так как Тачам стал ханом в 681 г. (он умер в 693), а памятник поставлен до смерти Тачама, то отсюда следует, что текст Уйбат поставлен только в это десятилетие. Упоминание же о борьбе с огузами, вероятно, относится к периоду до восшествия Гудулу на престол, т. е. до 681 г., когда хакасы находились в Яньжаньском наместничестве и когда там происходили неоднократные столкновения между племенами.

Из древнетюркских текстов, кыргызских и китайских, мы можем, таким образом, установить, что кыргызы в период VII—VIII вв. все время сохраняли известную автономию. Они имели связи с Китаем, тюрками и Тибетом как общеполитические, так и торговые. Война с тюрками, несмотря на ряд полученных от них поражений, не ослабляет их могущества, и их автономность приводит к тому, что они имеют силы для того, чтобы вырваться из-под власти уйгур в IX в. и расширить свое господство за пределы Саянского хребта в Монголию. Документом этой экспансии кыргызов является памятник, открытый Рамstedтом, в котором описывается богатый кыргыз Бойла Ярган. Судя по этому тексту, имущественная дифференциация достигла значительных размеров, и об этом гласит надпись, сравнительно хорошо описывающая богатства кыргыза. Как известно, господство кыргызов в Монголии продолжалось до 60-х годов IX в., когда снова завоевали свое господство уйгуры. Остановимся на немногочисленных сведениях, относящихся к истории кыргызов в IX в. В истории уйгур имеются указания о том, что хакасами в количестве 100 000 конницы были разбиты уйгуры (ойхоры) в 840 году. «Старейшина Гюйлу Мохэ, соединившись с хагасами, со 100 000 конницы напал на ойхорский город, убил хана, казнил Гюйлофу и сжег его пастбища».² После этого они пытались установить связь с Китаем на основе брака, но неудачно, ибо Китай не пошел на установление союза на основе «мира и родства». «Общее мнение чинов было, что ойхорам давались грамоты во время их могущества: к счастью, они теперь ушли, а для устранения будущих беспокойств не для чего усиливать хагасов. Итак сие было оставлено».³

До этого периода, т. е. до 840 г., как уже отмечалось, кыргызы были автономны, к чему склоняется и В. Бартольд. В самом деле китайцы указывают, что в 758 году «ойхоры [уйгуры] завоевали сие [хакасское] государство; после сего хакасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство».⁴ Китайцы, потому что хакасы не могли

¹ Там же.

² И. Бичурин, ук. соч., стр. 419.

³ Там же, стр. 452.

⁴ Там же, стр. 449.

отправлять посольства, думали, что прекратилось самостоятельное существование страны Гянь-гунь. Однако кыркызы сохраняли свою автономность еще долгое время, прекратили же свои самостоятельные посольства они потому, что путь в Китай был занят уйгурским царством. Из другого текста, уйгурского памятника 808—821 гг., следует, что уйгуры и в эти годы вели борьбу с кыркызами.

Мы имеем в виду сообщение китайской надписи на уйгурском памятнике, поставленном в честь уйгурского кагана в городе Каракорум.

В этом тексте говорится: «Вначале [было] Гяньгуньское государство, [считавшее] 400 слишком натягивающих луки [т. е. носящих оружие]. Оно [восстало и проч.], но Кэ-хань был умный, мужественный, чудесно-воинственный, [ему стоило только] раз выстрелить, как и попало. Гяньгуньский кэхань пал, в соответствии тетивы [под ударом его стрелы]; коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела [Гяньгунь-владения] прекратились; на земле не [стало] живых людей».¹

Как следует из этой надписи, конец самостоятельного политического существования кыркызов можно было бы датировать двадцатыми годами IX в., однако и этому противоречит другое указание китайских известий, а именно: в известиях Тан-шу о кыркызах говорится, что до того как они покорили уйгур (840 г.) они двадцать лет вели войну с ними. Так, сообщается: «Ойхорский хан послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну».² Следствием последних войн было покорение кыркызами уйгур в 840 г., и кыркызы заняли северную Монголию.

Из вышеизложенного следует, что указание китайской надписи на уйгурском памятнике гласит не о полном разгроме кыркызов, а только частичном их поражении уйгурами. Если сопоставить все имеющиеся у нас данные борьбы кыркызов с окружающими народами, и в первую очередь с уйгурами, то для полного подчинения кыркызов уйгурам и не остается места. А это имеет немаловажное значение, это говорит о том, что кыркызское общество не знало еще сильного нарушения исторического процесса, и процесс дифференциации шел своим ходом. В результате мы имеем к середине IX в. сильную экспансию кыркызов в Монголию. Свидетельством этой экспансии мы и считаем памятник, открытый Рамstedтом по нижнему течению реки Селенги.

Бойла Кутлуг Ярган, отмечая свое происхождение от кыркыза, указывает, что он дал приданое сыновьям, а своему учителю (здесь употреблено сирийское слово «мар») дал 100 людей и место для жительства.

Это описание богатого кыркыза могло иметь место в Монголии только в момент наибольшего могущества, при проникновении кыркызов в Монголию. Таким образом мы датировем этот памятник промежутком между 840 и 860 гг.

Для более позднего периода нам не известны тексты рунического письма кыркызского происхождения. Дальнейшие сведения о них черпаются из данных китайских и «мусульманских», что мы оставляем в стороне.

На основании древнетюркских источников, которые, как было видно, с VII в. доводят нас до шестидесятых годов IX в., следует, что за все

¹ Б. П. Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цай-даме и Карабалгасуне. СПб., 1897.

² И. Бичурин, ук. соч., стр. 449.

время своего существования, до наивысшего подъема в IX в., история кыркызов была теснейшим образом связана с историей крупнейшего кочевого объединения — тюркского.

Не без влияния тюрков идет быстрый рост классовых отношений, который следует рассматривать как местное проявление процесса образования классов и государства в орхон-енисейском тюркском объединении.

Здесь, однако, как при уйгурах, кыркызы остаются сравнительно автономными. Их хозяйственная и политическая самостоятельность приводит к такому быстрому политическому росту, что в IX в. они расширяют далеко на юг за Саянский хребет свое господство. Этот период связан также с развитием у кыркызов торговых связей с арабами (Даши), Тибетом (Туфанью) и Китаем.

Если с движением кыркызов на юг создаются все условия для более быстрого вызревания у них отношений феодального типа, то в VI—VIII вв. кыркызское общество было наиболее благоприятной базой для развития рабства. Его примитивные формы и сравнительно скромные размеры все же сыграли свою роль в разложении первобытно-общинных отношений.

Глава VIII

ТЮРКСКАЯ И УЙГУРСКАЯ ДИНАСТИИ¹

Мы рассмотрели процесс развития классовых отношений и генезис феодализма на рунических текстах орхоно-енисейских тюрков. Теперь нам надлежит дать историю тюрков, т. е. показать, как конкретно исторически складывались эти новые отношения, отношения эксплуататоров и эксплуатируемых, сопоставив данные рунических текстов с известиями письменных, главным образом китайских источников. Надо сказать, что эпоха, нами разбираемая, представляет исключительный интерес для поставленной проблемы. Это эпоха созревания феодального общества. Этот переход, классообразование, особенно ярко сказывается, начиная с эпохи Гудулу-кагана до Моюн-Чура. В эпоху уйгурской династии окончательно сложились феодальные отношения, и постольку при ней продолжают процессы, начавшиеся в обществе орхоно-енисейских тюрков, постольку на анализе ее отношений, хотя бы в самых кратких чертах, следует также остановиться.

1. ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ ТЮРОК

По сведениям китайских летописей, первым ханом восточного дома дулга называют Или-хан-Тумыня.² Или-хан-Тумынь стал известен Китаю благодаря посольству, отправленному китайским императором Вынь-ди в 535 г. к тюркам.³ Упомянутый Тумынь известен в древнетюркских текстах под именем Бумын- или Ямы-каган.⁴ В китайской титуляции интересна первая часть — «Или-хан», которая, по-моему, значит повторение тюркского термина «Иль-хан», известного в последующую уйгурскую эпоху. «Иль-хан» значит «хан эля», т. е. «вождь племенного союза». Так, мы имеем указание древнетюркского текста о том, что «над сынами человеческими сел. [каганом] мой предок Бумын-каган и Истеми-каган. Сев [на царство], он поддерживал и устраивал племенной

¹ Основные данные по истории древних тюрков из китайских летописей сосредоточены в работах Herbelot, Mailla, St. Julien, И. Бичурина, Ed. Parker, Wylie, F. Hirth Ed., Chavannes и др. Обзор этих работ см. гл. III, а также в нашем предисловии и в библиографии по истории, археологии и этнографии кыргызов и Киргизстана, составленную Н. Винберг.

² Мы рассматриваем только историю восточных дулга, к которым относятся найденные древнетюркские тексты. Сведения китайских летописей по И. Бачурину и St. Julien'у мы будем сопоставлять с данными древнетюркских текстов. И. Бичурин переводил сообщения о тюрках из династических историй Вэйши, Суйшу и Таншу, «отдельные повествования» (Лечжуань) и разделы с описанием западных стран (Сиюй). St. Julien перевел раздел об инородцах Тянь-и-дянь из известной энциклопедии XVII в. Ту-шу-цзи-чэн, в которой по сравнению с материалами И. Бичурина имеется ряд новых фактов.

³ St. Julien [Documents sur les Tou-kioe (Turcs). Journal Asiatique, 1864, VI série] относит знакомство китайского императора Wen-ti с Tou-men'om к 545 г. [стр. 326—328: «Son successeur (тюрк) fut appelé Tou-men»; там же, стр. 83].

⁴ J. Marquart, op. cit., p. 41.

союз для установления турецкого народа» (*Kişi oylında öza ačum arām Bumup qaıan İstāmi qaıan olurmuş. Olurıpan türk budunıñ älin törtüsın tuta bärmiş atıbarmış*).¹ В аналогичном плане — свидетельство о Тумыне в Онгинском памятнике (ГХ-I), где с ним также связано появление и существование племенного союза. По этому поводу нельзя не отметить замечания Ст. Жюльена на основании перевода китайских известий *Pien-i-tien*, что *Tou-men* в первый год правления *Fei-ti* повел свои орды (*troupes*) на жуань-жуаней (*Jou-Jou*) и разбил их на севере *Hoi-i-hoang*, и после этого Тумынь дал себе титул *Y-li-khan*, вместо старого *Chen-yu*, жене титул *Kho-hotun* (*qatun*) вместо старого *Yen-chi*: «*lou-men se donna le titre d'Y-li-khan, mot qui a le même sens qu'autrefois Chen-yu, et il donna à sa fille le titre de Kho-hotun (Khatun, princesse), mot synonyme de l'ancienne expression Jen-chi (femme légitime du prince des Hiong-nu)*».²

Ст. Жюльен далее в сноске замечает о титуле «Шаньюй», что «*c'était letitre, par lequel on désignait le chef des Hiong-nou*». Аналогичной точки зрения в недавнее время придерживался и К. Ширатори.³

Благодаря указанному, мы считаем возможным предполагать, что личность Тумыня довольно реальная и с ним связывается предание, возможно имеющее значение исторического факта, о существовании племенного союза. Во всяком случае, упоминание про эль (племенной союз) китайских летописей подтверждается данными древнетюркских текстов. С ханом связано понятие племенного союза. В китайских текстах имя «хан» значит то же, что в древности «шаньюй»: «*супругу свою назвал хатунь, что значит то же, что ян-чжи*».⁴

Тумыню принадлежит честь первого высвобождения тюрков из-под власти жужан. Тюрки были в подчинении у последних. Точно мы не можем определить, в каком они положении были, но важно отметить такой, например, факт. Когда усилившиеся тюрки вышли из-под власти жужан, Тумынь стал просить руки «принцессы» у жужанского государя. Последний, Анахуань, крайне разгневался и послал нарочного с таким ругательным ответом: «*Ты мой плавильщик, как же осмелился сделать такое предложение?*» По сведениям Ганму, хан назвал Тумыня «плавильным невольником» из-за того, что тюрки обитали на южной стороне Алтая и добывали железо для жужанского хана.⁶ Дулгасцы разбили

¹ КТ, II, I.

² St. Julien, op. cit., p. 330. Ср. также стр. 349—350.

³ К. Shiratori, op. cit., p. 3.

⁴ И. Бичурин, ук. соч., стр. 267. Шаньюями называлась верховная знать у гуннов.

⁵ Там же, стр. 267. Катунь — известный термин. Термин янь-чжы точно нам неизвестен. Укажу на одно место из китайских летописей: «По прошествии некоторого времени Дун-Ху, полагая, что Модэ боится его, еще отправил посланника сказать, что он желает получить от Модэ одну из его янь-чжы. Модэ опять спросил совета у своих приближенных. Приближенные с негодованием сказали ему: Дун-ху есть бессовестный человек, требует янь-чжы, объявить ему войну; Модэ сказал на это: к чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной женщины для них. Итак, взял свою любимую янь-чжы и отправил к Дун-ху» (стр. 12—13). Вероятно, янь-чжы — рабыня. Ср. также замечания выше.

Интересно произвести сопоставление термина «янь-чжы» с тюркским, точнее — древнеуйгурским термином *inču*. Ср. «*Uigurische Sprachdenkmäler*», док. 21, 22, 25. Термин *inču* по нашему мнению скрывает понятие барщины. Не отражена ли здесь преемственность между рабством и барщиной как закономерная смена форм эксплуатации.

⁶ Там же, стр. 266. Жужанцы сами были кочевниками (стр. 209). Ср. St. Julien, op. cit., p. 329. Сами тюрки до этого разбили те-ле (*Thie-le*), в свою очередь атаковавших жуань-жуаней. Тюрки увели 50 тысяч те-ле в плен. По данным St. Julien, инцидент отказа Анахуаня произошел не с Тумынем, а с те-ле.

жужанцев и в 552—553 гг. стали самостоятельны. Надо отметить, что все жужанские правители носили, как и тюрки, титул «хан». Напоминаем, что если не считать предшествующие тюркам племенные образования уже сложившимися народами, то выступившие тюрки — дулга являлись, вероятно, одними из находившихся на положении данников племенами.

Тумынь-хань умер, по свидетельству Ганьму, в марте 553 г.,¹ оставив после себя крупное племенное образование, называемое китайцами ту'гю (tou-kiue), а самими племенами дулга — тюрк (türk).

Тумыню наследовал его сын Исиги-хан.² В дальнейшем наследовал не сын Исиги-хана, а представитель другого рода, младший брат Кигинь — Муюй-хан. Мы предполагаем, что Исиги-хан — это Истеми-каган древнетюркских надписей. Тумынь и его сын Исиги прославились как «строители» тюркского народа. Последующие ханы были из других родов, и они в орхоно-енисейских текстах абсолютно не упоминаются. Так, не подтверждаются в древнетюркских текстах приводимые китайскими летописями сведения о Кигине,³ о его младшем брате Тоба-хане (569—580),⁴ сыне Тоба-хана Шаболио-хан-Нету (581—587).⁵ После Шаболио-хана был его младший брат Чулохэу (587—588), а затем сын Шаболио — Дулань-хан-Юньюйлэй (588—600 гг.), убитый Буга хан-Дату, вступившим на престол в 600—601 г. В истории перечисленных ханов необходимо отметить, что это был период мирных или военных взаимоотношений с Китаем, с которого они получали дань в виде продуктов сельскохозяйственного и ремесленного производства. Так, например,

¹ Бичурин, ук. соч., стр. 267. — St. Julien (op. cit., p. 380) сообщает, что Тумынь умер в первый год правления Fei-ti, т. е. в 552 г.

² St. Julien называет его Kho-lo и сообщает, что «Kho-lo reçut le titre de I-si-khan» (стр. 330).

³ По St. Julien'у, после Kho-lo сел на престол его младший брат Sse-kin, известный под именем Mo-han-khan, он же назывался Ien-tiu (стр. 331). О его царствовании китайские летописи сообщают, что он доходил до Каспийского моря и воевал с Ie-ta (Gètes — эфталтами?). Принятая в его время структура военной организации свидетельствует о растущем значении военного дела племен, бывших сравнительно долгое время отнесенными на задний план. Кстати отмечу, что St. Julien уже для эпохи Mo-han-khan отмечает 28-классную бюрократическую систему. Характерно, что верховный kōnig тюркских племен носит название fou-li, которое китайцы переводят lang (волк). St. Julien по этому поводу пишет: «Comme ils sont d'une louve ils ne veulent pas oublier leur ancienne origine» (стр. 383). Сохранение тотемических переживаний связано здесь с сохранением и родового строя, на основе которого была возможна организация тюркских племен.

⁴ St. Julien, op. cit., p. 343. Tha-po-khan вступил на «престол», когда тюрки после Mo-han-khan стали богатыми. В годы Tha-po-khan'a тюрки подносят Китаю лошадей и продукты их производства: «Les tou-kiue offrirent des produits de leur pays» (стр. 344). Это подношение даров не случайно. Вероятней всего, тюрки не перестают поднимать восстания и уже в четвертый раз не посылают даней и убивают китайского чиновника. События эти относятся к концу 80-х годов VI в. В 578 г. имело место вторжение тюрков в Китай (стр. 344—345).

⁵ St. Julien, op. cit., p. 348. В китайских известиях отмечается 581 г., когда Cha-po-liu-khan преподносит очередную дань китайскому двору (St. Julien по анналам Суйской династии). При хане Шаболио был утвержден «второй» хан, первый имел ставку на горе Tou-kin, второй на берегу реки To-lo (Тола). Второй хан имел титул A-po-khan (Apa tarqan) (St. Julien, op. cit., pp. 355—356). При Шаболио, по сведениям Tchang-sun-tching, были восстания отдельных орд и племен: «Tchang-sun-tching eut alors recours à la ruse et parla ainsi à Che-thou-khan: „Les Tie-le et d'autres hordes se sont révoltés et veulent s'emparer de votre campement“» (St. Julien, op. cit., p. 365). Характерны столкновения между Шаболио и Апо (Apa tarqan'om) (St. Julien, op. cit., pp. 493—494), восстание кузена Ti-kin tch'a: «Ayant eu un différent avec Chapo-liu, il se revolta de nouveau contre lui avec tous ses soldats, alla se soumettre à A-po-khan et réunit ses forces aux siennes» (S. Julien, op. cit., p. 494).

узнав, что Кигинь имел намерение разгромить Срединное государство, «двор поспешил заключить с ним союз мира и родства и ежегодно давал ему 100 000 кусков шелковых тканей».¹ В семидесятих годах VI в. тюрки принимают буддизм: как свидетельствуют летописи, буддизм принял сам хан Тобо. Частые завоевания и набеги на Китай укрепляли родовую власть. Ханствующий род приобретал особые права, а наследственные права патриархального рода сохранились и в наследовании «престола».² Выборность отмирала. В этом отношении интересно одно место из летописей в связи со смертью Тобо-хана: Тобо-хан занемог и скончался. Перед смертью, обратясь к сыну своему Янь-ло, сказал: «„известно, что самое близкое родство есть между отцом и сыном. Но мой старший брат (Кигинь. — А. Б.) не уважал сего родства, а мне поручил престол. По смерти моей ты должен уклониться от Далобаня (сын Кигиня. — А. Б.)“». Когда он скончался, то в орде хотели поставить Далобаня; но как мать его была низкого происхождения, то собрание чинов воспротивилось сему».³ Однако ханом стал не Янь-ло, а его «престол» занял Или-гюйлу Ше-Мохэ-Шиболо-хан или упомянутый выше Шаболио. Небезынтересно упоминание о том, что «чины воспротивились», эти чины и были, по всей вероятности, теми бегами, которые теперь олицетворяли собой «демократию» народа.⁴

В «ханствование» Шаболио любопытны следующие факты. Во-первых, необходимо отметить, что Шаболио вел войну с Дату-ханом, являвшимся «двоюродным дядей по отцу», равно как и с Дилэча, двоюродным братом, имевшим собственный аймак.⁵ Эти свидетельства говорят о наличии межродовой борьбы в среде тюрков. С другой стороны, о растущих классовых противоречиях в обществе тюрков говорит и другое место летописи. Шаболио-хан, желая вступить в союз с Китаем, отправил грамоту китайскому императору, в которой излагал все условия своего подчинения Китаю. Китайский император Вынь-ди послал сановника Юй-кин-цзе, который должен был вести переговоры с Шаболио. Юй-кин-цзе предложил Шаболио назваться вассалом. Шаболио спросил у своих сановников, что значит слово «вассал». В ответ ему сказали: «вассал в царстве Суй (581—618 гг. — А. Б.) значит то же, что у нас слово раб». Шаболио сказал: «что я имею счастье сделаться рабом Сына Неба из дома Суй, сим тебе, министр, я обязан».⁶ Приведенный отрывок интересен тем, что, во-первых, понятие подчинения у кочевников созрело в единственно для них понятном смысле — в смысле рабства, а во-вторых, быть «рабом Китая» тюркский каган считал за благо, так как

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 274. — St. Julien, op. cit., p. 336. В эту эпоху тюрки, как и в последующие времена, добивались брака с китайским двором и преподносили также последнему дары, преимущественно лошадей.

² Ср. то же у D'Herbelot (op. cit., p. 41). Он отмечает, что высшим титулом был Khan, затем Che-hou (ягрю), The-le (тегинь), Se-ki-ta (?) и Toi-tuk (ту-тук). Там же о буддизме.

³ Там же, стр. 276.

⁴ Личность Далобаня и эпизоды, связанные с его деятельностью, подробно разобраны С. П. Толстовым в его статье: «Тирания Абура» (Исторические записки, т. III, М.—Л., 1937). С. Толстов отождествляет Далобаня с Абурем персидских источников. До Толстова этой проблемы касался в ряде своих работ J. Marquart. См. нашу статью «Согдийская колонизация Семиречья», КС VI.

⁵ Там же, стр. 278. St. Julien приводит аналогичные факты. D'Herbelot называет Шаболио храбрым и мудрым полководцем, собравшим до 400 000 человек.

⁶ И. Бичурин, ук. соч., стр. 280. St. Julien, op. cit., p. 497. St. Julien'ом вассал передается терминном «sujet» — tch'in, а раб — pou.

его положение обозначало фактически не рабство, а данничество. В этой связи мы имеем указание на то, что «Шабوليو отправил сына своего для предоставления дани из местных произведений».¹ Даны Китаю посылал и Дулань-хан, отправивший в 588 г. «10 000 голов лошадей, 20 000 штук овец и по 500 голов верблюдов и быков, а вслед за этим послали просьбы об открытии рынков на границе для меновой торговли с Средним царством».²

Имевшие место раздоры между отдельными племенами и внутри их, а также внутри рода,³ кстати сказать, разжигаемые Китаем в интересах более быстрого покорения кочевников, и постепенно нарастающие, отмеченные выше уже, классовые различия дают себя знать довольно ощутительно к 600-м годам. В 600 г. Дуланя убивают его «подчиненные», и на престол вступает «без выбора» Дату «под наименованием Бугя-хан». Очень краткое упоминание летописи крайне интересно тем, что в ней отразилось появление хана, «без выбора» занявшего престол, и что способствовали этому появлению «подчиненные».⁴ Это поправление прав демократии, отмеченное летописями, характеризует, по-моему, начало активного процесса узурпации органов родового строя и более активное выступление слагающихся классов. Не случайно летописи далее отмечают, что «в сие время открылись большие замешательства в орде».⁵ У самого Буги были такие же «замешательства», происходило отделение ряда племен, ушедших в Китай (пять поколений Синь). Эти бесспорно революционные движения, в результате роста зависимости и появления эксплуатации, ведут к тому, что еще слабый, формирующийся класс ищет поддержки у феодального Китая. Кижинь (сын Шабوليو-хана), подавив восстание, возглавляемое Бугя-хан-Дату и продолжавшееся около семи лет (с 600 до 607 г.), стремился к связи с императором феодального Китая, послав последнему 3000 лошадей и грамоту (607 г.). Кижинь стремился к наиболее тесному союзу с Китаем, и китайский император сам научает тюркского кагана способам долгого царствования, он говорит Кижиню: «Великий муж, просвещая народ, не требует изменения в обычаях».⁶ Однако не изменять обычаи было уже поздно. Они изменялись неумолимо объективным ходом исторического развития, в частности уже первыми элементами классовой борьбы в обществе тюрков.

Связью с Китаем отчасти укрепляется знать тюркского общества, что вело не к объединению тюркских племен, а к постепенному их подчинению Китаю, но и в самом Китае политическая ситуация изменяется. К концу Суйской династии, перед началом Танской (618—619), по Китаю прокатилась широкая волна крестьянских движений; тюрки, пока еще варвары, поддерживают это восстание. В китайской летописи прямо говорится, что «в конце династии Суй открылись замешательства, в продолжение которых великое множество жителей Среднего

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 281.

² Там же, стр. 283.

³ Ср. борьбу между Тули-ханом и Дул-нем.

⁴ «Подчиненные» здесь надо понимать, вероятно, как «приближенные», ибо династические китайские хроники вряд ли имеют в виду «подчиненные» как подчиненный народ.

⁵ И. Бичурин, ук. соч., 287. — St. Julien, op. cit., p. 523. В биографии Tch'ang-Sun-tsching сказано, что в 600-х годах Тон-лан-кхан убивал «собственных солдат» (ses propres soldats).

⁶ И. Бичурин, ук. соч., стр. 289.

государства перешло к Шиби-хану и он сделался могущественнейшим государем».¹ Объективное участие варваров в этом движении способствовало разрушению общественного порядка в Китае, дополнило восстание крепостных и поэтому являлось прогрессивным движением. Но в связи с этим, повторяем, крепла родовая знать тюрков, усиливалась эксплуатация внутри тюркского народа, и этим самым обострялись классовые противоречия внутри тюркского общества.

Укрепление Танской династии и снова растущее влияние Китая на тюрков ведет к их ослаблению. Тюрки совместно с «мятежниками» (в частности с Лю-ву-чжеу) еще пытаются выступить против феодального государства Китая (619 г.), но уже Чуло-хан (младший брат Шиби) помогает, хотя и безуспешно, восстановлению династий Суй, т. е. больше ориентируется на феодальную знать Китая. При сменившем его младшем брате Хели-хане, а затем при его сыне Тули-хане, ориентировавшихся на Суйскую династию, произошло окончательное подчинение тюрков Китаю, падающее, примерно, на 630 г.²

Процесс подчинения тюрков феодальному Китаю, начавшийся при возникновении восточного дома «Ту'гю», пошел тем быстрее, чем сильнее развивались используемые Китаем классовые противоречия внутри тюркского общества. Собственно Китай действовал по двум линиям: с одной стороны, он вел мирную политику союза с родовой знатью, с другой — методами просто военного насилия. Эти методы порабощения китайцами тюрков и подчинение их с 630 по 680 г. отмечены древне-тюркскими текстами; наиболее ярко это запечатлелось в памятниках Кюль-тегину и Могилян-хану. Подтверждение о союзе китайцев со знатью тюрков путем закармливания во времена династии Суй мы видим в следующем тексте:

«У китайского народа, дающего [нам теперь] без стеснения [нас] столько золота, серебра, спирта [или зерна?] и шелка, [всегда] была речь сладкая, а дары «мягкие» [т. е. роскошные, изнеживающие], прельщая сладкой речью и роскошными дарами, они столь [т. е. весьма] сильно привлекали к себе далеко [жившие] народы: [те же] поселялись вплотную [с китайцами], усваивали себе там «образованность» [т. е. приобретали неправильный взгляд на вещи, вследствие чего потом и сами гибли, и других губили].

[Однако истинно] хороших, мудрых людей, добрых витязей они [т. е. развращенные китайцами люди] не [могли] сдвинуть [с места]

¹ И. Бичурин, ук. соч. стр. 291. Шиби-хан, сын Кижиня, вошел на «престол» после смерти последнего в 609 г. Указывается цифра ушедших к тюркам китайцев в 80 000 чел. После подавления восстания «все они по возвращении оставлены в народном сословии» (стр. 307); ср.: St. Julien, op. cit., pp. 538—539.

Характерно отношение китайцев к тюркам этой эпохи: они называют их своими рабами (в переводе St. Julien'a); так напр., китайский император говорит о тюрках: «Comme les Tou-Kioue étaient mes sujets et qu'ils s'étaient révoltés je devais les exterminer tous; maintenant je les ai fait decapiter. Voilà pourquoi j'ai ordonné qu'on allât vous en informer» (стр. 543). Тюрки во времена подчинения Китаю называют себя также рабами, ибо иная форма эксплуатации не созрела еще у них в эту эпоху. Ср.: И. Бичурин, ук. соч., стр. 538. Ср. также: «Sur la fin de la dynasty de Sini il y eut de grands troubles et de nombreuses défections», а также: «La douzième année de la période Ta-nie (616), les Tou-khoue revinrent pour ravager la ville de Ta-i (Li-vouen), prince de Thang les attaque avec ses soldats et les mit en fuite» (St. Julien, op. cit., p. 545).

² Ср.: St. Julien, op. cit., pp. 548—549. «A partir de cette époque les Turcs perdirent courage et se soumirent complètement aux vaillantes troupes de l'empereur». — Ср.: St. Julien, op. cit., JA, т. IV, 204. Там же, см.: Чуло-хан, стр. 205 и сл. Ср. о Хели-хане и Мули-хане.

[т. е. побудить к нежелательному переселению]; [но уже] если один кто-нибудь [из тюрков] соблазнялся [в этом отношении], то они [китайцы и их сторонники] не отпускали его [более] в колыбель рода и племени своего. Дав себя прельстить их складной речью и роскошными дарами, ты, о турецкий народ, [и на моей памяти] погиб в большом количестве. О турецкий народ, [такова была] твоя погибель».¹

По поводу же революционного периода в обществе тюрков, способствовавшего ослаблению тюркской знати и вследствие этого успеху покорения тюрков китайцами, отмечаемого нами с 600 г. (Буга-хан), позволим себе повторить уже цитированное место из большой надписи Кюль-тегину (и Могилян-хану), в которой смуты датируются сразу после смерти Тумыня: «После него стал каганом его младший брат² [или: его младшие братья], [а потом] его сын [или: его сыновья].³ После того как младший брат [или: младшие братья] не был подобен старшему, а сын [или сыновья] не был подобен отцу, то и сели [на царство] неразумные каганы. Сели [на царство] трусливые каганы, все их «буюруки» были неразумны, были трусливы. Вследствие «непрямоты» [т. е. неверности кагану] бегов и народа, вследствие подстрекаательства и шпионства китайского народа и вследствие его прельщений, а также вследствие того, что они [китайцы] ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и бегов, — турецкий народ привел в расстройство свой [до того времени] существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним [до того времени] кагана; китайскому народу стали они [турки] рабами со [?] своими крепкими сыновьями и со своими чистыми дочерьми.⁴ Турецкие беги сложили [с себя] свои турецкие имена [т. е. звания, титулы] и, приняв [как китайские важные] [?] беги, китайские имена [т. е. титулы] подчинились китайскому кагану.

Пятьдесят лет отдавала они ему свои труды и силы».

Эти пятьдесят лет, под каганством Хели-хан-Дуби, Тули-хана, Иминишу-Сыбилы-хан-Сымо (641), Чеби-хана (647—682), не без ряда восстаний против феодального гнета Китая, просуществовали турецкие племена.⁵ В период подчинения тюрков Китаю продолжался процесс классо-

¹ КТ, 5—6. Перевод несколько уточнен: «Bir kişi jañylsar oçusy buduny başkınıñ tigi qvdmaz armiş». Вставка П. Мелноранского «и на моей памяти» мне не понятна, так как при жизни Кюль-тегина тюрки не были под властью Китая.

² Если принимать Исиги за Истемн, то после Исиги действительно ему наследовал не сын, а брат (Кигинь), так что мы убеждены, что Бумын и Истемн — это два разные лица: Тумынь и Исиги китайских летописей. В. В. Радлов, в частности, предполагал, что это одно лицо (АТМ, I, стр. IX, прим. 1).

³ Вероятно, Шабалию, фактически царствовавший вместо Тобохана (ср. стр. 274—276).

⁴ Здесь возможен иной перевод: «Беговское мужское потомство рабом стало, благородное женское потомство рабынями стало» (başlık ury oçlun qul boldy, silik quz oçlun küñ boldy) (КТ, II, 4—8). Ср. также указание St. Julien'a в его работе (т. IV, стр. 222—223), о раздорах в 627 г.: «les hordes des Sie-yen-to des Hoci-he (Origours) te des Pa-ye-kou, s'étant revoltées». Ср. там же (стр. 226) о Sie-yen-to.

⁵ Так напр., ср. слова: «les Turcs conserveront à jamais le souvenir de ce bienfait; pourquoi se révolteraient-ils» (St. Julien, op. cit., p. 236). О причинах подчинения ряда тюркских племен Китаю ср. St. Julien, op. cit., pp. 238 и 239: «Les hordes des Mo-Ko, ayant établi leurs tentes dans l'arrondissement de Yeou-tcheou, tous les habitants des pays orientaux se soumettent à eux. Comme Tho-li levait des impôts aussi lourds qu'injustes, ses sujets ne purent s'attacher à sa cause, voilà pourquoi les Sie-yen-to, le Hi et les Si etc. se soumettent tous à la Chine». Я думаю, что это возмание поборов было началом узурпации общинных порядков, т. е. интенсивным процессом феодализации, почему ряд племен сочли за благо пойти в качестве наемников в Китай и «охранять» его границы, чем платить поборы своим «сородичам».

вого расслоения. Подкупаемая Китаем родовая знать тюрков, растущие имущественные различия, укрепление бега вели к формированию господствующего класса тюрков, вместе с тем и к обострению противоречий внутри тюркского народа, «Китаизированная» тюркская знать неоднократно пыталась подняться против Китая за монопольную эксплуатацию своего собственного народа. Бэрьба за «независимость» была борьбой тюркской знати за монопольную эксплуатацию общины, и эта борьба против Китая, тесно переплетенная с классовой борьбой внутри тюркского народа между «бегом и народом», быстро довершила процесс модификации союза племен в народ, заменила органы родового строя еще молодым, но быстро крепнувшим государством. С эпохи Гудулу-хана и с момента освобождения тюрков из-под власти Китая (682—683) процесс классообразования, вместе с тем и сложения тюркской народности, начал развиваться еще более быстрыми темпами.

Еще в 679 г. при Чеби-хане началось одно из крупных восстаний против Китая, продолжавшееся до выступления Гудулу-хана, возглавляемое сначала Ашина-Ниши-Фу-ханом, затем Фуняном. Вскоре после умирения этого восстания началось в 682 г. другое, возглавляемое Гудулу-каганом. Это восстание оказалось более удачным по своему исходу, чем первое. Гудулу «наследственно» получил достоинство тутуня.¹ Гудулу был, по всей вероятности, крупный владелец. О нем китайские летописи сообщают, что «Гудулу опрабил девять родов и мало-по-малу очень разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом».² Гудулу-кагану (он же Ильтерес-каган древнетюркских текстов) много внимания посвящено в орхонских памятниках Кюль-тегина и Могилян-хана, а также особенно в текстах Онгинском и Тоньюкука. В памятнике Кюль-тегина появление Гудулу (Ильтерес-кагана) описывается несколько легендарно. «Наверху небо тюрков и священная земля и вода тюрков так сделали, говоря: да не погибнет народ турецкий, народ... (?) Небо поддерживая сверху [букв. сверху темени] отца моего, Ильтерес-кагана, и мать мою Иль-Бильга-катун, подняло их кверху [т. е. возвысило их над народом]». В Онгинском памятнике кратко также упоминается о роли Ильтереса, поднявшего тюркский народ. Более подробное перечисление походов и достижений Ильтереса дает памятник Тоньюкука.³ Тоньюкук [Юань-чжен] — «тюрков» — воспитывался в Китае. Посаженный в тюрьму за какие-то провинности, он отпросился на свободу на борьбу с мятежниками-тюрками. Получив свободу, он соединился с тюрками и повел их борьбу против Китая.⁴ Тоньюкук принадлежал к крупной родовой знати. Надпись Тоньюкука является, во-первых, крупным политическим документом рассматриваемой нами эпохи, во-вторых, платформой, верней — декларацией оппозиции, которая поддерживала древнее родовое устройство. «Аристократ» тюркского общества Тоньюкук не только сухо догматически излагает ход сражений тюрков против Китая и с племенами, окружавшими тюрков, но произносит обвинительную речь против тех, кто впоследствии «забывал» его заслуги (и Ильтерес-кагана). Тоньюкук, главным образом, идеологический деятель Ильтереса, его главный советник. Он обвиняет тюркский

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 322. Тутунь — вероятно тутук, о чем см. выше в главе V.

² Там же, стр. 322. Ср. F. Hirth, ATIM, Zweite Folge, S. 22.

³ КТ II, 11.

⁴ Ср. В. В. Бартольд, ЖМНП, стр. 234. В этой части данные целиком подтверждаются текстами Кюль-тегина и Могилян-хана и китайскими известиями.

народ в том, что он бросил своего хана и предался Китаю, вследствие чего «умер турецкий народ, ослаб, и не было его больше. В земле турецкого сырского народа не было государственной организации [букв.: тела]».¹ Тоньюкук перечисляет организованные им совместно с Ильтересом походы. Тоньюкук — мудрый советник, мудрость свою он сам формулирует: «если Ильтерес знает тощих и жирных быков сзади [издали], то какие жирные и какие тощие [в отдельности] он не знает».² Сам Тоньюкук особо подчеркивает свою идеологическую миссию: «товарищем знания, товарищем славы я [себя] видел».³ Не столько в бою, сколько в организации боя участвовал Тоньюкук, широко используя лазутчиков. Характерно, что в этот период почти невозможно определить, что такое тюркский народ. Это отдельные племена, некоторые из которых идут в союзе с Ильтересом, других принуждают оружием. Идет процесс формирования тюркского народа и создания тюркского государства, сопровождаемый классовой борьбой. Недаром сам Тоньюкук приводит суждения тюркешского кагана о том, что «турецкий народ — мятежный».⁴ «Мятежи» поднимал не только эксплуатируемый класс против господствующего, — полного единства не было и среди самого господствующего класса. Тоньюкук указывает на готовящуюся измену со стороны Богу-кагана, сына Мочжо, младшего брата Гудулу.⁵ Характерно, что группировка Мочжо с его сыновьями была направлена против Тоньюкука, и во время господства Мочжо (693—716) Тоньюкук был в опале. В период же деятельности Ильтереса ближайшими союзниками были его сыновья, в частности Могилян-хан. Во время деятельности последнего Тоньюкук, бывший в опале у Мочжо, снова был приближен к «престолу». Деятельность Ильтереса и Тоньюкука⁶ тщательно описывается Тоньюкуком, который своими заслугами реабилитируется перед Мочжо следующими словами: «Если бы Ильтерес-каган не приобретал бы, если бы его не было и если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не приобретал бы и если бы меня не было, — то в земле тюркско-сырского народа Капаган-кагана [Мочжо] организации, также народа, также и людей, также и хозяина не было. Из-за приобретений Ильтерес-кагана и мудрого Тоньюкука [возможно] существование тюркско-сырского народа Капаган-кагана. Этот Капаган-каган тюркский каган сидит [благодаря Ильтересу и Тоньюкуку], возвышая тюркско-сырский народ и огузский народ».⁷

По смерти Гудулу на престол сел давно домогавшийся престола Мочжо, младший брат Гудулу. Китайская летопись прямо указывает, что «Мочжо сам объявил себя ханом и через несколько лет после похищения престола произвел нападение на Линчжеу».⁸ Мочжо вызывал недовольство в среде тюркского народа. Он, во-первых, снял с командных высот Тоньюкука и в стеле, поставленной в честь Гудулу, пытался оправдаться в своем поведении. Он прямо указывает, что «по отношению к Ильтерес-кагану мы не отделились и не погрешали».⁹ Во времена

¹ Т, 3—4.

² Там же, 5—6.

³ Там же, 7.

⁴ Там же, 22—23.

⁵ Там же, 34—45.

⁶ О походах см. в главе «Источники», памятник Т. Ср. также КТ, II, 11—16.

⁷ Ср. М, 60—63.

⁸ И. Бичурин, ук. соч., стр. 324.

⁹ Т, ГХ, 11.

Мочжо Могилян был шадом народа тардушей. В надписях Кюль-тегина и Могилян-хана не чувствуется враждебного отношения к их дяде Мочжо. Господство Мочжо — это период укрепления каганской власти, чему способствовали удачные завоевания последнего. Интересно, что Мочжо просит у Китая в порядке дани земледельческие орудия. Эта попытка эмансипации от Китая сопровождалась, вероятно, стремлением посадить на землю либо рабов, либо свою общину. И в том и в другом случае это вело к развитию классовых отношений. Недаром в текстах Кюль-тегина и Могилян-хана указано, что в эпоху Мочжо «рабы стали рабовладельцами, а рабыни рабовладелицами».¹ Укрепление каганской власти вызывало усиление эксплуатации тюркского народа.

В эпоху Мочжо начинается новый тур восстаний, что очевидно из следующего текста Кюль-тегина: «Таков был приобретенный нами племенной союз и такова проявлявшаяся нами власть. [О, вы] тюркские [и] огузские беги и народ, слушайте. Между тем как небо сверху не давило [тебя] и земля внизу не разверзлась [под тобой] [т. е. между тем как ниоткуда не угрожала опасность], о тюркский народ, кто погубил твое государство [букв.: твой племенной союз] и законную [власть над тобой]. Покайся. Ты сам провинился и сделал глупость [по отношению] к твоему мудрому кагану, возвысившему тебя благодаря твоей же [прежней верности и] по отношению [к твоему] племенному союзу, хорошему по своим качествам и делам. Откуда пришли вооруженные [люди] и рассеяли тебя. Откуда пришли копыеносцы и увлекли тебя. Ты [сам], о народ священной Утукенской черни, ушел. Ты ходил вперед [т. е. на восток], то ты ходил назад [т. е. на запад], и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала [там], как вода, твои кости лежали [т. е. нагромождались] [там], как горы; твое беговское потомство стало рабами, твое благородное женское потомство стало рабынями. Вследствие [твоего] непонимания [своего блага] и вследствие твоей низости мой дядя каган улетел [т. е. умер]».² В этом чрезвычайно интересном отрывке надписи засвидетельствована классовая борьба, приведшая опять к кризису тюркского государства.

Мы указывали, что обеднение кочевника влечет его к оседанию.³ Создававшаяся зависимая от байства прослойка джатачества образует экономическую основу, которую эксплуатирует байство.⁴

Таким образом эксплуатируемая часть населения изменяет характер производства, становясь из кочевников полукочевниками и, наконец, оседлыми земледельцами. Когда оседание принимает большие размеры, тогда кочующая верхушка имеет все экономические основания осесть, и тогда действительно мы наблюдаем стремление осесть. Указание на то, что Мочжо доставал у Китая земледельческие орудия, свидетельствует по нашему мнению о том, что в этот период классовое расслоение зашло так далеко, что зависимая община превращалась из кочевой в оседлую. Естественно, что господствующий слой стремился получить из Китая такие орудия производства, которые необходимы были для

¹ КТ, II, 22.

² КШ, II, 22—24. Перевод несколько уточнен.

³ Несколько иначе развивался процесс оседания западных тюрков во время каранидской династии XI—XII вв.

⁴ А. Бернштам. Разложение родового строя у кочевников Азии, Сов. этногр., 1934, № 6.

изменившихся форм хозяйства. Отданные крестьянству, они послужили причиной еще большего развития зависимости от бегства. Рост феодализма и его развитие даже у кочевников влекли к отношениям, основанным на земледелии и землевладении.

Вообще период Мочжо или Капаган-кагана я бы назвал периодом «интенсивной феодализации». Если тюркские источники, писанные по заданию верховной знати, не дают нам право утверждать о жестокости Мочжо, то это не значит, что он не был жестоким. Диктаторство Мочжо сказывалось во всей его политике, во всем его поведении. Основная задача, которую он выполнял, реализуя требования формирующегося класса, — это максимально эмансипировать тюркский народ от Китая, а в связи с последним естественно вырастала необходимость увеличивать и развивать внутренние возможности эксплуатации. Последнее приводило к резкому сопротивлению со стороны тюркского народа, отнюдь не удовлетворявшегося подачками, получаемыми после удачных походов и бывшими к тому же обоюдоострыми, ибо, как мы указывали выше, эти подачки могли приводить (и приводили) к росту кабальных сделок типа сауна и ювара, наблюдаемых в недавнем прошлом у кочевых народов.

Китайские летописи отмечают жестокость Мочжо и регистрируют возмущения внутри тюркского народа, ибо китайская знать, будучи опытным и наученным стратегом, ведущим все время борьбу экономическую и просто военную с периферией, интересовалась, не без пользы для себя, внутритюркскими восстаниями.

Вот почему мы находим, например, такого типа указания о Мочжо: «Comme il tyrannisait ses sujets, et que la vieillesse avait augmenté la faiblesse d'esprit et sa cruauté ses hordes l'avaient pris en haine et s'étaient révoltées»,¹ которые нам характеризуют усиливающийся рост эксплуататорских тенденций и до некоторой степени объясняют ту классовую борьбу, которая в слабой степени, но все же отмечена и тюркскими текстами.²

Могиян-хан, обращаясь к народу, подчеркивает гибель не столько самого народа, сколько бегства. Он призывает к консолидации в первую очередь бегов. «Низость» (о которой говорят тексты) тюркского народа рассматривается нами как указание текста определенной классовой направленности на классовую борьбу, приведшую, как и прежде, к гибели тюркского каганата. Мятежи, «низости» отмечаются и китайскими летописями.³ Так, начиная с 710 г., «аймаки возроптали и начали отлагаться»,⁴ а в 716 г. племя Баегу убило Мочжо.⁵

Сыну Мочжо Богу не удалось занять престол. Кюль-тегин убил его и поставил на «каганство» своего старшего брата Могиян-хана.⁶ В заслугу Могиян-хану и Кюль-тегину ставится то, что они рядом

¹ St. Julien, op. cit., p. 455.

² О периоде Мочжо ср.: K. Grousset. Histoire de l'Extrême Orient. Paris, 1929, pp. 268—277; гл. II: «Impérialisme chinois en Asie sous les T'ang Règne de l'ai-tsong».

³ И. Бичурин, ук. соч., 324—325.

⁴ Там же, стр. 331.

⁵ Там же. Ср. St. Julien (op. cit.) о предшествующих конфликтах с племенами Ба-егу (Pa-ye-kou): «Me-tch'oue alla châtier les chefs des neuf familles ou hordes (des Pa-ye-kou), et leur livra bataille au nord du grand désert. Les neuf familles furent écrasées et périrent avec tous leurs animaux domestiques» (стр. 457). Об убийстве Me-tch'oue племенем Pa-ye-kou ср. стр. 458.

⁶ St. Julien, op. cit., p. 458. Кюль-тегин — Kioue-te-le; Гудулу — Ko-tu-lo; Могиян — Me-ki-liea «qui prit le titre de Pi-kin-khan» (Бильге-хан).

походов возвысили тюркский народ, из бедного народа сделали его богатым, из немногочисленного сделали многочисленным. После похода 721 г. на Китай между тюрками и китайцами устанавливаются мирные взаимоотношения.¹ Сам Могилян-хан также меняет тактику и среди своих подчиненных ничего «не делал огнем и водой»² и «творил добро».³ Как сообщает Ст. Жюльен, «il était humain et plein d'amitié fraternelle».⁴

Однако борьба с племенами продолжается. В чем выражалось «добро» Могилян-хана, трудно сказать. «Мир», царствовавший в эпоху Могилян-хана, мы объясняем тем положением, что он ведет политику примирения противоречий между бегами и старой родовой знатью. Так, Могилян «призвал Тоньюку в советники к себе», что подтверждают и данные Ст. Жюльена, сообщаящего что «Me-ki-lien, se voyant abandonné de la plupart des hordes turques, avait appelé Tou-you-kou pour le consulter sur les affaires du royaume. C'était un homme de soixante-dix qui inspirait à tout le monde une crainte respectueuse. Tout à coup, Ssethai de la horde de Hie-thie et autres vinrent du coude du fleuve Jaune et se soumirent à lui».⁵

И действительно, если верить китайским известиям, запечатлевшим даже подлинные советы Тоньюкука, последний у Могиляна выполнял роль советника. Крайне интересно выступление Тоньюкука против буддизма, принятого, как мы указывали, тюрками при хане Тобо (см. выше). «Me-ki-lien voulait, en outre, entourer de murs sa résidence, et y élever des temples, consacrés au Bouddha et à Lao-tseu. Tun-yo-ko lui dit: „Tous les Tou-kioue ne peuvent tenir tête aux Thang; ceux qui sont en état de combattre et dont le nombre est d'un sur cent, cherchent les eaux et les herbages, se livrent à la chasse, n'ont pas de demeure fixe et s'exercent à la guerre. Quand ils se sentent forts, ils vont en avant, s'ils se croient faibles, ils s'enfuient et se cachent. Si vous vous établissez dans une ville murée, et que vous soyez une fois vaincu, vous ne pouvez manquer de devenir leur prisonnier. Quant au Bouddha et à Lao-tseu ils enseignent aux hommes la douceur et l'humilité; ce n'est pas la science des guerriers»».⁶

Это крайне любопытное указание китайских источников на отношение Тоньюкука к буддизму подтверждает высказанное нами выше утверждение о том, что Тоньюкук олицетворял собой родовую знать, покоящуюся на развитом родовом строе с его иным для данной эпохи экономическим содержанием. Оседание противно натуре Тоньюкука, ибо от этого выигрывает бегство, с которым Тоньюкук состоит во вражде. Доставка Мочжо земледельческих орудий из Китая, усиление оседлости в эту эпоху вели к развитию земледельческого труда и вместе с тем к усилению ведущей роли бегства, силы, угрожающе поднимавшейся против старой родовой знати. Буддизм — идеологическое орудие, которое ближе интересам бегства, выражает тенденцию ее роста. Поэтому Тоньюкук всячески противодействует стремлениям Могиляна поддаться оседанию. Тоньюкук — за старые традиции военной демократии и варварства, Тоньюкук за родовой строй, за его узурпацию, а сохра-

¹ K. Grousset, op. cit., pp. 277—284. «Règne de Hiuan tsong». Сюань-Цзун — автор китайской надписи на стеле Могилян-хану.

² КШ, II, 27.

³ Там же 29.

⁴ St. Julien, op. cit., p. 459.

⁵ И. Бичурин, ук. соч., стр. 332. Ср.: St. Julien, op. cit., p. 459. По данным St. Julien, дочь Tun-yo-koу Pei-tou была замужем за Me-ki-lien'ом. Тоньюкук у Жюльена назван «consulteur» (ср. там же).

⁶ St. Julien, op. cit., p. 460—461.

нение благоприятных условий существования родовой знати требовало старых традиционных форм хозяйства, но отнюдь не их разрушения.

В словах Тоньюкука сказалась вся политика идеолога родовой знати, упорно сопротивлявшегося растущему новому слою — бегству. Платформа Тоньюкука — платформа реакции против роста феодализма.

Очевидна и связь Могиляна с бегством. На могилу Могиляна приходили беги (в частности Кули-Чур, бег тардушский).¹ При восшествии на «престол» он обращается к окружающим «престол» чиновникам, среди которых немалое количество бегов. Речь его направлена также и к бегам токуз-огузского племени.² Бегство сильно развивается в эпоху Могилян-хана, ибо, сохраняя старые родовые традиции, Могилян видел в союзе с бегами укрепление своего положения. Ставка на бегов не могла привести к другим результатам, как дальнейшее развитие эксплуатации. Развитие бегства было противоречивым. С одной стороны, беги развивали эксплуатацию и этим самым разрушали родовые отношения, с другой — они были сами заинтересованы в сохранении родового строя и общинной организации, превратив их в свое собственное орудие для достижения своих эксплуататорских тенденций. Но при таком положении истинным владельцем рода становился бег, он приобретал все большее и большее значение, и даже история последующих за Могилян-ханов (Могилян умер в 733 г.)³ — сына его Ижания (до 739 г.), младшего брата Ижания Бигя-Гудулу (Бильга-Гудулу — Pi-kian-koto khan) (739—742 гг.) и др. не внесла ничего нового, кроме сплошных междоусобиц.⁴ Так, междоусобия процветали со времен Бигя-Гудулу-хана, вследствие чего не его потомство, а сын восточного ша (шада) Усу-Миши (Ozmys) занял «престол» и был убит вскоре уйгурами (убит Pa-si-mi в 744 г.). «Выбранный» на «престол» Баймэй-хан-Хулунфу в период больших смут фактически не является уже представителем тюркской династии. Междоусобия помогли уйгурам прекратить существование тюркского государства в 747 г. Появление уйгурской династии является ответом на ту роль, которую стали играть беги. Укрепление последних в родовой общине представляло серьезную угрозу для родовой аристократии. Началось движение, которое стремилось разбить центробежные стремления родовой знати и создать единое централизованное государство, которое бы обеспечило торжество королевской власти над эксплуатируемыми, но еще сохраняющимися родами. Этим вызвано то обстоятельство, что Моюн-Чур стремится выступить в союзе с «простым черным народом» против бегства. Появление уйгурской династии и ее политика крайне интересны этим ростом централизующих тенденций, сложением феодального государства, в эпоху Моюн-Чура активно, но бесполезно пытающегося подчинить себе отдельные разрозненные, родоплеменные, теперь уже общинные организации, возглавляемые бегами.

2. ЗАПАДНЫЙ КАГАНАТ

Прежде чем перейти к краткому обзору истории уйгуров эпохи Моюн-Чура, надлежит, хотя бы в самых общих чертах, остановиться на истории западных тюрков, так как хотя в истории древнетюркского общества главную роль играли восточные тюрки, однако с ними были

¹ О Кули-Чуре см. главу «Источники».

² См. главу «Классы и классовая борьба».

³ St. Julien, op. cit., pp. 470—731.

⁴ Ср.: St. Julien, op. cit., pp. 464—465 sq, p. 470 sq.

связаны западные тюрки. Ряд походов восточными тюрками был проведен с западными, особенно при выходе их в Среднюю Азию, точнее в Согд. Нами рассматривались также тексты, в которых мы неоднократно сталкивались с западными тюрками. Текст Тоньюкука почти целиком посвящен борьбе восточных и западных тюрков и т. д. Характерно, что западные тюрки имели в качестве своего союзника Китай. Последний стремился к политической экспансии в Средней Азии. Согдийские дехкане обращались, кроме тюрков, в Китай за помощью против арабов. Осуществить свою экспансию в Средней Азии Китай смог бы, имея в качестве своего авангарда семиреченских тюрков, ближайших соседей Согда. Этим объясняется частая помощь западным тюркам, что в значительной степени осложняло победу восточных. Кроме того, Китай был заинтересован разбить скорей восточных тюрков, так как они были ближайшими его соседями. Указанные факты в достаточной степени оправдывают нижеприводимый краткий обзор истории западного дома. В китайских известиях о тюрках отмечается, что в 572 г. после смерти Муюй-хан-Кигиня на «престол» вззошел не сын его Далобянь, а младший брат Кигиня, дядя Далобяня Тобо-хан.¹ Такое престолонаследие было обычным еще со времен гуннов, если сын хана был несовершеннолетним. Однако Тобо-хан перед смертью не хотел, чтобы ему наследовал племянник, и передал свои права сыну Яньло, несмотря на настойчивые посягательства Далобяня. По смерти Тобо-хана Яньло неспособен был противостоять Далобяню и «уступил престол Негу», известному в истории под названием «Шабوليو-хан». Далобянь был сделан Або-ханом (Ара-хан?) над рядом аймаков. Далобянь вскоре соединился с Дату-ханом (двоюродным дядей по отцу Шабوليو-хана), с Тань-ханом и с Дилэча (двоюродным братом Шабوليو с отцовской стороны) и начал борьбу с Шабوليو. В результате междоусобий между Шабوليو и Далобянем, относимых китайскими источниками к 580 г., оформились западные тюрки в своеобразную федерацию недовольных племен, известных под названием западного дома ту'гю и находившихся все время под протекторатом восточных тюрков.

История западных тюрков не располагает таким количеством источников, как восточные. Наши сведения о них основаны почти исключительно на китайских известиях, достаточно детально сведенных Эд. Шаванном в его монографии, выше нами отмеченной. Эд. Шаванном дан также обзор истории западных тюрков. Вещественных источников из области западных тюрков мы в достаточном количестве не имеем. Наглядный же в нашем распоряжении материал из раскопок Семиречья (основной район распространения западных тюрков)² абсолютно не систематизирован и вообще немногочислен.³ Известно также, что запад-

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 274.

² Точнее см.: Ed. Chavannes, op. cit., p. 14. Он предполагает, что их граница на западе доходила до Ташкента.

³ Богатые археологические данные, собранные нами во время экспедиций 1936—1944 гг., проведенные под нашим руководством, не включены в настоящий текст, имеющий своей задачей отразить лишь политическую историю западных тюрков в связи с историей восточных. Результаты наших работ в Семиречье см.: А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины; его же, Археологический очерк Северной Киргизии, а также статьи в ТОВ, II; КС IV, VI; ВДИ № 2, 1939, № 2 1940. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского Канала, Фрунзе, 1943. Ср. также наше предисловие к работе В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943. Полные отчеты экспедиций подготовлены нами к печати.

ные тюрки не оставили (вернее, они нам пока неизвестны) стел, подобных кошо-цайдамовским. Из рунических текстов района западных тюрков мы можем только отметить небольшие эпиграфы на валунных надмогильных памятниках¹ и надпись на палочке, найденную в 1932 г. Масоном и изданную в настоящее время С. Е. Маловым.²

Некоторые данные об истории западных тюрков дают надписи восточных тюрков. Таким образом об истории западных тюрков мы можем судить по источникам народов, имевших с западными тюрками столкновения военного или торгового характера, источники же, ими оставленные, нам почти неизвестны. Ввиду того, что Средняя Азия в «доисламскую» эпоху и в эпоху арабов знала восточных тюрков главным образом по столкновениям с западными, мы сочли уместным кратко остановиться на истории последних, отнюдь не претендуя на исследовательскую оригинальность настоящего очерка.

Политическая история западных тюрков представляется по китайским источникам в следующем виде.

В результате борьбы с Шаболи-ханом Далобянь создал объединение, в которое входили не только пограничные между западными и восточными тюрками телесцы (толесы), но и часть Восточного Туркестана, в частности оазис Куча.³

До 600 г. западные тюрки имели трех ханов. После взятия Чулохэу Далобяня в плен ему наследовал сын Янсо-дэлэ (Яньсо-тегинь?), получивший титул Нили-хан, а по смерти Нили-хана ханом стал его сын Дамань под наименованием Нигю-Чуло-хан. Местопребыванием Чуло-хана, по сведениям Тан-Шу, была Усуньская земля (район Иссык-куля). Усиление восточного дома, поражение в битве с толесами заставили Чуло-хана принять протекторат Китая и заключить с Китаем союз, который ему предложил китайский император Ян-ди через посредство сановника Цуй-гюнь-су в 605 г.

Чуло-хан закончил свою жизнь в Китае,⁴ участвуя в походах в Корею и в войне с провинциями Ляо-дун, у тюрков же в это время ханом был Шегуй, которого в 618—619 г. сменил Тун-Шеху-хан,⁵ младший брат Шегуй-хана. С именем последнего связаны данные об укреплении западных тюрков и победа в Персии.

619-й год — год восстановления Танской династии, которая поставила перед собой в частности задачу разбить восточных тюрков, для чего заключила договор с западными.

¹ Ср. выше главу «Источники».

² Ср. выше. Нам известны еще мелкие неизданные рунические надписи, происходящие из Семиречья, напр. надпись на китайском зеркале из Урджар (хранится в отделе Востока Гос. Эрмитажа). Кроме того, о западных тюрках имеются известия в византийских источниках (Менандр, Феофилакт), армянских (Моисей Каганкатвази, Моисей Хоренский), арабских (особенно Табари). По этим источникам можно установить некоторые детали, особенно по древнейшему периоду тюрков. О западных тюрках см.: М. А. Артамонов. Очерки истории хазар. Соцэкгиз, 1937.

³ Ср.: И. Бичурин, ук. соч., 340. — Ed. Chavannes, op. cit., p. 13 (по Soei-chou). По свидетельству Тан-шу: «En effet, Boumin qayan, ancêtre des Tou-kieu septentrionaux, et Istami qayan, ancêtre des Tou-kieu occidentaux, sont tous des fils de grand T'ou-ou» (ср. там же, стр. 20).

⁴ По сведениям у Ed. Chavannes'a «dans son (Чуло-хан) royaume il y eut grand nombre de gens qui se revoltèrent» (стр. 15).

⁵ Шеху — китайская транскрипция тюркского термина джабгу-ябгу, см. А. Бернштам. О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. Памяти академика Н. Я. Марра, М.—Л. 1938.

Скрепление договора, как обычно, происходило путем брака тюркского хана с китайской принцессой. Последнее не произошло, так как восточные тюрки не допустили проезда через их земли китайской принцессы. К тому же в среде западных тюрков произошли восстания, закончившиеся убийством Тун-Шеха его родственником Мохэду, вступившим на «престол» под названием Кюйли-Сыби-хана. Во времена последнего междоусобия продолжались, в результате чего владения западных тюрков Афганистан, Персия и Кипчак вышли из-под их влияния. Против Сыби-хана восставали, во-первых, племена под руководством Нишу-Мохэ-Ше-хана (шада?) и сына Тун-Шеху Шили-Дэлэ (тегиня), находившегося среди кангюйцев. Победа досталась Сы-Шеху. Его восшествие ознаменовалось борьбой с телэским Сеяньто (толесами и тардушами?) и с восточно-туркестанскими оазисами, например, Карашаром, где скрывался Нишу, победивший хана и занявший его место под именем Дулу-хана.

Некоторый интерес представляет реформа его младшего брата Тунво-Ше (Шаболо-Хилиши-хан), который разделил свои владения на 10 аймаков, назвав их «десять Ше и также десять стрел».¹ Китайская летопись свидетельствует, что «Дулу-хан не был любим народом» и Хилиши приходилось воевать с подчиненным, неоднократно скрываясь в Карашаре.

К 639 г., по свидетельству Гань-му, произошло дальнейшее разделение западных тюрков на две половины, озаменованное ростом междоусобий и калейдоскопической сменой ханов (Иби-Дулу-хана Юйгу-Ше, Икюйлиши-Иби-хан, Иби-Шаболо-Шеху-хан). Интересно отметить рост классовых противоречий в это время. Бесконечные междоусобия, которые тогда происходили, по-моему, являются свидетельством растущих противоречий в среде господствующей прослойки, которая боролась за право господствовать над народом. Экономической базой для такого господства были рабы, приобретение которых осуществлялось войной. В этом отношении небезынтересен один факт, вскользь отмечаемый летописями. Дулу-хан вел борьбу с племенем кангюй «и как скоро разбил их, то всех пленных взял себе, а не уделил подчиненным. Полководец его Нишу-Чжо рассердился и отнял свою часть. Дулу всенародно отрубил ему голову и выставил на показ».² Приведенное известие является ярким показателем роста узурпации господствующей прослойкой накопленных богатств, вызывающей противоречие со стороны другой, «обиженной части». Варварская дружина становится в противоречие с укрепляющейся мощью вождя-хана, стремящегося укрепить свое могущество усилением рабовладельческих отношений в своем хозяйстве. Естественно, что эта тенденция встречала сопротивление, в результате которого «государство пришло в великое смятение».

Результатом междоусобий было отклонение части тюрков к Китаю, с помощью которого некто Хэлу (после Иби-Шегуй-хана, также с китайской ориентацией), отдав Китаю ряд оазисов Восточного Туркестана (Китай требовал еще в 646 г. у Иби-Шегуй-хана Кучу, Хотан, Кашгар, Чжуцзюйбо и Цун-лин), поддался Китаю в 648 г. и в 651 г.³ овладел всеми землями Дулу-хана (в частности городом Байшунху) и стал официальным ханом под именем Шаболо-хан. Успехи Хэлу (Шаболо) привели к тому, что он получил некоторую самостоятельность, беспокоив-

¹ И. Бичурин, ук. соч., стр. 350.

² Там же, стр. 353.

³ Там же, стр. 355, по свидетельству Ганьму.

шую дом Тан. Вторая половина VII в. идет под знаком борьбы между Шаболо-ханом и китайским двором. Борьба закончилась в пользу Китая, который превратил тюркские владения в свои провинции.¹ Во времена китайского владычества и возникают в районе тюрок города. В частности, имеется указание, что Хэлу при бегстве после битвы пытался спрятаться в городе, принадлежавшем Ине-Дагань.²

Последовавшие за Хэлу ханы не оставили заметных следов в истории, а при хане Ашина-Хянь мы встречаемся с Мочжо-ханом восточных тюрок (704 г.).

В частности, последним ограблены три рода: Гэлолу, Хуву и Шунини. В эти же годы кончается западный дом, и последний его хан Ашин-Синь был убит. Туциши-Учжилэ не имел ханского достоинства, а Согэ сам объявил себя ханом в 708 г.³

Временного подъема достигают западные тюрки, верней тюргеши, при втором «самозванце» хане Сулу, получившем от Китая в 717 г. «княжеское достоинство» и титул Чжунь-шунь.

Деятельность Сулу-хана интересна одной деталью. Стремясь восстановить самостоятельность западных тюрок, Сулу-хан ведет политику вождя, аналогичную той, которая описана в известных нам рунических текстах. Он, как сообщает китайская летопись, «хорошо управлял людьми, был внимателен и бережлив, после каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны, и служили ему всеми силами».⁴ В его период был установлен союз с Тибетом и восточными тюрками (с которыми он вместе⁵ совершал поход в Самарканд против арабов).

Однако впоследствии он награбленную добычу начал мало-по-малу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него.⁶ Случай, нами отмеченный, напоминает аналогичное недовольство, которое было во времена Дулу-хана. Недовольство кончилось, как всегда, убийством Сулу, а его преемники сын Тухосянь-Гучжо и Мохэ-Дагань закончили династийную хронику западных тюрок, окончательно распавшихся к 766 г. и попавших под влияние Гэлолу (карлуков) и уйгур.

Указанная политическая история тюрок фактически кончается 757 годом.

«A partir de cette date, — пишет Эд. Шаванн, — les Tou-küe occidentaux ne forment plus un empire uni et puissant. Tombés sous la suprématie de la Chine, plus tard attaqués par les Tou-küe septentrionaux ils cessent de jouer un rôle politique important et finissent par être complètement vaincus par les karlouks vers le milieu du VIII-e siècle».⁷

Таким образом, западные тюрки, попав под влияние восточных, переживают с последними общую историю, которая на материале восточ-

¹ Ср.: E d. Chavannes. Organisation administrative établie par la Chine dans le territoire des Tou-küe occidentaux (ук. соч., стр. 268 сл.).

² О городах Семпречья см. наши вышецитированные работы, а особенно статью «К исторической топографии Чуйской долины», ВДИ, 2, 1940.

³ И. Бичурин, ук. соч., стр. 367, свидетельство Гань-му, Туциши-тюргеши.

⁴ Там же, стр. 369.

⁵ Там же, стр. 369.

⁶ Ср.: E d. Chavannes, op. cit., p. 46. Ed. Chavannes указывает, что Сулу был женат на дочери Бильге-хана. По мнению Ed. Chavannes, Сулу был предводитель тюргешей [у И. Бичурина — Сулу из Туцишинского рода (ук. соч., стр. 368)].

⁷ St. Julien, op. co., p. 370. Ср.: E d. Chavannes, op. cit., p. 46.

ных тюрок выше нами была разобрана. История же западных тюрок, когда они были самостоятельны, и их связи с другими странами, в частности с сасанидской Персией и с Китаем, не составляют предмет нашего исследования. Наша задача ограничена анализом социально-экономического строя. Судя по археологическим данным и письменным источникам, некоторое своеобразие в социально-экономическом строе западные тюрки имели. Эти своеобразия (в частности большая развитость торговли, оседлости и земледелия) были настолько значительны, что можно предполагать у западных тюрок иной, чем у восточных, путь социально-экономической истории.¹

С историей западного дома тюрок связаны многие тюркоязычные народы Средней Азии, связаны древние хазары и авары. Мы на этих проблемах также сейчас не останавливаемся.²

3. УЙГУРСКАЯ ДИНАСТИЯ И ГИБЕЛЬ ВОСТОЧНОГО ДОМА

В верховьях Селенги в 1909 г. Рамстедтом был открыт памятник с руническими письменами, известный впоследствии в специальной литературе под названием «Селенгинского памятника». Памятник поставлен в честь Моюн-Чура, первого хана уйгурской династии. В тексте описана деятельность Моюн-Чура от убийства последнего хана тюркской династии Озмыша (745 г.) до смерти Моюн-Чура, т. е. до 759 г. Внешне памятник не представляет ничего особенного, по существу же в текстах есть ряд мест, заслуживающих особого внимания.

После смерти Кюль-Бильга-кагана, при восшествии на престол Моюн-Чура, произошли события, следующим образом передаваемые текстом памятников: «после этого мой отец скончался. Черный [простой] народ передавался [в мое владение], но некоторые держали сторону Тай-Бильга-Тутука и провозгласили его каганом; я собрал войска и выступил в поход [против них]. Я их победил...» И далее по поводу этого же похода: «Я тогда победил. Преступных знаменитостей [вельмож]... [многих] небо дало в мои руки. Но их черный простой народ [qara igil budun] я не истребил, их юрты и дома, их табуны я не захватил [не конфисковал]. Я только наложил на них наказание и, велел им жить попрежнему, я их оставил».³

В этом отрывке интересна установка Моюн-Чура на поддержку «черного народа» и убийство знаменитостей (aïuγ). Очевидно, что здесь имела место борьба за власть между отдельными представителями кочевой знати, и Моюн-Чур представлен как выразитель «демократических» интересов «простого черного народа». Попыткой выступить в роли защитника «демократических» интересов и является наложение наказания (дани) на подчиненных вместо прямого захвата в рабство и грабежа. Увод в рабство и грабеж имущества произошли позднее, когда

¹ Cp.: Ed. Chavannes, op. cit., chap. IV.: «Essai sur l'histoire des Tou-kieu occidentaux», p. 217 sq.—В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья.—Он же. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. В 1936—1940 гг. мы провели ряд экспедиций по изучению археологических памятников Семиречья, помогающих раскрыть детали их социально-экономического строя. В настоящее время материалы готовятся к печати. Предварительные публикации даны выше.

² М. Артамонов. Очерк истории хазар. Глава «Турки и хазары».

³ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften..., 1913, XXX («Селенгинский памятник», строки 12 и 1 восточной стороны). Ср. статью Рамстедта «Как был найден Селенгинский камень» и перевод надписи Селенгинского камня (Тр. Троицкого-Скопского Кяхтинского отделения РГО, т. XV, вып. 1). См. также главу «Источники».

подчиненные не захотели «следовать за ним» (т. е. Моюн-Чуром). В случае неподчинения и происходил захват в рабство. Таким образом, если в период Кюль-тегина и Могилян-хана простым и обычным исходом завоевания были грабеж и увод в рабство, то в рассматриваемую нами эпоху имеет место обратное — наложение повинностей в первую очередь, но победитель оставлял старый способ производства. Моюн-Чур все время ориентировался на борьбу непосредственного производителя против своих эксплуататоров, и его фигура выступает в роли «предводителя» и «выразителя» их интересов. В этом отношении интересно его обращение к покоряемому народу: «Из-за низости Тай-Бильга-Тутука, из-за низости одного-двух знаменитостей [именитых] ты, мой черный народ, попал в смерть и в беду, но ты не должен умирать, не должен страдать».¹ Это ярко выраженное «демократическое стремление» имеет тот смысл, что, освобождая от знаменитостей (atlyγ, общин, он (Моюн-Чур) тем самым не уничтожал эксплуатации, а старался ввести централизованное государство. Однако попытка эксплуатировать общину вне союза с бегами, непосредственно с общиной связанных, не могла привести к желательным Моюн-Чуру результатам, эксплуатации через феодальные формы повинностей (в форме дани) рушилась, и он прибегал к непосредственной рабской эксплуатации, более легкой и примитивной, чем эксплуатация феодальная. О неповиновении бегов говорит ряд мест текста. Приведем наиболее яркие: «к кыргызам он послал (бег девяти огузов. — А. Б.), мол, людей [со словами]: «вы выйдете [из союза, т. е. поднимитесь к восстанию], принудьте и чиков к восстанию»² или [измените], сказал он (начальник басмилов. — А. Б.) [по слухам]. Втайне я подыму смуту, сказал он, а вы извне... я хочу [с вами] соединиться [сказал он]».³ Сам Моюн-Чур использовал восстания, которые и возглавлял, для успешного проведения завоевания, так, например, «первые китайские подданные огузы и тюрки [в то время] восстали, тогда с ними соединились»⁴ и т. д. Таким образом, используя восстание эксплуатируемых, Моюн-Чур поддерживал их, выступал против тюркской знати, стремясь ликвидировать могущество бегов, непосредственно связанных с общиной, и противопоставить им централизованное государство. Нельзя не отметить одну любопытную деталь: устанавливая «наказания» на покоренные племена и народы, Моюн-Чур строит у себя дворец и «казначейство» (бүт),⁵ над покоренными же народами назначает, кроме ябгу и шада, управителя и таркана: «народу чиков я дал [тутука] князька, управителя, ишбаров и тарханов я тогда утвердил».⁶

Характерно, что в эпоху Моюн-Чура, т. е. в обществе уже классовых отношений, «мятежники» Китая не получают той поддержки от тюрок, которая оказывалась тюрками в определенную эпоху. Мы имеем в виду восстание, возглавляемое Ши-си-мы. В уйгурском, карабалгасунском памятнике (М III) мы читаем: «[Ши-си-минов сын прислал] сугубые подарки и сладкими словами просил войска, чтобы соединенными силами уничтожить Танскую династию, но Кэхань, разгневавшись на

¹ МЧ, текст памятника, строка 5.

² Там же, строка 10.

³ Там же, строка 8 южной стороны.

⁴ Там же, строка 8 восточной стороны.

⁵ Там же, строка 2 южной стороны.

⁶ Там же, строки 3—4 южной стороны.

его забвение милостей и воровское присвоение святых сосудов [т. е. императорского звания], сам предводительствуя [отборным и храбрым отрядом, наряду [ци-цэю] с царским [китайским] войском, прогнал его соединенными силами и возвратил столицу Ло[ян] и китайский Хуан-ди [в признание заслуг] сделал братским государством».¹

В Ган-му по поводу Шы-чао-и сказано, что его восстание продолжалось 7 лет и в продолжение 10 лет погибло 6 611 000 семейств.² Как сообщает китайская летопись, по всей стране «начались грабежи и смещения, округа и уезды опустошены; неоткуда получать огромных пособий на содержание».³ Указанное восстание во второй половине VIII в. было, повидимому, крестьянским движением. С предводителем этого восстания и не заключил союза уйгурский хан, наоборот, как это следует из вышеприведенной надписи, подтверждаемой данными китайских летописей, уйгуры выступили в качестве душителей восстания, а уйгурский каган помог китайскому императору укрепить престол. Этот союз объясняется, по-моему, тем положением, что окончательно складывается общество тюрков как общество феодальное, идущее в первую очередь на союз с феодалами Китая против крестьянских движений.

Таковы основные данные по социальным движениям в эпоху Моюн-Чура.

Уйгурская династия выросла непосредственно из тюркской.⁴ Отец Моюн-Чура был шадом, тюрков по происхождению, и он поднял восстание против тюрков же, сделав Моюн-Чура «тысяченачальником».⁵

В восстании против тюрков участвовали токуз-огузы, которых Моюн-Чур называет своим собственным народом: «я собрал и соединил мой собственный народ девять огузов. Мой отец Кюль-Бильга-каган... пошел с войсками, меня самого он послал вперед тысяченачальником к юго-востоку от Кэйре».⁶

Об уйгурах и народах, заселивших Селенгу, мы имеем интересное упоминание в тексте Могилян-хана: «народ тогуз-огузов оставил свою землю и воду и отправился к китайцам»,⁷ а в 37 строке того же текста, к сожалению, в начале испорченного, имеются слова: «я и разбил [их войско]. Отступившие отступили, стали [остались] народом, умирающие умерли. Спустившись вниз по Селенге, я обложил крепость, их дома я там разорил... Они поднялись в чернь. Уйгурский эльтебер основал эль приблизительно из ста людей [т. е. семей]... турецкий народ был голоден, тогда я забрал те табуны и поднял [его благосостояние]. Когда мне было тридцать четыре года, огузы бежали и ушли в к и т а й с к и е пределы».⁸

Нам кажется возможным сопоставить это указание с другим местом текста Моюн-Чура, где отмечается восстание собственного народа Моюн-Чура токуз-огузов и также с указанием на то, что «У ключа Кэйрэ

¹ В. Васильев. Китайские надписи..., стр. 22; прим. Цзун-ли-ямыня (там же, стр. 30). Ши-си-ми назван (Ши)-Чао-и.

² И. Бичурин, ук. соч., стр. 397—398.

³ Там же, стр. 395.

⁴ Мы не касаемся здесь специально истории уйгуров, в частности их происхождения, и отсылаем к известной работе В. В. Радлова «К вопросу об уйгурах» (прилож. к XXII тому ЗАН, СПб., 1894). Китайские известия об уйгурах. Ср. также: Ed. Snavaunes, op. cit., p. 37 sq.

⁵ МЧ, строки 4—6 северной стороны.

⁶ Там же, строки 5—6.

⁷ МЧ, II, 36.

⁸ Там же, 37—38.

и у рек Три Биркю я столкнулся с ханскими войсками».¹ Ханские войска были войсками тюркских ханов Могилян-хана и его преемников. Вряд ли в приведенном тексте из памятника Могилян-хана говорится о борьбе с Моюн-Чуром. Для нас важен приведенный текст потому, что он указывает, что борьба с уйгурами имела место еще до Озмыш-тегина и что уйгуры в такой же степени, как и тюрки, были связаны с племенем огузов. Эта связь говорит о том, что уйгурская династия, как плоть от плоти, кровь от крови, вырастала из предшествующей и была закономерным этапом в развитии тюркского общества.

Моюн-Чур заявляет, что после того, как он взял в плен Озмыш-хана, «династия тюрков с той поры и была уничтожена».² Общественные отношения же уничтожены не были, наоборот, появление уйгурской династии знаменуется ростом классовой борьбы, которую мы выше отмечали, и последняя способствовала изменению в государственном устройстве древнетюркского общества.

Характерным свидетельством о классовой борьбе, помимо вышеприведенных текстов, является такое указание текста: «Девять огузов... их беги пришли... стал врагом. Благородными бегами и черными рабами он овладел. К кыргызам он послал, мол, людей: вы выйдете [из союза, т. е. подниметесь к восстанию], принудьте и чиков к восстанию».³ Побужденный народ чиков стал управляться, как мы выше отмечали, уйгурскими чиновниками. Имела место борьба уйгур и с кыргызами, хан которых имел свою ставку «на краю Когменских гор».⁴ Кыргызы, как известно, оказались победителями уйгур в 840 г., и во времена Моюн-Чура они представляли, несомненно, большую силу. Характерно, что о победе над ними, кроме одного неясного упоминания, мы в тексте ничего не находим,⁵ в то время как «народ чиков» был покорен.

Приведенные нами факты указывают, таким образом, на некоторое изменение в социально-экономическом строе тюрков, изменение, которое выражено отчасти и в политике верховного владыки уйгур Моюн-Чура. Новое, что вносит уйгурская династия, это установление, наряду с использованием раба, феодальных повинностей, эксплуатация непосредственного производителя не через бега, связанного с общиной, а стремление непосредственно подчинить общину государству, что, однако, не давало желаемых результатов. Естественно, что возможной феодальной эксплуатация стала тогда, когда созрела окончательно эксплуатация внутри общины не только рабов, но и крепостных. Однако об этом законченном этапе феодализации мы можем говорить определенно лишь для XII—XIV вв. (в данном районе) на основании юридических документов.

Установление дани в том виде, в котором она выступает уже в эпоху Моюн-Чура (VIII в.) или в той форме, которая нам известна по «руническим» юридическим документам начала IX в.,⁶ является не чем иным, как прототипом хараджа арабов. Оставляя старый способ производства и довольствуясь данью, в дальнейшем, в результате классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми приходят к неизбежности

¹ МЧ, строка 7 северной стороны.

² Там же, строка 10.

³ Čik вообще значит «клич», čig значит «незрелый», «молодой» и т. д. (ср. МК, стр. 55). Известно племя čikil, отмеченное Махмудом Кашгарским как отвлечение огузов (ср. МК, строка 243). Вероятно, čik - il.

⁴ МЧ, строка 11 восточной стороны.

⁵ Ср. главу «Источники».

⁶ Я имею в виду документы, изданные V. Thomsen'ом. Ср. его статью: Dr. M. A. Stein's «Mss turkish „runic“ Script from Miran and Tun-Huang». JRAS, 1911.

к утверждению стройной системы феодальных отношений. Процесс этот не может быть завершен в короткий срок, и для тюркских обществ он протекал от эпохи Могилян-хана и Кюль-тегина, окончательно складываясь к X—XI вв., законченное же выражение его зафиксировано лишь в XII—XIV вв. н. э. Продолжительность этого процесса может быть объяснена многими причинами внешнего и внутреннего порядка, главной из которых является та, что хотя и существовали сильные феодальные тенденции в очень раннюю эпоху, но превращение в рабство было наиболее легкой формой экспроприации личности. Эта конкуренция рабовладельческого уклада и тормозила окончательное сложение феодальных отношений, оттянув завершение процесса, начавшегося в VI—VII вв., до XII—XIV вв. Только с X в. можно говорить окончательно о сложившихся феодальных отношениях. Такой памятник, как Кутадгу-Билиг (XI в.), является бесспорно памятником феодальной эпохи, особенно если сравнить разделы об отношении к земледельцам,¹ беднякам,² ремесленникам³ и т. д. Наличие барщинных отношений, по уйгурским документам, где выступает на первый план эксплуатация общины, самая примитивная форма эксплуатации, говорит также о том, что сложившиеся отношения были отношениями очень и очень раннего феодализма. Мы имеем в виду жалобы общины на увеличение повинностей,⁴ прошение о снятии отработок⁵ и т. д.⁶ Во всех этих документах, как мы отмечали, присутствует и рабство. Рабство здесь принимает огромные размеры, оно является «поставщиком» самых отсталых и грубых форм эксплуатации, источником барщины, отработок и т. д. Оно являлось той причиной, которая замедлила развитие феодальных отношений. Таким образом, рассматриваемый период является не чем иным, как переходным этапом, этапом становления феодального общества, совершенно аналогично тому, как В. И. Ленин считал, что феодализм в России был с XI по XIX в., отмечая, что окончательное сложение феодализма относится не к IX, а к XIII в.⁷

Общество орхоно-енисейских тюрок было началом сложения и роста феодальных отношений. Уйгурская династия — логическое продолжение тех отношений, которые в обществе орхонских тюрок впервые возникали.

¹ Кутадгу Билиг, стр. 375—376.

² Там же, стр. 381 и 382.

³ Там же, стр. 380—381.

⁴ W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. SS. 29—30. Док. 22.

⁵ Там же, стр. 16—18, док. 14; стр. 27—28, док. 21.

⁶ Там же, стр. 130—132, док. 77. См. нашу статью «Уйгурские юридические документы».

⁷ В. И. Ленин. Левонародничество и марксизм. Соч., т. XVI, изд. III.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДМ	— Атлас древней Монголии
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВООАО	— Восточное отделение археологического общества.
ВОРАО	— Восточное отделение Русского археологического общества.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ДАН	— Доклады Академии Наук (серии А и В).
ДВ	— Древности восточные.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЖС	— Живая старина.
ЗАН	— Записки Академии Наук.
ЗАО	— Записки Археологического общества.
ЗВО	— Записки Восточного отделения.
ЗЗСОРГО	— Записки Западно-сибирского отделения Русского географического общества.
ЗИФФСПБУ	— Записки Ист.-филол. факультета СПб. университета.
ЗИВАН	— Записки Института востоковедения Академии Наук.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСА	— Записки Отделений русской и славянской археологии.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИАН	— Известия Академии Наук.
ИАО	— Известия Археологического общества.
ИВСОРГО	— Известия Восточно-сибирского отделения Русского географического общества.
ИГАИМК	— Известия Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии.
ИООН	— Известия Отделения общественных наук.
ИРАО	— Известия Русского археологического общества.
ИРГО	— Известия Русского географического общества.
ИРКИСВА	— Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии.
ИСОРГО	— Известия Сибирского отделения Русского географического общества.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КИАИ	— Кавказский историко-археологический институт.
КС	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
МАР	— Материалы по археологии России.
МК	— Махмуд Кашгарский по изд. С. Brockelmann в Bibliotheca Orientalis Hungarica, I. Leipzig, 1928.
МЭ	— Материалы по этнографии.
ПЭМ	— Под знаменем марксизма.
Прб. ИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ.
Прб. ИМК	— Проблемы истории материальной культуры.
Р.-ад.-Д.	— Рашид-ад-Дин в перев. Березина, ТВО, т. V.
Сборн. Н. Я. Марру	— Николаю Яковлевичу Марру Гос. Академия истории материальной культуры.
Сборн. С. Ф. Ольденбургу	— Пятьдесят лет научной и общественной деятельности С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934.
Сборн. Ф. Энгельсу	— Пятьдесят лет книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».
СБОТОЭ	— Сборник трудов Орхонской экспедиции.

- СВ — Сибирский вестник.
 Сообщения ГАИМК — Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.
 ТВО — Труды Восточного отделения.
 ТГИМ — Труды Гос. исторического музея.
 ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии.
 ТОВ — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа.
 ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.
 ТИПИИ — Труды Института по изучению народов СССР Академии Наук.
 ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Росс. ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
 ТТКОПОРГО — Труды Троицко-Савского Кытинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества.
 ТТС ЛИЖВЯ — Труды Туркологического семинария Ленинградского института живых восточных языков.

- AKAW zu Berlin — Abhandlungen Kaiserl. Akademie d. Wissenschaften zu Berlin.
 ATIM — W. Radloff, Die Altürkischen Inschriften in der Mongolei.
 BAPSL — Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et de Lettres.
 BOH — Bibliotheca Orientalis Hungarica.
 BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies.
 FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen.
 GGA — Göttingenische Gelehrte Anzeigen.
 Id'I — Inscriptions de l'Iénisséi.
 Idel'Orkh. — Inscriptions de l'Orkhon.
 JA — Journal Asiatique.
 JABBRAS N. S. — Journal Asiatique. Beng. branch Royal Asiatic Society. New Series.
 JRAS — Journal of Royal Asiatic Society.
 JSFO — Journal de la Société Finno-Ougrienne.
 MSFO — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.
 RA — Revue Archéologique.
 RO — Rocznik Orientalistyczny.
 TESFO — Travaux Ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne.
 TP — T'oung Pao.
 SPAW — Sitzungsberichte d. K. Preussischen Akademie d. Wissenschaft.
 SFO — Société Finno-Ougrienne.
 UJ — Ungarische Jahrbücher.
 ZDMG — Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
 ZfE — Zeitschrift für Ethnologie.
 ZfTFuVG KCsA — Zeitschrift für Türkische Philologie und Verwandte Gebiete Körösi Csoma Archivum.
 WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
 WZMG — Wiener Zeitschrift d. Morgenländischen Gesellschaft.

ШИФРЫ ТЕКСТОВ

Рунические тексты

- МЧ — на памятнике Моюн-Чура
 КТ — » » Кюль-Тегина
 МХ — » » Могилян-хана
 Т — » » Тоньюкука
 ГХ — » » Гудулу-хана
 КЧ — » » Кули-Чура

Китайские тексты

- MI — На памятнике Кюль-Тегина
MII — » » Могилян-хана
MIPI — » » Уйгурском

Мелкие рунические тексты упоминаются в работе под их названиями (например: Элегеш, Уюк Туран и т. д.), как они даны у W. Radloff'a (ATIM III). Римские цифры у шифра или названия текста обозначают его подраздел, арабские — строчку текста.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ АВТОРОВ

- Абель Ремюза (Abel Rémusat) 13, 14
 Адрианов А. В. 16, 20, 21, 70
 Адрианов А. А. 20, 21
 Альфöldи А. (Alföldi A.) 164
 Андреас Ф. (Andreas F.) 20, 54
 Андреев В. 11
 Аристов Н. 14, 25, 81, 149
 Артамонов М. 75, 186, 189
 Appelгренн Х. (Appelgrenn H.) 15, 76
 Аспелин Ж. (Aspelin J.) 15, 17, 20, 22
- Байер Ф. (Bayer Th.) 13, 15
 Банг В. (Bang W.) 19, 26, 33, 34, 35, 92, 107
 Бартольд В. (Barthold W.) 19, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 35, 36, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 53, 58, 61, 62, 63, 68, 73, 99, 100, 107, 124, 139, 148, 166, 169, 179, 189
 Березин И. Н. 98
 Бернштам А. 3, 22, 84, 115, 138, 163, 181, 185, 186
 Биандет Г. (Biandet G.) 15
 Бичурин Иакинф 3, 23, 51, 67, 68, 75, 81, 88, 96, 97, 126, 152, 157, 167, 168, 169, 170, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 179, 180, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 191
 Блоше Е. (Blochet E.) 19
 Боголюбский И. 16
 Брокельман К. (Brockelmann C.) 154
- Вайль (Wyllie) 172
 Валиханов Ч. 64
 Вамбери Х. (Vambery H.) 14, 19, 24
 Васильев В. 19, 55, 56, 72, 81, 107, 123, 170, 191
 Веселовский Н. 11, 18, 73
 Видзен Н. (Widzen N.) 11
 Владимирцов Б. 5, 40, 103, 104, 115, 123, 125, 126, 127
 Востоков 14
- Габелентц Г. (Gabelentz G.) 19, 55
 Гейкель Х. (Heikel H.) 12, 18, 20, 30, 55, 70, 90
 Гербело (Herbelot) 172, 175
 Герен 14
 Глухов А. 70, 75
 Гольмстен В. 76
 Гранэ Ж. (Granø J.) 20, 21, 75
 Григорьев В. 24, 63
 Гримм 14
 Гродеков Н. 95, 96, 117
 Грот (De Groot J. J.) 88, 97
 Груссе Г. (Grousset H.) 182, 183
 Грюнведель А. (Grünwedel A.) 20, 53
 Грязнов М. 11, 74
- Девериа Г. (Deveria G.) 17, 18, 19, 55
 Дестунис Г. 61
 Дестунис С. 61
 Дегинь И. (De-Guignes J.) 23, 57, 61
 Доннер К. (Donner K.) 18, 21
 Друэн Э. (Droin E.) 138
- Евтюхова Л. 69, 149
- Жуковский В. 63
 Жюльен С. (Julien St.) 3, 57, 113, 114, 172, 173, 174, 175, 176, 178, 182, 183, 184, 188
- Захаров А. 69, 119
 Зобнин Ф. 124
- Ильминский Н. 91, 93
 Иностранцев К. 23, 25, 64
- Каллаур В. 12, 90
 Кастрен М. (Castrén M.) 14, 15, 16
 Катанов Н. 64
 Каутский К. 144
 Казн Л. (Cahun L.) 19, 25, 26
 Киселев С. 5, 11, 22, 65, 149, 150, 151
 Клапрот Ж. (Klaproth J.) 14, 15, 16, 57, 61, 62, 79
 Клейн В. 69
 Клеменц Д. 19, 20, 68, 71, 119
 Клеменц Е. 40
 Ковальский Т. (Kowalski T.) 62
 Козлов Н. 76
 Козьмин Н. 5, 22, 34, 41, 68, 107, 129
 Кондаков Н. 72, 76
 Копрюлю-Задэ 29, 86
 Кордьё Г. (Cordier H.) 81
 Корш Ф. 19, 33
 Костров 14
 Котвич В. (Kotwicz W.) 20, 46, 47, 73, 120
 Коттон (Kotton) 39
 Кох Э. 17, 55
 Крафт Н. 124
 Круг Ф. (Krug Ph.) 13
 Ксенофонов Г. 22
 Кунов 144
- Лекок А. (Le Qoq A.) 20, 53, 54
 Лемезов М. (Lemesof M.) 17, 55
 Ленин В. 28, 103, 107, 193
- Майя (Mailla) 172
 Малеин А. 89
 Малов С. 6, 21, 47, 52, 64, 90, 121, 12
 123, 150, 162

- Маркварт И. (Marquart J.) 19, 31, 36, 39;
44, 62, 63, 107, 166, 172, 175
Маркс К. 5, 110, 120, 127
Март Н. 14, 75, 89, 100, 125, 141, 161
Массон М. 12, 21
Мелиоранский П. 19, 20, 31, 35, 38, 46, 47,
48, 82, 89, 90, 92, 99, 100, 101, 103, 105,
107, 112, 113, 114, 118, 130, 131, 156,
157, 178
Мессершмидт Д. (Messerschmidt D.) 12
Мещанинов И. 14, 76
Морган Л. 100
- Неджиб Асим 19, 29, 37
Нельдеке Т. (Nöldeke Th.) 62
Немет Ж. (Nemeth J.) 21
- Ольденбург С. 5, 20, 53, 123
Орхун Хуссейн Намик 29
- Паллас (Pallas) 13, 15, 16
Пантусов К. 116
Паркер Э. (Parker E.) 19, 55, 57, 172
Пекарский Э. 33
Пеллио П. (Pelliot P.) 21, 60, 64, 161
Попов Н. 15, 19
Попов П. 16, 55
Пославский И. 14
Потапов Л. 5
- Радлов В. (Radloff W.) 11, 18, 19, 20, 24,
25, 27, 28, 30, 31, 33, 38, 39, 40, 42,
43, 44, 45, 46, 51, 53, 54, 55, 60, 64, 69,
71, 74, 80, 90, 91, 92, 100, 101, 102, 103,
106, 107, 111, 112, 119, 121, 122, 123,
130, 131, 149, 152, 155, 156, 158, 161,
162, 168, 169, 191, 193
Рамстедт К. (Ramstedt C.) 20, 50, 51, 52,
89, 91, 149, 167, 189
Резенен М. (Räsänen M.) 21
Ремезов С. 11
Риза Нур (Riza Nour) 29
Розен В. 18
Роммель 14, 15
Руденко С. 70
- Савенков И. 11, 16
Савицкий П. — Сен Мартин (Saint-Martin)
62
Соколов Д. 14
Сосновский Г. 72, 75, 120, 151
Спасский Г. 13, 14, 15, 16
- Спицын А. 76
Сталин И. В. 140
Страленберг Ф. (Stralenberg F.) 12, 15, 16
- Тальгрэн А. (Talgreenn A. A.) 15, 22, 70
Талько Гринцевич Ю. 70
Теплоухов С. 65, 66, 68, 69, 151
Тихзен (Tychsen) 13, 15
Токарев С. 5
Толль Н. 4
Толстов С. 10, 22, 84, 90, 115, 125, 128,
145, 175
Толстой И. 72, 76
Томсен В. (Thomsen V.) 18, 19, 20, 21, 27,
30, 35, 36, 39, 41, 43, 44, 45, 47, 50, 54,
55, 61, 68, 81, 89, 90, 98, 101, 102, 103,
104, 106, 107, 120, 131, 192
Туманский А. 64
- Филоненко 125
Франке О. (Franke O.) 60
Фрезер М. (Fräser M.) 17, 75
- Хансен О. (Olaf Hansen) 57
Ханим Афет 85
Хвольсон Д. 63
Хенинг В. (Henning W.) 45
Хеннинг Р. (Henning R.) 62
Хирт Ф. (Hirth F.) 19, 28, 34, 36, 40, 41,
58, 59, 60, 106, 139, 172, 179
- Чапличка М. (Czaplicka M.) 28, 29
- Шаванн Э. (Chavannes Ed.) 19, 28, 58, 59,
62, 80, 112, 130, 172, 185, 186, 188, 189,
191
Шедер Х. (Schäder H.) 21, 26
Ширатори К. (Shiratori K.) 42, 58
Шифнер А. (Schifner A.) 14
Шлегель Г. (Schlegel, G.) 17, 19, 21, 28, 51,
55, 56
Шнейдер Е. 74
Шотт В. (Schott W.) 152
Штейн А. (Stein A.) 20, 53, 54
- Энгельс Ф. 4, 5, 8, 65, 66, 67, 78, 87, 100,
110, 120, 136, 140, 143, 144, 146, 147, 158
- Ядринцев Н. (Jadrintseff N.) 16, 17, 20, 30,
55, 68, 71
Ястремский С. 33

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИМЕН

- Абу Долеф 63
 Абуль Гази 64, 126, 129
 Абру Хафиз 63
 Абруй 175
 Айкаган 163
 Анагист 61
 Анахуань 130, 173
 Ань Лушань 50
 Апа Таркан 135, 174
 Асаса 62
 Асир 63
 Аттила 63
 Ашина 59, 130
 Ашина Синь 188
 Ашина Ченцин 51
- Баймей Хулунфу 184
 Барс Бег 118, 134, 157, 164, 167
 Бачан 122
 Баши Муннеджим 63
 Бигя Гудулу 184
 Бильге хан (см. Могилан хан)
 Бируни 62
 Бисмарк 28
 Бонапарт 26
 Бёгү каган 31, 44, 180
 Бойля Бага Таркан 52
 Бойля Кутлуг Ярган 170
 Буга хан Дату 174, 176, 178
 Бумын каган 39, 172
 Бэдрун 122
- Валентин 61
 Выньди 175
 Вэйцин 8
- Ганьяньшоу 9
 Гаоди 97
 Гаоцзун 167
 Гаошан 51
 Гардизи 123, 124
 Гудулу каган 31, 37, 39, 40, 132, 134, 136, 139, 149, 169, 172, 179, 180
 Гюйлу Мохэ 169
- Далобянь 175, 185, 186
 Дату хан 175, 176, 185
 Джувейни 63
 Дизабул (Синджибу) 61, 62
 Дилэча 175
 Дубжани 62
 Дуланьхан Юноялюй 174, 176
 Дулу хан 187, 188
- Иби Дулу хан Юйге ше 187
 Иби Шегуй хан 187
 Ижань 184
 Икюйлиши иби хан 187
 Ильбильга Катун 31, 37, 38, 100
 Ильтерес каган (см. Гудулу каган)
 Или Гюйлу ше мохэ Шиболохан 175
 Иминишу Сылибы хан Сымо 178
 Ине Дагань 188
 Инель каган 43
 Иордан 61
 Исиги каган 174
 Истеми каган (Шыдэми) 106, 174, 178
 Иштарь 163
- Йиген чур 47
 Йоллыг тегин 34, 35, 37, 108, 144
- Кадыр 123
 Калымту 122
 Капаган каган (см. Мочжо)
 Карабай 116
 Карахан 149
 Карпини Плано 63, 88, 94, 95
 Кигинь 175, 185
 Кингсун Аяк 122
 Кижинь 174, 177
 Козу Копреш 116, 117
 Куг Сенгун 73
 Кудар Кул 117
 Кули Чур 20, 30, 32, 46, 47, 49, 108, 109, 114, 121, 132, 139, 143, 184
 Куни Тириг 74, 115, 117, 156
 Куны Сенгун 42
 Кутлуг 122
 Кутлуг Темюр 123
 Кучу (сын Лиу Тайпу) 122
 Кушу Тутук 114
 Кюль Бильга каган (Хан Пэйло-Гудулу Бигя Хуайчжень хан) 51, 189
 Кюль Тегин 18, 19, 30, 31, 32, 33, 36, 37, 38, 41, 45, 46, 47, 48, 49, 55, 56, 68, 81, 84, 88, 92, 97, 98, 106, 107, 108, 109, 112, 114, 117, 121, 125, 128, 130, 132, 136, 137, 138, 143, 156, 157, 161, 163, 164, 177, 178, 181, 182, 183, 190, 193
- Кюль Тутук 167
 Кюлюг Тутук 74, 117, 156
 Ли гуан ли 8
 Ли Лян 8
 Лю ву чжеу 178
 Лю цзин 96

- Мадаини 63
 Маниах 61
 Менандр 61, 62
 Модэ 8, 96
 Могилан хан 30, 31, 32, 33, 36, 37, 38, 41, 45, 46, 49, 55, 56, 68, 81, 105, 108, 109, 112, 117, 128, 130, 134, 135, 143, 157, 177, 181, 182, 183, 184, 190, 192, 193,
 Мохеду (Кюйля Сыби хан) 187
 Мочжо 31, 32, 34, 39, 40, 58, 112, 137, 142, 166, 180, 182, 183
 Моюн Чур (Карлыг каган-Мояньчжо) 20, 50, 51, 57, 117, 134, 184, 189, 190, 191, 192
 Моэжун 123
 Мюберк-Ходжа 123

 Наполеон 26
 Надим 62, 63
 Нинго 51
 Нишу мохэ ше хан 187
 Нишу чжо 187

 Огуз каган 163
 Озмыш хан (Усумиши) 51, 184

 Павел Киликийский 61
 Петр Алексеевич 12
 Пицзе Тунге Гинь 168
 Поло Марко 63, 88
 Принцесса Орлеанская 28
 Прокотий Кесарийский 61

 Рашид-ад-Дин 53, 123, 157
 Рубрук 88, 89, 95

 Сабык Басар 110,
 Сары Бай 116
 Сегуден миши Хойюйлу (Моюй кэхань) 50
 Согэ 188
 Сулу 188
 Сюань Цзун 34, 167

 Табари 62
 Тай Бильга Тутук 51, 189, 190
 Тарду 61
 Тардуш Ынанчу 166
 Тиверий Кесарь 61
 Тимур 99
 Тобохан 174, 175, 178, 185
 Тонгра Сем 42
 Тоньюкук (Ашидэ Юаньчжэнь) 19, 27, 30, 31, 32, 34, 35, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 49, 58, 105, 108, 109, 112, 136, 137, 139, 143, 162, 163, 166, 179, 180, 183, 184

 Тохтамыш 123
 Тули хан 178
 Тумынь (Бумын каган, Ямы каган) 62, 82, 83, 107, 130, 172, 174
 Тунью 187
 Туншеху 186
 Турксанф 61
 Туроч Иоанн 58
 Тутун Камбукту 123

 Умай 99, 105, 163

 Феофан Византиец 61
 Феофилакт 62
 Фердоуси 4
 Фунян 179

 Хайду хан 122,
 Хели хан 177, 178
 Хоцуй бяи 8
 Хуханье 8
 Хэлу (Шаболо) 187

 Чеби хан 178
 Чжичжи 7, 8, 9,
 Чингис хан 38, 123, 129
 Чуло хан 177, 186
 Чуло хэу 174, 186
 Чэнь Тан 9

 Шаболли хан Нету 174, 175, 176, 178, 185, 186
 Шябокой Ачжань 167
 Шиби хан 176, 177
 Шили дэлэ 187
 Шихуанди 7
 Шичао (Шысымин) 190, 191

 Эр Токмыш 123
 Эфтихий 61

 Юйхэнцзе 175
 Юстин 61

 Ягин алп Туран 74
 Яглакар хан 52
 Якуб 62
 Ямы каган (см. Тумынькаган)
 Янь дн 186
 Яньло 175, 185
 Янь чжуан 51

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ

Авары 61	остяки 148
аз 47	
аланы 61	парпурым 81, 165
апар-апурым (см. парпурым)	персы 61
арабы (даши) 45, 48, 168, 171, 192	печенеги 5
	половцы 5
байырку 59	
басмал 82, 134	самоеды 148
	сары уйсунь 81
вандалы 61	сахайт 81
вархониты 61	скифы 61
	согдийцы 37, 48, 61, 80
гаогюй 84	сяньбийцы 8, 9, 81
готы 16, 61	
греки 17	таджики 45
гунны 5, 7, 8, 55, 61, 73, 77, 81, 96, 97	тангуты 38, 80
гуроны 94	тардуши 32, 34, 46, 49, 59, 80, 82, 143, 187
	татабийцы 38, 48, 80, 81
джалаиры 123	татары 38, 80
динлины 8	тибетцы 80
дулу 43, 130	токуз-огузы 59, 84, 127, 128, 135
дунху 173	толесы (теле) 80, 82, 135, 167, 173, 186, 187
	тонгра 82
жужане 5, 9, 82, 107, 130, 173	тохары 45
жуны 88	тунгусы 23
	туркмены 128
индоскифы 60	тюргеши (туциши) 37, 38, 43, 80, 82, 143
индусы 152	тюрки десятистрельные 43, 44
казахи 128	
канцзюй 9	уйгуры 9, 24, 47, 52, 53, 57, 61, 80, 82, 127, 169, 170, 171, 191, 192
каракиргизы 95	усунь 8, 13, 42, 60, 80, 81
карлуки 38, 47, 48, 59, 60, 82, 132, 168, 188	уч-курыкан 81, 165
кидане 41, 42, 43, 45, 48, 80, 81	уч-огуз 59, 84
китайцы 38, 41, 42, 45, 46, 80, 81, 108, 120, 130, 137, 138	
курданы 42	финны 16, 23
кушуйские карабаши 109	
кумохи 81	хакас 15
кыркызы 37, 38, 43, 52, 73, 80, 82, 137, 143, 192	хуву 188
кытай (см. кидане)	
монголы 5, 15, 23	чик 38, 82
нушиби 43, 130	шорцы 99
	шунйиши 188
огуз татары 81	
огузы 37, 38, 41, 42, 43, 45, 57, 64, 80, 82, 84, 97, 135, 143, 158, 161	эфталиты 61
	юечжи 60
	якуты 82

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абакан 13, 16
 Азская земля 43
 Ак Термель 43
 Ак Юсе 73
 Алатау 116
 Александровский хребет 11
 Алтай 9, 15, 16, 82, 129, 130
 Алтунская чернь 43, 83
 Алтын куль (Алтун коль) 16, 68, 98, 151, 160, 163, 168
 Аму-дарья 45
 Асхете 31
 Аулие-Атинский уезд 20, 90
 Афганистан 187
 Ачура 67, 151
- Байкал 165
 Байсун тау 44
 Байшунху 187
 Барлык 156, 160
 Барнаул 76
 Бегре 68, 93, 98, 105, 108, 149, 151, 152, 153, 162, 164, 167
 Бешбалык 45, 46, 47, 49, 109, 114, 127, 132
 Бея 12
 Боклийская степь 81
 Болчу 43
 Ботнический залив 22—23
 Бузгала 107
- Венгрия 79
 Верхотурье 11
 Византия 61, 62, 79
 Восточный Туркестан 8, 9, 20, 54, 79, 121, 124, 186
 Вятская губерния 20
- Гастинге 65
 Греция 144
- Джунгария 130
 Динсян 59
 Дмитриевка 11, 12, 20
 Дунхуан 54
- Евразия 4
 Енисей 4, 11, 12, 16, 49, 79, 86, 149
 Ерба 12
- Железные ворота (см. Темир Капыг) 48
 Жемчужная река (Йенчу) 44
- Забайкалье 79, 80
- Идикутшарн 53
 Или 43
 Ильмовая Падь 70
 Иньшань 41
 Иран 4
 Иртыш 44, 149
 Иссык-куль 81, 126, 186
 Иссыгаты 126
 Исфиджаб 80
 Итем 16
 Ихе Алык 70
 Ихе Асхете 49, 68, 109
 Ихе Ханыннор 49, 109
 Ихе Хушоту 20, 31, 46
- Йенчу, см. Жемчужная река
 Кадыркан 107
 Камышты 13
 Карабалгасун 50, 51, 55
 Каракарум 17
 Каракум 41
 Кара сенгир 153
 Кара Юсе 110
 Катанда 69, 71, 72
 Кашгар 187
 Кемчик-кая-башн 98, 105, 114, 153, 157
 Кешдим 154
 Киргизская ССР 11, 126
 Китай 7, 8, 9, 10, 40, 48, 55, 59, 60, 79, 82, 86, 106, 120, 130, 139, 149, 167, 169, 171, 185, 186, 187, 189
 Көгмен 49, 137, 165, 167, 192
 Кокшин Орхон 17
 Константинополь 61
 Кошо Цайдам 18, 19, 20, 30, 46, 55, 76, 77
 Крым 125
 Кударге 70, 71, 72
 Куча 187
 Кэрулэн 60, 80
- Мавераннахр 36, 63
 Магы Курган 97
 Майдашка 16
 Малобарское побережье 94
 Мерв 48
 Минусинский край 11, 14, 16, 20, 21, 74, 76, 79, 151
 Монголия 17, 18, 21, 23, 30, 46, 69, 70, 76, 82, 83, 129, 170
- Найнтэсумы 70
 Нинья 12
 Ноин Ула 67, 72, 76

- Одесса 15
 Означенная 13, 16, 167
 Ойротия 5
 Онгин 31, 80
 Онгит 31
 Орхон 4, 12, 14, 17, 18, 19, 21, 77, 79, 80, 86
 Оя 119, 160
- Персия 61, 139, 186, 187, 189
 Петербург 17
 Польша 21
 Прибалтика 15
 Причерноморье 9
- Рим 140, 141, 144
- Самарканд 48, 49
 Сарых 21
 Саяны 16, 21, 165, 167, 169
 Селенга 12, 20, 80, 191
 Семипалатинск 76
 Семиречье 80, 81, 185, 188
 Сибирь 11, 12, 13, 14, 15, 16, 20, 76, 80, 129, 143, 149
 Согдиана 45, 48, 185
 Средняя Азия 5, 6, 12, 23, 60, 61, 120, 128, 139, 185
 Суджа 20, 50, 52, 53
 Сыда 21
 Сыр-дарья 48
- Талас 8, 11, 12, 21, 47, 90, 162
 Танноула 149
 Тараз 80
 Тарбагатай 43
 Ташкент 185
 Темир Капыг 107
 Тепсей 21
 Тесь 12, 16
 Тибет 149, 168, 169, 171, 188
 Тоеко 53
 Токмак 126
 Тола 17, 21, 40, 42, 60, 69, 71, 79, 80, 174
 Три Биркю 192
 Туба 13, 16, 21, 153
 Туран 4
 Турфан 53, 121
 Туфань (Тибет) 168, 171
 Тяньшань 79
- Уй 16
 Уйбат 12, 13, 21, 110, 114, 142, 168, 169
 Уйгур 21
 Уланхат 31
- Улукем (Улукем Кули Кем) 96, 98, 110, 115, 116, 151, 156
 Урал 15
 Урга 46, 76
 Урумчи 53
 Утукен (Утукенская чернь, ütükän jyš) 42, 101, 127, 130, 141
 Уюк Тарлак 98, 109, 112
 Уюк Туран 67, 92, 93, 94, 98, 110, 111, 115, 150, 155, 160, 161
- Финляндия 15
 Фрунзе 126
- Хакас 167, 168
 Хангай 41, 149
 Хангэн Даба 21
 Ханын 31
 Хара Балгасун 17, 19
 Хинган 107
 Ходжо 53
 Хойнту 31
 Хойто Темир 47, 49, 108, 109, 122
 Хотан 187
 Хуа Кем 43
- Цайдам 17
 Центральная Азия 4, 7, 9, 10, 61
 Цунлин 187
- Чакул 110, 153, 157, 159, 163, 164, 168
 Чжуцзюйбо 187
 Чугай Куз 41
 Чунга 165
- Шамо 129
 Шандун 42
 Шаньси 79
 Шахрисабз 99
 Швеция 11
 Шинеусу 50
 Шория 5
 Шушенское 14, 16
- Элегеш 68, 94, 98, 150, 152, 153
- Юдино 16
 Юнчжун 59
- Яньчканское наместничество 169
 Ярышская степь 43

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Стр. 3
Часть первая	
Глава I. Место древнетюркского общества в историческом процессе Центральной Азии.	7
Глава II. История вопроса.	
1. Начало изучения рунических текстов в XVII—XVIII вв.	11
2. XIX в. Накопление материала до дешифровки рун.	13
3. Поездка Н. Ядринцева. Финляндская и русская экспедиции.	17
4. Дешифровка рун. Издание источников и их изучение.	18
5. Буржуазные исторические концепции о древнетюркском обществе	22
Глава III. Источники.	
1. Письменные источники. Общие замечания.	30
2. Памятники Кюль-тегину и Могилян-хану.	33
3. Онгинский памятник или памятник Гудулу-хану.	38
4. Текст Тоньюкука.	40
5. Текст Кули-Чура.	46
6. Мелкие надписи в Монголии и южной Сибири.	49
7. Уйгурские рунические тексты (Селенгинский и из Суджи)	50
8. Рунические тексты уйгурской эпохи	53
9. Китайские тексты тюркских надгробий.	55
10. Китайские исторические известия о древних тюрках.	57
11. Византийские известия.	61
12. Арабские, персидские и другие источники	62
13. Вещественные источники. От гуннов до тюрков по археологическому материалу.	64
Часть вторая	
Глава IV. Происхождение орхоно-енисейских тюрков	
1. Территория	79
2. Племенной состав.	80
3. Происхождение орхоно-енисейских тюрков.	82
Глава V. Родовой строй.	
1. Постановка вопроса.	87
2. Система родства.	88
3. Патриархальная семья.	93
4. Род и племенные организации.	98
Глава VI. Классы и классовая борьба.	
1. Каганат, беги, община.	106
2. Непосредственный производитель. Формы эксплуатации.	115
3. Формы классовой борьбы.	130
4. Генезис тюркского государства.	136
5. Итоги.	145
Глава VII. Кыркызы VII—IX вв.	
1. Общие данные.	148
2. Экономика кыркызов.	150

3. Социальный строй.	154
4. Идеология.	162
5. Кыркызы в системе государства орхонских тюрков и уйгуров.	165
Глава VIII. Тюркская и уйгурская династии.	
1. История восточных тюрков.	172
2. Западный каганат.	184
3. Уйгурская династия и гибель восточного дома.	189
Список сокращений.	194
Шифры текстов	195
Указатели:	
1. Указатель цитируемых авторов	196
2. Указатель исторических имен	198
3. Указатель племенных названий	200
4. Указатель географических названий	201

TABLE DES MATIÈRES

Page
3

Préface	3
-------------------	---

Première Partie

Chapitre I. Place revenant à la société turque ancienne dans le processus historique qui s'accomplissait en Asie Centrale	7
Chapitre II. Histoire du problème	
1. Débuts de l'étude des textes runiques aux XVII ^e et XVIII ^e ss.	11
2. XIX ^e s. Accumulation de matériaux avant le déchiffrement des runes	13
3. Voyage de N. Yadrintsev. Expéditions finlandaise et russe	17
4. Déchiffrement des runes. Publication des sources et leur étude	18
5. Conceptions historiques bourgeoises de la société turque ancienne	22
Chapitre III. Les sources	
1. Sources écrites. Observations générales	30
2. Monuments à Kül-Tegin et à Mekilien-Quayan	33
3. Monument d'Onghin ou monument à Gudulu-Quayan	38
4. Texte de Tonjuqu	40
5. Texte de Kuli-Çur	46
6. Menues inscriptions de Mongolie et de Sibérie méridionale	49
7. Textes runiques ouïgoures (de la Sélenga et de Soudja)	50
8. Textes runiques de l'époque ouïgoure	53
9. Textes chinois d'épithaphes turques	55
10. Renseignements historiques chinois sur les turcs anciens	57
11. Renseignements byzantins	61
12. Sources arabes, persanes et autres	62
13. Sources matérielles. Depuis les Huns jusqu'aux Turcs d'après les matériaux archéologiques	64

Seconde Partie

Chapitre IV. Origines des Turcs orkhono-ïenisséiens	
1. Territoire	79
2. Composition tribale	80
3. Origines des Turcs orkhono-ïenisséiens	82
Chapitre V. Régime de clan	
1. Position du problème	87
2. Système de parenté	88
3. La famille patriarcale	93
4. Le clan et les organisations tribales	98

Chapitre VI. Classes et lutte des classes

1. Le qayanat, les bags, la commune	106
2. Le producteur immédiat. Les formes d'exploitation	115
3. Les formes de la lutte des classes	130
4. La genèse de l'état turc	136
5. Bilan	145

Chapitre VII. Les Kyrkyzes des VIIe — IXe ss.

1. Données générales	148
2. Le régime économique des Kyrkyzes	150
3. Le régime social	154
4. L'idéologie	162
5. Les Kyrkyzes dans le système de l'état des Turcs orkhoniens et des Ouigoures.	165

Chapitre VIII. Dynasties turque et ouigoure

1. Histoire de la «maison orientale» des Turcs	172
2. Le qayanat occidental	184
3. La dynastie ouigoure et la déchéance de la maison orientale	189

Liste des abréviations	194
---	------------

Chiffres des textes	195
--------------------------------------	------------

Index

1. Auteurs cités	196
2. Noms historiques	198
3. Noms ethniques	200
4. Noms géographiques	201

**А. БЕРНШТАМ — СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМЕ-
ЧЕСКИЙ СТРОЙ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ
ТЮРОК VI—VIII ВЕКОВ**

*

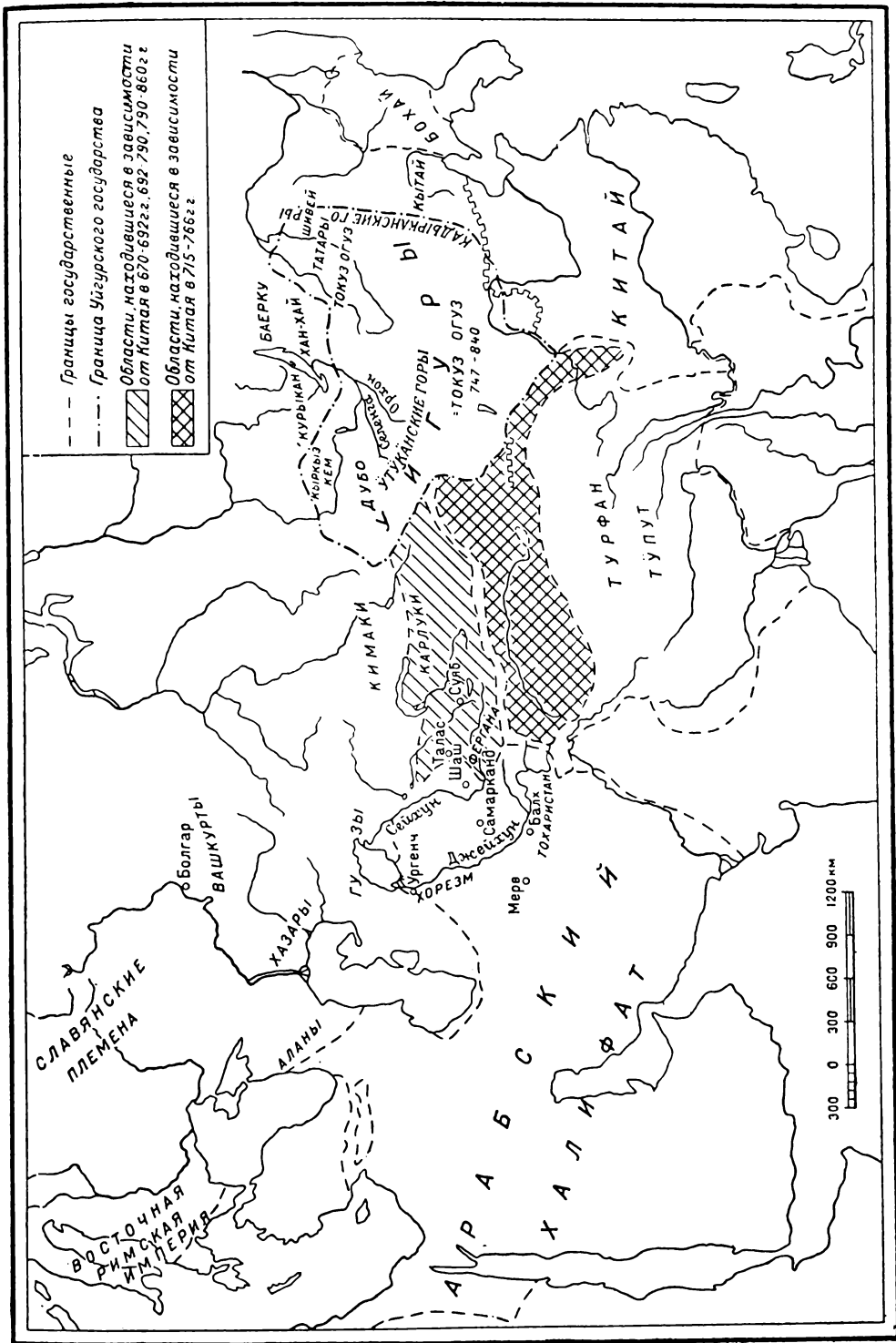
*Печатается по постановлению редакционно-
издательского Совета Академии Наук СССР*

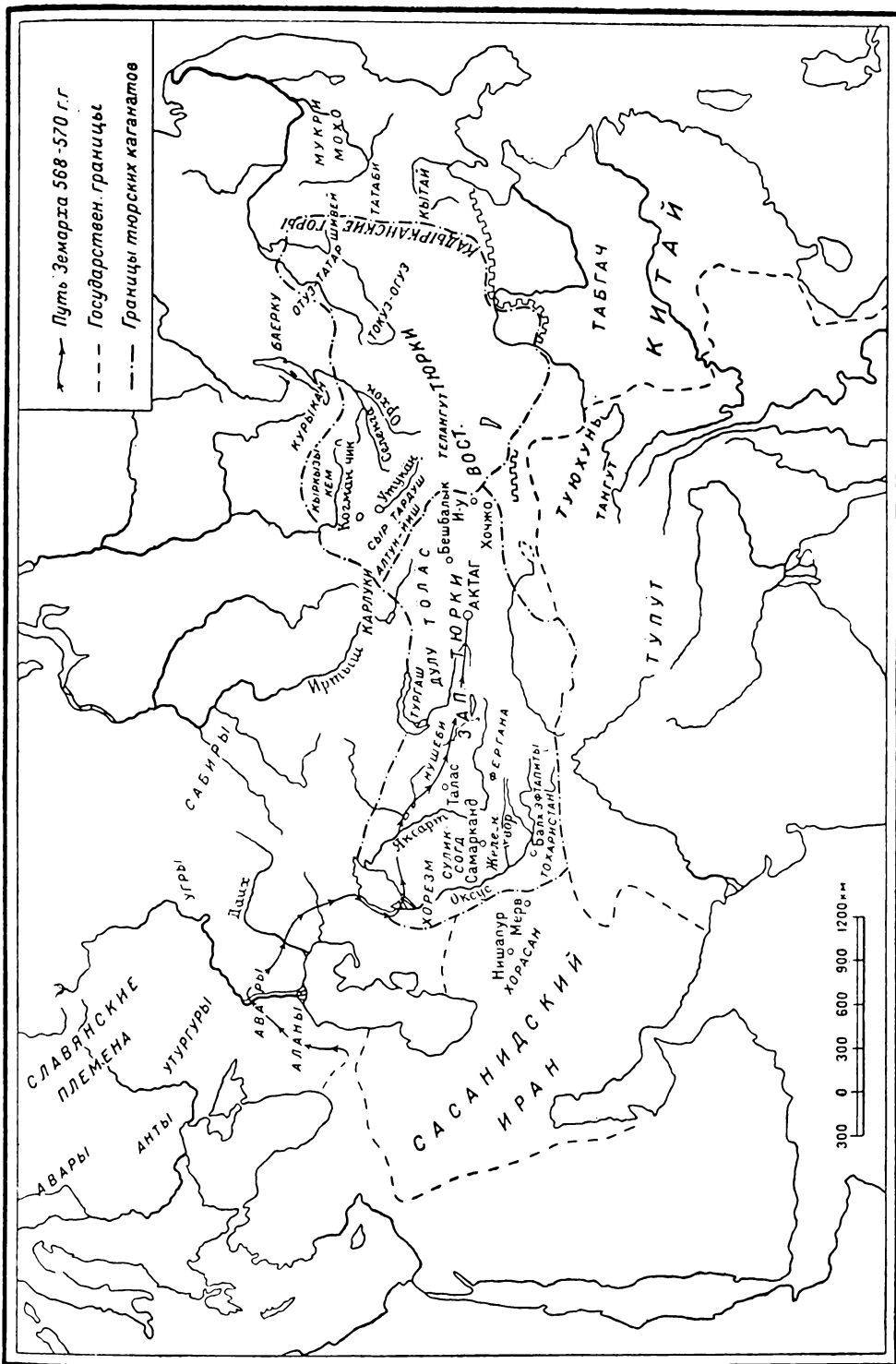
*

Подписано к печати 2/IV 1946.
Печ. л. 13 + 2 вклейки. Учет.-издат. л. 18¹/₂.
Тираж 2000. А 22451. Заказ 1164.

*

1-я типография Издательства Академии Наук
СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ЦЕНА 19 РУБ.